Дуррути в Испанской революции

Том 2: Часть 3, Часть 4

Пас Абель

"САМООПРЕДЕЛЕНИЕ"

ДУРРУТИ В ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Том 2 (части 3-4)

Пас Абель

предисловие Хосе Луиса Гутьерреса Молины

перевод с испанского Елены Макаревич

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»
Э-КНИГА
МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

ББК 63.3(0)61
УДК 93 Подготовка текста, оформление, дизайн обложки:
издательская группа «Самоопределение».

https://www.samoopredelenie.info

https://www.facebook.com/samoopredelenie

https://t.me/samoopredelenie_iz

Абель, Пас. Дуррути в Испанской революции. Том 2: Часть 3, Часть 4. Перевод - Е.Макаревич. М.,СПб.:Самоопределение, 2021. — 368 стр.

Буэнавентура Дуррути(1896-1936) - одна из ключевых фигур Испанской революции 1936 года, а Испания - единственная страна Европы, в которой анархистам удалось создать влиятельную массовую организацию общенационального масштаба. Федерация Анархистов Иберии(ФАИ, FAI), действовавшая в «сцепке» с профсоюзом Национальная Конфедерация Труда(НКТ, CNT) пользовалась огромной поддержкой эксплуатируемых классов и имела серьезное политическое влияние на ситуацию в стране. Буэнавентура Дуррути уже при жизни был популярным «политиком»-анархистом и имел репутацию бескомпромиссного революционера, благодаря своей решительности, искренности и бескорыстию.

Автор книги - Пас Абель(1921-2009) непосредственный участник, свидетель Революции и Гражданской войны в Испании 1930-ых годов. На основе оригинального исторического материала Пас Абель пытается воспроизвести жизненный путь Дуррути - с момента его взросления, становления как революционера и заканчивая его трагической гибелью при обороне Мадрида в ноябре 1936 года. Его книга - это монументальный исторический труд, рассчитанный на неторопливое, внимательное изучение.

Данная книга издается «Самоопределением» в двух томах: первый том включает 1 и 2 части, второй том - 3,4 части. Первый том настоящей книги можно читать здесь: https://www.samoopredelenie.info/ .

Перевод осуществлен с издания:

Paz, Abel. Durruti en la Revolución Español. - Madrid : Fundación de estudios libertarios Anselmo Lorenzo, 1996

Перевод осуществлен с разрешения правообладателя - «Фонда Ансельмо Лоренцо». На русском языке книга публикуется в соответствие с лицензией Creative Commons и не допускает коммерческого использования.

Заметили опечатку? Напишите по контактам ниже.

Контакт с издательством:

samoopredelenie@riseup.net , @samoopredelenie_iz_bot

СОДЕРЖАНИЕ

Третья часть
Революционер
(с 19 июля по 20 ноября 1936)

I. Барселона в огне.....7
II. Капитуляция генерала Годеда.....17
III. Гибель Аскасо.....27
IV. 20 Июля.....35
V. Луис Компанис перед НКТ и НКТ перед самой собой.....47
VI. Центральный комитет антифашистского ополчения Каталонии.....57
VII. Наступление Дуррути-Гарсия Оливер.....73
VIII. Колонна «Дуррути».....87
IX. «Подпольная революция».....107
X. Кольцов приезжает в колонну «Дуррути».....123
XI. Ларго Кабальеро восстанавливает республиканское государство.....134
XII. Гарсия Оливер, Ларго Кабальеро и марокканская проблема.143
XIII. Антонов-Овсеенко и Гарсия Оливер.....156
XIV. Испанское золото на пути в Россию.....166
XV. Арагонская либертарная конфедерация.....182
XVI. Тень Сталина над Испанией.....196
XVII. Да здравствует Мадрид без правительства!.....216
XVIII. Переправа через реку Мансанарес.....229
XIX. Колонна «Дуррути» в Мадриде.....240
XX. 19 Ноября 1936 года.....257
XXI. Дуррути убивает Дуррути.....268
XXII. Похороны Дуррути.....276

Четвёртая часть
Смерти Дуррути

Предисловие.....285
I. Начальные версии.....287

II. Легенда или реальность.....305
III. Противоречия и вымыслы в представленных версиях.....320
IV. Вторая гибель Дуррути, или его политическое убийство.....334
V.Заключение.....340

Приложение. Головоломка поиска тела Дуррути.....344

Иллюстрации к 3 и 4 части.....349

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

РЕВОЛЮЦИОНЕР
(С 19 ИЮЛЯ ПО 20 НОЯБРЯ 1936)

ГЛАВА I.
БАРСЕЛОНА В ОГНЕ[1]

В пять часов утра повстанцы запустили свой военный аппарат под руководством командующих и офицеров, которые прекрасно знали, чего хотели. Тем временем, солдаты думали, что идут на защиту Республики, оказавшейся в опасности.

По улице Таррагона к Площади Испании выступили кавалерийские полки Монтесы; из гарнизона на улице Лепанто, по улице Индустрия к «Синк д´Орс» вышел полк Сантьяго; лёгкая артиллерия седьмого полка Сант-Андреу разделилась на две колонны: одна обошла столицу, а другая прошла в поперечном направлении; обе направились к Площади Каталонии. Горная артиллерия Лос Докс прошла к Дворцовой площади и Порту Барселоны по Авенида Икариа. Пехотный полк Бадахоса, оставив за спиной свой гарнизон в Педральбес, продвинулся по улице Диагональ, с тем чтобы занять центр столицы, и для этого вступил на улицу Урхель. Роты сапёрного батальона вышли из своей казармы на улице Кортес, прошли по этому маршруту к Площади Испании, чтобы там присоединиться к подразделениям Монтесы и взять под контроль важную артерию Паралело — прямую линию к Порту. Пехотный полк Алька́нтара, квартировавший на улице Сицилия, около Парке-дэ-Сьюдадела, был разобщён ввиду различных позиций его офицеров: его полковнику Хакобо Рольдану удалось задействовать одну роту, целью которой являлась радиостанция «Барселона» на улице Каспе. Против кого были брошены все эти войска? Их командующие, ряд которых участвовал в событиях октября 1934 года, без конца повторяют: «Как только весь этот сброд услышит раскаты пушек, то разбежится, как

---

1 Для написания этой главы мы использовали следующие произведения: «Три дня в июле» (Tres días de julio) Луиса Ромеро; «Почему мы проиграли войну» (Por qué perdimos la guerra) Диего Абада де Сантильяна. — Буэнос-Айрес: изд-во Editorial Imán, 1943; «Восстание, революция и террор в Барселоне» (El Alzamiento, la revolución el terror en Barcelona), Франсиско Лакруса; и «Парадигма революции» (Paradigma de la Revolución). —Абель Пас, Париж: изд-во AIT, 1967. А также рассказы свидетелей.

выводок зайцев...»[2].

Сброд? Ряд штурмовиков уже проявляли значительные нарушения дисциплины. Они присоединялись к рабочим НКТ и ФАИ — так организовывалась городская герилья, которая определит результаты сражений. В неё также входили группы ПОУМ (Partido Obrero de Unificación Marxista (POUM) — Рабочая партия марксистского единства) — безоружные, как и НКТисты; активисты ВСТ и наиболее решительные члены «Левых республиканцев» Каталонии; эти последние, хорошо — вооружённые автономным правительством.

Весь этот людской конгломерат перед лицом опасности оставил позади свои идеологические споры. Он представлял из себя авангард, оказавший сопротивление милитаризованной машине, провозглашающей на своём пути военное положение.

Где же находились Главные штабы обеих сторон? Штаб повстанцев располагался в Управлении военным округом, и возглавлял его генерал Фернандес Буррьель, после того как генерал-капитан Льяно-де-ла-Энкомьенда, покинутый своими офицерами, был отодвинут на второй план. Но где находились командиры другой стороны?

Не в здании Департамента внутренних дел, где советник Эспанья, несмотря на помощь генерала Арангурена и наличие Гражданской гвардии в лице 19-й Терции и, кроме того, трёх рот Штурмовой гвардии, был неспособен координировать какое-либо действие или отдать приказ.

Не располагался он и в здании Женералитат Каталонии, где Луис Компанис выразил согласие с борьбой, «каким бы ни был её исход». Однако стоило раздаться первым выстрелам, как, уступая требованиям Генерального комиссара органов правопорядка, капитана Федерико Эскофета, он переехал на Виа Лайетана, так как это место сочли более безопасным для его персоны[3].

И уж точно не дислоцировался Главный штаб в Верховной полицейской комендатуре, где комиссар Эскофет, вместе с команданте Гуарнером и команданте Аррандо, намеревался руководить сражениями на карте города и высокомерно обошёлся

2 Франсиско Лакрус. Указ. соч.

3 Фредерик Эскофет. «На службе Каталонии и Республики» (Ai servei de Catalunya i de la República).

с Хульяном Горкином, который от имени ПОУМ требовал у него оружие для своих бойцов...

Где же был штаб «сброда»? На самом деле, не было никакого штаба, а всё сводилось к децентрализованной инициативе, вдохновляемой рабочими профсоюзами, Революционными комитетами рабочих кварталов и огромным энтузиазмом многочисленных женщин, мужчин и детей — именно они устраивают засады противнику, тут и там возводят баррикады и в каждый мостовой камень, передаваемый из рук в руки, вкладывают твёрдое намерение покончить с мятежом. В восемь часов утра, под солнечными лучами истинно средиземноморского июля, положение прояснилось. Колонна седьмого полка лёгкой артиллерии, выйдя по улице Бальмес к Диагональ, оказалась парализованной взрывами ручных гранат и пистолетными выстрелами вперемешку с мушкетными, производимыми гвардейцами-штурмовиками. Другое подразделение этого артиллерийского состава, пересёкшее Барселону поперёк, спустившись по улице Кларис, было остановлено группами на улице Кортес Каталанас. Офицеры отдали солдатам приказ на передислокацию, занимая позиции в подъездах домов для укрытия, а потом установили в них пулемёты.

Пехота из Педральбес, защищённая на улице Кортес Каталанас Кавалерийским эскадроном Монтесы, с возгласами «Да здравствует Республика!» продвинулась к Университетской площади; всё это произвело замешательство среди стоявших там на посту рабочих. Некоторые из них были взяты в плен, и вместе с ними часть полка подошла к университету, в то время как остальные солдаты, под началом команданте Лопеса Амор, вели бои за Площадь Каталонии с намерением продвинуться вниз по улице Рамблас. Однако они были встречены яростной стрельбой, их стройные ряды дрогнули, и солдаты разбежались, ища укрытия; заняли отель «Колон», Военное казино, Мезон Дорé, а после стычки со штурмовиками — Телефонную станцию.

Около Площади Испании кавалерийцы Монтесы, руководимые капитаном Санчо Контрерасом, спешились; у них на вооружении было артиллерийское орудие. Солдаты опять провозглашают «Да здравствует Республика!» и сразу занимают позиции. Возникло

такое же замешательство, что и в других точках города, и оно ещё больше возросло, когда штурмовики присоединились к солдатам. Вскоре рабочие пришли в себя и начали перестрелку, имея на вооружении всего лишь пистолеты и охотничьи ружья. Офицеры-повстанцы воспользовались моментами неразберихи и заняли часть Площади Испании, расставляя свои подразделения на Паралело и улице Кортес, до Университетской площади. Тем временем капитан Санчо Контрерас установил свою пушку и принялся обстреливать баррикаду, которая выросла прямо перед зданием Муниципалитета Остафранкс. Залпы поразили 19 человек, но никто не обратился в бегство, за исключением оказания помощи раненым. Люди оправились после неожиданного оборота дел. Штурмовая гвардия также отреагировала, перейдя на сторону рабочих и оставляя в одиночестве своего командира. Грохот выстрелов и пушечных снарядов привлёк людей, и баталия разрослась. С балконов женщины бросали в солдат всё, что попадало под руку, и кричали: «Убийцы!»: на глазах у всех на дереве висели останки человеческого тела — жертвы пушечного обстрела… Капитан Санчо Контрерас пережил первый удар: «сброд» не разбегался от пушечных выстрелов, а, напротив, восстанавливал баррикаду и стойко продолжал сопротивление. На этот раз не повторились события 6 октября.

Сражение на Площади Испании — быть может, первое в те утренние часы — внесло ужасную сумятицу, чем воспользовались повстанцы для продвижения пехотной роты под началом капитана Лопеса Бельды. Это помогло генералу Буррьелю, быстро проехавшему на автомобиле, взять под контроль в Военной комендатуре генерала Льяно-де-ла-Энкомиенда. Но это была единственная победа повстанцев.

Часть солдат полка Монтесы, вместе с сапёрами, оказавшимися вместе с ними на Площади Испании, заняла Паралело и остановилась перед баррикадой, установленной рабочими профсоюза деревообрабатывающей отрасли на Бреча-де-Сан-Пабло. Перед лицом такого сопротивления офицеры использовали в качестве щита взятых ранее в плен рабочих и таким образом смогли установить на площади несколько пулемётов, которые обстреливали Паралело фактически по всей ширине. Тем не менее, несмотря на

жертвы, произведённые орудиями в их рядах, рабочие держали оборону. Линия фронта заняла стабильную позицию. Таким образом, восставшие не достигли своей цели на этом участке.

Горно-пехотная артиллерия, вышедшая из Лос Докс, вскоре столкнулась с большим сюрпризом. Портовые рабочие, взяв из порта электрические тележки и целую кучу тюков прессованной бумаги, использовали эти средства для сооружения огромной засады, за которой портовики Барселонеты с помощью Штурмовой гвардии организовали линию обороны, способную выдерживать пушечные выстрелы, производимые по неистовым приказам капитана Лопеса Варелы и команданте Фернандо Урсуэ. Команданте был весьма удивлён, поскольку он также придерживался мнения, что «сброд», завидя орудия, сразу же улетучится, как произошло 6 октября, когда он приказал обстрелять из пушек здание Женералитат. В этой точке города замешательство было полнейшим. Стреляли отовсюду — не только из-за баррикад, но и с крыш домов. Повстанцы пытались защититься, повсюду слышалось ржание мулов, нагруженных оружием и оставленных на произвол судьбы: животные в панике носились по улицам, и когда в их груз попадали выстрелы, снаряды разрывали их на части.

Полк Сантьяго под началом команданте Рекаса при поддержке эскадрона Гражданской гвардии, который присоединился к повстанцам, был вынужден остановиться в «Синк д´Орс». Группы рабочих, Штурмовой гвардии и Гвардии безопасности решительно встали у них на пути. Выстрелы исходили отовсюду: с крыш и подъездов домов, из-за стволов деревьев; также, когда бой набрал темп, в мгновение ока выросли баррикады.

Другой точкой столицы, где велись напряжённые бои, были участки, прилежащие к статуе Колумба: Пуэрта-де-ла-Пас, Таможня, гарнизон Атарасанас и Военный штаб; там находился зачинщик фашистского бунта в Барселоне, Рамон Мола — брат генерала, руководившего из Памплоны восстанием на территории всей страны.

Атарасанас и Военный штаб вели перекрёстный огонь, держа под контролем портовую зону и Рамбла-дэ-Санта-Моника, на всю её ширину, вплоть до старого рынка антикварных книг.

Не доходя до Рамбла-дэ-Санта-Моника, рабочие транспортной и

металлургической отраслей построили внушительную баррикаду на всю ширину улицы, препятствуя таким образом выходу подразделений из Атарасанаса и Военного штаба.

На Площади Арко-дэль-Театро Комитет местной защиты НКТ и ФАИ установил координационный пункт; таким образом, через связных, он поддерживал контакт с Региональным комитетом НКТ, который обосновался в импозантном здании номер 32 на Виа Лайетана — «Доме Камбó», — где теперь находился Национальный центр развития труда. Улочки Пятого района служили контактом с Паралело, и через Готический квартал — с сектором Дворцовой площади. Контроль НКТ этой главной городской артерии не только будет решающим для эффективности битвы, но и, кроме того, как позднее напишет Гарсия Оливер, станет основным фактором победы рабочих[4].

В одиннадцать утра во всех «горячих точках», указанных ранее, события развивались в пользу рабочих:

В 9:30 утра, подразделения артиллерии Горно-пехотного полка, действующего на Дворцовой площади, пришли к выводу, что продвижение представлялось невозможным. Командующий, во избежание огромных потерь, приказал войскам начать отступление с целью занятия гарнизона в Лос Докс. Но такое движение не оказалось лёгким, поскольку, когда солдаты начали отступать, тюки с прессованной бумагой, служившие баррикадами, двигались вперёд под толчками рабочих, в то время как другие стреляли, прикрываясь этими тюками. Отступление при таких обстоятельствах было полным хаосом. И несмотря на то, что пулемёты, установленные повстанцами, простреливали район боя, рабочие и гвардейцы предприняли последний штурм. В результате они захватили в плен несколько офицеров, в том числе Лопеса Варелу, а также несколько орудий. Солдаты, почувствовав свободу, братались с рабочими и присоединялись к борьбе. Всё это происходило примерно в десять часов утра, и Дуррути застал развитие событий: он подъехал к этой точке и выслушал рапорт капитана Штурмовой гвардии, ставшей

4 Le Libertaire, 18 августа 1938 года. Статья Гарсии Оливера под заголовком «Это произошло 19 июля» (Ce que fut le 19 de juillet).

на сторону рабочих[5]. Это была первая победа в те утренние часы. Пушки в руках новоиспечённых артиллеристов — как, например, портового рабочего Леча — должны были ускорить триумф трудящихся над мятежниками... Повстанцы, которым удалось засесть в гарнизоне Лос Докс, заняли оборону. Так началась настойчивая осада Артиллерийского горно-пехотного гарнизона номер 1. Народ, ставший хозяином обстановки на улицах, возводил баррикады по крайней мере на расстоянии ста метров от главного входа. Осада продержится вплоть до конечного штурма гарнизона. Замешательство среди повстанцев было огромным — ведь между их группировками не существовало никакой связи. На рассвете того дня они наладили связь через Францию[6], но когда Рабочий комитет, в субботу ночью занявший Центральный почтамт, обнаружил эти сообщения, то, перехватив их, фальсифицировал их содержание с целью ещё более запутать связь. Повстанцы сражались в полном неведении, абсолютно не имея сведений о положении других группировок мятежников.

Пехотная рота, ранее покинувшая казарму Алька́нтара, в пункте Триумфальной арки на Пасео-дэль-Хуан столкнулась с группами рабочих, которые воспрепятствовали взятию радиостанции на улице Каспе. Ротный капитан Маесту, неся потери в личном составе (часть солдат дезертировали, другие были ранены), постепенно отступал к Площади Уркинаона и, проходя по улице Лауриа, смог укрыться в отеле «Ритц». Однако такой манёвр, произошедший около десяти утра, был не очень приятен капитану Маесту: ведь он заходил в весьма опасную зону, так как на перекрёстке Кларис-Кортес рабочие принимали решение заглушить пулемётную стрельбу седьмого полка путём необычной меры: на пулемётные гнёзда направили три грузовика, которые со скоростью 120 км в час сокрушали на своём пути орудия и людей. Прорвав линию огня, рабочие, находившиеся поблизости, завладели пулемётами и вскоре открыли огонь против своих прежних хозяев.

В это время Барселона была охвачена огнём с четырёх сторон. С

---

5 Луис Ромеро. Указ. соч.

6 Национальный комитет НКТ. «От июля до июля: один год борьбы» (De julio a julio: un año de lucha). — Барселона: изд-во Tierra y Libertad, 1937.

церковных колоколен, из окон домов буржуазии, из центров для собраний правых велась стрельба по людям, находившимся на улицах. В этих районах, за пределами активных точек борьбы, тоже поднялись баррикады, и рабочие патрулировали улицы. Так, когда становилось ясным, из какого дома, или церкви, или религиозного центра велась стрельба, люди по собственной инициативе окружали здание и врывались в него. Начались пожары. Когда какая-либо церковь попадала в руки народа, и после того, как стрелявшие в рабочих священники сдавались, стены обливались бензином, и здание поджигалось. Сопротивление полка Сантьяго в «Синк д´Орс» заставило сменить тактику, городская герилья пошла на отчаянные меры, и когда полковник Лакаса понял, что его подразделения с минуты на минуту будут окружены, то приказал поэтапное отступление, чтобы укрыться в ближайшем монастыре Кармелиток. Там и пришёл конец остаткам полка Сантьяго и эскадрону Гражданской гвардии под началом команданте Рекаса, погибшего при заключительном штурме.

На Площадях: Испании, Университетской и Каталонии, представляющих из себя позиции по прямой линии, упорные бои продолжались без перемен; но где положение было поистине трагичным, так это на Бреча-дэ-Сан-Пабло: хотя войска и не могли продвигаться, но, с другой стороны, их сопротивление делало возможной связь с Площадью Испании и Портом, который в случае высадки войск необходимо было взять под контроль, в случае если бы генерал Годед с Мальорки принял такое решение. Этот важный вопрос обсуждали Гарсия Оливер, Аскасо и Дуррути на Площади Арко-дэль-Театро приблизительно в девять часов утра.

Кроме упомянутых активистов, там также присутствовал Бельмонте, член Профсоюза деревообрабатывающей отрасли. Он давал информацию о положении в точке Бреча-дэ-Сан-Пабло, где военным под началом капитана Штурмовой гвардии, присоединившегося к бунтовщикам, удалось установить пулемёты и отогнать рабочих с баррикады на улице Паралело. «Тем не менее, — говорил Бельмонте, — товарищи не оставили поле боя и сопротивляются: ведут стрельбу с чердаков зданий, подъездов, с любой точки, где возможно остановить противника. Однако положение сложное, и

нам нужно избавиться от пулемётов, которые не дают продвигаться в этой зоне»[7]. Также там находились сержант Мансана и Гордо, которые потерпели поражение в намерении захватить Атарасанас: они были вынуждены отступить через ворота, выходившие на улицу Монтсеррат. К счастью, им удалось добыть несколько ящиков с ружейными патронами и пулемётными лентами.

К собравшимся присоединились Антонио Ортис и Аурелио Фернандес. Последний где-то оставил свой выглаженный пиджак, и его ранее белая рубашка, сейчас грязная и потная, под воздействием пороха была желтоватого цвета.

«— Стреляют с отеля “Фалькон”, — сказали они, приближаясь к группе.

— Это так, — ответил Дуррути, — и нас поджарят на огне выстрелов, если мы быстро не отреагируем»[8].

Отель был взят штурмом, после того как импровизированные стрелки были нейтрализованы. Стоило восстановить спокойствие на Площади Арко-дэль-Театро — как приняли решение перевезти один из пулемётов на террасу дома, где располагался ресторан «Каса Хуан», чтобы оттуда атаковать Военный штаб. Эта операция была поручена сержантам Мансане и Гордо при поддержке группы членов Профсоюза транспорта.

«— Что же нам делать с пунктом Бреча? — вновь спросил Бельмонте.

— Мы очистим его, — ответил Аскасо».

Из всех находившихся в этой точке отобрали активистов, вооружённых лучше других, и они разделились на две группы. Одна, под командованием Гарсии Оливера, должна была выйти по улице Сан-Пабло, а другая — последовать по улице Нуэва-де-ла-Рамбла, Аскасо назначался ответственным. Дуррути оставался на площади, отвечая за координацию подразделений и их распределение по мере необходимости[9].

Положение на Бреча-дэ-Сан-Пабло было крайне сложным. Повстанцам удалось установить три пулемёта. Один — напротив

7 Информация, полученная от Пабло Руиса (Пабло Руис станет с ноября 1936 года вместе с Хайме Балиусом одним из главных вдохновителей группы «Друзья Дуррути»).

8 Пабло Руис. См. также: Луис Ромеро. Указ. соч.

9 Цитированная статья Гарсии Оливера.

Театра «Виктория», рядом с кабаре «Мулен Руж»; другой, не жалея боеприпасов, вёл непрерывный огонь на Бреча-дэ-Сан-Пабло. Товарищи, шедшие с Аскасо по улице Нуэва-де-ла-Рамбла, явились прекрасной мишенью при входе на Паралело. Как могли, они прикрывались у косяков дверей и на тротуарах, отбиваясь пистолетными выстрелами; но они бы наверняка погибли, если бы группа Гарсии Оливера не напала на повстанцев сзади. Те, оказавшись между двумя огнями, потеряли всякую ориентацию. Тем временем атакующие быстро отреагировали и в самоубийственном порыве бросились на мятежников. Во время штурма капитан, командовавший повстанцами, был настигнут выстрелом Аскасо. Один из лейтенантов сделал попытку заменить его, но младший сержант кавалерии поразил его, покончив таким образом с сопротивлением на Бреча-дэ-Сан-Пабло. Один из хроникёров этих событий, на стороне повстанцев, так описывает развязку этой картины: «Дарнел, (капитан штурмовиков) и подразделения полка Монтесы удерживали занятые позиции (...) до тех пор, пока толпа черни буквально не смела их — можно сказать, уничтожила эскадрон. Офицеры были взяты в плен, почти всех постигла неблагодарная участь...»[10].

Приблизительно к 12 часам того воскресенья можно было сказать, что попытка военного мятежа провалилась. Очаги сопротивления были чётко классифицированы: Отель «Колон-Телефоника», Университет — Площадь Испании, Атарасанас — Военный штаб и к северу столицы — монастырь Кармелиток. Вот и всё.

Полковник Диас Сандино приказал своим самолётам разведать обстановку и сбросить листовки над казармами для оповещения находившихся в них солдат, что попытка военного бунта сорвалась, и они должны сдаться в плен. В тот момент, когда самолёты Диаса Сандино патрулировали голубые просторы Барселоны, на военно-морской базе Барселоны приземлялись четыре гидросамолёта из Мальорки; а пятый, с генералом Годедом на борту, совершал быстрый обзор положения в каталонской столице....

10 Франсиско Лакрус. Указ. соч.

ГЛАВА II.
КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕНЕРАЛА ГОДЕДА

Когда гидросамолёт с генералом Годедом на борту приземлился на военно-морской базе, ему навстречу для эскорта вышли офицеры, посланные генералом Бурръелем. Годеда встретили радостными приветствиями: «Да здравствует!», что насторожило помощников этой базы — ведь они считали, что восстание являлось «анархистским движением против Республики». Теперь они ясно понимали, что мятеж носил военный и антиправительственный характер, и это побудило их подготовить ответные действия против повстанцев.

Приём Годеда отвечал, скорее всего, обязательному протоколу, нежели энтузиазму, и хотя генерала привлекали такого рода церемонии, на этот раз, какой бы воодушевлённой она ни была, всё равно не смогла бы стереть впечатление Годеда от осмотра с воздуха ситуации в Барселоне.

Команданте Ла́саро, начальник генеральского штаба, подошёл на минуту к Годеду и тихо сказал ему на ухо:

— Генерал, думаю, мы попали в ловушку...

— Я знаю. Но я дал слово, и поэтому я здесь.

Пока тихим тоном проходил этот диалог, чётко слышались гул боёв, ружейные выстрелы и пулемётные очереди.

Один из офицеров приблизился к Годеду, чтобы предупредить о том, что дорога к Управлению военного округа представлялась опасной. Вдали послышался взрыв пушечного снаряда.

— Артиллерия на улицах? — спросил Годед.

— Да, мой генерал, — ответил один из офицеров. — Этим утром выступили несколько батарей, но их захватила толпа.

При таких обстоятельствах командующие сели в бронемашину, доставившую их в Управление примерно в 13:00. Годед, увидев Льяно де Энкомиенда, окружённого офицерами, не смог сдержать гнева:

— Изменник!

— Изменник — ты!

Годед взялся за кобуру пистолета, но вмешался Бурръель:

— Ваша измена будет рассмотрена на суде.

Льяно де Энкомиенда саркастически улыбнулся[11].

Присутствие генерала Годеда подняло дух находившихся в Управлении мятежных офицеров. Они надеялись, что знаменитый генерал сотворит чудо, преобразуя провал в триумф. Но у генерала Годеда почти не осталось иллюзий после того, как он узнал о подробностях боёв. Однако генерал питал глубокое презрение к рабочим и не мог смириться с разгромом своей армии. Так, он сам взбодрил себя, думая, что, привлекая на свою сторону Гражданскую гвардию, сможет изменить курс событий. Первым делом он арестовал Льяно де Энкомиенда, а затем связался с генералом Арангуреном, находившимся в Департаменте внутренних дел:

— Генерал Арангурен! — кричит Годед в телефонную трубку. — Вы поступаете в моё распоряжение!

Арангурен ответил:

— Я подчиняюсь только приказам Республики.

Годед выдохнул:

— Генерал, невероятно то, что вы, видя развал Испании, не в состоянии сказать мне что-либо иное!

Арангурен, не теряя спокойствия, спросил у него:

— Но, Годед, против кого вы восстаёте? Против правительства или самого режима?

— Против правительства. Что касается режима, это другое дело, и оно будет решено в подходящий момент.

— Если это так, — сообщил ему Арангурен, — вы должны знать, что с сегодняшнего утра у нас новое правительство.

— Это не новое правительство, — ответил Годед, теряя терпение, — а те же самые партии.

И, изменив едкий тон на любезный, вновь принялся настаивать:

— Подумайте, генерал Арангурен: армия занимает твёрдые позиции — наша победа неизбежна.

— А вам необходимо считаться с истинным положением дел: правительство контролирует положение, и ваш мятеж потерпел полное поражение...

Годед оборвал злобно:

— Это ваше последнее слово, Арангурен?

---

11 Там же.

— Моё последнее слово, Годед.

— Тогда, хотя для нас будет весьма печальным противостоять Гражданской гвардии, но нет другого выхода, генерал Арангурен[12].

Выдержка генерала Гражданской гвардии вывела Годеда из себя. Он посмотрел на генерала Льяно де Энкомиенда, мерно шагавшего по огромному залу Управления военного округа, и презрительно бросил:

— Арангурен такой же изменник, как и ты!

Льяно не отреагировал на оскорбление. Буррьель, нервничая, хотел сжаться, чтобы не испытать на себе гнев высокомерного Годеда. Три генерала смотрели друг на друга. Их окружала целая свита полковников и офицеров, которые не знали, что предпринять...

Годед снял телефонную трубку и попросил связать его с полком в Алька́нтара. Полковник Рольдан, уже знавший о прибытии Годеда, ответил на звонок.

— Это ты, Рольдан? Звоню, чтобы поставить тебя в известность: я принял командование Дивизией и начну операцию отвоевания позиций. Какими силами ты располагаешь?

— В моём подчинении почти полный состав полка... но казарма окружена толпой... Две роты попытались прорваться, но понесли большие потери и не добились цели. Солдаты думают, что мы сражаемся за Республику, но такое положение не может продлиться долго, и только одному Богу известно, что произойдёт, если они узнают, что мы восстали против правительства...

— Жди моих приказов, — ответил Годед.

Команданте Ла́саро вновь повторил:

— Я уже вам сказал, генерал: это ловушка...

Его слова напомнили Годеду о гидросамолётах:

— Ла́саро, пошли связного на военно-морскую базу с приказом о задержке самолётов...

Капитан Лекуона прибыл с ответом на этот приказ:

— Мой генерал, как только мы покинули базу, самолёты вылетели в Маон.

12 Диего Абад де Сантильян. «Революция и война в Испании» (La revolución y guerra en España). — Буэнос-Айрес: изд-во Nervio, 1937. Это произведение было издано и распространено в подполье в Испании. См. также: Франсиско Лакрус. Указ. соч.

Часы показывали 14 часов и 45 минут.

— Команданте Ла́саро, Вы были абсолютно правы. Нас покинули... — сказал Годед своему помощнику.

Однако генерал не сдавался и вновь вышел на связь с Рольданом:

— Вышли подкрепление в гарнизон артиллерийского арсенала Лос Докс. Выйди во главе этих подразделений и там, на месте, ожидай моих приказов, чтобы выступить вместе с батареей под командованием самого команданте Урсуэ.

Затем, позвонив Урсуэ по телефону, распорядился:

— Команданте Урсуэ, срочно выводите две батареи при поддержке пехоты. Они прибудут (или уже прибыли) под командованием подполковника Рольдана.

Команданте Урсуэ ответил Годеду:

— Я подчиняюсь вашим приказам, генерал, но я должен довести до вашего сведения о произошедшем сегодня утром, до вашего приезда. Я вышел с двумя полностью укомплектованными батареями и другими, в сопровождении карабинеров для их охраны, но на нас обрушились группы гражданских лиц и Штурмовой гвардии. В результате батарея авангарда попала в руки противника вместе с офицерами, среди них — капитан Варела. Приложив огромные усилия, я смог отвести вторую батарею. Теперь намного сложнее выйти из казармы, так как толпа подняла баррикаду на расстоянии меньше чем сто метров. Оттуда они контролируют главный вход, и в настоящее время мы под сильным обстрелом, потому что люди на баррикадах и других точках узнали о прибытии подкрепления Рольдана. Могу сказать вам: его подразделения прибыли сюда благодаря какому-то чуду... Такова обстановка, генерал...

Годед:

— Оставайтесь на занятых позициях. Посмотрим, возможно ли организовать что-нибудь.

— Покинут всеми, покинут... — повторял Годед.

Льяно с другого конца помещения, окружённый офицерами, сказал:

— Разгромлен, что не одно и то же, Годед.

Годед бросил на Льяно уничижающий взгляд:

— Ещё нет, Льяно. Ла́саро, — приказал Годед. — Отправь радиотелеграмму Пальме, чтобы выслал нам срочно пехотный

батальон и Горную батарею. Другое сообщение — в Сарагосу, запрашивая срочную высылку подкреплений. Свяжись с Матарó и Хероной — пусть направят свои части на Барселону.

Через несколько минут команданте Лáсаро прибыл с ответом:

— Генерал, связь по радио прервана... Невозможно связаться с Матарó и Хероной — связи нет...

— Пошли офицера в Матарó — он лично передаст приказ.

Через пять минут посланный в Матарó возвращался в кабинет Годеда:

— Невозможно выйти из здания Управления: мы окружены[13].

В залах Управления атмосфера была невыносимой. «Бодрые» офицеры, ещё утром желавшие расправиться с генералом Льяно, сейчас смотрели на него с неким почтением, как бы намереваясь сгладить напряжённые утренние сцены. Они, не обращая внимания на Годеда, неприкрыто перешёптывались. Тот стоял в стороне от групп офицеров и военачальников, разделившихся на два лагеря: одни высказывались за немедленную капитуляцию (среди них — генерал Буррьель), а другие — за сопротивление до конца...

Годед без конца описывал круги по широкому залу, и рядом с ним испуганный команданте Лáсаро продолжал бормотать:

— Ловушка... ловушка...

Приблизительно к полудню того воскресенья революционный энтузиазм невероятно возрос. По мере того, как становилось известно о поражениях военных, толпа на улице увеличивалась — к ней присоединялись даже самые нерешительные. Хотели ли они показать, что тоже присутствовали на поле битвы после того, как миновала опасность? Может быть. Именно такая мысль толкнула на улицы многих, опасавшихся последствий пролетарского триумфа лично для себя. Но в общем масса рабочих, не сделавших ни одного выстрела, чувствовала себя частью победных событий. Люди хотели пережить эти мгновения революционной горячки, принимая участие в великом историческом явлении.

Открылись кафе и рестораны вблизи баррикад. Они превратились в столовые и закусочные, где бойцы могли освежиться после жары и душного воздуха, наполненного пороховыми испарениями.

---

13 Франсиско Лакрус. Указ. соч.

Проезжали автомобили с надписями «НКТ», информируя людей на баррикадах о превратностях сражений. Говорили, что одна из групп ФАИ, действуя заодно с солдатами, захватила гарнизон в Педральбес — таким образом у защитников появились добротные ружья для скорейшей победы над теми мятежниками, которые всё ещё сопротивлялись.

Эта мгновенно распространившаяся новость была правдой. Анархистская группа из Торассы, в составе которой находился Хосе Пейратс, ближе к вечеру заняла казарму Педральбес, которая стала известна всем под именем «Казарма имени Бакунина». Там создали первый Военный комитет, организуя рабочие милиции. Эта идея вскоре распространилась на другие гарнизоны, переходившие в руки рабочих[14].

В войсках также стало очевидно: революционный пыл возрастал. С дисциплиной было покончено — гвардейцы и рабочие превратились в единый организм и вместе провозглашали: «Да здравствует НКТ! Да здравствует ФАИ!» Имена Дуррути, Аскасо и Гарсии Оливера затмили все другие. Эти активисты находились в самых трудных участках баталий, подставляя свои плечи и воодушевляя бойцов в наиболее опасных местах. Всего лишь несколько часов назад они почти умоляли о выдаче оружия для защитников, и всё безрезультатно. Но теперь НКТ не только располагала сотнями винтовок, пулемётов и пушек, добытых в бою и вырванных из рук мятежников, но и, кроме того, народ признавал её как заслуженную предводительницу борьбы, вдохновляющую сражения...

В 2 часа дня пополудни все, кто вступил в бой с самых первых моментов, задавали себе вопрос: почему Гражданская гвардия собралась на Дворцовой площади? Была она с народом или против него? Пришло время сделать выбор, и Арангурен должен был распорядиться: «Гражданская гвардия выходит на участок Каталония — Университет с целью восстановить нормальную обстановку»[15]. Задача была поручена 19-й Терции под командованием полковника Эскобара. Для выполнения миссии он вышел впереди своих подразделений. Когда колонна тронулась, между первым

14 Рассказ Хосе Пейратса.

15 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч.

и вторым командующими, с целью изолировать эти группы, шли подразделения интендантов под началом команданте Нейры, которые, с первых моментов мятежа доказали верность Республике. Колонна продвигалась двумя рядами, открытой линией, прижимаясь к зданиям. Гражданская гвардия продвинулась по Виа Лайетана до Уркинаона, к Площадям Каталонии и Университетской. Рабочие шли по краям колонны, не скрывая своего недоверия. Площадь Каталонии кишела людьми: они расположились на прилежащих улицах и входах в метро. То был момент завершающего штурма. Гражданская гвардия начала жёсткий обстрел, раздались выстрелы пушки портовика Лечи. Пулемёты, установленные в отеле «Колон», косили людской поток, двигавшийся за гвардейцами. Тем временем другие стреляли впереди колонны. Её возглавляли наиболее смелые и сознательные рабочие активисты. Спустя полчаса сражения, в котором победа и поражение чередовались со скоростью мгновений, а площадь покрывалась убитыми, из окон зданий показались первые белые флаги, объявлявшие о капитуляции.

На другом конце площади, между Фонтанелла и Пуэрта-дель-Анхель, группы анархистов под началом Дуррути бросились на штурм Телефонной станции, оставляя за собой тела павших в бою, в том числе анархиста Энрике Обрегона[16]. Пробивались с огромными усилиями к входу, но когда это удалось, поток бойцов хлынул вовнутрь. Сражение в здании было тяжёлым, но, несмотря ни на что, НКТ взяла штурмом телефонную станцию, и с того момента она контролировалась Рабочим комитетом[17].

Взятие отеля «Колон» и телефонной станции произошло почти одновременно и в обстановке невероятной сумятицы. Гражданская гвардия, наверняка посланная правительством с целью избежать

16 Энрике Обрегон Бланко родился в Мексике, Веракрус, в 1900 году. Приехав в Испанию в 1931-м, стал членом анархистской группы «Росток» (Germen). На 19 июля был секретарём Местной федерации анархистских групп Барселоны.

17 В период спада революции ещё одна атака на Телефонную станцию — 3 мая 1937 года — явилась началом кровавых сражений, продлившихся целую неделю. Рабочие оказали сопротивление контрреволюционным силам ОСПК (Объединённой социалистической партии Каталонии). На эту тему см.произведения: Пейратс Х. НКТ в испанской революции (La CNT en la revolución española). — Париж: изд-во Ruedo Ibérico; Семпрун К. Революция и контрреволюция в Каталонии (Revolución y contrarrevolución en Cataluña). — Париж: изд-во. Meme, 1974.

расправы народа над мятежниками, попыталась воспрепятствовать входу рабочих в здание отеля; но её опередила группа ПОУМ под руководством Хосе Ровиры, с утра находившаяся на этом участке боёв: именно она заняла отель[18].

Когда было покончено с очагами сопротивления на Площади Каталонии, военные, державшие оборону в здании Университета, поняв, что любое сопротивление бессмысленно, подняли белый флаг и сдались Гражданской гвардии. После занятия Университета были освобождены пленники, арестованные военными утром, и среди них Анхель Пестанья, которому удалось остаться в живых; вероятно, мятежники его не узнали. В 15:00 того воскресенья немногие центры сопротивления находились в монастыре Кармелиток, Военном штабе и гарнизоне в Атарасанас. Капитуляция Управления военного округа должна была произойти с минуты на минуту.

«Генерал Годед, находившийся в Управлении, более вдохновляемый простой формальностью, чем надеждой на успех, сделал последнюю попытку. Он переговорил по телефону с генералом Арангуреном, напоминая тому о традиционном духе Гражданской гвардии. Но даже если бы генерал Арангурен и поддался внушению, этот звонок был лишён всякого смысла. Во-первых, генерал Арангурен не контролировал положение, а во-вторых, в рядах Гражданской гвардии многие заразились народным революционным энтузиазмом, нарушили дисциплину и, сбросив треуголки и короткие куртки, присоединились к рабочим.

— Генерал Арангурен, вы должны обратиться к Женералитат, чтобы она объявила капитуляцию населения: наши действия увенчались успехом.

— Я весьма сожалею, — ответил Арангурен Годеду, — но мои сведения отличаются от ваших: мне сообщили, что восстание подавлено. Так, я прошу вас прекратить огонь на тех участках, где он всё ещё продолжается, чтобы избежать бессмысленного кровопролития. Кроме того, довожу до вашего сведения, что мы приняли решение дать вам полчаса на капитуляцию. По прошествии этого времени наша артиллерия начнёт обстрел Управления...

Годед наверняка ответил бы ему грубостью, но Арангурен своим

18 Рассказ автору Хосе Ровиры и Антонио Роблеса.

старческим голосом, не меняя выражения лица, без какого-либо признака раздражения вновь обратился с предложением о капитуляции с гарантиями сохранить жизнь осаждённых»[19].

В 16:30 закончился данный срок, причём Управление не выказало ни малейшего признака капитуляции, и в этот момент начался обстрел — снаряды оказались красноречивее слов Арангурена.

С началом обстрела замешательство среди мятежников возросло. Высокомерие Годеда не имело предела, его «военное достоинство» страдало, ведь он был вынужден капитулировать перед людьми, которых называл «сбродом».

Буррьель, понимая, что сопротивление бесполезно, и не консультируясь с Годедом, который также не воспротивился, сообщил Департаменту внутренних дел о капитуляции Управления военным округом. Департамент приказал: вывесить белый флаг — и тогда будет отдан приказ о прекращении осады. Полковник Санфелис передал Годеду условия, и тот никак это не прокомментировал.

Департамент внутренних дел поручил команданте Интендантской службы Нейре гарантировать безопасность персонала Управления военным округом. Нейра в сопровождении отряда Штурмовой и Гражданской гвардий продвинулся через толпу. Но когда он приблизился к главному входу, с балкона открыли стрельбу из пулемёта — на землю упали первые жертвы. Этот абсурдный поступок возмутил людей. Они, не соблюдая условий капитуляции, бросились к входу с намерением расправиться с зачинщиками стрельбы, не уважающими обстоятельств сдачи в плен. Арестованные избежали линчевания благодаря вмешательству ряда находившихся там активистов. Также сохранили жизнь Годеду, потому что команданте Мосос д´Эскуадра получил приказ от Компаниса доставить генерала в Женералитат.

Когда Годед и Компанис встретились, генерал получил инструкции обратиться по радио к продолжающим сопротивление с просьбой сложить оружие. Поначалу Годед отказался, но Компанис настаивал — и тогда, поразмыслив, генерал произнёс ставшие историческими слова:

«— Судьба не содействовала мне — я попал в плен. Солдаты,

19 Франсиско Лакрус и Диего Абад де Сантильян. Указ соч.

сопровождающие меня! Если вы хотите избежать кровопролития, я снимаю с вас ваши воинские обязанности»[20].

20 Франсиско Лакрус. Указ. соч.

ГЛАВА III.
ГИБЕЛЬ АСКАСО

Гарнизон Педральбес был первым, сдавшимся рабочим. В 17:30 капитулировала казарма Алькáнтара; в 18:00 — Лепанто; в 20:00 сдалась Монтеса; в 12 ночи — Артиллерийский парк «Сант-Андреу», и немного ранее — Лос Докс. Технический персонал военно-морской базы после ареста офицеров взял под контроль Управление авиации. В крепости Монтжуик восставшие солдаты взяли в плен офицеров и освободили команданте Хиля Кабреру, ранее задержанного мятежными военными. Во всех казармах тотчас же организовались рабочие и солдатские комитеты. Так то, что началось как движение в защиту Республики, через несколько часов превратилось в настоящую социальную революцию. Подтверждались слова Дуррути: «На сей раз революция совершится не из-за народного почина, а как ответная мера на реакционный переворот».

В то время как пролетариат Барселоны укреплял завоёванные позиции, не имелось никаких сведений о событиях в Мадриде и других областях Испании. Но это не могло стать помехой для твёрдого контроля пролетариата в столице и на всей территории Каталонии.

Той ночью вооружённые рабочие патрулировали улицы Барселоны, обезвреживая стрелков, действовавших под покровом темноты. Были укреплены баррикады и установлен строгий контроль въезда и выезда из города. Единым паролем стали слова: «НКТ, НКТ, НКТ».

Осада всё ещё упорствующих очагов сопротивления продлилась всю ночь — поджидали рассвета, чтобы ликвидировать их.

Комитеты обороны рабочих кварталов превратились в Революционные и создали так называемую Федерацию баррикад. Той ночью именно эти структуры пришли к власти в городе. Они взяли на себя обязанность обороны Каталонского региона и послали вооружённых эмиссаров в населённые пункты, чтобы укрепить организованные там Революционные комитеты и покончить с сопротивлением мятежников на местах, если на то была необходимость[21].

21 Утром 20 июля я стал свидетелем выезда многочисленных грузовиков, гру-

В ночь на 20 июля приходили радостные вести из других районов Каталонии: в Таррагоне народ установил контроль; в Хероне и Сеу-д´Урхель военные при поддержке реакционных сил заняли населённые пункты, однако, узнав о поражении мятежников в Барселоне, командиры дезертировали, и солдаты присоединялись к народу. В Ле́риде утром положение оставалось неясным, но ближе к полудню разрешилось в пользу пролетариата. Там был организован Революционный комитет в составе ПОУМ и НКТ. Менее чем за 24 часа «сброд» разгромил мятежную армию. Но каково было положение в других регионах страны?

В субботу, 18 июля, стало известно, что Кейпо де Льяно[22] поднял восстание в Севилье, и там шли уличные бои. То же самое происходило в Кордобе, Кадисе, Лас Пальмас и Марокко. Также было известно — согласно правительственным заявлениям, — что правительство держало под контролем Мадрид. Но как развивались последующие события? Что происходило в Валенсии? Говорили, что из Сарагосы вышли войска на Барселону. А на севере страны?

В Мадриде рабочие не доверяли правительству. С пятницы они собрались вместе и в субботу днём и ночью, так же, как и в Барселоне, требовали выдать им оружие. НКТ находилась в сложной ситуации: она не входила в состав Народного фронта, и именно эта организация, контролируемая социалистами, распределяла то немногое военное снаряжение, которое добыли военные-социалисты из гарнизонов. Арсенал распределялся между социалистами и коммунистами. НКТ не досталось практически ничего. Перед лицом такой ситуации НКТ приняла решение действовать самостоятельно. По инициативе Регионального комитета Центра первой мерой стал созыв местного пленума. В нём приняли участие не только делегаты, члены мадридских профсоюзов, но и все те, кто смог приехать из городской области. На этом собрании была принята резолюция образовать

жённых оружием, по направлению к посёлкам вблизи Барселоны. Любопытная деталь: большинство винтовок не имели затвора, они были упакованы в ящиках. Ряд солдат принялись за монтаж затворов, чтобы затем раздать оружие рабочим.

22 Гонсало Кейпо де Льяно и Сьерра (1875-1951) — испанский генерал, один из руководителей националистического мятежа 1936 г. Участник гражданской войны в Испании 1936-1939 на стороне франкистов (прим.ред.).

Комитеты обороны на основе делегатов НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи». Комитеты в рабочих кварталах должны были работать по принципу федерации, на местном уровне, а находящиеся в населённых пунктах — по регионам. Представителем станет Комитет обороны Центра, состоящий из активистов НКТ, ФАИ и «Либертарной молодёжи». Этот Комитет взялся за исполнение различных задач, таких как координация анархистских сил в Мадриде, обеспечение оружием и требование от правительства освобождения узников, среди которых находились Сиприано Мера, Теодоро Мора и секретарь Национального комитета Давид Антона. После первой аудиенции на эту тему правительство освободило 18 июля Давида Антону, но проявило неуступчивость в отношении других заключённых. По этой причине НКТ решила пойти на штурм тюрьмы, в случае если правительство продолжило бы упорствовать. Однако теперь наиболее важным было организовать структуры защиты, придавая им наибольшую эффективность. Активисты образовали группы по пять человек каждая. На каждую группу приходились один пистолет и ручная граната. Эти группы поэтапно должны были обеспечить ночное патрулирование и днём поддерживать тесный контакт между собой.

В субботу, 18 июля, весь день прошёл в собраниях и посещениях министерств в поисках оружия, но безрезультатно. Но если правительство Касареса Кироги упорствовало в нежелании вооружить рабочих, то они теряли терпение и давали понять это своими действиями. Пуэрта-дель-Соль традиционно было местом собраний в период наиболее важных политических событий. И именно там, среди огромной толпы людей, становились известными последние события:

Кейпо де Льяно контролировал положение в Севилье. В Кадисе и Гранаде по безоружным рабочим мятежники открыли пулемётную стрельбу. В Сарагосе, губернатор-республиканец, договорившись с Региональным комитетом НКТ, что члены профсоюзов соберутся в своих организациях в ожидании приказов, заверил также, что армия стояла на стороне Республики. Однако всё это оказалось ложью: на улице мятежники окружили толпу рабочих и открыли стрельбу из пулемётов. В Вальядолиде фашистское восстание имело успех.

А из Марокко намеревались направить подкрепление с высадкой в Альхесирас. Такие вести вносили напряжение в среду рабочих, и люди не хотели попасть в ту же самую ловушку, что и жители Сарагосы[23].

В ночь с 18 на 19, ввиду того, что Касарес Кирога не принимал никаких мер, ряд военных-социалистов решили сами раздать оружие, но только социалистам, чтобы затем те распределили его в центре Каса-дель-Пуэбло, среди своих активистов. В отношении НКТ положение не менялось: для неё оружия не было.

Один из грузовиков, нагруженный военным снаряжением, из числа выехавших из арсенала «Артиллерийский парк» по направлению к Каса-дель-Пуэбло, проезжая через Глориета-де-Куатро-Каминос, подвергся нападению групп НКТ, и винтовки были тотчас же розданы НКТистам квартала Тетуан. Это оружие нашло применение на участках, где фашисты держали оборону — Военный лагерь и Горный гарнизон, — где генерал Фанхуль уже основал свой штаб[24].

19 июля, примерно после четырёх пополудни, когда портовики и Штурмовая гвардия братались на Дворцовой площади Барселоны, Касарес Кирога объявил об отставке своего кабинета. Асанья назначил Мартинеса Баррио для формирования правительства с тем условием, что он свяжется с генералом Молой и предложит ему пост военного министра. Когда новость была у всех на устах, народ назвал стоящих у власти «правительством предателей». Мартинес Баррио предложил должность генералу Моле, но тот ответил ему, что тут речь не шла о министерстве, и он не вступал в переговоры о возможном соглашении. Через три часа после назначения премьер-министра Мартинес Баррио подал в отставку. В воскресенье 19 июля, в семь утра, Мануэль Асанья поручил Хосе Хиралю формирование правительственного кабинета. На этот раз дело немного изменилось. Хираль начал с того, что освободил наиболее значимых членов НКТ, в том числе Мору и Сиприано Меру. Однако много узников всё ещё оставалось в застенках. Тогда Давид Антона, секретарь Национального комитета НКТ, представил

23 Эдуардо де Гусман. «Красно-чёрный Мадрид» (Madrid rojo y negro). — Мадрид, изд-во CNT, 1937. Переиздана в Каракасе (Венесуэла), изд-во Vértice, 1972.

24 Там же.В последующих цитатах, где речь идёт о Мадриде, используются произведения того же автора.

Хиралю ультиматум: «Если через три часа не откроете тюремные ворота, НКТ сама сделает это». Хираль освободил заключённых и отдал приказ распределить оружие, но только среди социалистов и коммунистов. Индалесио Прието присоединился к Хиралю, как если бы он вошёл в состав нового правительства. На самом же деле всё обстояло иначе, потому что в нём не было ни одного социалиста. Ларго Кабальеро, только прибывший из Лондона, где он участвовал в съезде Международной профсоюзной федерации как представитель ВСТ, вступил в должность генерального секретаря этой организации. 20 июля народ Мадрида приготовился к штурму Горного гарнизона и Военного лагеря.

Пока в Мадриде готовились к атаке, утром 20 июля в Барселоне спешили ликвидировать очаги повстанцев для переориентации революционной энергии на другие сферы деятельности: организацию рабочих милиций для действия за пределами Каталонской области — в тех населённых пунктах, где военные установили свой контроль. Первым сдался монастырь Кармелиток. Во время атаки от рук стрелков, засевших в здании, в частности Гражданской гвардии, было ранено и убито много бойцов, и народ стремился дать выход своему гневу. Гражданская гвардия тоже участвовала в штурме, и полковник Эскобар лично намеревался взять под контроль капитуляцию. В решающий момент понятие офицера Эскобара о дисциплине вошло в противоречие с народной яростью, и он подставил свою грудь под винтовки атакующих. Такое поведение не было необходимостью, потому что народ может держать себя в рамках. Не было намерений линчевания — люди всего лишь хотели показать свою мощь. Такая демонстрация силы не соответствовала самому определению, а действие сдерживалось некой гордостью, не позволявшей проявлять жестокость к раненому. Эскобар, имея представление о народе в стиле Годеда, называвшего простых людей «сбродом», не мог понять поведения тех, кто желал выказать свой гнев: они не хотели ничего иного, кроме как показать высокомерным военачальникам: они, простые рабочие, не имевшие навыков обращения с оружием, смогли взять над ними верх. В то время как монастырь Кармелиток сдавался, Атарасанас и Военный штаб упорно сопротивлялись. Между тем ночью вдохновитель восстания Рамон Мола переживал

личную драму. После откровенного разговора с самим собой он пустил себе пулю в лоб. Самоубийство генерала держали в секрете, чтобы воспрепятствовать деморализации солдат и офицеров, всё ещё державших оборону[25].

На Площади Арко-дель-Театро Гарсия Оливер, Аскасо, Ортис, Дуррути, Пабло Руис и многие другие активисты обсудили текущую ситуацию. Все думали об одном и том же: необходимо как можно быстрее покончить с сопротивлением Военного штаба и Атарасанас. Кто-то предложил задействовать грузовик, на кабине которого со вчерашнего дня члены анархистской группы "Germen" установили пулемёт. Хорошо защищённый матрасами, грузовик мог продвинуться до этих пунктов, расчищая пулемётными очередями путь для следующих за ними. Идея была неплохой. Рикардо Санс и Аурелио Фернандес присоединились к бойцам, уже сидевшим в автомобиле[26].

Грузовик двинулся вниз, по улице Рамблас, но когда подъехал к Рамбла-Санта-Моника, ввиду перекрёстного огня из Атарасанас и Военного штаба, а также из-за выстрелов, исходивших из помещения Профсоюза транспорта, положение усложнилось. Те, кто продвигался под прикрытием грузовика, поняли, что нужно было выйти из угла обстрела. Им удалось занять позицию у стены здания, поблизости к гарнизону. Среди добравшихся до этого пункта находились Аскасо, Дуррути, Гарсия Оливер и Барó. Но положение было очень сложным, так как место хорошо обстреливалось из караульных помещений Атарасанас, выходившего на улицу Санта Мадрона. Это означало, что их всех могли сразить спокойно, одного за другим. Аскасо прыгнул вперёд и в сопровождении нескольких товарищей добежал до задней части деревянных бараков букинистического рынка, намереваясь как можно ближе добраться до караульной будки. Аскасо проделал всё настолько быстро, что никто из друзей не смог остановить его. И когда уже на расстоянии его спросили, зачем он так поступил, то Аскасо жестом показал: покончить со стреляющим из опасной будки. С той точки, где он находился, изучил ситуацию

25 Франсиско Лакрус. Указ. соч.

26 Хуанэль (Хуан Мануэль Молина) разъяснил нам, что этот грузовик был подготовлен группой "Germen", в которой он сам участвовал.

и, по его расчётам, мог спрятаться за грузовиком, стоявшим между улицей Монтсеррат и Медиодиа. Аскасо выбежал, чтобы быстро добраться до убежища, но его манёвр был замечен стрелком из будки — и тот несколько раз выстрелил, не достигнув цели. Затем Аскасо на мгновение задержался, чтобы разрядить пистолет в сторону будки, очень близко от себя. Но в момент, когда другим прыжком он попытался добраться до грузовика, был сражён выстрелом прямо в лоб. Пуля покончила с жизнью революционера, с тридцатью пятью годами полноценной деятельности. Неизвестный стрелок никогда не понял бы, что кусочек свинца лишил испанскую революцию одного из самых постоянных и упорных вдохновителей... Никто из присутствующих не посмотрел на часы, однако было приблизительно 13:00 20 июля 1936 года[27].

С момента гибели Аскасо события начали развиваться с бешеной скоростью. Военный штаб прекратил стрельбу, и его защитники сдались. Через несколько минут в Атарасанас подняли белый флаг. Было немногим более 13 часов. За тридцать три часа сражений барселонский пролетариат смог одержать победу над «профессиональными» военными.

Товарищи из группы «Мы» стояли друг перед другом. Пабло Руис спрашивает у Гарсии Оливера: «Что делать с пленными офицерами?» Гарсия Оливер на мгновение смотрит на Пабло Руиса и, долго не раздумывая, отвечает:

— Отведи их в Профсоюз транспорта — пусть там останутся под охраной.

Кто же ответил таким образом? Это был не голос Гарсии Оливера, а голос всего народа, который 33 часа назад терпел преследования, насмешки, а сегодня являлся хозяином пролетарской Барселоны, охваченной сражениями.

Дуррути услышал приказ Гарсии Оливера и нахмурился, сдерживая слёзы, наполнявшие его глаза. Казалось, все онемели. Потеря Аскасо давила на всех, особенно на Дуррути...

Гарсия Оливер устало сказал:

— Пойдём! С этим покончено. Мы победили, и надо думать о

27 Подробности, сообщённые Хосе Мирой, Пабло Руисом и Либерто Росом, присутствовавшими лично. Либерто Риос был одним из узников, освобождённых во второй половине дня 19 июля.

настоящем — сегодня начинается новый мир[28].

Пошли вверх по улице Рамблас, по направлению к Профсоюзу транспорта. Подойдя к баррикаде на Площади Арко-дель-Театро, один из рабочих встал перед Дуррути и сказал ему решительно:

— Мы не бросим баррикаду.

Дуррути на мгновение задержал взгляд на этом знакомом лице, на его решительных глазах и винтовке в мозолистых руках:

— Ты должен оставить не баррикаду, а винтовку. Гарантия нашей победы — в том, чтобы мы смогли сохранить оружие и с его помощью повести революцию ещё дальше. Революция ещё не победила — она продолжается. Пока будет существовать мятежный очаг, в любом углу Испании, наша революция — под угрозой...[29]

28 Луис Ромеро. Указ. соч.

29 Пабло Руис, рассказ участника событий.

ГЛАВА IV.
20 ИЮЛЯ

Столкновение было настолько яростным, что революционный вихрь затянул буквально всех; жизнь в городе вышла из обычной колеи. Даже Solidaridad Obrera, печатный орган НКТ в Каталонии, оказался без директора и редакторов. Номер 20 июля, розданный на баррикадах, был издан группой рабочих активистов — они случайно проходили мимо редакции и, увидев, что там никого не было, по своей инициативе взялись за редакцию, набор и тираж того исторического номера[30].

Такой пример инициативы, умноженный на тысячу других, стал основой новой организации, возникающей из развалин старого режима. Повседневная жизнь входила в новое измерение, она порождала первые формы самоуправления в промышленных отраслях, транспортной сфере и в распределении продуктов питания. В этот день власть осуществлялась прямо на улицах, самим вооружённым народом. Армия и полиция как таковые исчезли: солдаты, полицейские и рабочие образовали единый блок. Повсюду чувствовался спонтанный дух солидарности и братства: мужчины и женщины, освобождённые от вековых предрассудков буржуазной идеологии, порвали со старым миром и шли вперёд, к будущему, которое каждый из них представлял, как осуществление своих самых сокровенных идей.

«Новая жизнь начиналась в мятежной и богатой Каталонии, огромные фабричные зоны перешли в руки рабочих, как и плодородные поля, навсегда спасённые от помещиков и священников. Вскоре Барселона превратилась в театр революционных действий. Женщины и мужчины, штурмовавшие монастыри, предавали огню всё, что находили внутри, даже деньги. В тысячах пожаров, которые зажёг народ где только было можно, горели устаревшие категории хозяина и раба, и вместе с ними — религиозные изображения. 20 июля заканчивалось как праздник, высвобождающий энергии и

30 Подробности, переданные автору Хуанэлем, который был одним из импровизированных редакторов.

страсти…»[31].

Следуя своему собственному ритму, в те дни преобладала описанная нами картина. Она разрушала и одновременно созидала, разрешая проблемы, возникавшие в потоке коллективной жизни, развивающейся на улице с намерением продолжать своё существование на улице. Каким-то образом улица превратилась во всеобщий дом: повсюду баррикады, рабочие патрули и постоянная бдительность перед лицом угроз, зарождающихся в темноте, когда стреляют и убивают с балконов и крыш. Улица и вооружённый народ представляли собой новую силу и революцию, другими словами — авангард.

Ближайшая линия в тылу состояла из Комитетов обороны, ставших Революционными комитетами кварталов. Они, можно сказать, координировали некую федерацию баррикад, за которыми продолжали укрываться их защитники. Делегаты этих баррикад были представителями перед Революционными комитетами. Их непосредственная задача заключалась в гарантии революционного успеха и отражении любой атаки реакционных сил. Но это было не всё. В Барселоне революция победила благодаря силе оружия. Когда противник потерпел поражение, победители не могли совершить ошибку игнорирования борьбы за пределами города и самой Каталонии — напротив, они должны были распространить её, применяя силу, вплоть до полного поражения мятежников.

На этом работа не заканчивалась. В Барселоне проживало более миллиона человек. Её населению было необходимо есть, пить и удовлетворять свои многочисленные потребности. Те звенья, которые сорок часов назад разрешали эти проблемы, теперь были разрушены, и поэтому необходимо было заменить их на другие, способные связать город с деревней, пока первый продолжал производить всё необходимое для обеспечения взаимообмена и обеспечения рабочих

31 Федерика Монтсени. Статья, опубликованная в La Revista Blanca 30 июля 1936 года. Она лично присутствовала при тех событиях 20 июля. Одним из них, сильно её поразивших, было нападение на филиал банка на улице Мальорка. Группа женщин, открыв входные двери, вынесла всё банковское оборудование и зажгла его, бросая в огонь найденные в здании банкноты. Женщины смеялись от удовольствия, следя за тем, как горели деньги. Этим они давали понять, что в огне горел мир меркантилизма и ростовщичества.

групп, не участвовавших в процессе производства и посвятивших себя вооружённой обороне. Из всего этого вытекала необходимость наладить работу других цепочек поставки продовольствия, других общественных отношений между пролетариатом и крестьянами и другого способа производства — одним словом, иной организации, необходимой для обеспечения победы революции.

Но организации какого типа? Вопрос о власти встал на повестку дня. И революция должна была найти свой собственный ответ на этот важный вопрос.

До сих пор революция не дошла до дворца, где Автономное правительство представляло власть, разрушенную её действием, лишившим её репрессивных структур. Было ли этого достаточно, чтобы Правительство (Govern de Generalitat — Говерн де Женералитат) прекратило свою деятельность как символ? Являлось ли оно на самом деле символом? Луис Компанис так пишет об этом: «Государство — это не миф, это машина, которая функционирует за пределами человеческих явлений. Государство составляют живые существа, которые приходят в движение в зависимости от системы с заранее установленным порядком: авторитарной или либеральной иерархии, служащей “цепной передачей”. Президент отдаёт приказ — тот автоматически передаётся министру или советнику, который обязан претворить его в жизнь. У министра есть своя собственная “цепная передача”, она приводится в движение посредством секретарей и вице-секретарей и достигает эшелонов иерархии, которая пожимает руку граждан, направляя их на путь, избранный или указанный Президентом. Именно так действует любое “нормальное государство”.

19 июля, — продолжает Компанис, — я нажимал клавишу звонка в своём кабинете, вызывая своего секретаря. Звонок не мог зазвенеть, потому что не было электричества. Если я выходил из моего кабинета, секретаря не было на месте — ему не удалось добраться до дворца Правительства. Но если он и был на своём месте, то не мог связаться с секретарём генерального директора, так как тот не приехал в Женералитат. Но в случае если секретарь директора, преодолевая тысячу преград, находился на рабочем месте, его начальник не смог добраться до места».

В результате яростных уличных столкновений, вызванных агрессией вооружённых “паршивых” (в историческом смысле этого слова), государство представлялось только в лице Компаниса. Но то была не власть Людовика XIV в полном действии своих органических функций, а государственный аппарат, сведённый до масштаба одного человека: без звонков, без секретарей у дверей министерств и цепной передачи, запускающей в действие его сложный и хрупкий механизм.

«Мы, немногие свидетели драмы Компаниса в те первые дни, — добавляет Хауме Миравитлес, — никогда не забудем его тревогу, его храбрость и его отчаянное усилие направить в должное русло адский поток бушующих страстей»[32].

Что мог сделать человек, оставшийся в одиночестве? Очень мало, если бы на самом деле Луис Компанис остался в одиночестве. Но это было не так. Кто же был рядом с ним? Народный фронт. Торжествующая революция в Барселоне сталкивалась с тяжелейшим препятствием, возникшим в результате её собственной неразберихи: она, будучи радикальной в самом прямом смысле этого слова, оставляла действующим сам символ и, следовательно, Народный фронт. Кто мог укрываться под знаменем Народного фронта, с тем чтобы символ восстановил свою реальную власть? Враги революции, иными словами — контрреволюция. Первыми, кто пришёл на помощь Луису Компанису, пока продолжались уличные бои, были представители крошечной коммунистической партии, существовавшей в Каталонии.

«Коммунистическая партия Каталонии, Каталонская федерация ИСРП (PSOE), Социалистический союз Каталонии и Пролетарская партия Каталонии образовали Комитет по связям для основания единой марксистской партии. Официальные историки КПИ продолжают:

“Этот Комитет по связям потребовал от Луиса Компаниса провести собрание с Народным фронтом Каталонии, чтобы подготовить расширенный состав Автономного правительства и ввести в него различные партии, входящие в Народный фронт. Компанис

32 Хауме Миравитлес. «Эпизоды гражданской войны в Испании» (Episodios de la guerra civil espanyola). Барселона: изд-во Portic.

согласился. Собрание было проведено 21 июля 1936 года с участием Видиелы, Комореры, Вальдеса и Сесé — от рабочих партий; Тараделаса и Айгуадера — от левых; Тасиса и Маркоса — от Республиканского действия Каталонии и ПОУМ.

На встрече преобладал климат единства. Идея создания каталонского правительства на базе Народного фронта была встречена одобрительно. Приняли решение основать народные милиции. Уже приступили к обсуждению методов на практике и редактированию декретов.

Неожиданно в зал вошла довольно большая группа анархистских руководителей, перепоясанных ремнями, с пистолетами, а некоторые и с винтовками за плечами: Гарсия Оливер, Дуррути, Васкес, Сантильян, Эролес, Портела. Они имели при себе ультиматум...”»[33].

Этот абзац неясен до той степени, что непонятно откуда и каким образом явилась эта группа анархистов, предъявляющая свой ультиматум. Чтобы разъяснить упомянутый факт, нам необходимо вернуться назад, чтобы параллельно поставить Луиса Компаниса и НКТ в их соответствующие роли. Тем не менее — и в этом заключается ценность предыдущей цитаты — становится ясным, что с 20 июля, пока шли уличные бои, руководители каталонского коммунизма и буржуазного республиканского народного фронта протягивали свою руку Луису Компанису, чтобы поддержать его в контрреволюционной борьбе, или в том, что Миравитлес называет «направить в должное русло адский поток бушующих страстей».

После того как было покончено с сопротивлением в Атарасанас и Военном штабе, Генеральный комиссар охраны правопорядка Федерико Эскофет, который представляет себя в своих мемуарах творцом триумфа над восставшими военными, не может понять следующего феномена: как он, будучи ключевым деятелем этой победы, после её достижения не располагал минимальным контролем над силами, пошедшими в бой по его приказу на рассвете 19 июля? «Военный мятеж был остановлен, но в Комиссариате охраны порядка мы не знали, что предпринять, потому что восстание против правительства, которое мы считали законным, хотя некомпетентным

33 Центральный комитет КПИ. Война и революция в Испании (Guerra y revolución en España). М.: Прогресс, 1966. Т. 1.

и довольно слабым, полностью расшатало пружины общественного порядка, за который мы отвечали. Тысячи людей обоих полов, бóльшая часть которых не участвовали в боях, вышли на улицы с оружием, которое было украдено, неся чёрно-красные, красные или каталонские знамёна; некоторые изображали звезду; они ехали на грузовиках и автомобилях, реквизированных партийными комитетами, рабочими организациями или вышедшими из-под контроля людьми. Было практически невозможно восстановить всеобщую дисциплину и порядок в наших структурах Охраны правопорядка, и даже в рядах Гражданской гвардии. Гвардейцы, опьянённые энтузиазмом, заразились атмосферой и, сбросив мундиры, тоже разъезжали на грузовиках со знамёнами и надписями названий организаций, причём преобладали НКТ-ФАИ[34]».

Таковой была ситуация, когда Федерико Эскофет прибыл во дворец Правительства, чтобы доложить Луису Компанису: мятеж был полностью подавлен. «В его лице, — пишет Эскофет, — перемешались грусть, разочарование и беспокойство.

— Президент, я пришёл, чтобы доложить вам официально: восстание полностью нейтрализовано...

П резидент ответил мне:

— Да, Эскофет, очень хорошо. Однако ситуация хаотична. Вооружённая и бесконтрольная толпа заполнила улицы и предаётся всевозможным излишествам[35].

А с другой стороны, НКТ, мощно вооружённая, контролирует город и имеет реальную власть. Что же можем сделать мы в противовес?»

Ответ Эскофета:

«— Президент, я взял на себя обязанность подавить военный переворот, если таковой имел место. И выполнил своё обещание. Но структура власти должна иметь соответствующие механизмы для принуждения, и такие механизмы на сегодняшний день отсутствуют. Следовательно, власть отсутствует. А я, дорогой

34 Висенте Гуарнер. «Каталония в войне Испании» (Cataluña en la guerra de España) — Мадрид: изд-во G del Toro, 1975.

35 Одним из таких «излишеств» были открытие ломбарда и раздача одежды, матрасов, швейных машинок, и др., заложенных по причине голода. Инициатива была возглавлена Комитетом обороны рабочего квартала, где находился указанный ломбард.

Президент, не способен творить чудеса. Я поговорил с генералом Арангуреном, начальником Гражданской гвардии и главой IV Дивизии (Военного штаба), а также с команданте Аррандо, командиром Гвардии безопасности и штурмовиков. Оба, как и я, убеждены, что для восстановления порядка необходимо мощное сражение, как недавно имевшее место, но это невозможно. Как заставить наших гвардейцев, смертельно усталых, но опьянённых и восторженных достигнутым триумфом, идти убивать тех самых людей, с которыми они сражались плечом к плечу против общего противника, за идеалы свободы? Если бы мы совершили глупость и попытались предпринять это, то также ничего бы не добились. По тем же самым причинам и в силу гуманных соображений органы правопорядка не стреляли в толпу людей, заполнивших арсенал в Парке-де Артильериа-Сант-Андреу, заведомо зная, что в результате их бездействия всё оружие будет похищено.

Тем временем все мы, и даже сами руководители НКТ, — в крайнем напряжении. Единственный выход — это поддерживать ситуацию политическими мерами в рамках наших соответствующих структур власти. Если с вашей стороны это удастся, я беру на себя обязательство вновь контролировать город, когда вы мне прикажете, или, когда обстоятельства будут благоприятными. В противном случае вы можете поступать по своему усмотрению и передать кому-либо другому должность генерального комиссара “Общественного беспорядка”».

Эскофет пишет в заключение:

«Мы простились под грустным впечатлением. Я никогда не видел президента Компаниса таким разбитым, как под конец нашего разговора. Сможет ли он путём политических мер держать под контролем ситуацию? К сожалению, Президент не знал, каким образом добиться этого, или же не смог. Мог бы кто-нибудь другой, будь он на его месте, решить эту проблему, непосильную для Президента Компаниса, несмотря на его талант, опыт и престиж? Я сомневаюсь. Кроме того, думаю, никто (а я тем более) не имеет право осуждать его поведение и занятую позицию в те трудные дни. Спустя несколько часов после нашего разговора президент объявил о своём желании провести консультацию со всеми политическими

партиями и профсоюзными организациями. И естественно, с НКТ-ФАИ»[36].

Эскофет меняет факторы местами. В те дни политические партии не принимались в расчёт. Лишь только в том случае, если бы НКТ и ФАИ согласились вести переговоры с Луисом Компанисом.

Когда Луис Компанис решился на встречу с НКТ и ФАИ, то был уверен, что поддержка Народного фронта не являлась для него даже минимальным спасательным плотом и что те силы, которые ранее верно служили ему, теперь, под воздействием революционной атмосферы, выходили из-под его контроля. Однако положение Компаниса не было похожим на положение любого политика, который в моменты шторма хватается, как говорят в народе, за соломинку. Здесь всё было гораздо сложнее. Чтобы лучше понять беспокойство Компаниса и его сдерживаемую горечь, необходимо вернуться назад, к 10 мая 1934 года, когда он у себя принял деятелей НКТ, о чём мы рассказали во второй части этой книги. Тогда НКТ просила прекращения постоянных агрессий против организации, другими словами — передышки. Луис Компанис от имени Автономного правительства не только не принял этого предложения, но даже, с целью покончить с НКТ, ещё более усилил репрессии. Разрушительный эффект этой политики сказался 6 октября 1934 года. Луис Компанис ранее не хотел признать свою политическую ошибку, но теперь он был вынужден сделать это публично и перед тем же делегатом, который 10 мая просил его о прекращении преследований. Новое положение представлялось в обратном порядке, так как теперь Компанису приходилось просить о передышке с его позиции структур власти. Но предоставит ли НКТ ему такую передышку? И если да, то Компанис был убеждён в том, что НКТ не даст ему не более чем кислородную подушку, так как эта профсоюзная организация или её деятели, такие как Гарсия Оливер, не откажутся от потери завоёванных позиций. Было ясно, что вопрос о власти будет обсуждаться всего лишь косвенно и предварительно подразумевая эту тему. Таким образом, НКТ и Компанис пришли бы к компромиссу под давлением обстоятельств. И такое отношение было настолько сильно в настроениях Компаниса, что даже

36 Фредерик Эскофет. Указ. соч.

после разговора президент продолжал считать, что соглашение, достигнутое между ним и НКТ, было не чем иным, как временным пактом[37].

Когда было покончено с оплотом мятежа в Атарасанас, группа «Мы» и другие влиятельные активисты НКТ и ФАИ направились в Профсоюз работников строительства, на улицу Меркадерс, где теперь действовал Региональный комитет НКТ. Он переехал из здания на улице Пасахе-дэль-Релох, занимаемого вплоть до 10 часов вечера 18 июля. Они прошли с Лас Рамблас по улице Фернандо, пересекли Площадь республики, оставляя слева дворец Женералитат, и справа здание Муниципалитета Барселоны, чтобы спуститься по улице Хауме I и затем пойти по Виа Лайетана до улицы Меркадерс, где находился упомянутая профсоюзная организация. Во дворе, перед входом в дом номер 32, всё пространство было заполнено автомобилями и вооружёнными людьми. У входа в профсоюз стояла мощная охрана — рабочие с винтовками в руках. Неподалёку — пулемёты, стволами направленные на Виа Лайетана, где располагалась Главная полицейская комендатура. Присутствие Дуррути и Гарсии Оливера произвело всеобщее волнение среди присутствующих, так как многие рабочие, находившиеся там, никогда не видели их вблизи. Комната секретариата, где работал Мариано Р. Васкес, была очень маленькой для числа людей, собравшихся в ней и в зале. Невозможно было работать и принимать товарищей, приходивших за информацией. Франсиско Исглеас предпринял невероятные усилия, чтобы выйти из секретариата. Ему нужно было выехать в Херону для встречи с товарищами и информировать их о положении в Барселоне. При выходе он столкнулся с Дуррути и Гарсией Оливером; крепко обняв обоих, он выразил всеобщий

37 Х.Э. Каминский в книге «Те, из Барселоны» (Ceux de Barcelone; Париж: изд-во Denoel, 1937) [Имеется перевод на испанский в издательстве Ediciones del Cotal. Барселона, 1977] пишет на стр. 181 и далее о своей встрече с Компанисом. Каминский: «А что анархисты?» Компанис: «Мы сотрудничаем. До сих пор всё идёт хорошо. Почему не может продолжаться так и в будущем? Конечно, есть точки, где наше совместное действие могло бы претерпеть угрозу. Что я имею в виду? Именно этого я не могу вам сказать, потому что это моя тайна, так же, как и для анархистов. Самое главное — что они берут на себя соответствующую обязанность. Моя задача — направить эти обязанности в нужное русло, и я думаю, что анархистские массы не станут противоречить своим лидерам».

энтузиазм.

Кругом стоял невообразимый шум, повсюду торопящиеся люди с винтовками сообщали последние вести или расспрашивали о них. В таких условиях невозможно не только работать, но и обменяться впечатлениями о произошедшем. Вдруг зазвонил телефон — спросили о Мариано Р. Васкесе. Мариано взял трубку:

— Да, говорит секретарь Регионального комитета НКТ.

(...).

Все присутствующие почувствовали важность этого звонка и смогли услышать ответ Ва́скеса, произнесённый тоном, как бы подшучивая над кем-то:

— Понимаю. Хорошо, мы сейчас же обсудим это.

Повесил трубку, повернулся к остальным и сказал:

— Президент Компанис настоятельно просит, чтобы Региональный комитет прислал делегацию. Он хочет начать переговоры[38].

После быстрого обмена мнениями решили, что просьбу Луиса Компаниса нельзя было удовлетворить без предварительного обсуждения с членами организации. Тогда через два часа решили созвать собрание. Эмиссары отправились по адресам, и были сделаны необходимые телефонные звонки, с тем чтобы объявить делегатам организаций, Революционным и Региональным комитетам о предстоящем собрании.

Так как «Дом Камбо» (Casa Cambó), где находилась Организация национального развития труда, неподалёку от Профсоюза строителей, был занят анархистской молодёжью, решили, что заседание состоится в одном из просторных салонов здания. Люди начали собираться в «Доме Камбо». А затем обстановка в помещении полностью изменилась, так как в офисах и отделах, всего лишь тридцать шесть часов назад занимаемых крупными финансистами и промышленниками Барселоны и других регионов Каталонии, начали свою работу комитеты и координационные органы профсоюзов Барселоны[39].

38 Луис Ромеро. Указ. соч.

39 В те дни в Барселоне находились Агустин Зухи и другие активисты анархо-синдикализма различных национальностей. Все вместе с Бернардо Поу решили издать Информационный бюллетень НКТ-ФАИ на разных языках: испанском, английском, немецком и французском. Его первый номер вышел 24 июля. Мы

Произошедшая перемена «Дома Камбо» через несколько минут уже была видна сразу на входе: полукруг входных дверей был завален баррикадой из мешков с песком, установлены два пулемёта, за которыми стоял закалённый рабочий патруль. Вскоре вывесили огромный плакат: «Региональный комитет НКТ Каталонии. НКТ-МАТ». Здание было тотчас же переименовано: «Дом НКТ-ФАИ».
Как только наступил вечер, все оповещённые о пленарном собрании НКТ И ФАИ находились в одном из салонов нового «Дома НКТ-ФАИ».

Заседание началось с того, что присутствующие разделились на группы: не только в силу мнений о встрече с Компанисом, но и ввиду ситуации на улицах города. Хотя было ясно, что ещё невозможно глубоко оценить развязку всего произошедшего, также становилось понятно: роль анархистов в подобных обстоятельствах не могла быть иной, кроме воодушевления народных масс на самые глубокие преобразования с революционной точки зрения. Вставал важный вопрос, и в ответе на него было заложено много аспектов. Проблема требовала спокойного анализа и времени, без спешки. Тем не менее в те моменты положение не обсуждалось в таком ключе — напротив, на скорую руку. В результате тридцати шести часов беспрерывных боёв, нервного напряжения и неизвестности все испытывали смертельную физическую и умственную усталость. Голоса участников были хриплыми, они держались на ногах благодаря кофе и табаку.

При первом обсуждении проблемы чётко выявились различные позиции, хотя было важно одно, что объединяло всех: не дать упустить одержанную победу. На эту тему обсуждались разные критерии: Гарсия Оливер предлагал провозгласить либертарный коммунизм, а Диего Абад де Сантильян настаивал на сотрудничестве с другими политическими секторами, участвовавшими в борьбе. Между такими точками зрения возникала третья, которую Гарсия Оливер считал ошибочной[40]: её автор — Мануэль Эскорса — предлагал использовать Автономное правительство для коллективизации на селе и обобществления промышленности, превращая синдикализм в

воспроизводим первый номер на французском языке — единственный экземпляр, который нам удалось найти.

40 Гарсия Оливер, письмо автору.

решающую общественную силу. Когда такая цель будет достигнута, Женералитат останется без власти, и сама собой сойдёт на нет. Сторонники такой позиции придерживались мнения, что не нужно было добиваться согласия с правительством, так как вопрос власти практически был разрешён, ведь она находилась в руках НКТ-ФАИ. Ошибка такой позиции, с точки зрения анархистов, привлекла наиболее радикальные элементы. Делегация из Бахо-Льобрегат под началом Хосе Хены высказалась против сотрудничества с правительством, но, не объединившись с позицией Гарсии Оливера, приближалась к точке зрения Эскорсы или напрочь отрицала решение существующей проблемы.

В заключение, хотя и к таковому не пришли, было принято решение согласиться на аудиенцию с Компанисом, для того чтобы уточнить намерения Президента Женералитат, причём не идя на уступки и не позволяя никаких запугиваний[41].

41 Гарсия Оливер, письмо автору.

ГЛАВА V.
ЛУИС КОМПАНИС ПЕРЕД НКТ И НКТ ПЕРЕД САМОЙ СОБОЙ

Пленарное заседание членов организации назначило комиссию для аудиенции с Луисом Компанисом. Среди них — Гарсия Оливер, Дуррути и Аурелио Фернандес. Мы не знаем, в силу каких причин, но комиссия, несмотря на короткое расстояние между «Домом НКТ-ФАИ» и дворцом Женералитат, предпочла проделать этот путь на автомобиле. Машина подъехала на Площадь Хайме I и проехала по одноимённой улице до Площади Республики. Перед входом во Дворец, находилось подразделение Мосос д´Эскуадра. На перекрёстных улицах расположились гвардейцы-штурмовики, а также гражданские с повязками приверженцев каталонской автономии. Из автомобиля вышли представители НКТ и ФАИ, вооружённые с ног до головы.

«Глава Мосос д´Эскуадра встретил нас у главного входа Женералитат. Мы были вооружены до зубов: ружья, пулемёты и пистолеты. Бедно одетые и грязные от пыли и дыма.

— Мы — представители НКТ и ФАИ, Компанис ожидает нас, — сказали мы командиру. А с нами наша охрана.

Нас любезно поприветствовал командир Мосос д´Эскуадра и сопроводил до Пати-дельс-Таронжерс, где мы оставили охранников. Это место вновь превратилось в военный лагерь.

Заметно взволнованный, Компанис встретил нас стоя. Церемония представления была короткой. Мы сели, сжимая между коленями стволы винтовок. Вот суть сказанного Компанисом:

— Прежде всего я должен сказать вам, что с НКТ и ФАИ никогда не обращались достойным образом — так, как они заслуживают в силу своего значения. Вас всегда жестоко преследовали; и я, ранее беседовавший с вами — с горечью признаю, — также был вынужден по причине политических обстоятельств противостоять вам и преследовать вас. Сегодня вы — хозяева города и Каталонии, потому что именно вы победили фашистов, и надеюсь, вам не покажется неуместным, что в эти моменты я напомню вам о малой или большой помощи со стороны верных сторонников моей партии,

гвардейцев и мосос, которые всегда были рядом с вами...

Он на мгновение задумался и продолжил:

— Правда в том, что вы, до позавчерашнего дня терпевшие суровые преследования, сегодня одержали победу над военными. Зная вас, я не могу изъясняться неискренне. Вы победили — и всё в вашей власти. Если вы не нуждаетесь во мне или не желаете видеть меня на посту президента Женералитат, скажите мне об этом сейчас — я стану одним из рядовых бойцов в борьбе против фашизма. Если вы, напротив, считаете, что на этом посту я позволил бы победить фашизму только через мой труп, то я, вместе с моими сторонниками, используя мои имя и авторитет, могу быть полезным в этой борьбе. Сегодня она, может быть, заканчивается в городе, но мы не знаем, когда и как завершится на всей территории Испании. Вы можете рассчитывать на меня и на преданность человека и политика, уверенного в том, что сегодня умирает всё позорное прошлое, и искренне желающего, чтобы Каталония шла во главе стран, достигших наибольшего прогресса в социальной сфере».

Гарсия Оливер пишет: «Нас позвали выслушать. Мы не могли взять на себя никаких обязательств. Кто должен был принять решение, так это наши организации. Мы сказали об этом Компанису (...). Компанис ответил нам, что в другом зале ожидали представители антифашистских сил Каталонии, и спросил, согласны ли мы, чтобы он, как глава правительства, собрал всех нас вместе. Компанис предлагал нам создать в Каталонии соответствующий орган для продолжения революционной борьбы с целью полного достижения победы».

Гарсия Оливер продолжает:

«Исполняя нашу миссию эмиссаров и информаторов, мы согласились пойти на предложенную встречу. Она произошла в другом зале, где, как нам уже сказал Компанис, ожидали представители “Левых республиканцев”, партии Рабассейров, Республиканского союза, ПОУМ и Partit Socialista (cat.) — Социалистической партии[42]. Я плохо помню имена — быть может, по причине поспешности и усталости тех дней, или потому, что я действительно не знал

42 PSUC (ОСПК) — Объединённая социалистическая партия Каталонии — тогда ещё не была организована и не имела представителей.

никого из них. Нин, Коморера и т.д. Компанис изложил перед нами целесообразность образования Комитета милиций, который бы смог направить в определённое русло жизнь в Каталонии, хаотичную после фашистского мятежа, и который приложил бы усилия для организации военных сил с целью противостояния повстанцам, где бы они ни атаковали, так как в те дни беспорядка на всей территории страны ещё не было достоверно известно о положении сражающихся сторон»[43].

Искренность, с которой якобы выступает Компанис, есть признание неординарной ситуации, которую он не в состоянии контролировать. А его политический реализм, адаптированный к обстоятельствам, заключался в завоевании доверия делегатов НКТ, когда он признаёт себя убеждённым в том, что пути назад нет. Дальнейшие события покажут, что целью той аудиенции Компаниса было не что иное, как желание выиграть время; это доказывает его разговор с Федерико Эскофетом за несколько часов до собрания и тотчас же после беседы с Коморерой, и официальные распоряжения, отданные им 20 июля, не ожидая при этом решений, которые должна была принять НКТ. Рассмотрим детально эти аспекты, уже отметив факт беседы с Эскофетом — настоящим трактатом политического макиавеллизма. По словам Мануэля Бенавидеса, сторонника каталанского сталинизма, Хуан Коморера настойчиво рекомендовал Компанису, что необходимо провести подрывные действия с целью смещения НКТ и ФАИ с позиций, которые удалось занять обеим организациям. Этот план совпадал с политическим интересом Компаниса:

«Мы должны объединить наши усилия и организовать социалистические профсоюзы ВСТ, с тем чтобы они послужили оппозицией НКТ. Вы, господин президент, ни в коем случае не должны будете применять силу в эти моменты. Они должны попытаться гарантировать революционный порядок и поддержать образование военных подразделений, которые будут зависеть от

43 Полный текст этого интервью помещён в труде «От июля до июля: один год борьбы» (De julio a julio: un año de lucha). Текст, напечатанный в Solidaridad Obrera 18 июля 1936 года, был укорочен цензурой на три строки — в конце, в том месте выступления Гарсии Оливера, где он, вследствие роспуска Центрального комитета милиций, описывает могущие произойти столкновения между различными политическими силами.

Женералитат. Мы должны взять на себя задачу создать Армию. Анархисты и троцкисты будут вопить во всё горло, когда узнают об этом. Мы притворимся глухими. Как только у нас будут вооружённые силы, и мы восстановим прочное рабоче-крестьянское движение, то будем командовать на фронте и защитим экономию в тылу, вместо того чтобы совершать революцию, что сейчас не является нашей целью»[44].

Ночью 20 июля Луис Компанис подводил баланс своего рабочего дня. Он счёл его настолько положительным, что, собравшись со своими советниками, принял решение согласиться с предложением, которое он сам сделал НКТ на тему образования «организма, способного руководить борьбой». Луис Компанис представлял себе этот орган как нечто вроде хунты политического-военного-народного характера, в подчинении Департамента или Совета обороны Женералитат. Декрет, подготовленный им этой ночью и опубликованный 21 июля в Официальном бюллетене Женералитат Каталонии, не оставил никакого сомнения в его политических намерениях. Создавались Гражданские милиции для защиты Республики. Главой этих милиций должны были бы стать команданте Энрике Перес Фарра́с и его политический советник Луис Прунес и Сато, советник Обороны Женералитат. В качестве декрета Автономного правительства в отношении милиций упомянутый документ — единственный в своём роде. Согласно нашим сведениям, он даёт начало Центральному комитету милиций Каталонии и определяет его прерогативы. Это указывает на то, что официально Центральный комитет милиций Каталонии не располагал законным разрешением Автономного правительства и поэтому представлял из себя не что иное, как орган, установленный революцией. Хайме Миравитлес, говоря об упомянутом Центральном комитете милиций, пишет: инициатива основания этого совета солдат исходила от анархистов. Они не хотели участвовать в правительстве, потому что это шло вразрез с их идеями. Так, они позволили правительству продолжать свою работу. Однако на самом деле в дальнейшем именно милиции и их Комитет осуществляли реальную власть. Правительство

44 Мануэль Бенавидес (интеллектуал ОСПК). «Война и революция в Каталонии» (Guerra y revolución en Cataluña). Мексика, 1946.

продолжало действовать для показухи[45]. Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что именно резолюции исторического регионального пленума НКТ, имевшего место 21 июля, изменили функции декрета Компаниса о милициях, или, выражаясь точнее, полностью игнорировали его.

Всё это подводит нас к описанию работы этого Пленума НКТ, на котором делегация, встретившаяся с Луисом Компанисом, информировала о переговорах между НКТ и Правительством Женералитат.

Об этом Пленуме НКТ, проведённом 21 июля 1936 года, недоброжелательные критики анархизма писали много, однако сами заинтересованные — весьма мало. Этот факт приводит к тому, что любой новый подход к этому вопросу нуждается в документах, которые, когда придёт время, будут опубликованы. Тогда более глубоко будет проанализировано сказанное на этом региональном заседании НКТ. Мы, со своей стороны, попытались на основе первичных документов воссоздать преобладавшую в те моменты атмосферу и характер самих выступлений.

В отношении этого Пленума Федерика Монтсени написала нам следующее:

«С самых первых минут делегаты высказали идею — ошибочную или нет — о поддержке антифашистского фронта, организованного на улицах, в разгар сражений (...). Это заседание проводили не испуганные и нерешительные люди, принявшие решение создать Центральный комитет милиций Каталонии, а те, кто чувствовал себя вправе найти наиболее соответствующий метод продолжить борьбу. Они осознавали, что начатый процесс должен быть продолжен».

Далее Федерика Монтсени пишет:

«...Никому не пришла в голову идея прихода к власти путём революции, даже Гарсии Оливеру, единственному из всех, имевшему убеждения, наиболее близкие к большевистским. Это случилось после того, как стал очевидным размах движения и народных инициатив. Именно тогда начались дискуссии: что можно и что дóлжно делать, идти до конца или нет. Всё это было сказано ясно и

45 Хауме Миравитлес. Указ. соч

категорично»[46].

Хосе Пейратс пишет, что вопрос о власти представился как дилемма со стороны Гарсии Оливера: идти до конца или согласиться с политическим сотрудничеством остальных политических сил, оставляя Луиса Компаниса на посту Президента Женералитат. Пейратс избегает критического анализа и пишет в качестве комментария: «Мы не будем здесь анализировать справедливость такой оценки. Без сомнения, большинство влиятельных активистов восприняли создавшуюся реальность одинаково. Голоса несогласных потонули в пустоте; молчание других было настоящей тайной. Среди протестовавших без какого-либо результата и участников пленума, сохранивших молчание из-за недостатка мужества, коллаборационистская идея проложила дорогу (...)». Пейратс завершает неудобную тему, задавая ряд вопросов: «Была ли проанализирована эта сложнейшая проблема анархистами и синдикалистами в должной мере? Были ли исчерпаны все ресурсы при рассмотрении последствий такого рискованного решения? Были ли взвешены спокойно и обстоятельно все “за” и “против”? Были ли использованы в качестве иллюстративных примеров события предыдущих революций? Правда в том, что победил критерий коллаборационизма “все за всё”, или “диктатура анархистов” на самом деле не обязательно является неизбежной[47]».

Гарсия Оливер — диссонирующая составляющая в этом вопросе, — разъясняя эту непростую ситуацию, пишет нам:

«Считаю необходимым объяснить тебе, что, оценивая значение идеи: идти или нет до конца (красивое иносказание, которое я использовал именно для того, чтобы избавиться от использования термина “приход к власти”, в те дни настолько модного), лучше использовать комплексный термин (имея в виду радикальную революцию), а не тоталитарную, что ошибочно проскальзывало в наших текстах той эпохи (...). Если бы тебе удалось прочесть протоколы того пленума, то ты смог бы ознакомиться с содержанием моего выступления, длившегося более часа, в котором я разъяснил мою идею и скудные аргументы моих оппонентов: Сантильяна, Монтсени и др. Позже

46 Федерика Монтсени, письмо автору.

47 Федерика Монтсени, письмо автору.

была проведена другая пленарная ассамблея, на которой я, после подтверждения моих тезисов и ввиду неясностей Марианета (в то время секретаря каталонской НКТ), относительно “без необходимости идти до конца мы всё равно могли бы контролировать ситуацию с позиций на улицах” был вынужден высказаться, что такого рода мнения не представляли из себя ничего серьёзного (...), так как комплекс проблем революции (на примере России) требовал прихода к революционной власти со стороны НКТ»[48].

Тезис Гарсии Оливера не был одобрен, и приняли решение — за исключением голоса делегатов из Бахо Льобрегат — высказаться за сотрудничество с остальными политическими секторами, чтобы «поддержать действия антифашистского фронта, родившегося в уличных сражениях». Сторонники такой идеи сочли, что демократическое сотрудничество спасало революцию от диктаторского тоталитаризма, даже со стороны анархистов.

Наиболее конкретным документом является доклад НКТ на съезде МАТ в декабре 1937 года. Делегация НКТ на этом Чрезвычайном международном съезде состояла из Хосе Ксены, Давида Антоны, Орасио М. Прието и Мариано Ва́скеса. В нём говорится следующее: «Был создан Центральный комитет антифашистских милиций Каталонии, координационный орган сражающихся сил на фронтах. Наше анархистское движение одобрило этот Комитет, но до того нужно было разрешить наиглавнейший вопрос нашей Революции: антифашистское сотрудничество или анархистская диктатура. Мы избрали сотрудничество. Но почему? Леванте показал себя нерешительным и колеблющимся, в его казармах войска не прекращали бунтовать, группы рабочих, вооружённые винтовками и серпами, сражались в горах, север страны представлял из себя нечто неизвестное, и остальные регионы Испании, казалось, находились во власти повстанцев. Противник находился в Арагоне, у самих ворот Каталонии, и мы не знали об истинном состоянии его сил как на национальном, так и международном уровне (…). Революция неожиданно появлялась перед самими революционерами — и перед ними вставала задача руководить и направлять её, причём её глубина и размах были скрыты от них. В те решающие

48 Гарсия Оливер, письмо к автору.

мгновения Революции обстоятельства привели нас к решению сотрудничать с другими антифашистскими силами. Нужно иметь в виду, что обстоятельства в этом случае составляют комплекс фактов и политических, общественных, военных, географических и экономических ситуаций, которые мы упомянули. С другой стороны, налицо было нервное напряжение иностранных представительств — оно выразилось в присутствии в наших портах огромного количества военных кораблей, дислоцировавшихся в Средиземном море (французских и английских) (...). С самого начала наша Революция обратила свой взор внутрь нас самих. Другого пути не было. Мы ничего не могли ожидать из-за рубежа. Чтобы избежать риска потерять свободу, жизнь и свои мелочные интересы, ни один из руководителей международного пролетариата не был заключен в тюрьму по причине поддержки испанской Революции. Никто из них не расстался с жизнью из-за проявления солидарности с нами. Благодаря действиям фашистских и демократических правительств не произошло ни одной забастовки, ни волнений для противостояния нашему безвыходному положению. Только вне рамок акций солидарности международного пролетариата в Испанию прибыли тысячи рабочих, чтобы разделить и прожить вместе с нами нашу огромную трагедию (...). Народ, поднявшийся на Революцию, создаёт движение масс и не может остановиться, чтобы просто наблюдать за ним. Либертарное движение избрало единственный путь, уготовленный ему безразличием и отстранением международного пролетариата. Его собственная Революция означает адаптацию к своим возможностям...»[49].

Пейратс в завершение своего документа формулирует ряд вопросов, причём не отвечает ни на один из них — быть может, потому, что, как боец и свидетель событий, знает, что не может дать академического ответа. Кропоткин на страницах своих произведений пишет, что необходимо понимать революцию как длительный процесс отсутствия равновесия, в котором, прежде чем достигнуть его, до́лжно пройти через различные формы испытаний. Роль, которую анархисты должны играть в таком процессе, заключается в препятствовании

49 Доклад Национального комитета НКТ Чрезвычайному съезду МАТ. Париж, декабрь 1937. — Барселона: изд-во CNT, Artes Gráficas.

созданию структуры власти любой ценой, структуры, замещающей разрушенную, потому что любая власть, установившаяся сразу же после свергнутой, непременно будет консервативной и контрреволюционной[50]. Нет никакого сомнения, что Кропоткин прав, и в этом смысле исторический опыт преподаёт нам урок. Однако одно дело — теоретизировать, а другое — находиться перед лицом такого крупномасштабного события, которое происходило в Испании. В нашем случае, считаем, вопрос о власти был решён с чрезвычайной поспешностью, что воспрепятствовало видению «глубины революции», которая указана в докладе. И нет сомнения, что, если бы одобрили тезис Гарсии Оливера, проблема революции тотчас же разрешилась бы. Создание Центрального комитета милиций Каталонии, по сути, не являлось ошибкой. Также не было ошибочным согласиться с сотрудничеством других революционных сил, как, например, социалистических тенденций от ВСТ и ПОУМ. То, что, вероятно, можно считать просчётом, — так это оставить нетронутым Правительство Женералитат, потому что, на первый взгляд, согласно теории Эскорсы, такое решение представляло некое преимущество. На самом же деле, ввиду значимости событий, этот факт должен был превратиться в могильщика революции. Тем не менее, и мы думаем, что в этом заключалось будущее испанской революции, ей не хватало необходимой связки, для того, чтобы она стала заразительной и последовательной на местном и международном уровнях. В силу характера в основном рабочей организации успех основывался на эффективном и революционном альянсе НКТ и ВСТ — иными словами, говоря с точки зрения географической и социальной, — дополнения: Мадрид — Барселона. И такая связка в действительности не имела место 19 июля в Испании. Пока в Барселоне, как мы далее увидим, пролетариат разрушает все буржуазные структуры и создаёт революционный фундамент, позволивший Центральному комитету милиций Каталонии свести на нет действие правительство Женералитат в течение нескольких месяцев, в Мадриде благодаря влиянию партии социалистов не только не затрагиваются буржуазные структуры,

50 Статья, включённая Даниэлем Гераном в «Ни Бога, ни хозяина» (Ni Dieu, ni Maître). — Париж: изд-во Maspero 1973

но, напротив, они же укрепляются и придают жизненную энергию почти умирающему государству. Причём даже не имеет место факт двойственности власти, которая могла бы нейтрализовать государственные структуры, как произошло в Барселоне. Вся драма испанской революции состоит, в нашем понимании, в огромном пропорциональном весе анархизма, с одной стороны, и в существовании социал-демократии, одинаково мощной, — с другой. Революция должна была изменить такое соотношение сил путём рабочего альянса, который мог бы найти собственные оригинальные формы организации. Как мы увидим далее, они возникли повсюду, но без должной последовательности.

Побеждёнными на Пленуме НКТ оказались самые мощные вдохновители революции, то есть Дуррути и Гарсия Оливер. Но ни один из этих побеждённых не счёл себя таковым. И хотя они подчинились принятым резолюциям, каждый из них начал действовать, расширяя охват революции в рамках, которые она сама создавала. Гарсия Оливер выйдет за пределы схемы, установленной для Центрального комитета милиций, а Дуррути будет продвигать на территории Арагона либертарную революцию без политических пут.

ГЛАВА VI.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ АНТИФАШИСТСКИХ МИЛИЦИЙ КАТАЛОНИИ

Ввиду принятия принципа «демократического сотрудничества» была разработана формула, которую Гарсия Оливер определил так: «Одобрялось создание Центрального комитета милиций и устанавливалась пропорция представителей в его составе; она не была справедливой — ВСТ и Социалистической партии, миноритарным в Каталонии назначили такое же количество мест, как НКТ и ФАИ, одержавшим победу. Это предполагало создание прецедента с целью вывести диктаторские партии на путь лояльного сотрудничества, которое не могло бы быть нарушено самоубийственными конкурентами»[51]. Намерение неплохое, но ввиду того, что в политике идут на уступки в пользу меньшинств, а когда преобладает результат большинства, играют в политическое превосходство, жертва, приносимая в духе великодушия со стороны НКТ и ФАИ в политике, будет использована их политическими противниками, чтобы превратить её в норму в Каталонии, но не в тех регионах Испании, где НКТ была в меньшинстве.

Что касалось политики, то концепция «демократического сотрудничества» являлась не чем иным, как оживлением Народного фронта и, следовательно, нового органа, который по своему составу будет демократически-буржуазным. Наряду с НКТ, ФАИ и ПОУМ будут сосуществовать партии «Левые республиканцы Каталонии» и «Каталонское республиканское действие», представляющие мелкую и среднюю буржуазию. Имея в виду экономические и промышленные структуры страны, этим партиям будет нанесён наиболее сильный ущерб от экспроприации средств производства в процессе пролетарской революции. Между крайними левыми и крайними правыми установится молодая партия ОСПК (Объединённая социалистическая партия Каталонии) — придаток КП, как «партия порядка», иными словами, контрреволюционного характера. Таковы были зачатки ЦКАМ (Центрального комитета

51 Цитата Гарсии Оливера, приведённая в книге «От июля до июля: один год борьбы» (De julio a julio: un año de lucha).

антифашистских милиций Каталонии).

После проведения Пленума НКТ, с тем чтобы передать ответ на предложение Компаниса, делегация этой организации опять посетила Женералитат. Но между тем, что предлагала НКТ и задумывал Компанис в отношении Комитета милиций, была огромная разница: Компанис отводил ему роль второстепенного организма, однако НКТ считала, что ЦКАМ должен стать народным органом и взять на себя правление в экономической, политической и военной сферах жизни Каталонии, отводя правительству Женералитат бюрократическую функцию легализации всех его решений. Реакция Луиса Компаниса на такой ультиматум НКТ была логичной, но делегация в этом пункте не уступала ни на шаг: Луис Компанис или одобрял образование народного органа с его полномочиями, или же НКТ полностью отстранялась от этого вопроса и позволяла процессу революции, начатой «низами», развиваться до конца во всех его проявлениях. Компанис сдался, так как из двух зол наименьшим являлось быстрое установление власти, способной сдержать революцию. НКТ (Эскорса и остальные), видя отступление Компаниса, сочли, что победа близка, когда в действительности, с революционной точки зрения, речь шла о поражении. Здесь необходимо указать политическое видение Гарсии Оливера, который не обманывался: он видел, что с точки зрения революционеров новая структура являлась контрреволюционной силой[52]. Тем не менее, противопоставляя желаемое очевидности и в ожидании подходящих обстоятельств, сам факт того, что ЦКАМ реально обладал властью и что в этой организации НКТ и ФАИ имели чёткое превосходство, позволял ожидать решающего удара в случае вступления в битву пролетариата, в частности французского, под влиянием энтузиазма событий в Испании. Одним словом, не всё было потеряно; и именно для того, чтобы не утратить завоёванные позиции, той же самой ночью, 21 июля 1936 года, тотчас же перешли к формированию Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии.

В его состав вошли следующие политические силы: НКТ, ФАИ, ВСТ, партия социалистов, «Левые республиканцы» Каталонии, Каталонское республиканское действие, Союз рабассейров и ПОУМ.

52 Гарсия Оливер, письмо к автору.

Тем же вечером, чтобы чётко отметить независимость этого органа по отношению к правительству Женералитат, упомянутый комитет обосновался в просторном и современном здании на Дворцовой площади, ранее занимаемом Мореходным училищем.

На первом заседании, проведённом вокруг огромного стола центрального зала Мореходного училища, никто из пришедших участвовать в нём по мандату своих партий не представлял себе ясно будущую работу Комитета. Только представители НКТ и ФАИ знали, чего они хотели. Исходя из этого обстоятельства и того факта, что именно они представляли революцию, остальные делегаты ожидали дальнейшего развития событий или, как можно сказать, будущих приказов.

Хауме Миравитлес, представитель Женералитат Каталонии, рассказывает о первом контакте с ФАИ и НКТ:

«Я принимал участие в заседаниях как представитель “Левых республиканцев” — либеральной партии левого толка. Мы приходили в костюмах, обыкновенно принятых среди буржуазных интеллектуалов — галстук, пиджак, авторучка, — и вдруг перед нами появилась группа анархистов: небритых, в военном одеянии, с револьверами, автоматами и ремнями, где они крепили свои гранаты из динамита. Их командиром был человек, который по своему внешнему виду, манере говорить и жизненной силе походил на гиганта, — Буэнавентура Дуррути.

Как-то я написал статью, в которой утверждал, что между фашистами и активистами ФАИ не было большой разницы. Дуррути, яростный воин, слишком хорошо помнил об этой статье. Он приблизился ко мне, положил свои большие ладони мне на плечи и сказал: “Вы Миравитлес, не так ли? Остерегайтесь! Не играйте с огнём! Это может вам дорого стоить”. Так началась работа Центрального комитета антифашистских милиций в атмосфере напряжения и угроз»[53].

Мы ранее отметили, что все пребывали в ожидании; такое состояние было естественным. Никто, кроме НКТ, ФАИ и ПОУМ, не испытывал никакого интереса в росте этой структуры и отмене Женералитат. Так как не было никакой спешки, Миравитлес, как бы вступая в

53 Хауме Миравитлес. Указ. соч.

приятную беседу, начал дебаты на тему: кто совершил революцию и, согласно ответу, как можно было лучше послужить ей:
«Во Франции, — говорил Миравитлес, — революцию совершили “санкюлоты”[54]; в Аргентине Перона — “дескамисадос” [55]. Но кто же совершил её в Барселоне?[56]

Я поставил этот вопрос вечером 21 июля, в Мореходном училище, на первом собрании Центрального комитета милиций, в состав которого я входил как представитель «Левых республиканцев Каталонии», наряду с Жозефом Тараделасом, Артеми Айгуадером и Жоаном Понсом.

“Кто совершил революцию?” — спросил я. Ответ был важным, так как от него зависели политическая стратегия и тактика действий. Для деятелей “Левых республиканцев” представлялось важным сократить масштаб исторической панорамы до рамок реальных фактов. Несмотря на название Комитета, в состав которого мы входили, мы считали, что “фашистское” движение не имело место, и поэтому репрессия не могла затронуть слои населения, которые не участвовали в нём. Быть фашистом не означало принадлежать к Лиге и, более того, входить в ряды Федерации христианской молодёжи (Federación de Jóvenes Cristianos-FJC), известных как “фехосисты”, в силу фонетического ляпсуса.

На мой вопрос ответили пожиманием плеч в равной степени деятели ФАИ, ПОУМ и коммунисты. Они рассматривали происходящее как исторический шанс и не имели намерений упустить его.

Аурелио Фернандес, один из самых энергичных деятелей ФАИ, чётко отображая обстановку двух или трёх решающих дней, ответил: “Революцию совершили, как всегда, «паршивые»!”[57]. Этот ответ Аурелио Фернандеса Миравитлес интерпретирует,

54 Бесштанники (прим. ред.).

55 Безрубашечники (прим. ред.).

56 Мы указываем читателю, что Миравитлес пишет свои Memorias или, по крайней мере, публикует их в 1972 году. Следовательно, ссылка на перонизм (который зарождается в Аргентине в период 1944–1946 годов) должна быть понята как ретроспективный литературный приём, а не как конкретная ссылка к 21 июля 1936 года. Миравитлес наверняка, ссылался кроме «санкюлотов» Французской революции, на голодные массы Красного октября 1917 года в монархической России.

57 Хауме Миравитлес. Указ. соч.

применяя термин «люмпен-пролетариат». Тем не менее то, что сказал Аурелио Фернандес, и то, как это истолковали, имея в виду соответствие «политической стратегии и тактики действий», принятой Центральным комитетом, означало, что именно «эти паршивые», благодаря буржуазии и господствующим классам, являлись обездоленными, лишившимися своих сил людьми.

В то время как одни собравшиеся перекидывались словами, другие делегаты размышляли. Среди них от НКТ и ФАИ — Сантильян, Дуррути, Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Ассенс и Рикардо Санс; со стороны «Левых республиканцев» — ранее отмеченные; от ВСТ и социалистов:[58] Дель Баррио, Коморера, Видьела, Мирет, Гарсия, Дуран Роселл; от Союза рабассейров — Торрентс; от партии Республиканского действия Каталонии — Фа́брегас и от ПОУМ — Хосе Ровира.

Диего Абад де Сантильян, во время дискуссии занятый рисованием на листе бумаги, предложил: чтобы придать организму функциональную структуру, лучше всего будет начать с разделения видов деятельности. Он представил на обозрение схему, начерченную на листе. Проанализировав рисунок и разделение функций, ЦКАМ стал работать согласно диаграмме[59] (стр. 47):

Генеральный административный секретариат: Хауме Миравитлес; организация милиций: Сантильян и Рикардо Санс; военный департамент: Гарсия Оливер, при поддержке Дуррути и военных техников — полковника Хименеса де ла Бераса и затем братьев Гуарнер; департамент расследования и обороны: Аурелио Фернандес, Хосе Ассенс, Рафаэль Видьела и Томас Фа́брегас; департаменты поставок и транспорта были поручены Хосе Торрентсу.

Члены каждого департамента образовали отделы — например, статистики, который зависел от генерального секретариата; отделы размещения и вооружения боевых подразделений в подчинении Департамента милиций; и другие, такие как отдел картографии, военной школы, связи, операций и т.д., подотчётные Военному департаменту.

58 Напоминаем, что в те дни ещё не существовала ОСПК как таковая, поскольку эта партия организовалась в спешке и в результате слияния различных малых группировок.

59 Письмо Диего Абада де Сантильяна автору.

«Главная задача, — пишет Сантильян, — наиболее сложная, естественно, досталась нам — представителям самого значительного и активного сектора пролетариата Каталонии. Мы заняли особо ответственные посты, но они также требовали от нас огромной физической отдачи, угрожая скорым переутомлением. Более двадцати часов в сутки ежедневной и постоянной нагрузки, нервного напряжения, разрешая тысячи проблем, принимая толпы народа, осаждающего приёмные с самыми различными требованиями, — вся эта обстановка далеко не способствовала спокойному течению мыслей»[60].

Далее мы приводим первый документ, подписанный этим Центральным комитетом антифашистских милиций. Итак, речь идёт о «Мандате»:

«1. Устанавливается революционный порядок; все организации в составе данного Комитета несут ответственность за его поддержание.
2. Для функций контроля и надзора Комитет назначил необходимые бригады для строгого выполнения всех приказов, от него исходящих; для этого члены бригад будут иметь при себе соответствующий документ, подтверждающий личность.
3. Эти бригады являются единственными, уполномоченными Комитетом. Любые другие структуры, действующие за их рамками, будут считаться мятежными и подвергнутся санкциям со стороны Комитета.
4. Бригады, работающие в ночное время, применят строжайшие меры к лицам, нарушающим революционный порядок.
5. С часу ночи и до пяти часов утра передвижение на улицах ограничивается, за исключением нижеуказанных лиц:
а) всех тех, кто подтвердит принадлежность к структурам, составляющим Комитет милиций;
б) людей, сопровождающих вышеуказанных лиц, которые могут поручиться за них;
в) лиц, способных доказать форс-мажорные обстоятельства, вынудившие их покинуть своё место жительства.
6. С целью мобилизации в ряды Антифашистских милиций

60 Диего Абад де Сантильян. «Почему мы проиграли войну» (Por qué perdimos la guerra). — Буэнос-Айрес: изд-во Imán, 1943.

структуры комитета уполномочены задействовать соответствующие центры для набора и военного обучения. Условия такого набора будут подробно указаны во Внутреннем регламенте.

7. Комитет выражает надежду, что, принимая во внимание необходимость установления революционного порядка, для оказания сопротивления очагам повстанцев ему не придётся прибегнуть к принудительным дисциплинарным мерам».

Этот документ подписали уполномоченные делегаты от имени «Левых республиканцев Каталонии», партии Каталонского республиканского действия, Союза рабассейров, марксистских партий (одна сталинистского характера, другая — более или менее троцкистского уклона); со стороны НКТ (Дуррути, Гарсия Оливер и Ассенс); ФАИ (Сантильян и Аурелио Фернандес)[61].

По словам писателя Мануэля Бенавидеса, когда закончилось первое заседание Комитета милиций, «Дуррути и Гарсия Оливер сказали Коморере, делегату от соцпартии: “Мы знаем, как поступили большевики с русскими анархистами. Мы заверяем вас, что никогда не позволим коммунистам обращаться с нами подобным образом”»[62].

На первом заседании одной из резолюций было решение направить делегацию в Арагон для разведки позиций военных мятежников. С другой стороны, также договорились о принятии предупредительных мер для минирования подходов к Барселоне, чтобы воспрепятствовать возможному въезду в город моторизованной колонны противника.

Также была предпринята попытка нормализации городской и производительной жизни Барселоны; но на самом деле в этой области невозможно было сделать ни одного шага без поддержки профсоюзов и Революционных комитетов рабочих кварталов. Когда Сантильян говорит о том, что главная задача была отведена им, то действительно это было так: лишь анархисты могли иметь дело с профсоюзами.

На этом заседании также была отмечена необходимость организовать рабочих в отряды милиций и выйти на поиски противника. Первая из таких колонн должна была отправиться 24 июля, под

61 Диего Абад де Сантильян. Там же.

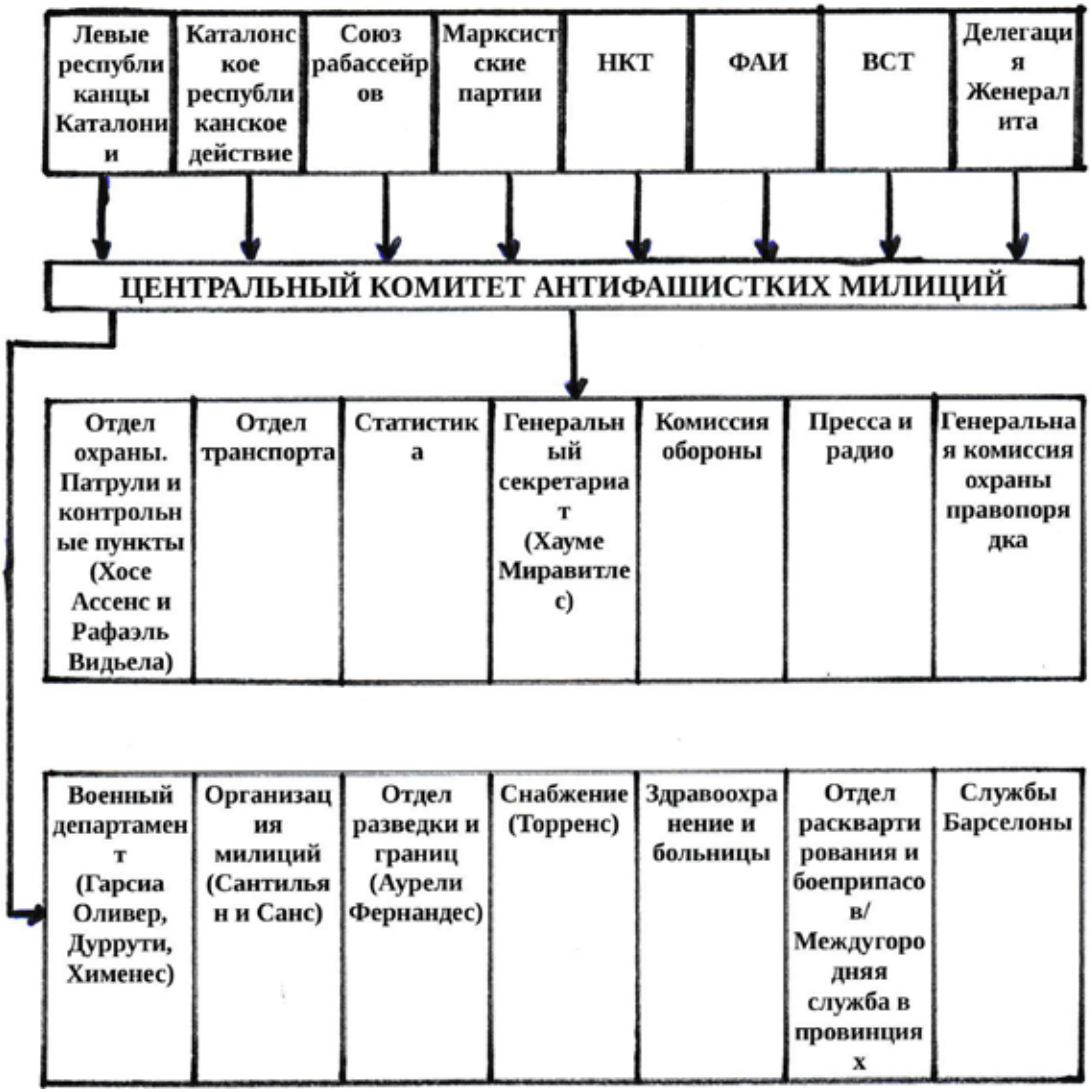
62 Мануэль Д. Бенавидес. Указ. соч.

началом делегата — Буэнавентуры Дуррути[63]. Участие Дуррути в Центральном комитете антифашистских милиций явилось больше символичным, чем реальным. Однако для нас представляется интересным привести здесь ряд цитат Миравитлеса, потому что они отражают некоторые черты характера Дуррути, которые не удалось изменить ввиду недавно начавшейся военной кампании:

«Во дворце правительства продолжал свою работу кабинет — нечто похожее на руководство-призрак, бессильно наблюдающее за революционной обстановкой. Однако имелось одно исключение. Президент Каталонии Луис Компанис был весьма мужественным человеком. Ранее Компанис как адвокат-защитник участвовал в судебных процессах над анархистами, и у него было много друзей в НКТ. Когда он впервые пришёл на заседание Комитета милиций, все мы встали, приветствуя его; но анархисты продолжали сидеть. Часто между активистами НКТ-ФАИ и Компанисом разгорались яростные дискуссии; тот упрекал их в том, что своими агрессивными действиями они ставили под удар триумф революции. Но однажды это надоело Дуррути, и он сказал представителям автономного Правительства: “Поприветствуйте от моего имени Президента, но для него будет лучше больше не появляться здесь. У него могут быть неприятности, если он будет продолжать поучать нас”».

63 Первая колонна, которая вышла из Барселоны, была «Дуррути». Это произошло 24 июля. Почти одновременно с ней отправилась колонна «Антонио Ортис Рамирес», её назовут «Колонна «Сур-Эбро»» (НКТ), и ещё через несколько дней — колонна «Аскасо» (НКТ), её делегатами были Доминго Аскасо, Грегорио Ховер и Кристобаль Альдабальдетреку. Колонна расположилась на линии фронта Уэска. За ними вышли другие: «Труэба дель Баррио» (ОПСК), дислоцировавшаяся в Тардиенте (1500 человек), и «Ровира-Аркер» (ПОУМ), которая разделилась на две группы: одна — в Граньен (Алькубиерре), а другая в Уэске. 20 августа вышла колонна «Лос Агилучос» («Орлята») во главе с делегатом Мигелем Гарсией Виванкосом (НКТ), она расположилась в Уэске. В сентябре из города вышла «Красная и чёрная», делегат — Гарсия Прадас (НКТ), и приблизительно в те же дни — колонна «Масиá-Компанис» под командованием полковника Хесуса Переса Саласа.

Центральный комитет антифашистских милиций



Дуррути тотчас же понял, что Центральный комитет был бюрократическим органом. На его заседаниях спорили, вели переговоры, принимали решения, писали протоколы заседаний, вели бюрократическую работу. Но для Дуррути сидеть долго на одном месте представлялось невозможным. Рядом шли бои. Он не выдержал такого ритма. Организовал собственную дивизию — колонну “Дуррути” — и ушёл с ней на Арагонский фронт»[64].

Вплоть до 21 июля казармы и военные крепости находились в руках тех, кто взял их штурмом, — иными словами, членов НКТ и ФАИ. Принятие репрезентативного принципа Центрального комитета антифашистских милиций было большой ошибкой; она заключалась в том, что каждая политическая партия организовывала свои собственные силы, то есть свои милиции под руководством делегатов — членов этих партий. Это означало: в распоряжение политических партий поступали воинские гарнизоны и оружие. Одобрив такую меру, НКТ сделала неверный шаг, так как ранее был основан Главный штаб милиций, и поэтому организация милиций, согласно профсоюзам, должна была зависеть от этого штаба. При таких обстоятельствах захваченное рабочими оружие осталось бы в их руках, то есть во власти революционеров. Согласие на организацию политическими партиями своих собственных колонн означало начало разоружения рабочего класса, что шло на руку тем, кто на самом деле не участвовал в боях; у них не было оружия, или они припрятывали его, как начали поступать сталинисты, с тем чтобы применить силу, когда, по их мнению, настанет удобный момент начать контрреволюционное наступление.

Такой раздел гарнизонов обеспечил «Левым республиканцам Каталонии» контроль над крепостью в Монтжуик; отдал ПОУМ Кавалерийскую казарму на улице Таррагона; а партии, которая станет ОСПК, — пехотную казарму в Парке-де-ла-Сьюдадела. Иберийской федеральной партии достался бывший монастырь. НКТ и ФАИ — пехотная казарма в Педральбес, Артиллерийский гарнизон Сант-Андреу и арсенал Лос Докс, также Кавалерийский на улице Лепанто. Артиллерийский парк (Парке-де-Артильериа) и Интендантская служба определились для общего пользования.

64 Х. Миравитлес. Указ. соч.

Сразу же после этого распределения и занятия казарм сталинисты окрестили ее именем «Карл Маркс»; ПОУМ дали своему имя «Ленин»; а анархисты, чтобы не отставать, назвали гарнизоны: «Бакунин», «Сальвочеа», «Спартак» и другие.

После раздела гарнизонов начался раздел зданий. ПОУМ уступил своим соперникам из ОСПК отель «Колон», завоёванный его активистами с оружием в руках. Для работы своего Центрального комитета они заняли гостиницу в Лас Рамблас, также занятую в период боёв. НКТ осталась в Каса Камбó. В рабочих кварталах Комитеты обороны или Революционные комитеты обосновались в подходящих зданиях для исполнения своих задач, и профсоюзы также заняли просторные помещения.

Таверны-закусочные, возникшие в пылу сражений, превратились в рабочие столовые и заняли помещения гостиниц. Таким образом отель «Ритц» преобразовался в гостиницу для «милисьянос».

Всеобщая забастовка продолжалась. Однако вскоре возникла необходимость восстановления наиболее важных услуг, и таким образом, явление «не замеченное 20 июля», сейчас проявилось полностью: рабочее самоуправление. Больницы, лаборатории и центры фармацевтической продукции, занятые в процессе уличных боёв, функционировали под рабочим контролем. Такая же форма организации появилась, как только наладили свою деятельность трамваи, автобусы, метро и железная дорога. На Центральной телефонной станции, которую контролировал рабочий комитет, полностью посвятивший себя устранению повреждений линий во время боёв, а также установке новых телефонных веток в пределах центров, возникших в первые три дня, рабочие на заседании избрали Центральный комитет, который координировал свою работу с другими секциями посредством рабочих делегатов, избранных для этой цели. Профсоюз пищевой промышленности, который с самого начала борьбы основал центры распределения продуктов питания и рабочие столовые, тотчас же расширил свою деятельность для обеспечения питанием всего населения Барселоны; были коллективизированы Центральные рынки фруктов, овощей, рыбы и мяса. Поставщики, привозившие продукцию вплоть до 19 июля, продолжали снабжение рынков. В силу обстоятельств учёт продуктов

производился не в рамках коммерции, а по принципу коллективизма. Этот режим аннулировал торговую цепь, и, следовательно, необходимо было прибегнуть к методам кооператива, которые, хотя и действовали в зачаточной форме, всё же немедленно гарантировали питание горожанам. Революция породила явление безвозмездности, легко прижившееся на практике в сфере питания благодаря рабочим столовым. Так, спонтанно, создавалось впечатление, что бесклассовое общество и упразднение денег стали реальностью. Быстрая организация Центрального комитета антифашистских милиций в той ситуации не позволила создать новые и более глубокие формы организации, призванные изменить человеческие отношения невиданным до тех пор образом. Тем не менее и в силу необратимости начатого процесса коллективизация средств производства и цепочек распределения продолжилась, несмотря на меры контроля и торможения со стороны новообразованных структур власти.

Именно после обеспечения победы над восставшими военными, когда возобновилась трудовая деятельность, можно было по-настоящему оценить размах пролетарской революции. Хозяева фабрик, технический персонал и директора, принадлежавшие к классу, чувствовавшему себя под угрозой, дезертировали; одни скрылись в надёжных местах, другие сбежали во Францию. Рабочие не обеспокоились по этому поводу — напротив, они взялись за налаживание производства, проводя коллективизацию фабрик, мастерских и всех промышленных центров, существовавших в Барселоне и других областях Каталонии. Фабричные ассамблеи разрешали текущие вопросы, назначая для этого Фабричные комитеты. Наиболее важные металлургические центры, как, например, «Испано-Суиса», «Вулькано», «Ла Макиниста Террестре и Маритима», и др. принялись за блиндаж грузовиков, предпринимая первые шаги для восстановления отрасли, которая вскоре станет военной.

Склады CAMPSA (нефть и бензин), электростанции и фабрики по производству газа, занятые в первые дни, начиная с 22 июля, работали в рамках рабочего самоуправления. Агенты-распределители бензина заливали топливо в баки автомашин по предъявлению талона от

профсоюза того Комитета, который использовал данный транспорт. Деньги исчезли из обращения.

В те дни в Барселону прибыл полковник артиллерии Рикардо Хименес де Бераса, которому удалось сбежать из Памплоны. Гарсия Оливер тотчас же задействовал его как советника в Военном департаменте и поинтересовался его мнением о новой организации, появившейся в результате революции. Его ответ был категоричен: «С военной точки зрения, всё это — хаос, но он идёт вперёд. Не предпринимайте ничего, чтобы помешать, дайте ему развиться собственными силами, потому что в конце концов он придёт к равновесию и своей манере организации»[65].

Комитеты в рабочих кварталах, принимая различные названия, но все — либертарного характера, объединились по принципу федерации, образуя Местный комитет революционного взаимодействия.

В сущности, власти как таковой не существовало: Женералитат была полнейшим символом, Центральный комитет антифашистских милиций не мог сделать ничего без поддержки профсоюзов, а милиции не могли организоваться без сотрудничества Комитетов обороны и профсоюзов, которые осуществляли контроль над первичными рабочими организациями. 22 июля Комитеты рабочих кварталов открыли универмаг, служащие приступили к работе в режиме самоуправления и распределили одежду среди граждан на безвозмездной основе. Ломбард также был открыт, и людям вернули заложенные вещи. Так, можно было наблюдать возврат швейных машин, матрасов, одеял, курток и пальто, заложенных по окончании зимы. Луис Компанис назвал такие меры «насилием» НКТ.

23 июля Местная федерация профсоюзов НКТ Барселоны выпустила такую листовку:

«Рабочий, вступай в милиции. Не оставляй ни винтовку, ни боеприпасы. Не теряй связи с твоим профсоюзом. Твоя жизнь и твоя свобода — в твоих руках»[66].

Эта листовка была ответной мерой на решение Центрального комитета антифашистских милиций, направленного в Комитеты

---

65 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч.

66 Листовка, воспроизведённая в печатном органе Boletín CNT-FAI, от 24 июля 1936 года.

обороны кварталов, с инструкциями о выдаче каждому вооружённому рабочему этого участка картонного билета с именем, видом оружия и названием профсоюза, и что те рабочие, которые не имели намерения продолжать борьбу, должны отдать своё оружие Комитету, и тот, в свою очередь, передаст их в ближайшие гарнизоны. Профсоюзам эта мера показалась нацеленной на разоружение народа. За реакцией профсоюзов последовал ответ Комитетов рабочих кварталов, которые желали сами осуществлять революционный контроль в своей зоне при помощи вооружённых групп. Такие действия отвечали на публикацию «мандата» Центрального комитета антифашистских милиций. Посмотрим, что пишет об этом вопросе Висенте Гуарнер, заместивший на посту Генерального комиссара капитана Федерико Эскофета:

«Я попытался в последний раз прийти к согласию, чтобы по мере возможности восстановить порядок. Вызвал к себе в кабинет Региональный комитет НКТ, имевший в своём подчинении всю сеть организации Комитетов обороны в кварталах столицы. Мне кажется, его председателем были Алькон (Маркос) и Ассенс (Хосе), вместе с другими влиятельными НКТистами. Я выразил необходимость методично организовать и направить в должное русло сопротивление военному мятежу. Комитеты кварталов не должны были осуществлять аресты и обыски без вмешательства Полицейской комендатуры. Один из её инспекторов или агентов при каждом действии должен был составить протокол. Также нельзя было позволить индивидуальных репрессий, абсурдных убийств за рамками закона, поскольку существовало намерение организовать “народные трибуналы”, их регламентация уже была подготовлена. Мне ответили, что военный мятеж вызвал реакцию революционного характера и что народ должен был действовать самостоятельно. В свою очередь, я сказал, что моим долгом были исполнение законов и препятствование любому беззаконному действию. Кажется, Алькон спросил у меня, уверен ли я, что мои агенты безопасности поддерживали меня, и заставил меня выглянуть с балкона на улицу, чтобы я там увидел ряд гвардейцев с повязанными на шее чёрно-красными платками — символом НКТистской организации. Я попрощался с активистами конфедерации, приказал моему

секретарю дать инструкции об аресте тех гвардейцев, которые щеголяли в нерегламентированных одеяниях, и счёл своим долгом доложить об этом разговоре президенту Компанису, который принял мою отставку. Он вызвал своего секретаря (в то время — Хуана Молеса) и попросил его подготовить назначение на пост военного советника в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии»[67].

В круговороте событий члены группы «Мы» были разбросаны по разным местам. Каждый из них исполнял важную задачу: Аурелио Фернандес вместе с Ассенсом занялись организацией «Контрольных патрулей», основанных рабочими активистами, посланными профсоюзами; они исполняли двойную миссию наблюдения за революционным порядком, согласно инструкциям Центрального комитета антифашистских милиций, но не теряя контакта с профсоюзами и Комитетами кварталов с целью осуществления совместных действий в том случае, если «сверху» поступят приказы подавить революцию. Рикардо Санс с Сантильяном и Эдо взялись за организацию рабочих колонн и отправление их на Арагон. Гарсия Оливер, возглавивший Военный департамент, налаживал военное производство, а также военное и авиационное училища. Виванкос, Ортис и Грегорио Ховер посвятили себя организации соответствующих колонн для Арагонского фронта.

Несмотря на всеобщую занятость, группа «Мы» смогла собраться, с тем чтобы обменяться мнениями о ходе событий. Их идеи полностью совпадали, они высказались за преодоление альянса, установленного между организациями НКТ и политическими партиями для создания подлинного революционного органа, который бы прямо опирался на Революционные комитеты Барселоны и Каталонии, а также на профсоюзы. В результате нужно было основать Региональную ассамблею, которая явилась бы структурой революционного управления.

Однако революция (или, другими словами, её победа) не исходила всего лишь из таких мер. И это знали все члены группы «Мы». Без поддержки и солидарности международного пролетариата испанская революция не могла выжить, несмотря на все усилия

67 Висенте Гуарнер. Указ. соч.

испанских революционеров. В этом заключался самый трагический аспект испанского анархизма. В Испании анархизм постепенно занял стабильные позиции, и ему удалось стать мощной и определяющей силой в стране. Но в остальных странах анархизм ослабевал, вплоть до потери воздействия на рабочий класс, попавший под влияние социал-демократов и сталинистов. Теперь шла речь о том, что́ можно было предпринять для пробуждения сознания международного пролетариата, принимая во внимание, что в Испании имела место первая и наиболее глубокая революция из всех тех, где главным героем выступал рабочий класс. Задача была не из лёгких: существовал Советский Союз, строивший победу своей внешней политики на подчинении пролетариата буржуазным демократиям, с которыми СССР установил альянс. Также не представлялось лёгким взаимодействие с Леоном Блюмом, который, подчиняясь правилам буржуазной демократии, не стоял у власти, а всего лишь управлял ею. Испанская революция с её зарядом анархизма являлась помехой для всех стран. Не приходилось рассчитывать на чью-либо поддержку. Испанские революционеры должны были создать ситуации, которые, нарушая все правила, смогли бы вывести революцию на международный уровень. Именно об этом говорили товарищи группы «Мы». Они располагали взрывным устройством для своей цели — Марокко. В этом регионе Франко установил свой главный штаб и резервы. И в Марокко демократическая Франция, придерживающаяся политики Народного фронта, вела войну против арабских националистов. Если бы испанским революционерам удалось осуществить восстание в так называемом Испанском протекторате в Северной Африке, это означало бы расширить мятеж на всю часть французской колонии и заставить Францию вступить в конфликт в её роли колонизатора, что могло бы привести к пробуждению французского пролетариата, усыплённого Блюмом и Торезом. Гарсии Оливеру была поручена миссия организации восстания в Марокко.

ГЛАВА VII.
НАСТУПЛЕНИЕ ДУРРУТИ — ГАРСИЯ ОЛИВЕР

23 июля 1936 года Гарсия Оливер обратился по радио к арагонским рабочим. Он произнёс зажигательную речь — призыв к борьбе:

«Выходите из дома. Бросайтесь на врага. Не ждите ни минуты. Именно сейчас вы должны взяться за дело. Это — особая задача для активистов НКТ и ФАИ. Наши товарищи должны встать в авангарде бойцов. И если надо умереть, мы умрём (...). Мы, Дуррути и тот, кто сейчас обращается к вам, — Гарсия Оливер — выйдем во главе колонн. Мы уже выслали эскадрилью самолётов для бомбардировки казарм. Члены НКТ и ФАИ должны исполнить миссию этого момента. Используйте все ресурсы. Не ждите конца моего выступления. Оставьте ваш очаг, жгите, разрушайте, сражайтесь с фашизмом»[68].

Новость об организации рабочих колонн для марша на Арагон вызвала огромную волну энтузиазма в Барселоне. Рабочие приходили в свои профсоюзные организации, чтобы записаться добровольцами, и на футбольных полях и других пунктах Комитета рабочих кварталов по своей инициативе принялись за обучение волонтёров простейшим формам борьбы, а также метанию гранат и обращению с винтовками.

Среди добровольцев были люди всех возрастов: с четырнадцати до шестидесяти лет. Однако преобладали рабочие, активно участвовавшие в революционной деятельности и имеющие опыт. Сразу же стало ясно, что наиболее способные и подготовленные члены НКТ и Либертарной молодёжи выступали на линию фронта. Тыл оставался под контролем присоединившихся к борьбе в последнюю очередь, и это могло навредить процессу самоуправления, осуществляемому рабочими, который разрастался подобно масляному пятну. Необходимо было приостановить такой энтузиазм, принимая во внимание важность участия в сражениях, но одновременно понимая, что триумф коллективной экспроприации являлся жизненно необходимым; успех в этой экономической и социальной сфере определял в конечном счёте победу революции, утверждая политическую и экономическую способность рабочего

68 Solidaridad Obrera, 23 июля 1936 года.

класса[69].

Рабочей мобилизации не было равных. Не существовало специального декрета — всё происходило по инициативе самих людей. Добровольцы обсуждали наилучший способ организации, так как никто не хотел ни возрождения духа милитаризма, ни иерархии командования. Именно в результате этих бесед будущих бойцов родилась структура и организация милиций, которая будет существовать вплоть до всеобщей милитаризации марта 1937 года. Идея организации была проста: десять человек образовывали группу, которая выбирала делегата; десять групп составляли одну центурию, которая, в свою очередь, назначала своего делегата, а пять центурий образовывали группировку, во главе которой находился ответственный. Он вместе с делегатами центурий составлял Комитет группировки[70].

Перес Фарра́с, будущий военный и технический советник колонны «Дуррути», которая находилась в процессе формирования, тотчас же высказал своё несогласие с такой формой организации, пессимистически оценивая её полезность в ходу сражений. Дуррути вскоре заметил для себя, что Перес Фарра́с ненадолго останется его военно-техническим советником, и избрал на этот пост сержанта артиллерии Мансану, который лучше понимал психологию анархистов, враждебно относившихся ко всему тому, что означало пирамидальную практику приказов и подчинений. Своим советникам Мансане и Кареньо (школьному учителю) Дуррути поручил задачу снабдить колонну артиллерийскими орудиями, боеприпасами, медицинским подразделением в составе докторов и медсестёр, а также операционной для походных условий.

Мансана, не входя в долгие разъяснения, быстро сообразил, в чём состоят требования Дуррути, и сделал всё возможное, чтобы с успехом выполнить порученную задачу. Он был знаком с рядом

69 Автор был свидетелем факта в Комитете обороны в Поблет, Барселона. Как и Фуэнтес, один из организаторов милиций в квартале, он отказал значительному числу активистов, которые настаивали на отправлении на фронт. Им так объясняли причину отказа: «Если мы все уйдём сражаться, кто обеспечит революцию в тылу?»

70 Хосе Мира. «Геррильерос конфедерации» (Guerrilleros confederales), Профсоюз металлургов НКТ Барселоны, 1937.

солдат и офицеров, вошедших в состав колонны. Так, при поддержке Дуррути и имея в виду, что все они могут служить инструкторами для остальных, их включили в состав уже организованных групп, без какого-либо давления, в атмосфере братского взаимопонимания. Тем не менее Перес Фарра́с не расстался со своими идеями и в конце концов разъяснил свою позицию Дуррути:

«Этот метод не подходит для боя».

Дуррути ответил ему:

«Я уже говорил об этом и сейчас повторю ещё раз: всю мою жизнь я прожил как анархист, и тот факт, что теперь меня назначили делегатом большой группы людей, не может заставить меня изменить мои убеждения. Именно при таком условии я дал согласие взяться за работу, порученную мне Центральным комитетом милиций.

Я думаю — и всё происходящее вокруг подтверждает мои мысли, — что рабочая милиция не может быть управляема по классическим армейским правилам. Так, я считаю необходимыми дисциплину, координацию и осуществление какого-либо плана. Но всё это нельзя рассматривать согласно критериям, которыми пользовался мир, сейчас разрушаемый нами. Мы должны созидать на новых основах. Я и мои товарищи считаем: солидарность между людьми — самый лучший мотив для пробуждения индивидуальной ответственности, которая сможет принимать дисциплину как акт самодисциплины.

Нам навязывают войну, и борьба в ней отличается от той тактики, с помощью которой мы одержали победу, но цель наших сражений — триумф революции. Это означает не только победу над противником, но и то, что она должна быть достигнута путём радикального изменения человека. Для того, чтобы эта перемена произошла, необходимо, чтобы люди научились жить и вести себя как свободные личности. В процессе такого обучения развиваются их способности нести ответственность за собственные поступки. Рабочий на своём посту не только изменяет формы материи, но и путём исполнения этой задачи изменяет самого себя. Боец — не кто иной, как рабочий, использующий оружие как инструмент труда, и его действия должны быть направлены на те же самые цели, что и действия рабочего. В бою нельзя вести себя подобно солдату, исполняющему приказы; люди должны осознавать непреходящее

значение своих актов. Я знаю, что достичь этого нелегко, но я также знаю: то, что не является результатом осознания, не может быть получено в результате применения силы. Если наш революционный военный аппарат должен поддерживаться страхом, в этом случае мы ничего не изменили, за исключением цвета самого страха. Только освободившись от страха, общество сможет развиваться свободно»[71].

Дуррути выразился предельно ясно, и его целью было не что иное, как объединение теории с практикой и наоборот. Как анархист, он желал сохранить верность своим идеям, несмотря на ответственность руководства рабочей колонны, выступающей на линии фронта Арагона[72].

Тем временем подготовка экспедиции в Сарагосу продолжалась. Вскоре на земле Арагона разразятся масштабные баталии — как на военной линии фронта, так и на фронте крестьянской революции. В Сарагосе был дислоцирован общий гарнизон V военной дивизии под командованием генерала Мигеля Кабанельяса. В составе этих сил находились следующие структуры:

«Две пехотные бригады: IX (общий гарнизон, Сарагоса) и X (общий гарнизон, Уэска), кроме того — одна артиллерийская бригада, номер V (Сарагоса), с четырьмя пехотными полками, двумя артиллерийскими, инженерным батальоном и соответствующими службами.

Кроме того, в качестве недивизионных частей — автомобильный полк, кавалерийский; подразделение ремонтного склада, зенитная группа, парк военного корпуса, батальон мостоукладчиков и медицинская служба.

Основные военачальники: генералы: дон Мигель Кабанельяс (V дивизия), Альварес Аренас (IX бригада), Де Бенито (X бригада) и дон Эдуардо Мартин Гонсалес (V артиллерийский полк).

Нельзя забывать о существовании структур охраны правопорядка. Кроме Штурмовой гвардии Сарагосы, были задействованы восемнадцать рот Гражданской гвардии и пять рот карабинеров.

71 Там же. Аурелио Фернандес в цитированном письме приводит много идей на эту тему. Позднее Эмма Гольдман в беседе с Дуррути выражает такие же мысли. Freedom, Лондон, апрель 1937 года.

72 Эта последовательность Дуррути критикуется Кольцовым в его «Дневнике войны в Испании» (Париж: изд-во Ruedo Ibérico).

Личный состав армии понёс сильные потери, но в качестве компенсации, можно сказать, начиная с самых высших рангов до самых низших, почти все без исключения были полностью настроены на исполнение планов генерала Молы»[73].

Хосе Чуэка, говоря о сдаче Сарагосы, задаёт себе вопрос:

«Смогли ли мы сделать более того, что было сделано? Возможно. Мы слишком доверились обещаниям гражданского губернатора (Вера Коронель) и придали слишком много значения нашим силам; не захотели предусмотреть, что перед лицом возможного натиска фашизма нужно было иметь нечто более мощное, чем тридцать тысяч рабочих, организованных в профсоюзы»[74].

А Мартинес Банде пишет:

«Ночью 17-го, как только пришли новости о событиях в Марокко, массы решительно настроенных экстремистов заняли главные улицы. Весь день 18-го прошёл в напряжённом ожидании, многочисленные группы добровольцев явились в гарнизоны, а на рассвете 19-го было объявлено военное положение. В ответ НКТ в тот же самый день объявила всеобщую забастовку, которая была подавлена 22-го числа энергичными действиями военных властей и в результате ряда столкновений.

В Калатаюде, 20 июля полковник Муньос Кастельянос объявил военное положение, без инцидентов; но армейские подразделения и структуры правопорядка вместе с добровольцами должны были освободить значительное число посёлков. На севере Эбро — семь населённых пунктов, в прибережных районах — четыре, а на юге от Эбро — десять, включая Бельчите»[75].

Так же, как Сарагоса и Калатаюд, во власти повстанцев оказались Уэска и Теруэль. Барбастро представлялся островком, занятым солдатами-республиканцами под командованием полковника Вильяльбы.

Таковой была картина арагонской земли, когда Дуррути, ведя за собой две тысячи "милисьянос" поставил цель завоевания Сарагосы.

73 Хосе Мануэль Мартинес Банде. «Оккупация Арагона и высадка десанта на Мальорке» (La invasión de Aragón y el desembarco en Mallorca). Мадрид: изд-во San Martín, 1970.

74 Хосе Чуэка, статья в труде «От июля до июля» (De julio a julio), указ. соч.

75 Хосе Мануэль Мартинес Банде. Указ. соч.

24 июля в десять часов утра колонна «Дуррути» должна была выйти из Пасео-де-Грасия по направлению к Сарагосе, через Лериду. В восемь утра Дуррути выступил по радио, обращаясь к рабочему населению Барселоны с просьбой поддержать снабжение колонны продуктами питания. Такой необычный призыв удивил всех. Конечно, для этого были свои причины. Распределение пищевых продуктов в какой-то степени было задачей Комитетов рабочих кварталов, Профсоюзов пищевой промышленности и Центрального комитета антифашистских милиций. Разве эти организации отказывали Дуррути в возможности организовать интендантскую службу? Вскоре Дуррути удовлетворил любопытство:

«Наиболее мощное орудие революции — энтузиазм. Она побеждает, когда все вокруг заинтересованы в победе и воспринимают её как своё личное дело. Реакция на мой призыв, — сказал он тем, кто выказал удивление, — покажет нам степень интереса со стороны Барселоны в отношении революции и её победы. Кроме того, эта мера поставит каждого перед лицом своей собственной ответственности, она — возможность осознания всеми того факта, что наша борьба — коллективная и что её триумф зависит от усилий всех. Именно в этом, и ни в чём другом заключается смысл нашего призыва», — сказал в заключение Дуррути[76].

Незадолго до выхода колонны «Дуррути» её делегат находился в Профсоюзе металлургов, обсуждая вопрос о бронировании грузовиков. Там он дал интервью журналисту Toronto Star Ван Пассену; тот позднее опубликует репортаж под названием «Два миллиона анархистов сражаются за революцию». В этой статье он тотчас же представляет Дуррути читателям:

«Высокий, смуглый человек с арабскими чертами лица. Сын простых крестьян. Его голос — энергичный, почти гортанный».

Ван Пассен спросил, считает ли Дуррути, что повстанцы уже разгромлены:

— Нет, пока мы их не победили, — ответил он честно. И добавил: — Сарагоса и Памплона под их контролем. Там находятся арсеналы и фабрики боеприпасов. Мы должны занять Сарагосу, и затем выйдем

76 Рассказ Пабло Руиса и Solidaridad Obrera от 25 июля 1936 года, комментируя энтузиазм населения.

навстречу частям Иностранного легиона, которые, посланные генералом Франко, подходят с юга. Через две или три недели мы вступим в решающие бои.

— Две или три недели? — спросил заинтригованный журналист.

— Две или три недели. Или, быть может, месяц, — подтвердил Дуррути. Борьба продлится как минимум весь август. Рабочий народ вооружён.

В этой битве армия не в счёт. Существуют две стороны: люди, сражающиеся за свободу, и те, которые идут в бой, чтобы подавить её. Все трудящиеся Испании знают, что, если фашизм победит, наступят голод и рабство. Но фашисты также знают, что их ждёт, если они потерпят поражение. Поэтому борьба будет беспощадной. Для нас она означает разгром фашизма, и так, чтобы он никогда не смог поднять головы в Испании. Мы твёрдо намерены раз и навсегда покончить с ним, и своими силами, и несмотря на правительство...

— Почему вы говорите: “и несмотря на правительство”? Разве это правительство не борется против фашистского мятежа? — спросил я с удивлением.

— Ни одно правительство в мире не борется с фашизмом до победного конца. Когда буржуазия, — добавил он, — видит, что власть ускользает из её рук, она, чтобы сохранить свои привилегии, прибегает к поддержке фашизма. Именно это происходит сейчас в Испании. Если бы республиканское правительство хотело покончить с фашистскими элементами, то давно могло бы сделать это. Однако оно медлило, шло на уступки и теряло время в поисках компромиссов и соглашений с фашистами. Даже сейчас, в эти моменты, в правительстве есть люди, желающие принятия очень умеренных мер против фашистов. Кто знает, — сказал, смеясь Дуррути, — быть может, правительство всё ещё надеется применить силы повстанцев для подавления революционного движения, начатого рабочими!

— Значит, — спросил Ван Пассен, — вы предвидите сложности даже после победы над мятежниками?

— Это так. Буржуазия будет сопротивляться; она не согласится подчиниться революции, которую мы сохраним во всей её мощи», — ответил Дуррути.

Журналист указал ему на противоречие революции, проводимой

анархистами:

«— Ларго Кабальеро и Индалесио Прието утверждают, что задача Народного фронта — в том, чтобы спасти Республику и восстановить буржуазный строй. Однако вы, Дуррути, говорите мне, что народ желает, чтобы революция продвинулась как можно дальше. Как понять такое противоречие?

— Антагонизм очевиден, — ответил он. — Будучи буржуазными демократами, эти господа не могут разделять мыслей, отличных от тех, которые они сами исповедуют. Но простые люди, рабочий класс устал от обманов. Трудящиеся знают, чего они хотят. Мы боремся не за народ, а вместе с народом, другими словами — за революцию в пределах самой революции. Мы осознаём, что в этой борьбе мы одиноки и что можем рассчитывать лишь на самих себя. Для нас ничего не означает существование Советского Союза в какой-то части света, потому что мы заранее знали о его отношении к нашей революции. Для Советского Союза единственно важным является его собственное благополучие. Для этого спокойствия Сталин принёс в жертву фашистским варварам немецких рабочих. До этого он так же поступил с китайскими рабочими, покинутыми им. Мы выучили преподнесённые нам уроки и хотим идти вперёд в наших революционных действиях, потому что хотим перемен сейчас, а не после, быть может, завершения будущей войны в Европе. Наша позиция является примером того, что мы являемся для Гитлера и Муссолини более сильной головной болью, чем Красная армия, потому что они боятся своих народов, которые, последовав нашему примеру, заразятся нашим энтузиазмом и покончат с фашизмом в Германии и Италии. Этот страх также беспокоит и Сталина, потому что триумф нашей революции обязательно отразится на русском народе».

Ван Пассен подводит итог:

«Этот человек говорит от имени профсоюзной организации, в рядах которой приблизительно два миллиона трудящихся и без чьей поддержки Республика не может ничего сделать, даже если предположить, что она одержит победу над мятежниками. Я решил узнать ход его мыслей, так как для лучшего понимания событий в Испании необходимо выяснить, что думают рабочие. По этой

причине я взял интервью у Дуррути, потому что в силу его значения и престижа в народной среде он является подлинным и типичным представителем вооружённых рабочих. Судя по его ответам, становится предельно ясно, что Москва не имеет здесь никакого влияния, ни морального права говорить от имени испанских рабочих. По словам Дуррути, ни одно из европейских государств не испытывает симпатий к либертарному духу испанской революции, — напротив, они хотели бы задушить это движение.

— Ожидаете ли вы сейчас какой-либо помощи от Франции или Англии, зная, что Гитлер и Муссолини начали поддерживать военных мятежников? — спросил я.

— Я не жду никакой помощи для либертарной революции от какого бы ни было правительства в мире, — ответил сухо Дуррути. И добавил:

— Может случиться, что конфликты интересов империализма каким-то образом повлияют на нашу борьбу. Это возможно. Генерал Франко делает всё возможное, чтобы втянуть Европу в войну, и ни на минуту не усомнится в том, чтобы бросить Германию против нас. Но, в конце концов, я не жду ничьей помощи, и в конечном счёте — даже от нашего правительства.

— Сможете ли вы победить в одиночку? — спросил я прямо».

Дуррути не ответил. Задумываясь, он прикоснулся к подбородку. Его глаза блестели. Тогда Ван Пассен задал ещё один вопрос:

«— Но даже в случае успеха вы унаследуете лишь груды руин, — заметил я, нарушая молчание.

Казалось, Дуррути прервал какое-то глубокое раздумье и мягко, но уверенно ответил мне:

— Мы всегда жили в нищете и на какое-то время как-нибудь наладим жизнь. Но не забывайте, что только рабочие производят богатства. Именно мы — рабочие — приводим в движение промышленное оборудование, добываем уголь и минералы в шахтах, созидаем города... Почему же мы в более благоприятных условиях не сможем построить и заменить то, что было разрушено? Разруха не страшит нас. Мы знаем, что унаследуем одни лишь развалины, потому что буржуазия в последней фазе своего исторического существования попытается свести на нет всё вокруг. Но я повторяю вам: нас не пугают руины, потому что в наших сердцах живёт новый мир, —

сказал он тихо и жёстко. А затем добавил: — Этот мир создаётся прямо сейчас»[77].

Приблизительно в десять утра, добровольцы колонны «Дуррути» начали прибывать на заполненную толпами людей, желающих присутствовать при отправлении того необыкновенного каравана: грузовиков, автобусов, такси и автомобилей для туристов. Энтузиазм был огромным. Быстрая победа в Барселоне давала право на такой энтузиазм. И намеченный поход к Арагону представлялся многим короткой прогулкой.

Приблизительно в полдень колонна в составе двух тысяч человек в атмосфере радостных возгласов, поднятых вверх кулаков, революционных песен двинулась в путь. Громче всех звучал гимн НКТ-ФАИ «На баррикады!».

Впереди ехал грузовик с десятком молодых ребят, среди которых выделялась мощная фигура Хосе Эллина, размахивающего красно-чёрным знаменем. Он погибнет 17 ноября, защищая Мадрид и подрывая гранатами итальянские танки. За ними следовала Центурия под началом делегата, металлурга Ариса. За ними шли пять центурий, которые вскоре отличатся, как настоящие элитные подразделения подрывников: то были шахтёры из Фигольса и Саллента. Также выступали моряки из синдиката Морского транспорта, зарекомендовавшие себя отличными геррильерос. В первых рядах, как всегда, был моряк Сетонас.

Делегатом III центурии был Эль Падре — старый боец, принявший участие в революционном движении Панчо Вильи в Мексике. IV центурия шла под командованием рабочего-текстильщика Хуана Косты; и V, в составе которой находились исключительно

77 Toronto Star, статья Ван Пассена под названием «"Два миллиона анархистов сражаются за революцию", — заявляет испанский лидер» ("Dos millones de anarquistas luchan por la revolución", declara un líder español), 18 августа 1936 года. Мы перевели текст оригинала с английского. Дата опубликования и дата самого интервью сильно разделены во времени. Наши исследования показали, что это интервью произошло в Барселоне утром 24 июля, в помещении Профсоюза металлургов НКТ. Возможно, в силу журналистских приёмов Ван Пассен пишет: «Вдали слышались раскаты пушек». Однако очень важно определить событие в точных или приблизительных рамках времени — в противном случае нельзя достоверно понять некоторые ответы Дуррути в отношении войны и военных действий против мятежников.

металлурги, была представлена делегатом, молодым анархистом 19 лет — Муньосом.

Между двумя автокарами продвигался «Испано», на котором ехали Дуррути и Перес Фарра́с. Дуррути — молчаливый, отчуждённый — не обращал внимания на громкие приветствия и поднятые кулаки. Он переживал чувство ответственности перед лицом обстоятельств. 70% бойцов колонны представляли собой цвет молодых анархистов Барселоны. Юноши и взрослые мужчины 19 июля и до этой даты узнали на себе, что такое уличные сражения и столкновения с органами правопорядка. Однако им не была известна борьба на открытой местности, другими словами — война.

Перед выходом из Барселоны в казарме имени Бакунина Дуррути обратился к составу колонны с речью. Он предупредил всех о разнице между сражениями, известными им на практике, и теми, с которыми они столкнутся в Арагоне. Но Дуррути знал, что слова не могут заменить сам опыт. Он рассказал об авиационной бомбардировке и пушечных выстрелах, предшествующих атакам. О боях врукопашную с применением холодного оружия. И особенно отметил разницу между буржуазной армией и вооружённым пролетариатом, в обращении с крестьянами и населением в тылу.

Проблема командования ещё не была разрешена. Он детально разъяснил свою позицию перед Центральным комитетом антифашистских милиций и позднее повторил её Пересу Фаррасу. Дуррути знал о том доверии, которое испытывали к нему его товарищи, даже если бы он призвал их идти на смерть. Но не смерть являлась целью Дуррути, а сама жизнь. Любой военный может, без всякого зазрения совести, со своего командного поста, послать людей на смерть; впоследствии восполнить людские потери — и делу конец. Но Дуррути знал, что бóльшая часть его людей были революционерами, и таких людей нельзя заменить. В его памяти всплывали слова Нестора Махно:

«Разница между командующим, который отдаёт приказы, и революционером, который направляет, заключается в том, что первый применяет силу, в то время как у второго нет другого авторитета, кроме его собственного примера»[78].

78 Дуррути вспоминает о встрече с Нестором Махно в Париже в 1927 году (об

Висенте Гуарнер даёт оценку двум мужчинам, возглавлявшим колонну:

«Дуррути — командир, с которым мне довелось общаться, — обладал необыкновенным характером. Около сорока лет, решительный, с проницательным и детским взглядом, роста выше среднего. Он ранее был железнодорожным рабочим. Перес Фарра́с — уроженец Лериды, импульсивный, резкий в суждениях, высокого роста, широколобый. Его природный талант иногда омрачался короткими вспышками...»[79]

В то время как колонна «Дуррути» шла через Лериду на Сарагосу, Гарсия Оливер не терял времени в Военном департаменте. 23 июля он встретился с Хулио Альваресом дель Вайо, остановившимся в Мадриде проездом из Франции. Он поговорил с ним и настоял — принимая во внимание его влияние в кругах социалистов, в частности близким к Ларго Кабальеро, и тот вес, который имела эта партия на правительство Хираля, — на том, чтобы в Мадриде чётко поняли: победа должна быть одержана в Марокко, а не на территории полуостровной Испании. Необходимо, чтобы республиканское правительство, — настаивал Гарсия Оливер в разговоре с Альваресом дель Вайо, — сделало официальное заявление о независимости испанского протектората в Марокко. Если испанское правительство поступит таким образом, указал Гарсия Оливер, то генерал Франко будет побеждён в своём собственном тылу и контроль над полуостровом установится в считаные дни. Альварес дель Вайо пообещал изложить в Мадриде эту точку зрения, однако «к несчастью — по словам Альвареса дель Вайо, — в Мадриде он не нашёл понимания, и никто не обратил внимания на идею Гарсии Оливера»[80].

Тем не менее, Гарсия Оливер не особо доверял Альваресу дель Вайо и тому, что тот мог бы сделать в Мадриде. Он сам принялся за миссию восстания в Марокко:

«За несколько дней до нашей революции товарищ из профсоюза графического искусства, Хосе Мархели, поддерживающий тесный

этом мы рассказали в первой части книги).

79 Висенте Гуарнер. Указ. соч.

80 Взято из неопубликованного интервью с Хулио Альваресом дель Вайо; автор встретился с ним в 1972 году и записал беседу на магнитофон.

контакт со мной и нашей деятельностью, познакомил меня с человеком по имени Архила[81] — египтянином, преподавателем иностранных языков в Академии Берлиц. По словам Мархели, Архила и ранее его отец являлись влиятельными активистами в арабском мире, тесно связанными с Панисламским комитетом, работавшим в Женеве[82].

Когда началась революция и когда мы осознали, сколь скудные идеи о Республике имели члены правительств, постоянно подававшие в отставку, я пригласил Мархели и Архилу на заседание Комитета милиций Каталонии, в состав которого я входил и руководил Военным департаментом. Я спросил у Архилы о его отношениях с официальным миром панисламизма в Женеве. Он мне ответил, что являлся их официальным агентом в Испании и что готов сотрудничать со мной. Принимая во внимание важность контактов с главами конспирации арабского мира, я назначил встречу на следующий день, в том случае, если Архила вместе с Мархели были готовы взяться за миссию, с целью подготовки альянса между нами и арабским миром. С согласия Архилы и Мархели я изложил дело Марианету, секретарю Регионального комитета Каталонии, который одобрил мои действия в будущем. Также я сообщил о возможных результатах этого дела на собрании Центрального комитета милиций,

81 Архила, о котором мы здесь рассказываем, — сын Архилы, который в 1930 году под влиянием Эмира Чекиба Арслана (основателя La Nation Arabe или панарабизма в оппозиции панисламизму) заинтересовал некоторых интеллигентов Испании, среди них — Фернандо-де-лос-Риос и Гонсало-де Репарас; впоследствии в Мадриде они основали в указанную дату «Испано-исламскую Ассоциацию», которая поддерживала связь с влиятельными личностями Тетуана. Архила-отец был журналистом и сотрудничал с журналом Maghreb, основанным в Париже Х.Р. Конге (внуком Карла Маркса). С того дня Архила стал официальным представителем Эмира Чекиба Арслана в Испании. Нам неизвестно, умер ли Архила-отец или же, будучи в преклонном возрасте, передал свои дела сыну, преподавателю иностранных языков, с которым встретился Гарсия Оливер, через Мархели, тоже арабского происхождения. Для вопросов, связанных с Марокко и Комитетом марокканского действия, мы рекомендуем читателю проконсультировать Les Parties Politiques Marrocains профессора Роберта Реззете (Париж: изд-во Armand Colin, 1955).

82 Эмир Чекиб Арслан расположился в своей резиденции в Женеве, там же — представительство La Nation Arabe, которое служило контактом с марокканскими националистами испанской и французской зон, то есть Тетуаном и Фесом.

которые мы проводили каждый вечер; все участники одобрили мои действия и дали мне самые широкие полномочия.

На следующий день пришли Мархели и Архила. Я представил им товарища Магринью, моего представителя в Отделе пропаганды Центрального комитета милиций. Все они были широко информированы мной о целях их работы в Женеве, им выдали верительные письма, паспорта, деньги, и они отправились в путь...»[83]

«Мы вылетели прямым самолётом в Париж, чтобы там сделать пересадку на Женеву. В Женеве мы поселились в отеле “Россия”. Установив контакты, отправились на встречу с пожилым господином в его роскошной резиденции; он пригласил нас на обед в стиле и традициях его страны, с большой долей торжественности и исключительной роскошью.

Во время обеда мой спутник рассказал ему о цели нашего визита, и тот пообещал передать наши предложения националистским лидерам Марокко. Конкретно речь шла о просьбе поддержки дела Испанской Республики в Марокко со стороны Торреса и его организации взамен на независимость или автономию, согласно их пониманию этого вопроса»[84].

Пока продолжались эти беседы, переместимся опять в колонну «Дуррути».

---

83 Гарсия Оливер, письмо к автору.

84 Хайме Роскильяс Магринья в письме к автору. Магринья вместе с Бернардо Поу является автором книги «Один год конспирации» (Un año de conspiraciónón) (Барселона, 1930), где рассказывает обо всей деятельности НКТ-ФАИ в том году.

ГЛАВА VIII.
КОЛОННА «ДУРРУТИ»

По мере продвижения колонны в сёлах, через которые пролегал её путь, у обочин дорог собирались люди, чтобы посмотреть на ход каравана. Многие, узнав Дуррути, восклицали:

«Этот не может быть командиром! У него на форме нет нашивок!»

Другие, более осведомлённые, отвечали: «У анархистов нет начальников, поэтому он не носит нашивок».

В других населённых пунктах крестьяне радостно встречали колонну, громко приветствуя её членов и НКТ-ФАИ. Где бы ни останавливалась колонна, крестьяне окружали бойцов. Дуррути выходил из машины, чтобы поговорить с людьми:

«Вы уже организовали коллективное хозяйство? Не медлите! Занимайте земли! Организуйте на них работу так, чтобы не допустить ни начальников, ни бездельников. Если вы этого не сделаете, бесполезно двигаться нам вперёд. Нам надо устроить новый порядок, отличный от того, который мы сейчас разрушаем. Если мы не добьёмся этого, молодёжь будет напрасно погибать на полях сражений. Цель нашей борьбы — революция»[85].

Так, пока колонна шла вперёд, на линию фронта, чтобы сразиться с фашистами, зарождался новый мир — именно он являлся целью сражения.

В Каспе состоялся первый бой с фашистами. Капитан Гражданской гвардии Негрете контролировал этот посёлок. С 23 июля значительная группа «милисьянос», на свой страх и риск выступившая из Барселоны, схватилась с противником; среди них находились братья Субиратс. Сражение уже достигло накала, когда к местности подошла колонна и помогла освободить Каспе. После

---

85 Паулесы были братьями. Старшего звали Косме, а младший стал известен в то время благодаря своим военным хроникам. Он их подписывал псевдонимом «Эль Бандидо». Оба вышли с колонной «Дуррути» из Барселоны. В ряде статей, опубликованных в ноябре 1964 года в ... (НКТ) в Тулузе (Франция), они рассказывают об организации и первых днях колонны. Мы также воспользовались воспоминаниями Франсиско Субиратса и Либерто Роса. Что касается участия «интернационалистов», то можно обратиться к труду Симон Уэйл Ecrits historiques et politiques — она была добровольцем в «Дуррути» в августе 1936 года.

этой победы ряды Колонны пополнились, и она продолжила свой путь, оставляя за собой деревни: Фрага, Кандаснос, Пеньяльба, Ла Альманда и другие. 27 июля вошли в Бухаралос, где временно был организован Военный комитет[86].

На следующий день, колонна двинулась по направлению к Эбро. Она должна была пройти через Пину и Осеру, чтобы дойти до Сарагосы. Вскоре, в нескольких километрах от Бухаралоса, колонне впервые пришлось столкнуться с военной действительностью. «Милисьянос» подверглись атаке фашистских самолётов, началась бомбардировка. Ряд бойцов поддался панике, люди в страхе обратились в бегство. Их реакцию можно было понять. Бомбардировка нанесла большой ущерб: двенадцать убитых и более двадцати раненых, среди них — артиллерийский командир Клаудин, под началом которого были три артбатареи колонны.

Группа участников колонны инстинктивно преградила дорогу бегущим и решительно воспрепятствовала распространению паники и возможному отступлению каравана. В результате этого замешательства Дуррути стало ясно, что предпочтительнее было ретироваться, разведать о дислокации противника и таким образом

86 Мартинес Банде в своей книге о вступлении в Арагон, упоминаемой здесь ранее, пишет следующее: «На рассвете 24 июля, подразделения Дуррути оттесняют защитников моста и, решительно атакуя, неудержимо, под защитой авиации и нескольких бронемашин, занимают посёлок. Уличные бои в Каспе принимают жёсткий характер, в них погибают капитан Негрете и второй по значимости командир, лейтенант Гражданской гвардии дон Франсиско Кастро». Со слов самого автора, подразделения повстанцев состояли из 40 гражданских гвардейцев, 200 гражданских лиц, вооружённых винтовками, которые Негрете достал в Сарагосе. В рассказе Мартинеса Банде есть неточность в отношении дат. Колонна «Дуррути» выступила из Барселоны приблизительно 24 июля и, быстро продвигаясь, наверняка подошла к Каспе на рассвете 25-го. Защитники Каспе капитулировали в утренние часы 25-го. Таким образом, мы пришли к выводу, что бойцы, сразившиеся 24 июля в Каспе, были небольшой группой «милисьянос», среди которых находился и Франсиско Субиратс. Узнав о подходе колонны «Дуррути», они предупредили её, и Каспе был взят за два или три часа, «в утренние часы 25-го». Что касается участия самолётов, то никто из участников сражения не помнит о республиканских самолётах. В отношении бронемашин — там были грузовики с установленными на них лёгкими стальными пластинами, изготовленными в промежутке: 22 июля — утро 24-го. Настоящий танк прибыл в колонну гораздо позже; то был знаменитый «Кинг Конг» с Антонио Бонильей — водителем.

избежать ловушки. Когда колонна двинулась назад в Бухаралос, на одном из грузовиков Дуррути увидел Эмилианне — она вступила в ряды «милисьянос». Улыбаясь, он посмотрел на неё, не говоря ни слова.

Мими пишет об этой встрече:

«Там, в этом местечке (Бухаралос), теперь уже историческом, мы встретились после двух недель разлуки. После первых впечатлений и эмоций тотчас же принялись за организацию штаба колонны. В сырой и тёмной комнате мы начали работу; без какого-либо материала организовали первую административную структуру этой колонны в тысячу человек, которая вскоре быстро увеличит свой состав. Именно в этом маленьком селе, бедном и простом, было положено начало организации нашей колонны, поначалу с большими недостатками, но потом, постепенно, она была готова отвечать огромным потребностям нескольких тысяч бойцов»[87].

В целом же республиканские колонны в Каталонии и Арагоне состояли из следующих частей:

1. «Буэно» (маленькая колонна, почти весь её личный состав приходился на каталонцев из партии Левых республиканцев Каталонии).
2. «Ленин» («милисьянос» из ПОУМ и группа интернационалистов).
3. «Аскасо» (важная по значению колонна, состоящая из «милисьянос» НКТ-ФАИ и военных подразделений из Барбастро. Делегат — Грегорио Ховер).
4 «Агилучос» («милисьянос» НКТ-ФАИ. Делегат — Гарсия Виванкос).
5. «Карл Маркс» («милисьянос» ОСПК. Делегат — Хосе дель Баррио).
6. «Маурин» («милисьянос» из ПОУМ, в основном рабочие из Ле́риды. Делегат — Хосе Ровира).
7. «Дуррути» (рабочие НКТ-ФАИ. Делегат — Буэнавентура Дуррути).
8. «Сур-Эбро» (рабочие НКТ-ФАИ. Делегат — Антонио Ортис).
9. «Пеньяльвер» (маленькая колонна из Таррагоны, в составе

87 Le Libertaire, 7 июля 1938 года. Статья Эмилианне Моран «Воспоминания о рождении революции» (Souvenirs l'enfentement d'une revolution).

рабочих и военных. Делегат — Пеньяльвер)
10. «Мена» (маленькая колонна из Таррагоны. Делегат — Мена).

Две последние колонны присоединились к «Сур-Эбро» и к «Масиá-Компанис», эта последняя — под командованием Переса Саласа. По возвращении в Бухаралос, Дуррути и Перес Фарра́с впервые поспорили. Профессиональный военный, Перес Фарра́с не одобрял методов Дуррути и, воспользовавшись недавней неудачей, порекомендовал перестроить колонну и пересмотреть план атаки на Сарагосу. Будь эти советы даны при других обстоятельствах, Дуррути согласился бы с такими замечаниями, но тут его гордость была глубоко задета: он понял, что такая критика не была беспристрастной, а исходила из неприятия анархистских методов. Дуррути ответил, что любой человек в этой ситуации поддался бы панике. Однако отличие состояло в том, «что те, которые сегодня бежали, завтра будут храбро сражаться, но в том случае, если их реакция будет понята должным образом: как реакция рабочих, захваченных врасплох, а не солдат, в страхе отступающих перед врагом»[88].

С балкона муниципалитета Бухаралоса Дуррути обратился к бойцам своей колонны, собравшимся на площади. Его речь была жёсткой — быть может, как вспоминает один из слушателей, самой суровой за всё время военной деятельности Дуррути.

«Друзья, никто из вас не вступил в эту колонну под принуждением. Вы сами избрали этот путь, и судьба первой колонны НКТ и ФАИ незавидна. Гарсия Оливер сказал об этом по радио, ещё в Барселоне: мы выходили к Арагону с целью взять Сарагосу или умереть в бою. Я повторяю вам то же самое: лучше умереть, чем отступить. Сарагоса под контролем фашистов; и в ней сотни, тысячи рабочих живут под прицелом винтовок, готовых в любую минуту разрядиться и поразить наших братьев. Для чего же мы вышли из Барселоны? Разве не для того, чтобы освободить их? Они ждут нас, а мы обращаемся в бегство при первом натиске врага! Так мы, впадая в панику от штурма трёх самолётов, показываем всему миру и нашим товарищам свою храбрость!

88 Либерто Рос, письмо автору.

Буржуазия не позволит нам построить либертарный коммунизм только потому, что мы этого сильно хотим. Буржуазия будет сопротивляться, ведь она встаёт на защиту своих интересов и привилегий. Только путём сокрушения буржуазии мы сможем основать либертарный коммунизм. Наша дорога к идеалу верна, но надо идти по ней с мужеством. Крестьяне в сёлах, через которые мы прошли, уже начали претворять в жизнь нашу теорию; они вооружились, думая о защите своего урожая. Если мы освободим путь противнику, то это будет означать, что крестьянская инициатива бесполезна, и хуже всего то, что победители расправятся с ними за их смелые поступки. Именно в этом заключается смысл наших боёв. Наша борьба сурова и не похожа ни на одно из прошлых сражений. Сегодняшнее событие — просто предупреждение. Теперь борьба начнётся по-настоящему. На нас пошлют тонны шрапнели, а мы будем вынуждены защищаться ручными гранатами и даже ножами. По мере того, как противник будет чувствовать себя загнанным в угол, он, как бешеный зверь, попытается нанести удар. И укусы его будут сильны. Но пока ещё не наступил этот момент, и сейчас он сражается, чтобы не пасть разгромленным под тяжестью нашего оружия. Более того, Германия и Италия помогают нашим противникам, а у нас всего лишь есть вера в идеалы, но об эту веру обломали зубы все репрессии. И сегодня она тоже сокрушит фашизм. Мы добились успеха в Барселоне и должны извлечь пользу из этой победы. Если мы не сделаем этого, наш противник с помощью немцев и итальянцев станет сильнее нас и применит к нам суровый закон для побеждённых.

Наша победа зависит от быстроты наших действий. Чем быстрее мы атакуем, тем больше у нас шансов на успех. До сих пор победа была на нашей стороне, но мы не сможем закрепить её, если немедленно не возьмём Сарагосу... Завтра не должно повториться то, что произошло сегодня. В рядах НКТ и ФАИ нет трусов. Мы не хотим в нашей колонне людей, паникующих при первых залпах... Я прошу тех, кто сегодня в страхе отступил, препятствуя продвижению колонны, оставить своё оружие, передавая его в более твёрдые руки... Мы останемся и продолжим наступление. Войдём в Сарагосу, освободим рабочих Памплоны и пожмём руки нашим

товарищам, шахтёрам из Астурии. Мы победим и принесём новый мир в нашу страну. А тех, кто вернётся домой после этих боёв, я прошу не говорить никому о том, что случилось сегодня... стыд переполняет нас»[89].

Один из присутствовавших в те моменты рассказывает:

«Никто не сдал своё оружие, но те, кто в панике бежал, плакали от злости к себе. Урок был суровым, но тогда эти люди родились заново. Многие из них стали прекрасными геррильерос, и многие погибли в те тридцать два месяца отчаянных сражений»[90].

«Колонна "Дуррути" взяла курс на Эбро, после упорных боёв заняла деревни Пина и Осера. Продвинулась до Сарагосы, не доходя до города двадцати километров. Остановилась перед рекой, и также по причине сопротивления воинских подразделений арагонской столицы колонна "Дуррути" укрепила позиции эффективной сетью траншей и пулемётных гнёзд на своей внешней линии. Центральный комитет милиций отдал приказ колонне приостановить наступление и закрепиться, чтобы дать время колонне "Ортис", на юге Эбро, занять Кинто и Бельчите. Несколько дней до того силы этой колонны форсировали реку и в посёлке Кинто взяли в плен кавалерийское подразделение, его капитана и двух лейтенантов, отражая довольно частые атаки мятежников из Сарагосы.

Информация, полученная этой колонной, оказалась очень кстати. Почти каждую ночь из Сарагосы бежали рабочие, и в город входили вооружённые "милисьянос". Так мы смогли получить сведения о том, что многие наваррские офицеры получили военную подготовку и что в конце июля генерал Герман Хиль Юсте сменил генерала Кабанельяса на посту командующего V дивизией»[91]. Важность предыдущей цитаты заключается в том, что она окончательно проясняет, откуда вышел приказ задержать продвижение колонны

89 С помощью информации, предоставленной Либерто Росом и Пабло Руисом, нам удалось воссоздать выступление Дуррути. Оба свидетеля признают, что «слова Дуррути глубоко тронули их»: «Его речь не была всего лишь пропагандой, а уроком революционного боя».

90 Там же.

91 Висенте Гуарнер. Указ. соч. Не надо забывать, что Гуарнер в то время уже был техническим советником Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии в Барселоне.

к Сарагосе и задержаться в 20 км от города. Все военные советники совпадали во мнении: необходимо было подождать подхода колонн, выходящих из Барселоны, чтобы предпринять фронтальную атаку на Сарагосу. Дуррути после обсуждения в Бухаралосе обстановки с полковником Вильяльбой (офицером, доверенным лицом ЦКАМ в Арагоне) и другими военачальниками, видимо, согласился с таким решением, укрепляя тем временем свои позиции после взятия сёл Пина и Осера и занимаясь перестройкой колонны. Тем не менее наиболее выдающиеся активисты Арагона, как, например, Хосе Альберола, высказали мнение: решение приостановить атаку на Сарагосу было ошибкой. Они приводили следующие доводы: первый — использование психологического момента триумфа в Барселоне и Каталонии, и второй — атака не должна быть фронтальной, а через Калатаюд, слева от Сарагосы и через Тардиенту — справа[92].

Позднее, когда стала очевидной невозможность взятия Сарагосы, Дуррути пришлось признать свою ошибку. Он оправдывал свои действия тем, что потери колонны при атаке могли бы быть огромными, что делало ненужными жертвы товарищей, входивших в состав колонны.

В Барселоне Центральный комитет антифашистских милиций продолжал работу над организацией колонн. Была готова «Роха

92 Хосе Мира, в указ. соч. пишет, что говорили о том «было лучше, прежде чем двигаться вперёд, подождать пока колонна "Сур-Эбро" займёт Кинто и Бельчите и встанет рядом с колонной "Дуррути" на берегу реки Эбро». Гуарнер поясняет, что приказ задержать продвижение был отдан Центральным комитетом антифашистских милиций. По словам Хосе Альберолы, выдающегося активиста Арагона, который будет советником по делам культуры в Совете обороны этого района, «явилось большой ошибкой установить линию фронта на равнине и за пределами стен Уэски». Он думает, что «необходимо было использовать победу в Барселоне и сразу же, ливнем, обрушиться на Сарагосу». Он считает, что «Сарагоса не устояла бы под таким натиском». (НКТ, 16 июля 1961 года, Тулуза, Франция). Фелипе Алаис (статья в L'Espagne indomptable, август 1939 года, Париж) считает важным успехом то, что колонна «Дуррути» тотчас же заняла Бухаралос, так как от Сегре до Эбро находится область Лос Монегрос, где большая часть земель отведена под посевы пшеницы. Между Эбро и Сегре протекает река Синка, на берегах которой, кроме пшеницы, выращивают другие качественные культуры. Победа коллективизации в Арагоне произошла благодаря богатствам этих земель, и, следовательно, по словам Алаиса, она была наиважнейшей из всех баталий колонны «Дуррути», то есть сельскохозяйственной коллективизации.

и Негра» (также носящая имя «Сур-Эбро») под началом делегата Антонио Ортиса, рабочего-краснодеревщика и члена группы «Мы», и военного советника — команданте Фернандо Салаверы Кампоса. Задачей этой колонны было занятие области на юг от реки Эбро. Она вышла из Барселоны 25 июля, насчитывая приблизительно 2000 человек личного состава и три артбатареи.

26 июля вышла колонна «Дель Баррио» (ОСПК)[93], под началом делегата — Дель Баррио — и командира пехоты — военного советника Саканеля. Его личный состав также равнялся приблизительно двум тысячам солдат, и на вооружении было три артиллерийские батареи. Её задача, согласно Центральному комитету антифашистских милиций, состояла в занятии участка между городом Тардиента и горной цепью Алькубьерре и организации командного пункта в Граньене. Кроме того, она должна была занять Уэску на юге и войти в Суэру. Эта колонна обладала особой чертой: в ней сражалась группа иностранцев, то были немцы-антифашисты, вынужденные мигранты, которые приехали на открытие Народной олимпиады, планируемое на 19 июля. Эта немецкая группа называлась «Тельман», и ею руководил Ханс Баймлер, известный активист немецкой компартии.

25 июля также вышла колонна «ПОУМ», под командованием Хосе Ровиры и с военным советником, бывшим капитаном, итальянцем Руссо. Её личный состав насчитывал 2000 человек и то же самое артиллерийское снаряжение. Она заняла позиции на севере от колонны «Дель Баррио» и организовала командный пункт в селе Лесиньена.

Кроме упомянутых колонн, также были организованы другие, не столь важные. Одна из них была создана в местности, где намечалось действие Антонио Ортиса. В её состав входили арагонцы, сбежавшие из Сарагосы; ею командовал Сатурнино Карод, член НКТ. Наряду с этой группой существовала другая, под

93 Сложно точно установить, когда именно колонна прибыла на линию фронта. Мартинес Банде пишет: «Она вышла из Барселоны по направлению к Лериде, но там осталась на несколько дней, — наверное, поджидая в окрестностях города, с целью привлечь в свои ряды остатки регулярных частей полка, располагавшегося в этой местности, и какого-либо профессионального военного; кроме того — групп, трудно поддающихся определению, и значительного числа иностранцев»”.

руководством анархиста Иларио Саморы, прибывшая из Лериды. Эти две группы присоединились к колонне «Ортис». Также немного погодя поступили 600 солдат, прибывших из Таррагоны, под началом полковника Мартинеса Пеньялвера; тот в конце концов решил вернуться в Барселону, так как, по его словам, не нашёл общий язык с анархистом Ортисом.

Тем временем в Уэску прибыли маленькая колонна «ПОУМ» и колонна «Аскасо», с делегатами — Грегорио Ховером и Доминго Аскасо, братом Франсиско. Эти части вместе с колонной из 3000 солдат под началом полковника Вильяльбы с командным пунктом в Барбастро начали осаду Уэски[94].

Колонна «Дуррути», практически парализованная, слегка продвинула свои позиции до Пины и Осеры, расположив свой командный пункт в магазинчике под названием Санта Люсия, на главном шоссе Сарагосы, в самом сердце Лос Монегрос, житницы Арагона. К первым числам августа колонна «Дуррути» имела такую структуру:

Военный комитет. Дуррути, Рикардо Риона, Мигель Йолди, Антонио Кареньо и Луис Руано. Главное подразделение — группировка — состояла из 5 центурий, по 100 человек каждая, разделённые

94 Колонна «Аскасо», как и «Дуррути», не остановилась в Лериде, а прошла до Барбастро, где встретилась с полковником Вильяльбой и подполковником Гонсалесом Моралесом, командирами остатков полка в Барбастро, которые остались верными Республике. Как Вильяльба, так и Гонсалес Моралес не предприняли особых действий, чтобы установить линию фронта, и их подразделения влились в колонну «Аскасо». Оба военачальника остались на посту военных советников этой колонны. Сразу же начались военные действия осады Уэски; заняли Сьéтамо, но затем опять сдали его противнику. К подразделениям Уэски в участке колонны подошла группировка интернационалистов братьев Роселли «Джустициа и Либертá», организованная вместе с итальянскими анархистами под руководством Камило Бернери и Фауско Фальши, которые работали очень слаженно. Также среди анархистов, разделяющих идеи марксизма, была Центурия Ханса Баймлера. В этой точке сражения были суровыми, и никто не понимал, почему им не удалось взять Уэску. Быть может, причина была в позиции Вильяльбы, весьма критикуемой как анархо-синдикалистами, так и активистами ПОУМ, и лишь оправдываемой ОПСК. «Барбастро — гнездо интриг», — будут говорить на Военной конференции в октябре месяце, в Сариньене. На ней присутствовали Вильяльба, начальники колонны, подполковник Диас Сандино и Гарсия Оливер, как ответственный за Военный департамент.

на четыре группы по двадцать пять. Каждая из этих структур возглавлялась делегатом, избранным по коллективному принципу, который мог быть отозванным в любой момент. Ответственность представителя не давала ни права на привилегии, ни иерархии в управлении.

Военно-технический совет. Его составляли военные (офицеры), состоящие в рядах колонны. Их представителем был команданте Перес Фарра́с. Задачей этого Совета было оказание поддержки Военному комитету. Не располагал никакими привилегиями, а также иерархией правления.

Автономные группы. Группа Интернационалистов (французы, немцы, итальянцы, марокканцы, англичане и американцы) насчитывала приблизительно 400 человек. Её делегатом, действующим в контакте с Военным комитетом, был капитан артиллерии француз Бертомьё; в сентябре он погибнет в бою.

Группы геррильерос. Их целью была линия противника. В их состав входили: «Дети ночи», «Чёрная банда», «Динамитчики», «Металлурги» и другие.

Стратегия. Недостаток оружия и боеприпасов ограничивал деятельность Колонны; линия обороны на подступах к Сарагосе тянулась на 78 км, от Велильи-де-Эбро до Монте-Оскуро (Лесиньена). Она действовала как линия наступления посредством вылазок геррильерос, которые нападают неожиданно и, захватывая позиции противника, обеспечивают постепенное укрепление оборонной линии Колонны. К середине августа насчитывала приблизительно 6000 человек.

Вооружение. 16 пулемётов (большинство были захвачены у противника), 9 миномётов и 12 артиллерийских орудий. 3000 винтовок — это означало, что не мог быть задействован весь личный состав.

Образ жизни. Колонна представляла собой образ бесклассового общества, за которое и шла борьба. Около колонны создавались крестьянские коллективные хозяйства, которые упразднили деньги, оплачиваемых работников и частную собственность. Члены колонны, которые из-за нехватки оружия не могли участвовать в боях и ожидали своей очереди в траншеях, помогали крестьянам

в их труде. Так боролись с паразитизмом, присущим солдатской жизни.

Дисциплина. Она основывалась на понятии добровольного вступления в колонну: на основе обоюдного согласия и классовой солидарности. Приказы отдавались товарищами. Делегаты не имели никаких привилегий. Принцип прав и обязанностей понимался одинаково. Моральное принуждение социального окружения заменяло наказания военных законов.

Культурная работа. Отделы культуры гарантировали общее образование. Существовала радиостанция, которая распространяла тексты и лекции на различные темы, а также передавала призывы солдатам, сражающимся в рядах франкистов. Брошюра, выпускаемая в походной типографии, установленной на грузовике, информировала о жизни колонны и одновременно служила своеобразным ящиком для рекомендаций и критических замечаний.

Вокруг Военного комитета образовались различные отделы и службы, например, административные, где работало несколько человек, среди них — Эмилианн Моран. Пекарня обеспечивала хлебом всю колонну, она работала под началом братьев Субиратс. Автомобильный парк и обслуживание техники, ответственный — делегат Антонио Рода. Прекрасная санитарная служба, в её составе работали врачи Сантамария и Фрайле, а также команда медсестёр, некоторые из них прибыли из-за границы, —в знак солидарности с испанской революцией.

Структура и организация колонны возникали по мере её деятельности; отметалось то, что не подходило, и на его месте создавали структуры, которые лучше исполняли нужные функции. Это был экспериментальный процесс, начатый 22 июля, когда наметились первые контакты между добровольцами, приходящими в профсоюзы. Невозможно было определить автора, так как колонна создалась в процессе всеобщего творчества, в нём каждый привносил свою инициативу[95].

95 Для описания колонны мы использовали: уже цитированную книгу Хосе Миры; историческую статью о колонне, опубликованную в журнале Umbral в ноябре 1938 года; цитированную книгу Рикардо Санса и рассказ Хосе Эсплугаса, делегата центурий; свидетельство Рикардо Риондо, члена Военного комитета, и сотню ответов в опросе бывших участников колонны.

Далее мы излагаем описание разделения на сектора и группы, а также список соответствующих делегатов на протяжении всех 78 километров линии фронта: от Велильи вплоть до Алькубиерре:

Первый сектор. Делегат Руано.

1 группировка (пять центурий). Делегат Хосе Мира.

2 группировка (пять центурий). Делегат Либерто Ройг.

3 группировка (пять центурий). Делегат Хосе Эсплугас.

Второй сектор. Делегат Мигель Йолди.

4 группировка (пять центурий). Делегат Хосе Гомес Талон.

5 группировка (пять центурий). Делегат Хосе Тарин.

6 группировка (пять центурий). Делегат Х. Сильвестре.

Третий сектор. Делегат Мора.

7 группировка (пять центурий). Делегат Субиратс.

8 группировка (пять центурий). Делегат Эдо.

9 группировка (пять центурий). Делегат Р. Гарсия.

Группа Интернационалистов. Делегат Луи Бертомьё

Состав: 5 групп по 50 человек. Всего: 250.

Делегаты: Ридель, Фортан, Шарпентье, Коттан и Карлес.

Заключение

Генеральный делегат центурий: Хосе Эсплугас;

группировок: Мигель Йолди;

секторов: Риона (Рико);

артиллерии: Мигель Ботет;

танков (бронемашин): Бонилья.

Военные советники: команданте Перес Фарра́с и сержант Мансана.

Генеральный делегат колонны: Буэнавентура Дуррути.

Военный комитет: Мигель Йолди, Хосе Эсплугас, Риона, Руано, Мора и Дуррути.

Ответственный за информацию Военного комитета: Франсиско Кареньо.

Военные советники: команданте Перес Фарра́с и артиллерийский сержант Мансана, капитаны артиллерии Ботет и Карсильер[96].

96 Это описание на 15 августа 1936 года, когда колонна насчитывала уже 4500 бойцов, разделённых на 45 центурий и объединённых в 9 группировок. Главный штаб размещался в двух километрах от Бухаралоса, в магазинчике Монсона, теперь — Санта Люсия. Для восстановления структуры колонны мы использовали предыдущие свидетельства.

Глубокий революционный процесс в Испании привлёк в страну огромное количество самых разных людей: активистов, интеллектуалов, журналистов, политиков, историков, и, конечно же, интриганов и авантюристов. Большинство из них мыслили по шаблону, в рамках которого намеревались оценивать события в Испании. Поэтому, совсем не зная ни истории нашей страны, ни причин этой войны, они судили обо всём свысока, наблюдая за испанцами, как за редкими насекомыми. К этому предрассудку прибавлялся тот факт, что анархизм, захиревший во всём мире, в Испании находился в бодром состоянии. Таким образом, в силу того, что ошибочное понимание анархизма было широко распространено, представлялось невозможным, что в Испании он мог играть такую важную роль и быть преобладающей организационной силой. Кроме того, по причине исторического совпадения в Испании возродился давний спор Карла Маркса и Михаила Бакунина, начавшийся семьдесят лет назад. Было логично, что последователи Карла Маркса стояли за сектаризм и исполняли приказы Сталина очернять всё, что не было создано именно ими, в особенности если воплотителями идей являлись анархисты. В конкретном случае линии фронта в Арагоне по отношению к организации милиций элементы, подчиняющиеся линии сталинистов или троцкистов, попытались придать милициям военный характер, но были вынуждены отказаться от этой идеи в силу сопротивления самих «милисьянос», хотя они и не были добровольцами. ПОУМ предпринял попытку ввести жизнь милиций в рамки военного свода законов, однако должен был отступить[97].

97 На четвёртой странице первого номера La Revolution Espagnole, Информативной брошюры ПОУМ на французском языке можно увидеть внутренний регламент для милисьянос из ПОУМ, дата — 2 августа, Граньен. И «эти инструкции колонны ПОУМ были одобрены большинством милиций ПОУМ на фронте Уэска: Ст. II. Тот, кто нарушит дисциплину или же будет побуждать других товарищей на совершение поступков неподчинения военному командованию, понесёт таким образом самую тяжёлую ответственность и будет судим за свой проступок, неся соответствующее наказание согласно совершённому действию. Ст. III. Строго запрещены распри и споры между милисьянос, поскольку такие предосудительные поступки могут привести к разобщению наших сил и укреплению противника. Ст. IV. Тот, кто записался в ряды милиций, а впоследствии дезертирует, как на линии фронта, так и в тылу, будет осуждён, с наибольшей суровостью, Военным комитетом и группой из четырёх товарищей, назначенных милисьянос. Приговоры,

Арагон, его четыреста сельскохозяйственных кооперативов и шестнадцать тысяч бойцов НКТ-ФАИ изменили лицо своей земли в том, что касалось общественных отношений, и не было пути назад. «Военная» структура милиций не удовлетворяла иностранных посетителей, которые считали её неэффективной и обречённой на провал. Кольцов[98], русский корреспондент большевистской газеты «Правда» из Москвы, посетивший Арагонский фронт в середине августа, поднимет на смех систему пролетарских милиций, равно как и его буржуазные коллеги. Тем не менее писатели и другие деятели, обладающие более серьёзным пониманием проблем Революции, отдали должное этим революционным силам, которые заставили отступить мятежные войска.

Среди таких важных по значению свидетельств самым примечательным является рассказ Джорджа Оруэлла, который сражался в Арагоне, и не обязательно в рядах анархистов:

«Журналисты, подшучивавшие над системой милиций, не всегда помнили, что именно "милисьянос" сдержали натиск противника, в то время как Народная армия подходила подготовку в тылу. И сам тот факт, что милиции постоянно находились на линии фронта, является данью мощи революционной дисциплины, так как вплоть до июня

вынесенные этим народным трибуналом, будут приведены в исполнение без права на обжалование. Ст. VI. Тот, кто, будучи или нет членом милиций, совершит грабежи, кражи или любой подобный проступок, будет приговорён к расстрелу без предварительного расследования; VII. Действия в сражениях носят централизованный характер, и никто не может принимать какое-либо решение без предварительного одобрения Военного комитета. Ст. VIII. Настоящие инструкции будут исполняться на практике в случае какого-либо замечания или претензий, они должны быть сформулированы следующим образом: жалобы, инициативы или замечания будут переданы командиру группы, а тот, в свою очередь, передаст их командиру роты; он информирует обо всём Военный комитет». Этот регламент военного стиля, если читать Джорджа Оруэлла, не только не существовал, когда тот прибыл в колонну ПОУМ, но даже сами милисьянос не вынесли бы такой практики. Так, это свидетельствует, что командиры марксистских колонн были вынуждены адаптироваться к общественным отношениям, ранее установленным в колоннах НКТ-ФАИ.

98 Имеется ввиду Кольцов Михаил Ефимович (1898-1940) - корреспондент газеты «Правда», направленный в Испанию в 1936 году, негласно считавшийся там представителем советского руководства. По возвращении в СССР арестован как «враг народа» и расстрелян по сфальсифицированному обвинению (прим.ред.).

1937 года только верность своему классу было единственным чувством, заставлявшим их оставаться на боевых позициях».

Оруэлл мог бы даже задать этим журналистам более конкретный вопрос: «Что могло произойти, если бы эти “милисьянос” в первые моменты военного мятежа, вместо того чтобы выйти на Арагон, собрались бы в гарнизоне с целью обучения “военному делу” и маршировке. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять следующее: 20 июля, после роспуска армии Республикой и перехода трёх четвертей офицерского состава на сторону противника, мятежники заняли бы территорию Испании в 24 часа, так как не существовало какой-либо армии для воспрепятствования этому. Именно милиции, как смогли, сдержали натиск повстанцев. Когда уже через год сражений была более или менее организована армия с просочившимися в неё сталинистами, тогда, как пишет Оруэлл, начались нападки не на сами милиции, а на те основы, которые послужили их организации.

«Потом вошло в моду критиковать милиции и утверждать, что просчёты по причине нехватки вооружения и военной подготовки являлись результатом уравнительной системы... На практике революционный стиль дисциплин заслуживает большего доверия... В армии из рабочих дисциплина должна существовать на добровольном начале. В рядах милиций злоупотребления, обычные в армии, не прижились бы ни на минуту... Военные наказания имели место, но их применяли лишь в самых крайних случаях... Революционная дисциплина зависит от политического сознания, от понимания, “почему” должно подчиняться приказам; нужно время для укрепления такой дисциплины, но также нужно время для того, чтобы в казарме из человека сделать автомата... В милициях попытались создать нечто, похожее на бесклассовое общество...»[99].

В первые дни августа, хотя тут и нельзя говорить о бездействии, предпринимаемая деятельность не удовлетворяла Дуррути. Не для него было сидеть на месте, или проводить время в безобидных разговорах, которые обычно имеют место, когда ожидают нечто, а оно всё не наступает. Он переезжал с одного пункта на другой,

99 Оруэлл Дж. Каталония 1937 [Издание на испанском языке. Буэнос Айрес, 1963].

посещая авангардные позиции и интересуясь всеми подробностями, которые могли донести информацию о передвижениях противника. Рассвет был для Дуррути самым важным моментом, потому что в эти часы прибывали товарищи, ранее отправившиеся в разведку в лагерь противника или в Сарагосу. Их сведения служили для укрепления линии обороны, а когда носили общий характер, то их направляли в Центральный комитет антифашистских милиций[100].

Вылазки во вражеский стан также приносили свои плоды: иногда удавалось захватить языков, подорвать динамитом позиции противника или добыть оружие и боеприпасы, которых катастрофически недоставало. Однако этого было мало, чтобы удовлетворить Дуррути. Именно в те дни он обратил внимание на крестьянские коллективы, которые возникали с удивительной быстротой на всей освобождённой арагонской земле. Между крестьянскими кооперативами на той местности, где расположилась колонна, и бойцами установились самые братские отношения[101].

Крестьяне приходили в колонну. Они приносили продукты или просили Дуррути посетить их хозяйства, чтобы составить мнение о ходе работы. Дуррути в основном охотно соглашался и, когда ему не удавалось, посылал Кареньо или другого товарища из колонны, с тем чтобы те могли рассказать об успехах посещённого кооператива. Во время таких визитов в различные крестьянские общины Дуррути понял важность коллективного труда для хода революции и также оценил опасность для коллективистской экспансии в случае неудачи в образовании единой силы. Он посоветовал крестьянам создать федерацию, которая бы включила все кооперативы, организованные в Арагоне. «Такая федерация, — сказал он, — не только придаст вам организационную силу, но также позволит вместе создать планы для

---

100 Висенте Гуарнер. Указ. соч.

101 Сесиль Пьерро, французская журналистка, пишет в Plus Loin, Париж, в сентябре 1936 года о линии фронта в Арагоне и в частности о местности, где расположилась колонна «Дуррути», где «обобществили землю»: «Существует Военный комитет, который руководит колонной милисьянос. Также есть Народные комитеты в посёлках. У меня не было достаточно времени, чтобы понаблюдать за их работой. Но я увидела, что крестьяне и милисьянос сливаются в одно целое (...) Все они убеждены, что в эти моменты они совершают самую глубокую и самую важную революцию в истории».

основания социалистической либертарной экономики». Для Дуррути это представлялось очень важным, так как участники сталинистских колонн делали всё возможное, чтобы помешать существованию кооперативов. Дуррути считал, что, создав федерацию, он получит новые условия, в которых солидарность между крестьянами станет наилучшим оружием против врагов кооперативизма.

Однажды, вернувшись из одного из таких коллективов, он предложил Военному комитету рассказать «милисьянос» об их работе, чтобы они, вместо сидения сложа руки, помогли крестьянам в уборке урожая пшеницы. Кроме того, наиболее подготовленные товарищи могли бы обсудить с крестьянами идеи либертарного общества и его экономических организаций. Собрали воедино ряд инициатив и направили их в формате листовки на обсуждение в Центуриях, с тем чтобы все осознали новое дело, зарождающееся в Арагоне. Результаты этой инициативы оказались весьма положительными. Первыми пришли группы молодёжи, чтобы добровольно приступить к работе бойцов и одновременно производителей. Так начиналось то, что вскоре определится как Федерация коллективов Арагона, в рамках Совета обороны Арагона.

Но не всё было идиллией. Война существовала со всей её жестокостью, и Дуррути был первым, кто осознал это в большей степени, потому что тот образ жизни, который навязывает война, в конце концов разлагает даже самого убеждённого революционера.

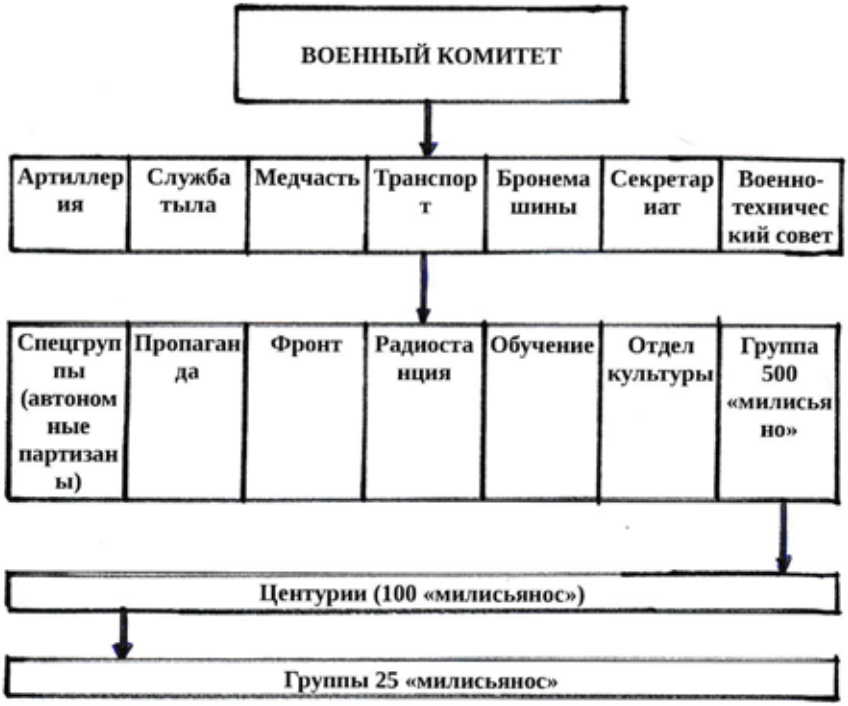
«Человек создан не для засады и убийства, а для жизни, да, жизни! — иногда восклицал Дуррути, делая громадные шаги по залу, где расположился Военный комитет. — Если такая ситуация будет продолжаться, она покончит с революцией, потому что человек, выживший в этой борьбе, больше будет походить на зверя, чем на человека... Нам надо спешить, действовать быстрее, чтобы покончить со всем как можно раньше»[102].

Эти размышления порождали в Дуррути всепоглощающее нетерпение. Много раз бессонными ночами он вставал со своего тюфяка и «шёл к постам авангарда, часами стоял рядом со

102 Эти случаи были рассказаны автору участниками колонны, мужчинами и женщинами, например, Терезой Маргалеф или Франсиско Субиратсом.

сторожевыми, пристально созерцая огни Сарагосы. Не один раз рассвет заставал его за таким занятием»[103].

Колонна «Дуррути»: структура



К этим волнениям прибавлялись другие, связанные с работой делегата колонны. Выслушивать жалобы крестьян, которые сетовали на поведение некоторых членов колонны в их сёлах. В сущности, таких случаев было крайне мало, но они составляли очевидный признак пороков, которые война порождает в солдатах, даже если они и “милисьянос”. Когда имели место такие происшествия, он старался сделать выговор солдату в присутствии наибольшего числа людей, как метод заставить задуматься весь коллектив.

Но иногда дело не заканчивалось одним выговором. Однажды Дуррути встретил одного из делегатов центурии за пределами его сектора. На вопрос, что он там делал, тот ответил, что пятеро бойцов его центурии покинули посты и их разыскивали. Наконец людей обнаружили в соседней деревне, увлечённых распитием

103 Там же.

вина. Дуррути обратился к ним: «Вы осознаёте всю серьёзность вашего проступка? Вы не подумали о том, что фашисты могли бы пройти около поста, который вы оставили, и учинить расправу над вашими товарищами, которые доверили вам свою безопасность? Вы не достойны входить в ряды колонны, а также НКТ! Дайте мне ваши членские билеты!»

Задержанные сунули руки в карманы и отдали свои билеты. Это было полной неожиданностью для Дуррути:

«Вы не НКТисты, ни рабочие; вы — говнюки, и ничего, кроме этого! Из-за вас колонна теряет бойцов! Отправляйтесь по домам!»

Типы никоим образом не выказали беспокойства — напротив, их лица выражали удовольствие. Их поведение ещё больше возмутило Дуррути: «Знаете ли вы, что одежда на вас — народная собственность? Снимайте штаны!»

И в трусах их отвели в Барселону[104].

Дуррути, в силу его простодушного характера, обладал способностью переходить от состояния крайнего раздражения в самое полное спокойствие. Прибыв в Военный комитет, он попросил Мору позвонить в Барселону по телефону, так как хотел поговорить с Рикардо Сансом:

— Рикардо, ты знаешь, что в Сабаделе есть маленькая политическая партия, и она прячет в своём помещении восемь пулемётов? Я даю тебе сорок восемь часов для того, чтобы эти пулемёты были посланы мне... Послушай, пошли мне с ними и трёх агрономов[105].

Затем, к полному удивлению Моры, он повесил телефонную трубку, и, наверное, ещё больше удивился Рикардо Санс, который не понимал связи между пулемётами и агрономами.

В тот день Дуррути посетил ряд крестьянских коллективов, и все они пожаловались на нехватку технического персонала. Одни просили агрономов, а другие — техников для помощи в посеве новых культур. Ещё были жалобы о том, что наиболее способные активисты оставили хозяйство, чтобы пополнить ряды колонны. Дуррути записал имена активистов, записавшихся в колонну. Затем

---

104 По свидетельству ряда членов колонны. Илья Эренбург в La Nuit Tomba (Париж, 1968) также упоминает этот факт. 8

105 Рикардо Санс. «Дуррути». Тулуза, изд-во El Frente, 1946.

вызвал их на заседание Военного комитета. Когда они явились, сказал:

— Колонна не нуждается в ваших услугах.

Видя эффект его слов, произведённый на крестьян, он сменил тон и с улыбкой сказал:

— Речь не о том, о чём вы думаете. Я знаю: вы — хорошие бойцы. Мужественные и великодушные, но товарищи из ваших деревень затребовали вашего возвращения, они нуждаются в вас, чтобы продолжать начатое вами дело... Что останется от наших выстрелов, когда придёт конец войне? То, что вы делаете в ваших сёлах, намного важнее, чем убивать фашистов, потому что ваше дело разрушает буржуазную систему. А то, что нам удастся создать в этом смысле, будет тем единственным, что останется на страницах истории»[106].

106 Рассказ автору одного члена НКТ в посёлке Вальдерробрес (Арагон).

ГЛАВА IX.
«ПОДПОЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Немногим более, чем в двухнедельный срок военных действий, уже можно было считать, что ружейные боеприпасы на арагонском фронте закончились. Но это было не всё: ружья старой модели 94 нужно было часто посылать на починку ружейным мастерам, и их то и дело приходилось оставлять из-за негодности. Артиллерия, которая также познала тяготы нехватки боеприпасов, была вынуждена экономно использовать орудия, а авиация, весьма скудная, иногда совершала боевые вылеты — единственно для того, чтобы подразнить фашистов, у которых на вооружении имелись итальянские и немецкие самолёты.

Колонна, действующая на участке «юг — Эбро» (Sur-Ebro), несколько раз предприняла попытку взять штурмом фашистскую позицию в Бельчите, но безрезультатно. Фашисты не прекращая посылали подкрепление и боеприпасы из Сарагосы и Калатаюда с целью ещё больше укрепить ключевую точку, находившуюся в зоне «юг — Эбро». А это значительно уменьшало возможности победы колонны «Ортис». В секторе Алькубиерре дела «милисьянос» обстояли не лучше: их атаки на линии коммуникаций между Уэской и Сарагосой наталкивались на упорное сопротивление повстанцев. Стойкость мятежников в обороне Алькубиерре и Бельчите объяснялась тем, что сдача этих пунктов привела бы к потере Сарагосы, так как открывала доступ революционным милициям.

Так как военные действия осуществлялись на крайних точках линии фронта, фронтальный участок Сарагосы, где находилась колонна «Дуррути», должен был непременно оказаться бездеятельным или вступать лишь в мелкие бои, провоцируемые партизанскими группами колонны. Тем не менее нельзя было оголить эту линию фронта, потому что любая атака повстанцев ставила под угрозу важную зону Лос Монегрос и, что хуже всего, могла привести к разрыву контакта между милициями Уэски и Теруэля, таким образом освобождая фашистам дорогу на Лериду. Несмотря на бездействие, колонна «Дуррути» выполняла жизненно важную функцию, и для её большей эффективности затишье было использовано для

укрепления стратегических точек. Вместе с тем такой штиль представлялся мукой как для бойцов, так и для самого Дуррути, и он, чтобы не зачахнуть от бездействия, решил поехать в Барселону, чтобы вместе с Центральным комитетом антифашистских милиций проанализировать более оптимальный способ выйти из паралича, который во многом объяснялся нехваткой оружия и боеприпасов.

Путешествуя по маршруту Бухаралос — Барселона, он смог прекрасно удостовериться в переменах, произошедших в людях и вещах. Водоворот первых дней борьбы, захлестнувший сограждан, уже практически не существовал. Крестьяне и рабочие направляли свой энтузиазм на изменение их жизни, создавая новый тип общественных отношений. Народ (иными словами — рабочие и крестьяне) всё ещё был вооружён. Они организовывали проверочные пункты на въезде и выезде своих посёлков. На таких контрольных участках никаким образом не присутствовала Штурмовая или Гражданская гвардия — сами рабочие гарантировали революционный порядок.

В одной из деревень провинции Ле́рида Дуррути остановил автомобиль на контрольном пункте, представился как «милисьяно», который едет с фронта в тыл, и запросил бензин для заправки. Так он хотел увидеть перемены в поведении крестьян этого села, насчитывавшего три тысячи жителей. Один из «милисьянос» на контроле указал ему, где в здании прежнего муниципалитета находился Революционный комитет, и объяснил, что там ему выдадут талон на получение бензина. Дуррути пересёк площадь посёлка. Было примерно двенадцать часов. Площадь пустовала, не считая женщин, выходивших из церкви с корзиной продуктов. Дуррути спросил у них, как пройти к Комитету, а также о том, проходила ли служба в церкви.

— Нет-нет, — ответили ему. — Священника нет. Он работает в поле с остальными мужчинами деревни. Убить его? Зачем же убивать? — сказали они. Он не опасен; даже говорит о том, чтобы жить с одной из деревенских девушек... А кроме того, — заверили его, — ему весьма по душе всё, что сейчас происходит.

— Однако, — говорит Дуррути, — церковь стоит на месте.

— Ах да, церковь. Зачем поджигать или разрушать это здание?

Люди вынесли фигуры и сожгли их на площади. Так Бога уже нет — его выгнали из этой деревни. А так как Бога уже нет, на собрании решили заменить слово «прощай»[107]. В церкви обосновался кооператив — поскольку всё стало общим, народ обеспечивает себя через кооператив[108].

Когда Дуррути зашёл в здание Комитета, то встретил там одного старика. Он был давнишним учителем в этом селе, и за два месяца до революции, его заменил молодой коллега из Ле́риды. В течение этих двух месяцев пожилой учитель ничего не делал, но после революции попросил назначить его, как добровольца, для исполнения административных обязанностей в Сельском комитете. Другие сельчане, члены Комитета, днём работали в поле, а вечером собирались, чтобы обсудить задачи на следующий день или срочные вопросы текущего дня. Сбор урожая нельзя было откладывать на потом. Деревенские парни ушли добровольцами на линию фронта, а пожилые сельчане работали на полях за двоих.

— Не думайте, что нам работа в тягость, — сказал Дуррути старый учитель, — потому что сейчас мы работаем на себя, для всех нас...

Дуррути спросил, каким образом был избран Комитет. Простой стиль общения Дуррути придал смелости наставнику — он принял его за одного из любознательных «милисьянос» из города, которые интересуются событиями на селе.

— Мы провели общее собрание, — рассказал учитель, — и

---

107 Прим. ред.: исп. «адиос» — adiós, букв: «к Богу» на слово «Салюд» — salud «будь здоров».

108 Франц Боркенау в его книге El Reñidero Español («Испанская рубка экипажа», стр. 90) рассказывает о следующем: «В Тосас (...) сжигание предметов религиозного назначения произошло здесь, как и в Ситхес, по подстрекательству анархистов из соседнего села. Создалось впечатление, что деревенским женщинам не нравилось отдавать свои религиозные вещи, но затем они постепенно убеждались, что католицизму пришёл конец; можно было услышать такие слова: “Сан-Хосе умер”. На следующий день вся деревня отменила слова при прощании “Адиос”, “потому что уже не было Бога на небе”. В деревне жили два священника: один фанатичный и строгий, а другой — снисходительный во всех отношениях, в частности если речь шла о деревенских девушках. Этого деревенские жители спрятали с самого начала революции, в то время как «хороший» священник, ненавидимый всеми как союзник реакционеров, попытался сбежать и при падении со скалы сломал себе шею».

на нём оценили способности каждого, особенно поведение до революционных событий, и назначили Комитет.

— А как же политические партии? — спросил Дуррути.

— Партии? Здесь есть старые республиканцы — такие как я — и несколько социалистов, но политические партии не играют никакой роли. На ассамблее мы приняли в расчёт способность и поведение людей и избрали самых лучших, по нашему мнению. Комитет представляет народ и должен держать ответ перед народом за выполненные задачи на пользу всего коллектива.

Однако Дуррути вновь спрашивает о партиях.

— Партии? — спрашивает учитель, удивлённый такой настойчивостью. — Для чего нам политические партии? Мы работаем, чтобы прокормить себя, и едим хлеб, чтобы работать. Политику партий не посеешь, как зерно, не соберёшь урожай оливок и не вылечишь скот. Нет-нет; наши проблемы — общие, и мы вместе должны найти решение. Политика разделяет, а наш народ хочет жить мирно, в своей общине.

— Вижу, что в этом селе все довольны. Но что же сталось с прежними хозяевами? — спрашивает Дуррути.

— Ясно, что прежние землевладельцы недовольны. Они не говорят об этом, потому что боятся, но по их лицам это видно. Некоторые из них вступили в нашу общину, другие избрали путь, как сейчас говорят, «индивидуализма». Они сохранили свои земельные участки, но обязаны сами работать на них, потому что у нас на селе уже нет эксплуатации человека человеком, и поэтому вы не найдёте наёмных работников.

— Но если землевладельцы не могут сами обрабатывать свои земли, что тогда? — спрашивает Дуррути.

— Всё просто: значит, у них излишек земли, и община заботится о необрабатываемых участках, потому что оставлять эти земли пустующими означало бы наносить ущерб коллективу[109].

---

109 Любой посёлок на пути Дуррути в этом районе Ле́риды мог бы послужить примером описанного. Мы можем освидетельствовать этот факт, так как жили в одном из посёлков области Лес Гарриагес, Сервиа́, посетили каждый из них и в течение шести месяцев работали вместе с крестьянами. В общем, такой стиль жизни распространился повсеместно после 19 июля и поддерживался вплоть до отступления из Арагона, когда линия фронта установилась в провинции Ле́рида.

Дуррути попрощался с учителем, и, когда подошёл к контрольному пункту, дежурные рабочие спросили его, выдали ли ему талон на заправку. Улыбаясь, ответил: «Да». Уже в машине он попрощался с ними: «Салют!» и быстро отъехал по направлению к Барселоне.

Эпизод контроля, происшедший в этой деревне, повторился во всех посёлках, лежавших на пути; это ясно показывало, что именно вооружённые рабочие повсюду гарантировали контроль и наблюдение[110].

В более крупных посёлках жизнь была сложнее, но глубина перемен — той же. Разница состояла в том, что Революционный комитет взял на себя роль политического представительства Центрального комитета антифашистских милиций и в его составе были представители политических партий и рабочих организаций. Но контроль со стороны первичных организаций над членами Комитета там был прямым, а не таким, как в Барселоне, где делегаты Центрального комитета антифашистских милиций контролировались комитетами политических партий или рабочих организаций, которые их и выдвинули. Эта разница замечалась в документах этих комитетов. Бумаги Центрального комитета антифашистских милиций несли на себе печать коллектива, и поначалу, для вхождения в силу, они должны были быть заверены печатью Регионального комитета ФАИ. В документах, издаваемых в деревнях, каждая организация или партия должна была ставить свою собственную печать на документе. Каким-то образом эти Народные комитеты заменили муниципалитеты и осуществляли нечто похожее на политико-административную власть, хотя и весьма ограниченную. Тем не менее ввиду того, что все структуры производства были обобществлены, настоящая экономическая власть принадлежала Рабочим комитетам на фабриках и других производственных центрах, имевших точку соприкосновения в профсоюзах, которые также видоизменились, и можно было говорить о Локальных союзах рабочих.

---

110 Ричард Блох в книге Espagne! Espagne! (Париж: изд-во Ediciones Sociales, 1937) констатирует факт, что контроль на шоссе при въезде и выезде из деревень обеспечивался «милисьянос»и ни гражданские, ни штурмовые гвардейцы даже не появлялись там. Блох ведёт речь о поездке, совершённой им где-то в августе и сентябре 1936 года, и он проехал от Порт-Боу до Барселоны, от Барселоны до Валенсии и оттуда — в Мадрид.

В Барселоне рабочий контроль был более мощным; и присутствие вооружённых рабочих у фабричных ворот означало, что средства производства находились в руках рабочих. Дуррути был глубоко поражён тем, насколько быстро вошла в русло каждодневная жизнь в Барселоне. Городской транспорт и метро работали как рабочие коллективы. В сфере транспорта экспроприация была полной. Рабочие комитеты трамвайной, автобусной сферы и отрасли метрополитена, избранные на широких собраниях, являлись ясным доказательством существования коллективной собственности. В таком же режиме находились отрасли морского и грузового транспорта. Уже не существовали железнодорожные компании — ими управляли железнодорожники, члены НКТ и ВСТ. Подобным образом коллективизм затронул производства текстильной отрасли, металлургии, продуктов питания, электрохимии, газовых услуг, электроснабжения, нефти, бензина и нефтепродуктов, деревообрабатывающей промышленности, кино, театров и т.д.

Перемены характера собственности отразились на людях, изменяя общественные отношения и в большинстве случаев разрушая давние различия между мужчинами и женщинами, а также затрагивали традиции буржуазного представления о семье. Революция, подобно вулкану, порождала путём конфликтных взрывов вещества, которые приобретали новые формы под давлением энергий, выплеснувшихся на волю в процессе революции. Когда Дуррути сказал Ван Пассену, что нарождался новый мир, то он не ошибался в своей оценке: новые события представляли из себя глубокую революцию.

Лидеры от парламентарного социализма и особенно сталинисты никоим образом не влияли на процесс, начатый революцией. И в своём стремлении задушить его посвятили себя фальсификации, пытаясь в заявлениях для зарубежной прессы представить имевший место процесс как нечто ограниченное и анормальное, и, в общем, преобладала энергичная поддержка Республиканского правительства со стороны народа. Именно так в августе в интервью корреспонденту La Dépeche Тулузы, высказался Хесус Эрнандес, член Центрального комитета Коммунистической партии Испании. Но надо было быть слепым, чтобы не замечать огромных перемен в обществе и людях. Дуррути видел всё это. Перед визитом Комитетов

НКТ-ФАИ он посетил рабочие центры для оценки их повседневной деятельности.

И где бы он ни появился — на текстильных фабриках или металлургических заводах, службах транспорта или больницах, — повсюду рабочие источали революционный энтузиазм, который был способен решить неразрешимое. На этот раз революция была подлинной.

Наконец, после посещения промышленных центров и профсоюзных организаций, Дуррути направился в «Дом НКТ-ФАИ». И на входе, как и на фабриках, удостоверился в существовании рабочего контроля, вооружённого винтовками и пулемётом, дуло которого показывалось в отверстии мешков с землёй, служивших преградой на входе в штаб Комитетов НКТ и ФАИ. Зайдя в вестибюль, увидел плакат с надписью: «Товарищ, будь краток: революция совершается не словами, а делами»[111].

Вверх и вниз двигались лифты, перевозя посетителей, ожидавших в вестибюле, чтобы добраться до многочисленных кабинетов, где должны были решиться их проблемы. Другие в нетерпении большими шагами поднимались по широким мраморным лестницам. Дуррути почувствовал себя непривычно, хотя и как у себя дома. Казалось, «Дом НКТ-ФАИ» был жизненным нервным центром Барселоны и Каталонии. В толпе людей он прошёл незамеченным, и это порадовало его, так как ему не пришлось столкнуться ни с одним из его знакомых. Всего несколько дней назад вся Барселона приветствовала его, как будто бы люди были знакомы с Дуррути всю жизнь, а спустя какое-то короткое время его никто не узнавал...

Когда он зашёл к Мариано Р. Васкесу, то сказал ему:

— Тебя не страшит весь этот механизм? Поглотит нас бюрократия?

Марианет не смог сразу дать ответ.

— Неожиданно НКТ стала необходимой для разрешения проблем местной и региональной жизни. Центры производства находятся под контролем рабочих, и профсоюзам нужно анализировать проблемы, возникающие в процессе коллективного управления. В результате стало необходимостью создать эту структуру, которая родилась сама по себе и укрепилась по причине потребностей. В

111 Сам автор видел такой плакат.

действительности, — признал Марианет, — весь этот аппарат, который ты видишь, не подчиняется какому-либо центру. Каждую организацию контролирует её профсоюз. Товарищи, которые обслуживают посетителей, продолжают работать на своих фабриках, и на собраниях их деятельность подвергается контролю. До сих пор не утерян контроль над членами профсоюзов.

Из этого разговора с Марианетом Дуррути понял, что секретарь НКТ Каталонии осознавал опасность, которой подвергалась революция. И это убеждение укрепилось, когда Марианет в заключение сказал ему:

— Революция поставила анархизм перед испытанием. Годами мы предвещали революцию, а теперь, когда она настала, мы не можем избежать ответственности направлять её. Мы надеемся, что наша природа анархистов сможет преодолеть личную деградацию. Теперь как никогда, обстановка требует, чтобы первичные слои организации контролировали руководителей, то есть нас, даже если они и не хотят делать этого. Единственным способом избежать замены низов комитетами является энергичный контроль активистов, волей революции поставленных на руководящие посты...[112]

Расставшись с Марианетом, Дуррути пришёл к выводу, что до сих пор победа не вскружила головы активистам, которые внезапно превратились в главную ось новой ситуации. Размышление Марианета было тому примером. Но были ли у Дуррути причины чувствовать себя оптимистом? Анархисты, стоящие у власти, не могут считать себя в безопасности от искушений такого положения. Они — люди и, независимо от личности каждого, также могут попасть в западню и запутаться в сетях, расставляемых властью. Конечно, Марианет был прав: теперь как никогда низы должны были контролировать руководителей, но Марианет и сам Дуррути не знали, или не задумывались о том, что первый шаг к пропасти был сделан 19 и 20 июля, когда группа активистов заменила первичные организации и приняла за них решение. С того самого момента, в силу немедленного действия рабочего класса, между низами и руководителями произошёл развод: народ хотел развивать

112 Такой была позиция всех активистов НКТ и ФАИ. Она озвучивалась на профсоюзных собраниях и в анархистских группах.

революцию, но верхи, намереваясь контролировать, ограничивали её. Эта борьба была едва ощутимой, но она существовала. Разница между Дуррути и Марианетом состояла в том, что первый жил в постоянном контакте с низами, в то время как второй был отчуждён он них. Некто, посетитель колонны с намерением запутать одного из «милисьянос», «сказал тому, что люди подчинялись Дуррути, потому что он был командиром; однако его собеседник возразил: “ему не подчинялись как командиру, а потому, что он отвечал за руководство колонны, но когда он перестанет исполнять волю членов колонны, его снимут с этого поста”»[113]. Наверняка в те моменты Дуррути не смог оценить эту сложную ситуацию, хотя не пройдёт много времени, когда он осознает её.

Выйдя из «Дома НКТ-ФАИ», Дуррути отправился к Дворцовой площади, чтобы поговорить с Гарсией Оливером, который, как мы знаем, устроился в здании Мореходного училища, резиденции Центрального комитета антифашистских милиций. Объём его работы был огромным, и ему едва удавалось поспать несколько часов в перерывах между собраниями. Сантильян признаёт физическую силу Гарсии Оливера, когда пишет, что на ночных заседаниях Центрального комитета антифашистских милиций все делегаты НКТ и ФАИ пришли к общему мнению оставить за Гарсией Оливером ответственность защищать на этом комитете позиции двух этих организаций, в силу того, что он был единственным, кто, несмотря на усталость, мог сохранять ясность ума и необъяснимую умственную энергию[114]. Гарсия Оливер принимал делегатов НКТ и ФАИ, которые приходили за разрешением военных вопросов в Центральный комитет антифашистских милиций, потому что никто из них не хотел доверить своё дело никому другому; все были уверены, что Гарсия Оливер обязательно сдержит данное слово. Гарсия Оливер взялся за организацию Военного училища, рекрутируя для этой цели профессиональных военных. Они должны были проводить среди делегатов центурий и группировок быстрый инструктаж о базовых понятиях военной тактики. В рамках

113 Андре Ульман, 20 ноября, брошюра, изданная НКТ в 1937 году. В ней собраны свидетельства очевидцев о Дуррути и факты его деятельности как активиста.

114 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч.

Военного училища, организовали отдел партизанской борьбы, где он сам читал лекции молодёжи. Пользуясь поддержкой ряда авиаторов, он заложил основы Лётного училища, используя для учебных целей устаревшие самолёты базы в Прат-де-Льобрегат. Отправил эмиссаров во Францию, чтобы наладить контакты с производителями оружия для закупки их продукции, и в этой миссии участвовали Комитеты обороны рабочих кварталов и посёлков, которые передали в распоряжение Военного секретариата экспроприированные драгоценности. Обсудил с Эухенио Вальехо, активистом профсоюза металлургов, его немедленную задачу организации военной промышленности, включая в неё профсоюзы Химической отрасли и шахтёров Сальента, производителей калия, с целью получения пороха и взрывных устройств в кратчайшие сроки. Его деятельность была многосторонней, так как от него такжезависели военные операции на Арагонской линии фронта. И, наконец, нужно прибавить к этой обширнейшей деятельности приём иностранных деятелей и консулов, имевших коммерческие и промышленные интересы в Каталонии, которые, в силу коллективной экспроприации, оказались под контролем рабочих.

Когда Дуррути вошёл к Гарсии Оливеру, то едва узнал его. Революция позволила ему развить и претворить в жизнь его организаторские способности и одновременно преобразовала его. Это был другой человек. Он жил для революции. В углу его кабинета стояла раскладушка, на которой он иногда отдыхал, всего несколько минут. Его одежда и внешний вид выглядели заброшенными, несмотря на то что он обычно следил за собой.

— Ты изменился, — сказал Дуррути.

— Ты тоже, — ответил Гарсия. А затем добавил: — Кого не изменила революция? Не стоило совершать её, чтобы остаться прежними.

Оба умолкли, размышляя, прежде чем приступить к темам, которые необходимо было обсудить, как оба ранее планировали: взятие Сарагосы, проблема вооружения и боеприпасов, перестройка Военного комитета Арагона, проблема полковника Вильяльбы и др. Гарсия Оливер смотрел на Дуррути в ожидании его реакции на недобрую весть, которую должен был сообщить. Для него самого эта новость не была приятной, но капитан Байо переделал всё, и

созданное им положение не могло быть изменено. Речь шла о десанте на Мальорке. Организация высадки требовала особого внимания и, естественно, наносила ущерб арагонскому фронту. Дуррути это сообщение покажется предательским ударом:

— Нужно отложить штурм Сарагосы. Во-первых, потому что даже колонны, действующие на участке «юг — Эбро» и Алькубиерре, не выполнили своих задач, а нужно было сделать это до фронтальной атаки. А во-вторых — потому что мы занимались организацией высадки на Мальорке. Эта операция крайне важна, и не только в силу её военных целей, но и потому, что вынудит Италию вмешаться с целью сохранить позиции, завоёванные на архипелаге Балеарских островов. Англия не сможет спокойно наблюдать за энергичными действиями Италии на Мальорке. Вмешательство Англии придаст новый аспект войны в Испании. Судьба испанской революции, — сказал в заключение Гарсия Оливер, — решается за пределами Испании. И мы должны не спускать глаз с Мальорки и Марокко.

Дуррути возразил, излагая своё видение этого проекта: французы и англичане могут прекрасно найти общий язык с итальянцами, избегая расширения конфликта. Также операция на Мальорке может потерпеть фиаско, в этом случае драгоценное время в Арагоне будет потеряно, и, без сомнения, враг сумеет воспользоваться этой передышкой и укрепиться на этой линии фронта, так как ему было хорошо известна важная роль Сарагосы для будущего войны. Если удастся восстановить связь с северной частью страны, война будет выиграна, так как все усилия будут сосредоточены против войск, высаживаемых Франко в Андалузии. Как только мы возьмём под контроль весь полуостров, то сможем противостоять любой блокаде международного капитализма.

Налицо были два тезиса. Один был связан с государственной стратегией и включал дипломатическую игру с целью столкновения интересов империалистических держав. С военно-стратегической точки зрения этот план имел рациональное зерно, однако основным его недостатком был тот факт, что упомянутая стратегия исходила не от республиканского правительства, а от революционных сил, и именно против этих сил выступала коалиция — как англичан и французов, так итальянцев и немцев. Второй тезис, предлагаемый

Дуррути, был ближе к революционному реализму. Он был согласен с тем, что существовала блокада и борьба против капиталистического мира, однако, чтобы противостоять всему этому, необходимо было как можно скорее покончить с военными повстанцами на полуостровной территории Испании. Любое растягивание войны являлось прямой угрозой революционным завоеваниям, и существовала опасность преобразования революции в войну, и для этой цели необязательно нужно было идти на смерть. Вокруг этих двух идей будет сосредоточена трагедия революции и самого анархизма. С того момента революция оказывалась в подчинении войне.

Гарсия Оливер напомнил Дуррути, что настоящее положение дел являлось фатальным следствием решения, принятого НКТ и ФАИ 20 июля, то есть сотрудничества с буржуазной демократией.

— Так, — добавил он, — когда осталось Правительство Женералитат, и мы согласились на сотрудничество с политическими партиями, то отказались от революции. Что могло бы произойти, если бы мы заняли экстремальную позицию? Положение прояснилось бы. Тогда бы мы взяли всю ответственность на себя, и все проблемы разрешились бы другим способом. Мы не совершили бы ошибки Парижской коммуны и не изолировались бы в Барселоне, потому что наши планы уже предусматривали действия в двух регионах: Арагоне и Леванте, открывая путь на Андалузию... Но это решение было отклонено Пленумом. И была одобрена позиция коллаборационизма, что в будущем приведёт к гибели революции.

Как можно одержать победу над противником, снабжённым превосходной военной машиной и, кроме того, поддерживаемым Италией и Германией? В Каталонии не имелось сырья, необходимого для военной промышленности. Кроме того, она нуждалась в валюте для закупки необходимой военной техники. Золото, или государственный запас, хранилось в Банке Испании, в Мадриде. А в испанской столице 19 июля НКТ находилась в меньшинстве. В Мадриде основной силой являлась партия социалистов, и вскоре она нашла поддержку среди республиканцев и коммунистов. Так Мадрид принял решение сохранять власть республиканского правительства Хосе Хираля. Как при таких обстоятельствах завладеть золотом

Банка Испании? Был только один выход: Ларго Кабальеро был недоволен деятельностью правительства Хираля и считал, что оно не предпринимало ничего для скорейшего триумфа народа. Ларго Кабальеро был секретарём ВСТ, и его престиж возрос, когда он пошёл на конфликт с Индалесио Прието — ярым сторонником поддержки Хосе Хираля. Единственным путём для прогресса революции был союз между НКТ и ВСТ, а также организация этими двумя силами Национального совета обороны, который бы взял на себя задачу руководить борьбой во всех сферах. Можно ли было убедить Ларго Кабальеро в том, что победа революции проходила через союз НКТ и ВСТ? В этом заключалась единственная надежда в те дни. Но Гарсия Оливер и Дуррути не вполне доверяли тому, что социал-демократ Ларго Кабальеро приблизится к позиции пролетарской революции. Если Кабальеро когда-нибудь и задумывался над такой возможностью, то некто, уже прибывший в Испанию, поставил перед собой задачу воспрепятствовать осуществлению такого плана профсоюзного соглашения: Михаил Кольцов, исполняя поручение своего хозяина — Сталина, — сделает всё возможное и невозможное, чтобы оставить Ларго Кабальеро в его роли социал-демократа[115].

Гарсия Оливер приходил к выводу, что при таком положении дел не оставалось ничего иного, кроме как следовать ходу событий и постараться контролировать их. Необходимо было продолжать работу в Центральном комитете антифашистских милиций, не оставлять руководящие посты, занимаемые НКТ и ФАИ, поддерживать Комитеты обороны и использовать вооружённые силы народа в качестве постоянной угрозы перед лицом возможной попытки восстановить старую власть. Также нужно было организовать экономику под контролем народа и создать вооружённую структуру в тылу, подчинённую профсоюзам. Но всему этому надо придать законный характер с позиций Центрального комитета антифашистских милиций. Другими словами, надо было вести революцию вперёд, но подпольным образом.

Дуррути показался забавным этот термин: получалось нечто вроде подпольного существования ФАИ во времена Республики, когда

115 См. далее в тексте роль советского посла Марселя Розенберга в отношении Ларго Кабальеро.

все вокруг знали её основных активистов. В конце концов, Гарсия Оливер, запутавшись в создавшихся обстоятельствах, защищал те же позиции, что и Мануэль Эскорса на Пленуме от 20 июля. Дуррути возразил, что теперь никто не мог бы никого обмануть. Когда рабочие экспроприируют капиталистическую собственность, когда стоит под угрозой иностранная собственность, когда общественный порядок находится под контролем трудящихся, когда милиции контролируются профсоюзами, когда на самом деле всё, что делается, является истинной революцией, как можно придать всему этому законные рамки и при этом сохранить породившую этот процесс силу?

— Чем больше мы будем узаконивать, — добавил он, — тем сильнее укрепим Правительство Женералитат, так как именно оно издаёт декреты и ставит печать. И чем сильнее будет Правительство Женералитат, тем более ослабнет Центральный комитет антифашистских милиций. Это будет означать, что НКТ укрепит правительство, и когда оно будет контролировать интегрированную экономику, мы пойдём прямо к своего рода государственному экономическому социализму.

Последний пункт об экономике, затронутый Дуррути, имел прямое отношение к созданию Экономического совета, в котором Сантильян от имени НКТ играл главенствующую роль. А этот экономический орган, в конечном счёте, включит в Каталонское государство все экономические сферы. Другими словами, открывался путь к государственному капитализму. Гарсия Оливер признал, что замечание Дуррути было справедливым и что он особо отмечал противоречие тезиса, защищаемого Сантильяном. Нужно было максимально противостоять победе концепции легализма в экономике. Тем не менее оба прекрасно видели ресурс вооружённого столкновения. Но для того, чтобы он был эффективным, нужно было сохранить в рабочих массах революционный пыл, противопоставляя эти массы действующей власти Центрального комитета антифашистских милиций и пассивной — со стороны Женералитат. Это было нечто вроде революции в рамках самой революции. Но Дуррути не остался доволен таким неясным и противоречивым положением дел и считал, что вопрос непременно и прямо должен быть поставлен на

ближайшем пленуме, объявленном НКТ в Каталонии. Оба товарища пришли к согласию, что на пленуме вновь нужно было поставить членов организации перед лицом их собственной ответственности.

На этом региональном пленуме НКТ в первых числах августа 1936 года имелись причины для осознания двойственности положения: с одной стороны — правительство, которое не правит, и с другой — НКТ с каждым днём всё более погружается в революционный процесс, и, как следствие, реальное управление событиями. Гарсия Оливер и Дуррути прямо поставили вопрос: необходимо было выйти из этой двойственности и покончить с политикой политического коллаборационизма, которое дезориентировало революцию, поглощало энергию и не давало революции двигаться вперёд.

Фракция коллаборационистов, несмотря на негативные результаты этой теории и под предлогом, что раскол антифашистского фронта спровоцирует гражданскую войну между самими антифашистами, не изменила своей позиции. Драматический тон некоторых ораторов парализовал многих делегатов, и в результате не представилось возможным пересмотреть соглашения Пленума 20 июля. Было принято решение о революционном союзе с ВСТ и образовании Национального совета обороны, на чьи недостатки мы указали выше.

На пленуме набрал большинство голосов этот критерий, и в результате фракция экстремистов, оказавшаяся в меньшинстве, вновь оказывалась перед обязанностью «святой ответственности членов перед лицом принятых всеобщих резолюций». Имелся способ выйти из этого замкнутого круга путём нарушения «ответственности членов» и решения вопроса на улицах, против мнения самой организации. Но ни один из членов, включая Дуррути и Гарсию Оливера, не был способен на такое; во-первых, потому что для этого нужно было подготовиться и направить революцию так, чтобы её не смогла подавить контрреволюция; во-вторых, практика организации много значила для них и требовала уважать резолюции, принятые большинством. Кроме того, даже самые смелые не имели сведений о происходящем в других регионах Испании. В Каталонии была налицо уверенность в революционном действии благодаря влиянию в этой области НКТ и ФАИ. А что другие территории страны, особенно

Мадрид? Тем не менее обе группировки — коллаборационисты и экстремисты — были уверены, что вооружённое столкновение в антифашистском лагере было неизбежным, и поэтому первые делали всё возможное, чтобы отдалить его.

Дуррути срочно вызвали в Бухаралос, и он незамедлительно выехал из Барселоны, но для него была ясна его линия: несмотря ни на что придерживаться своих идей, придать координированный характер Конфедеральным милициям с целью создания мощной вооруженной группировки и продолжать вести революцию вперёд.

ГЛАВА X.
КОЛЬЦОВ ПОСЕЩАЕТ КОЛОННУ «ДУРРУТИ»

Как мы уже писали, когда Дуррути выехал в Барселону, деятельность на его участке фронта уменьшилась. Самыми продвинутыми позициями колонны были «Калабасарес Альтос» — своего рода балкон, с которого можно было обозревать Сарагосу. Революционеры заняли посёлки Агилар, Осера де Эбро, Монегрильо, Фарлете и осаждали Пину. Но из-за нехватки боеприпасов не приходилось задумывать масштабные операции. Именно тогда возросла интенсивность партизанских вылазок:

«Однажды интернационалисты[116], воспользовавшись переправой вблизи Агилара, переправляются через Эбро и застают противника врасплох в его траншеях. Они нападают и берут в плен защитников укреплений. В другой раз, "Ла Банда Негра" форсирует реку и нападает на командный пункт фашистов в Фуэнтес-де-Эбро, захватывая в плен 59 солдат (несколько офицеров) и значительное количество вооружения. Позднее "Дети ночи" (Los hijos de la noche), внедрившись на несколько километров за линию противника, возвращаются усталые, но довольные: они привели с собой несколько тысяч голов скота»[117].

Срочный звонок в адрес Дуррути в Барселону исходил от Военного комитета Арагона[118], где полковник Вильяльба занимал пост главного советника[119]. Изучив обстановку, создавшуюся в

116 Группа интернационалистов в основном состояла из французов, одного-двух бельгийцев, марокканцев и итальянцев. Наиболее отличились: Карл Эйнштейн (немец); Мэтью Корман (бельгиец); французы Ридель, Шарпентье, Эмиль Коттан, Фортан, Жоржетте и Симон Уэйл; и итальянец Рагадзини.

117 Хосе Мира. Указ. соч.

118 Военный комитет Арагона находился в Сариньене и включал: Антонио Ортиса, Буэнавентуру Дуррути и Кристобаля Альдабальдетреку от Колонн НКТ; Хосе дель Баррио от Колонн ВСТ-ОСПК; Хорхе Аркера из ПОУМ и военных советников: Франко Кинсу и команданте авиации Рейеса, полковника Вильяльбу, подполковника Хоакина Бланко и капитанов Медрано и Менендеса.

119 Полковник Вильяльба постоянно был причиной разногласий в Военном комитете. Его навязчивая идея основать в Уэске ещё один Комитет — что в конце

Арагоне, Военно-технический совет разработал военную операцию крупного масштаба в Уэске, но для претворения её в жизнь было необходимо перевести подкрепления из других пунктов, и колонна «Дуррути» не столь загруженная, была востребована для поддержки в этой операции. В те дни, когда Дуррути подготавливал своих «милисьянос» к попытке наступления в местности Уэска и очистки зоны Пина-де-Эбро, в Бухаралос прибыл корреспондент газеты «Правда» Михаил Кольцов.

Он приехал в Барселону 8 августа. После посещения своих товарищей-коммунистов в отеле «Колон» 10 августа встретился с Гарсией Оливером. Рассказ об этом интервью очень живописен, в стиле журналиста Кольцова, который был «глазом Москвы в Испании»:

«В полдень я посетил Гарсию Оливера. Ему сейчас подчинены все каталонские милиционные части. Штаб в здании Морского музея. Прекрасное здание, широкие галереи и залы, стеклянные потолки, художественно исполненные огромные модели старинных кораблей, множество народа, оружие, ящики с патронами…

Сам Оливер — в богатом кабинете, среди ковров, статуй; тотчас же предложил огромную “гавану”, коньяку. Смугл, красив, со шрамом на лице, кинематографичен, хмур, огромный парабеллум за поясом. Сначала молчал и показался молчаливым, но вдруг прорвался огромным страстным монологом, изобличавшим оратора, опытного, знойного, ловкого».

Речь Гарсии Оливера, по словам Кольцова, имеет два направления: поначалу тот восхваляет НКТ и ФАИ, и достаточно пространно.

«Потом, — пишет Кольцов, — он начинает нервно, что-то чересчур уж нервно опровергать.

— Неправда, — со слов Кольцова говорит Гарсия Оливер, — что анархисты против Советского Союза (…).

Пусть Советский Союз в своих расчётах не пренебрегает такой

концов он и сделал — привела к разделению Арагона на два сектора (северный и южный). Дуррути не одобрял такого разделения, так как считал, что все колонны должны быть солидарными между собой. Кроме того, ни Дуррути, ни Ортис не одобряли парализованное состояние линии фронта в Уэске, где командовал Вильяльба.

силой, как испанские анархистские рабочие, и т.д. В конце, пишет Кольцов, Гарсия Оливер советует поговорить с его другом Дуррути, хотя тот стоит у ворот Сарагосы. Думаю ли я поехать на фронт?» Кольцов отвечает ему, что поедет на арагонский фронт, и просит у него пропуск:

— Не может ли Оливер дать мне пропуск?

— Да. — Оливер охотно соглашается дать мне пропуск. Он говорит адъютанту, и тот здесь же пишет на машинке бумагу. Оливер подписывает. Он жмет руку и просит, чтобы русские рабочие получали достоверную информацию об испанских анархистах»[120].

12 августа Кольцов, в сопровождении некого Хулио Хименеса Орге, русского полковника артиллерийской службы, «очень таинственного», которого он встретил в Барселоне, и прибывшего из Франции, чтобы «помогать красным», уже приехал в Арагон, в зону действия Вильяльбы и в селе[121] решил задать вопросы капитану, профессиональному военному из частей Вильяльбы:

«— Кто ваш противник?

— Мятежники.

— Конкретно кто, какие силы? Сколько орудий, пулеметов? Есть ли кавалерия?

Капитан пожал плечами. Противник потому и называется противником, неприятелем, что не сообщает о своём расположении, о своих силах. Иначе он был бы не неприятель, не энемиго, а приятель, амиго! Все кругом засмеялись познаниям и остроумию капитана».

Не смеётся лишь Кольцов, и только потому, что не обладает чувством юмора. Как могло Кольцову прийти в голову задавать такого рода вопрос 12 августа 1936 года?! И самое любопытное, что впоследствии он напишет, что делал это вполне серьёзно. Оруэлл, когда писал свой очерк, наверняка имел в виду корреспондента «Правды».

Перед встречей с Дуррути Кольцов посетил Труэбу и дель Баррио в Тардиенте. Естественно, там он обнаружил наилучшую организацию,

120 Михаил Кольцов. «Испанский дневник». Париж: изд-во Ruedo Ibérico, без года издания.

121 Ангес (Ангуéс- Angüés — прим. ред.).

эффективность и даже «бронепоезд». Труэба, узнав, о том, что Кольцов намеревался посетить Дуррути, предложил сопровождать, «потому что он хочет посмотреть анархистскую колонну». «Рассказ корреспондента “Правды” об этом интервью с Дуррути имеет такую же историческую ценность, как и весь “Испанский дневник”, — напишет его коллега из «Известий» Эренбург, — он не носит никакого исторического характера»[122].

В тот день, 14 августа, Дуррути находился в магазинчике Монсона или Санта Люсия. По словам Кольцова, «за два километра от линии фронта», что означало «безрассудство», и поэтому предпочёл взять у него интервью в Бухаралосе.

Кольцов описывает посёлок, заполненный, по его словам, приказами и декретами, подписанными Дуррути. А затем приступает к делу: «Знаменитый анархист встретил сначала невнимательно, но, прочтя в письме Оливера слова: “Москва”, «Правда», сразу оживился. Тут же, на шоссе, среди своих солдат, явно привлекая их внимание, он начал бурный полемический разговор».

Так описывает Кольцов знаменитого Дуррути. Перейдём теперь к рассказу на страницах «Испанского дневника».

Дуррути сначала спросил у Кольцова: «Что намеревался предпринять Советский Союз для поддержки испанской революции?» Русский журналист вспомнил причины международного порядка, запрещающие СССР вмешиваться непосредственно. Но он не исключал возможности помочь Испанской Республике косвенно. Что касается русских рабочих, то они через свои профсоюзы организовали сборы средств. Первый денежный перевод был послан премьер-министру, господину Хиралю[123].

Этот ответ не удовлетворил Дуррути, и он живо ответил:

---

122 Илья Эренбург. Указ. соч.

123 Кольцов М.Е. Указ. соч. Вследствие того, что он упоминает денежные средства, собранные русскими рабочими, которые, согласно Кольцову, были посланы испанскому правительству (Хираль), Доминик Десанти, говоря об этом же сборе денег, пишет: «26 июля ещё одно заседание Профинтерна в Праге: русские профсоюзы предлагают около миллиарда для помощи Испании. Для этого профсоюзы организовали сборы денег на фабриках. Торез и Тольятти назначены распорядителями этого фонда» // L’Internationale Communiste. Париж: изд-во Editorial Payot.

«Борьба с фашизмом — дело рук не правительства Асаньи, а испанских рабочих: они в ответ на атаку военных совершили революцию. Республиканское правительство не только не вооружило рабочих, но даже не предприняло ничего, чтобы воспрепятствовать мятежу. При таких обстоятельствах, — возразил Дуррути Кольцову, — не имеет смысла, чтобы деньги, собранные русскими рабочими, попали не в руки испанских рабочих, а были вручены такому правительству, как у нас: оно, имея доступ к национальным запасам, не заботится о вооружении революционных милиций. Смысл нашей войны ясен: речь идёт не о поддержании буржуазных структур, а об их разрушении. Если русский народ не знает о содержании нашей борьбы, то долг корреспондентов российской прессы — проинформировать их об этом».

Таков был ответ Дуррути Кольцову, но тот забывает привести его в своей книге. Такая забывчивость вполне понятна, так как Сталина не интересовало донести до русского народа правду о событиях в Испании.

Скрывая истинный ответ Дуррути и вкладывая в его уста бессмыслицу, Кольцов продолжает создавать образ анархистов-революционеров, который сталинисты желают представить на суд публики.

После отступления, в котором Кольцов говорит об огромном желании Советского Союза помочь испанскому антифашизму, беседа сосредоточилась на военных темах, которые Кольцов настойчиво использует как возможность преподать урок.

«Дуррути указал, что было бы очень важно приложить все усилия на линии фронта в Сарагосе и предпринять решающую атаку на эту столицу, но признал, что фронт передвигался в другие точки, о чём он сожалел».

«Он объяснил, что бездействие в его секторе отвечало стратегии военных техников; те считали, что перед штурмом Сарагосы необходимо было укрепить позиции фронта на юге и севере. Тем не менее после атаки на Фуэнтес-де-Эбро положение улучшится». Что касается проблем, связанных с «дисциплиной» и «командованием», то их в колонне не было.

Дуррути сказал Кольцову, что Военный комитет и Технический

совет колонны действовали по обоюдному согласию и что между профессиональными военными и «милисьянос» не существовало разногласий, что управление Колонной осуществлялось в духе самодисциплины и солидарной ответственности. «Этот дух ответственности и самодисциплины, — указал он, — делает ненужными воинские уставы».

Дуррути объяснил подробно, как функционирует колонна, однако его слова не были напечатаны на страницах газет достоверно. Корреспондент «Правды» пишет, что дезертирство было значительным и что в колонне оставалось всего лишь 1200 бойцов, когда на самом деле в те дни в ней насчитывалось 6000 человек, из них 4500 имели оружие.

Что касается обстановки с вооружением солдат колонны, Кольцов заверяет, что Дуррути сказал ему: «Всё прекрасно, и у нас много боеприпасов». В действительности же Буэнавентура сказал, что «на счету были только старые ружья, и их недостаточно, чтобы вооружить всех, и поэтому воевали поочерёдно, чередуя военную деятельность с сельскохозяйственными работами, где было занято 1500 человек, а другие работали на дороге, соединявшей деревни Хельса и Пина».

О боеприпасах Дуррути заметил: «Это настоящий кошмар, и всё настолько серьёзно, что “милисьянос” вынуждены сохранять пустые патроны, чтобы затем посылать их на зарядку в Барселону».

Кольцов поднял вопрос о «военной подготовке». По этому вопросу Дуррути также говорил конкретно: «Мы обучаем бойцов обращению с оружием, стрельбе, как укреплять позиции, как уберечься от бомбардировок, как внезапно напасть на противника и, в общем, каким образом одержать победу в рукопашном бою. Но здесь мы не учим людей ни маршировать, ни приветствовать, потому что у нас нет ни высших, ни низших чинов. Отношения между делегатами и “милисьянос” тёплые. Дуррути считает, и “милисьянос” думают, как и он, что для военных действий не обязательно чеканить шаг на манер прусской армии». Такой ответ послужил причиной мнения Кольцова, что «с военной точки зрения колонна — это катастрофа». Прощание Кольцова и Дуррути, по словам первого, было сердечным и завершилось знаменитой фразой:

«До свидания, Дуррути. Я приеду к вам в Сарагосу. Если вас не убьют здесь, если вас не убьют в драке с коммунистами на улицах Барселоны, вы, может быть, лет через шесть станете большевиком». Дуррути усмехнулся и тотчас же повернулся широкой спиной, заговорив с кем-то случайно стоявшим.

Тот, «кто случайно там стоял» был не кто иной, как Мора, секретарь Военного комитета. Он вместе с Франсиско Кареньо и Франсиско Субиратсом присутствовал при беседе[124].

Михаил Кольцов не был единственным журналистом, посетившим арагонский фронт. В этой экскурсии на линии фронта посещение колонны «Дуррути» и интервью с её ответственным лидером считались необходимым для того, чтобы журналистская работа была выполнена в полной мере. На войне или в испанской революции оригинальным считалось участие анархистов, как говорит Ван Пассен, «в качестве необходимой силы». Огромное большинство журналистов, приехавших в Испанию, имели мнение об анархизме под влиянием, по словам Ноама Хомского, «либеральной культуры», или же они были сталинистами, или «товарищами по путешествию»[125].

Ни от одних, ни от других нельзя было ожидать восприятия испанской действительности без упомянутых очков — по той простой причине, что за их работу платили хозяева и им нужно было угодить. К тому же необходимо было иметь в виду идеологию этих журналистов, считавших анархизм своим смертельным врагом.

Отношение этих интеллектуалов и их влияние в большой прессе в результате должно было привести к мистификации фактов и, что ещё серьёзнее, оставить для будущих читателей сфальсифицированные произведения, способные привести исследователей к неверным выводам в отношении исторического баланса событий, произошедших в Испании в период с июля 1936 года по 1 апреля 1939 года.

Перед приездом Кольцова в Бухаралос этот сектор посетил

124 Мы показали интервью Кольцова с Дуррути тем, кто присутствовал при беседе. Один из них, Франсиско Субиратс, восстановил категоричные ответы Дуррути, видоизменённые Кольцовым.

125 Ноам Хомский. «Америка и её новые мандарины» (L'Amerique et ses nouveaux mandarins). Париж: изд-во Seuil, 1969.

специальный корреспондент L'Intrasigeant Ги де Траверсе, который помечает статью, написанную в Барбастро, 13 августа 1936 года. Он пишет:

«Я — рядом с Дуррути, он сказал мне на своём живописном французском: "Французский язык? Я научился ему в тюрьме La Santé. Альфонс XIII приказал твоему правительству посадить меня туда. Задавай мне любые вопросы — я отвечу на них по мере моего понимания, потому что о военных вопросах мы не можем говорить подробно, чтобы не сработать на противника. Ты сможешь поехать на те участки фронта, где знание о занимаемых позициях не будет связано с риском оглашения".

Ги де Траверсе посетил различные точки сектора колонны и обсудил с Дуррути аспекты, связанные с милитаризацией милиций. Дуррути защитил свою известную уже точку зрения. Однако, естественно, хотя Траверсе и смог сам на практике увидеть реальное положение вещей, он не убедился в военной эффективности той системы. Этого следовало ожидать. В его статье бросается в глаза упоминание о том, что повсюду он видит установление нового порядка, при котором отменяется частная собственность.

«Но всё это делается как надо, — пишет журналист, — решения принимают сами крестьяне, на собрании. Сжигаются реестры собственности, и у буржуазии отнимают материальные ценности, которые затем посылают в Барселону, в Центральный комитет милиций. И всё это совершается таким образом, чтобы не происходили акции мародёрства, что крайне жёстко наказывается».

Ги де Траверсе заканчивает статью так: «Разгромят ли военных бунтарей, или же за кулисами с ними найдут общий язык — всё это трудящиеся взвесят на весах, вместе с неподкупными в стиле Дуррути. Человек, считающий Ларго Кабальеро безобидным и мягким оратором, не даст так просто украсть у него победу. Правда, большинство не на его стороне, но я знаком с некоторыми лицами, которые надолго задумаются, прежде чем вступить в сражение с армией анархистов».

После Ги де Траверсе и Кольцова в Бухаралос приехали журналисты Альберт Суильон из La Montagne и Хосе Габриэль[126] от аргентинской

126 Хосе Габриэль — аргентинский журналист. Написал книгу об Арагоне под

прессы. Они высказали Военному комитету желание присутствовать при атаке Фуэнтес-де-Эбро, расположенного на берегу реки Эбро. Французский журналист описывает взятие этого посёлка, но высказывает свой страх, пережитый во время этой операции, что ему не мешает чувствовать гордость за то, что он присутствовал на этом победном сражении колонны «Дуррути». После боя Суильон побеседовал с Дуррути:

«А что Франция?» — спросил внезапно Дуррути.

Французский корреспондент пишет: «Дуррути весьма интересуется положением дел во Франции. Он сожалеет о позиции правительства (политика невмешательства Леона Блюма, чтобы устраниться от испанского вопроса) и поэтому не одобряет её. Он понимает такое решение, потому что у него ясный ум, но не может согласиться с ней, потому что он храбрый человек, который сам сражается и видит, как погибают его люди под бомбами немецких и итальянских трёхмоторных самолётов.

“Я бы обратился по радио к французскому народу, — говорит мне Дуррути, — но ваше правительство нуждается в его среднем классе... Напишите ясно в своей хронике, скажите в Париже, что мы сражаемся за нас и за вас. Подчеркните нашу необходимость в самолётах, чтобы побыстрее покончить с этой войной. Подчеркните также, что мы — анархисты, организовавшие многочисленные колонны «милисьянос», — не преследуем иной цели, кроме как сокрушить фашизм. Ещё скажите французам, что мы здесь, в Испании, сражаемся все вместе, как братья, и что когда после победы придёт час запустить в ход новые экономические и социальные структуры, те, кто на самом деле сражался бок о бок, смогут найти общий язык и решить все проблемы по-братски»[127].

Анархистка Эмма Гольдман в те августовские дни также посетила колонну «Дуррути»:

«Я была наслышана о сильной личности Дуррути и его революционном престиже среди бойцов колонны. Кроме того,

названием «Жизнь и смерть в Арагоне» (La vida y la muerte en Aragón), изданную в Буэнос-Айресе.

127 Альберт Суильон. «Бои на Эбро. Воспоминания о Дуррути» (Combats sur l’Ebre. Souvenirs sur Durruti) // La Montagne, август 1936 года. Эта статья опубликована в 31-м номере L’Espagne Antifasciste.

мне было интересно узнать, каким образом Дуррути поддерживал сплочённость людей. Дуррути удивился, когда я, анархистка со стажем, задала ему такой вопрос.

Дуррути ответил мне: “Всю мою жизнь я был анархистом и надеюсь в будущем придерживаться тех же идей. Поэтому мне было бы очень неприятно превратиться в генерала и применять к моим товарищам тупую военную дисциплину. Те, кто пришёл сюда, сделали это по своей воле и готовы отдать жизнь за дело. Я верю, как всегда верил, в свободу, как её можно понять в рамках ответственности. Я считаю, что дисциплина необходима, но она должна быть самодисциплиной, движимой совместным идеалом и крепким чувством товарищества”.

Конечно, для Дуррути не всё было просто — под его началом было шесть тысяч человек, и их задача была непростой, их нужно было повести в бой. К тому же не все участники колонны обладали одинаковым уровнем братской солидарности и коллективной ответственности. Некоторые из них в самые трудные моменты просили об отпуске. Тогда Дуррути терпеливо говорил бойцу: “Подумай, товарищ, эта война, которую ведём я, ты и все мы, служит для победы революции, а революция совершается для того, чтобы изменить жизнь людей, положить конец моральной и физической нищете”.

Никакая военная суровость, никакой приказ, никакое дисциплинарное наказание, — пишет Эмма Гольдман, — не служили для поддержания сплочённости колонны. Существовала только огромная энергия Дуррути, который своим поведением давал пример всем, и таким образом весь коллектив действовал и чувствовал в унисон»[128].

Некоторые видели в Дуррути воспитателя масс. Нам кажется, что этот термин недостаточно ясно выражает мотив действий Дуррути. Мы считаем, что лучше признать факт: Дуррути был убеждён в том, что если сама революция не преобразовывала человека, пробуждая в нём чувство ответственности, то она попадала в руки кастовой группы, которая превратила бы её в нечто обратное, насаждая свою диктатуру под предлогом лучшего служения народу. Сделать так, чтобы все поняли, что революция — это всеобщее дело, — мы думаем, именно это было истинным намерением и целью Дуррути,

128 Эмма Гольдман, 20 ноября, цитированная брошюра.

это стало осью либертарного Арагона. В этом смысле мы считаем уместным привести случай, описанный в Guerre di Clase:

«Однажды Дуррути обедал вместе с “милисьянос”, под началом которых была артбатарея. Один из них попросил разрешения отлучиться в Барселону. “Невозможно в данный момент”, — сказал тот. “Милисьяно” настаивал. Тогда Дуррути принял решение. Он обратился к остальным и предложил им проголосовать поднятием руки “за” или “против” такого разрешения. Большинство высказалось “за”. Так “милисьяно” смог поехать в Барселону»[129].

129 Этот случай описан в упомянутой брошюре.

ГЛАВА XI.
ЛАРГО КАБАЛЬЕРО ВОССТАНАВЛИВАЕТ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

4 сентября Ларго Кабальеро нарушил таинственное молчание и сообщил испанцам, что займёт пост премьер-министра и будет руководить военными действиями. В его правительство войдут пять министров-социалистов (Хуан Негрин — министерство финансов; Хулио Альварес дель Байо — министерство иностранных дел; военный флот возглавит Индалесио Прието). Коммунисты получали два министерства: сельскохозяйственное (Висенте Урибе) и министерство образования (Хесус Эрнандес). Остальные министерства возглавляли республиканские политики, тесно связанные с Мануэлем Асаньей.

Ларго Кабальеро брал на себя задачу восстановить расчленённое государство, подвергнувшееся атаке военных мятежников и взятое под защиту народом. Задачу возрождения государства не мог исполнить никакой другой политик, кроме Ларго Кабальеро. Он не только был идеальным кандидатом для этой миссии, но и, кроме того, пользовался престижем в рядах рабочего класса. Агенты Москвы в Испании, руководимые итальянцем Тольятти, именно так позиционировали его в среде руководителей Коммунистической партии; Кабальеро — испанский Ленин: этот слоган нужно было опять вернуть в обращение и подчеркнуть соперничество Кабальеро-Прието. А кроме того, покончить с игрой ВСТ-НКТ. В самом деле, в середине августа 1936 года Ларго Кабальеро пришёл к мысли, что лучшим способом избавиться от правительства Хосе Хираля было заключение альянса с НКТ и образование этими организациями рабочего правительства. Когда это намерение стало известно агентам Москвы, то они задействовали все свои ресурсы, чтобы воспрепятствовать Ларго Кабальеро сделать этот шаг. Приезд сначала Кольцова, а потом Марселя Розенберга в качестве посла Советского Союза в Испании в последних числах августа мог показаться московским дождём с целью помешать старому лидеру ВСТ совершить оплошность. Эти два деятеля организовали всё таким образом, что заставили поверить секретаря ВСТ в его историческую

роль в Испании, подобно Ленину в России. У того проснулся аппетит к величию, управлению государством и верховным командованием военными действиями; то был зенит политической славы Кабальеро. Ларго Кабальеро возлежал в прокрустовом ложе, приготовленном ему Коминтерном. Тот факт, что со временем Ларго Кабальеро восстанет против этой диктатуры, анекдотичен; важно то, что в сентябре Кабальеро был подобен испанскому Носке.

Марсель Розенберг стал политическим советником главы испанского государства.

Глава государства не может быть таковым, если не располагает контролем над государственным аппаратом, но ввиду того, что такой структуры не существовало, создание её представлялось неотложным. Государство не может существовать без армии и полиции. Государство, для того чтобы управлять, должно иметь широкую власть. В Испании государственная власть была раздроблена и разделена среди тысяч комитетов, которые исполняли её в своём личном радиусе действия. Представлялось естественным, что поначалу, ввиду беспорядка, возникшего в результате военного мятежа, рабочие встали на защиту Республики. Но впоследствии, после тех первых дней, всё должно было войти в рамки демократической буржуазной республики, где налицо уважение к частной собственности и в особенности к интересам иностранных капиталистов. В данный момент самым важным была победа в войне с Франко, и эта война не могла быть выиграна без поддержки английской и французской демократии. А эти буржуазные демократии никогда не помогли бы такой Испании, которая, по примеру Каталонии, низложила бы правительство Женералитат, а рабочие экспроприировали собственность испанской и иностранной буржуазии. После такого рода размышлений Розенберг передал Кабальеро аспекты политической науки Сталина:

«Испанская революция во многих аспектах идёт другим путём, отличным от русской революции. Это происходит в силу общественного положения, исторических и географических особенностей, а также нужно принять во внимание международную обстановку, отличную от той, с которой столкнулась русская революция. Возможно, путь парламентаризма станет в Испании

более эффективным способом, нежели в России».
Для претворения в жизнь этой политики Сталин предоставил следующие правила:
«1. Нужно иметь в виду, что крестьяне составляют в Испании, преимущественно сельскохозяйственной стране, большинство населения. Необходимо продумать возможные аграрные и налоговые реформы, которые бы отвечали их чаяниям. Нужно привлечь крестьян в армию и создать партизанские отряды для действия в тылу фашистских частей. Принятие декретов в пользу крестьян могло бы содействовать набору в армию.
2. Нужно привлечь в правительство мелкую и среднюю буржуазию, и если это не станет возможным — по крайней мере нейтрализовать её в пользу правительства. Для этого необходимо защитить эти слои населения от любой конфискации их собственности и гарантировать им, насколько будет возможно, свободу торговли.
3. Не следует отвергать лидеров республиканских партий — напротив, нужно привлечь их для сотрудничества с правительством. Нужно непременно гарантировать сотрудничество Мануэля Асаньи и его группы, предпринимая всё возможное, чтобы помочь им преодолеть колебания. Всё это необходимо для того, чтобы не дать почувствовать друзьям Испании, что страна стала коммунистической республикой.
4. Можно найти удобный момент для того, чтобы испанское правительство сделало официальное заявление, в том смысле, что не допустит нанесения ущерба собственности и интересам иностранцев, проживающих в Испании, гражданам тех стран, которые не поддерживают повстанцев»[130].

Ларго Кабальеро принял близко к сердцу эти мудрые советы и продолжил политику Хосе Хираля: удушения революционной Каталонии и более активного бойкота на арагонской линии фронта.
11 сентября 1936 года в секторе Уэски развивалась энергичная военная деятельность, речь шла о занятии важных позиций в Сьéтамо и Эстречо Кинто; контроль над ними не только позволял отрезать снабжение питьевой водой Уэски, но и взять сам город, в решительной атаке “милисьянос”, которые сражались у её ворот.

130 Текст, приведённый Х. Миравитлесом (указ. соч).

Полковник Вильяльба командовал своей колонной, в составе которой сражалось три тысячи солдат. Между Дуррути и Вильяльбой с самого начала существовали разногласия; их причиной являлось недоверие Дуррути к этому профессиональному военному. Милиции организовали в Сариньене Военный комитет, в котором были представлены все Колонны “милисьянос”; однако Вильяльба, хотя и был сторонником единого правления, настоял на организации собственного Военного комитета, или Военного штаба в Барбастро, в оппозиции комитету в Сариньене. Такая двоякость создавала немало сложностей в организации генеральных наступлений, так как, пока один сектор действовал, другой оставался бездеятельным. Необходимость последовательности военных операций вынудила Дуррути пойти на конфликт с Вильяльбой. Спор был рассмотрен на заседании Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии, от которого зависели колонны «милисьянос» арагонского фронта. Одним из обвинений Дуррути в адрес полковника была сдача Сьéтамо в августе. За несколько дней до того Вильяльба запросил у Дуррути поддержки для штурма Сьéтамо. Колонна выделила несколько центурий из группировки Хосе Миры. За три дня трудных боёв «милисьянос» заняли указанную позицию, и после её взятия она осталась под контролем сил Вильяльбы, причём он принимал на себя ответственность защищать этот пункт, так как имел решающее значение для взятия Уэски. Понял ли Вильяльба, всю важность этой позиции или нет, нам неизвестно, но случилось так, что фашисты предприняли контратаку и разгромили подразделения Вильяльбы, и те были вынуждены оставить Сьéтамо.

Таким образом, эта точка превратилась в настоящий кошмар для подразделений, атакующих Уэску, и в первых числах сентября было принято решение вновь взять Сьéтамо, но на этот раз бой был намного суровее, так как враг значительно укрепился, вводя в это село для обороны пехотную роту, группу фалангистов и значительные подразделения Гражданской гвардии. Это была укреплённая и защищённая позиция; кроме того, она находилась на высокой точке, с шестью стратегически установленными пулемётами и артиллерийской батареей. Вильяльба вновь запросил поддержки у колонны «Дуррути», и Военный комитет вновь послал

Хосе Миру и несколько центурий. 4 сентября они начали сражение под ударами немецкой авиации, которая беспрестанно вела обстрел из пулемётов и бомбардировала атакующих.

«Как только мы предприняли атаку, — пишет Мира, — “Алас Неграс” ни на мгновение не прекратили нападение, превращая в развалины все сёла в нашем тылу (...). Также они летали над нашими “племенами”[131], расстреливая наших “геррильерос” и сбрасывая бомбы без счёта и без меры (...). После трёх дней титанической борьбы нам удалось занять крайние дома в Сьéтамо; где бои шли жесточайшие: каждое жилище превратилось в неприступное убежище, и из всех домов раздавались направленные на наших бойцов смертоносные очереди»[132].

Свидетельство Миры подтверждено команданте Висенте Гуарнером, которого ЦКАМ послал в качестве наблюдателя в этом сражении:

«Сопротивление было суровым — я лично мог в этом удостовериться, так как находился рядом с полковником Вильяльбой 4 и 5 сентября. Авиация (вполне возможно, немецкая) из сарагосского поля Гаррапинильос достаточно эффективно подвергла бомбардировке командный пункт, принося большие потери, сражённых насмерть и раненых (...). Огонь из Сьéтамо достигал нашего пункта, и бои шли за каждый дом, так как внутри посёлка также укрепили как последнюю линию обороны церковь и замок графа Аранды. Положение защитников было безнадёжным, 12 числа они эвакуировали жителей и отступили к укреплениям Эстречо Кинто, находившимся на 6-м километре шоссе на Барбастро, река Элумен представляла из себя ров (...). Наши фотографии с воздуха показывали, что траншеи противника протягивались с Лопорсано и Монте Арагон до холма под названием Плано Лопорсано, перед посёлком Тиерс; они покрывали этот участок и Кисену, на другой стороне дороги, артиллерийскими орудиями, пулемётами, зенитными орудиями и приблизительно одним батальоном личного состава, занявшим выгодные позиции (...). Предпринялась попытка обойти с севера и с юга эти укреплённые

131 Термин «племена» был задействован Комморерой. Он так назвал милиции Арагона, когда было официально объявлено о всеобщем вооружении в октябре 1936 года. Такое определение было уничижительным, как бы говоря: «не с подобными племенами можно выиграть войну...».

132 Хосе Мира. Указ. соч.

линии Эстречо Кинто. 15 и 18 сентября противник оказал довольно сильное сопротивление. 30 сентября в результате блестящей атаки колонны “милисьянос”, заняли Лопорсано, одновременно сдался Форнильос, находившийся севернее, а на юге велась атака на Тиерс и напрямую наступали на Эстречо Кинто, которому не оставалось ничего другого, как эвакуироваться со всеми укреплениями, покрывавшими Уэску на востоке. Части полковника Вильяльбы нанесли большие потери противнику: мёртвые, раненые, взятые в плен; двенадцать пулемётов, два орудия калибра 75, одно 155 и два зенитных орудия, не считая грузовиков. Дорога на Уэску была свободной...»

В этом рассказе Гуарнер упоминает «колонну милисьянос», не называя их имени. Однако подчёркивает личность Вильяльбы[133].

Продолжим рассказ Миры. Он был не простым наблюдателем, а участником этих военных действий.

«Придавая себе сил криками “Да здравствует ФАИ!”, анархисты бросились на улицы. Натиск первых минут был суровым, и часть наших войск почти достигла церкви, где засели большинство солдат противника, чувствовавшие моральную поддержку оврага Сьéтамо (...). Тем не менее атака на этом пункте не остановилась — напротив, мы усилили её при действенной поддержке колонны “ПОУМ” под началом Мануэля Гросси (...). Наши товарищи забрались без какого-либо прикрытия на холмы Эстречо Кинто и за пять дней сражений для нашей революции мы заняли Лопорсано, Эстречо Кинто и Монте Арагон (...). Среди орудий, захваченных у противника, было: в Сьéтамо — две пушки калибра 10,5; четыре миномёта 81; восемь пулемётов и триста ружей; а также сто пятьдесят пленников. В Лопорсано приблизительно так же, а в Монте Арагон и Эстречо Кинто — шесть артиллерийских орудий (четыре калибра 7,5 и два 10,5), двенадцать миномётов и тысяча ружей (...). Что наиболее вдохновило тех бойцов, то это поведение Дуррути за всё время сражения, стойко переносившего трудности войны...»[134].

С целью пропаганды было решено рассказать о победах в Сьéтамо, Монте Арагон и Эстречо Кинто; сочли уместным

133 Висенте Гуарнер. Указ. соч.

134 Хосе Мира. Указ. соч.

выступление по радио одного из делегатов колонны с обращением к испанским трудящимся. Такая задача была поручена Дуррути. Профессиональные военные ожидали, что Дуррути в своей речи придаст наибольшее значение темам, существенным для них самих: дисциплине среди солдат и единственному централизованному командованию. Но Дуррути волновало совсем другое. Он видел намерения правительства Ларго Кабальеро; также осознавал, что контрреволюция уже поднимала голову в тылу, в частности в Барселоне, где ОСПК, неизвестная до 19 июля, начинала проявлять себя как политическая сила; к ней обратились все экспроприированные в ходе революции, и деятели «Левых республиканцев Каталонии» с целью создать общий фронт против рабочего класса Каталонии, то есть рабочего фундамента НКТ и ФАИ. Таким образом, то, что едва пятнадцать дней назад никому не приходило в голову, сейчас озвучивалось под некоей маской: не выступали ни против революции, ни против НКТ и ФАИ, но говорили о рабочем классе как о людях «вне контроля», а об их завоеваниях и экономических экспериментах отзывались, применяя унизительные термины, как, например, «сумасшедшие экономические эксперименты, которые саботировали своим “утопизмом” национальную экономику». Выступление Дуррути обязательно должно было затронуть эти фундаментальные для революции темы и угрозы, подстерегающие её в результате образования кабинета министров Ларго Кабальеро[135].

«Товарищи, на Арагонском фронте рабочие милиции не бездействуют: они атакуют, громят противника и продвигаются вперёд с целью победы революции; но всё это является прелюдией сильной атаки, которую готовят милиции на всём Арагонском фронте. Перед вами, трудящимися Испании, стоит тоже важная задача, потому что революция совершается и закрепляется не путём выстрелов, а путём производства. Не существует фронта и тыла; мы все образуем единый блок, который должен совместно бороться для достижения одной и той же цели. А наша цель не может быть иной, кроме как построить новую Испанию, представительницу рабочего класса.

Рабочие, которые сегодня сражаются на фронте и в тылу, не

135 См. прессу соцпартии, компартии и анархистов тех лет.

сражаются для того, чтобы защитить привилегии буржуазии, — они борются за право жить достойно. Подлинная сила Испании — в её рабочем классе и её организациях. После победы НКТ и ВСТ обсудят и придут к соглашению относительно форм и направлений экономической и политической жизни в стране.

Мы, сегодня сражающиеся на поле боя, делаем это не ради наград. И не для того, чтобы стать депутатами или министрами. Когда мы придём к победе и вернёмся с фронтов в города и сёла, то займём наши места на фабриках, в мастерских, полях и шахтах, откуда мы и вышли. Нашей великой победой будет та, которую мы завоюем на наших рабочих местах...

Мы — крестьяне и сеем наперекор бурям, которые могут разразиться и подвергнуть опасности наш урожай; мы стоим начеку и знаем, как избежать их. Урожай созрел. Сохраним же зерно! И его достаточно будет для всех, при разделе нет привилегий. В момент распределения ни Асанья, ни Кабальеро, ни Дуррути не будут иметь право на бóльшую часть. Урожай принадлежит всем, кто трудится постоянно, честно, отдавая свой ум, волю и силу для того, чтобы этот урожай не был похищен.

Трудящиеся Каталонии, несколько дней назад, из Сариньены, я обратился к вам, чтобы засвидетельствовать мою гордость представлять вас на фронте Арагона. Я также говорил, что мы будем достойны вашего доверия к нам и нашему оружию. Но для того, чтобы это доверие и это братство продолжались, необходимо, чтобы мы полностью посвятили себя этой борьбе, до такой степени, чтобы перестали думать о самих себе. А больше всего, товарищи женщины, не следуйте порывам своего сердца и дайте мужчинам сражаться на арагонском фронте. Не пишите им о плохом, терпите сами все трудности. Дайте нам сражаться. Думайте, что от всех нас зависят будущее Испании и судьба наших детей. Помогите нам быть сильными в этой войне, которая требует от нас всей нашей воли, если мы желаем победить!

Товарищи! Оружие должно быть на фронте. Нам нужно оружие, чтобы поднять железный барьер перед врагом. Верьте в нас! Милиции никогда не будут защищать интересы буржуазии. Они есть и всегда будут пролетарским авангардом в этой борьбе,

которую мы начали против капитализма. Мировой фашизм полон решимости победить в бою, а мы должны быть полны решимости не проиграть этот бой. Вам, рабочим, находящимся за линиями фронта противника, мы говорим: час вашей свободы близок. Либертарные милиции идут вперёд, и никто и ничто не сможет остановить их, потому что воля всего народа движет ими. Сотрудничайте с нами в нашем деле, саботируйте военное производство фашистов, образуя центры сопротивления и “герильяс” в городе и в горах. Боритесь все, кто может, до последней капли крови в ваших венах!

Трудящиеся Испании, будьте мужественными! Если написано о том, что в жизни человека наступает момент, когда надо рискнуть, скажем же, что этот момент наступил!

Товарищи! Будем оптимистами! С нами — наш идеал, это наша сила. Вперёд, смелее! С фашизмом не вступают в спор, его разрушают, потому что фашизм и капитализм — это одно и то же!»[136].

136 Solidaridad Obrera, 13 сентября 1936 года.

ГЛАВА XII.
ГАРСИЯ ОЛИВЕР, ЛАРГО КАБАЛЬЕРО И МАРОККАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Когда прессе стало известно о выступлении Дуррути, то газеты приняли его по-своему, в зависимости от их политического направления. Коммунисты и социалисты заметили в этой речи всего лишь призыв Дуррути о «поставке оружия на фронт». И вокруг этой темы, в частности, пресса ОСПК развязала настоящие атаки на «бесконтрольных»: они якобы бойкотировали линии фронта, удерживая в тылу винтовки и боеприпасы, когда в них нуждались в траншеях для борьбы с фашизмом. После нападок на Комитеты обороны, хотя и не называя их, принялись за профсоюзы и процессы коллективизации, объявляя, что сейчас не время для «утопических экспериментов» на экономической почве и что необходимо гарантировать производство путём эффективных методов управления. «Также не говорилось о том, что настал час не для революции, а для защиты республиканской законности, оказавшейся в опасности по вине фашизма»[137].

Первыми, кто отреагировал на эту кампанию, были Комитеты обороны Барселоны, которые провели широкое собрание и опубликовали манифест:

«Пока революция не решит проблему политической власти и будут существовать вооружённые силы, подчиняющиеся правительству Мадрида и не стоящие под контролем рабочих, группы обороны не сложат оружие, потому что они составляют защиту и гарантию завоеваний революции»[138].

Solidaridad Obrera, со своей стороны, не отреагировала на нападки на Комитеты обороны, однако выступила в защиту коллективных хозяйств. В газете говорилось, что применение политики атак на рабочие завоевания не приведёт ни к чему иному, кроме как к поражению, так как противостояние фашизму основывалось на революционном энтузиазме рабочего класса. Если войну лишить

137 См. процитированную прессу тех лет.

138 Автор был свидетелем этих событий. Комитет обороны рабочего квартала Грасия в Барселоне возглавил описанную позицию.

революционного характера, ни один рабочий не пожелает рисковать жизнью за правительство, стоявшее у власти до 19 июля[139].

Именно в дни развязавшейся полемики рабочие Сабаделя, посёлка в окрестностях Барселоны, обнаружили склад оружия в здании ОСПК этой местности. Оно ранее принадлежало гарнизону «Карл Маркс» каталонской столицы. Профсоюзы, предостережённые предупреждением Дуррути, послали в Бухаралос комиссию на переговоры с Военным комитетом и оповещение его о находке. Новость широко распространилась среди «милисьянос», и Комитеты центурий приняли решение послать ультиматум Центральному комитету антифашистских милиций Каталонии, с тем чтобы этот организм возвратил военное снаряжение, вывезенное с линии фронта.

В колонне «Дуррути» положение было взрывоопасным. Военный комитет позвонил Сантильяну и Рикардо Сансу, ответственным в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии, требуя, чтобы это оружие немедленно было возвращёно. Сантильян, знавший, что угроза Комитетов центурий прибыть в Барселону и самим разрешить этот вопрос не была пустыми словами, а представляла из себя огромную опасность, сразу же связался с комитетом гарнизона «Карл Маркс». Он предупредил, что если оружие, привезённое с линии фронта, не будет возвращено, налицо была опасность вооружённого столкновения. В силу ли того, что на самом деле они испугались, или же не предусмотрели военного столкновения, вернули восемь пулемётов, хранившихся в Сабаделе[140].

Таковым было положение в Барселоне, когда 15 сентября Испанию впервые посетил Генеральный секретарь МАТ (Международной ассоциации трудящихся), в состав которой входила НКТ. До тех пор Пьер Беснард с позиции секретаря МАТ ограничивался принятием и разрешением вопросов, которые поднимала НКТ перед лицом Международного секретариата. Но когда он констатировал регрессивный характер революции в Испании, то отказался от

---

139 См. номера Solidaridad Obrera за сентябрь 1936 года.

140 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч. Кроме того, имеется ряд свидетельств участников колонны, которые предоставили автору подробный рассказ.

прежней тактики рекомендаций в переписке, с тем чтобы лично вмешаться в испанские события. Прибыв в Барселону, Беснард встретился с Региональным комитетом НКТ в Каталонии и членами этой организации в Центральном комитете антифашистских милиций Каталонии. Он заявил, что единственным способом высвободить испанскую революцию из болота, в которое его затянул Леон Блюм, была интернационализация её борьбы. Для этого он в подробностях изложил план восстания племён в Марокко (Испанский протекторат), которое должно было начаться после побега Абд-эль-Крима[141], с 1926 года пребывавшего на острове Реуньон в изгнании благодаря французам.

Этот план должен был претвориться в жизнь вместе с революцией в Португалии, союзницы Франко. Что касается Португалии, то Беснард сказал, что поддерживал контакт с оппозицией в этой стране и что она имела план выйти на улицы с протестами. Что среди заговорщиков также находилась Всеобщая конфедерация трудящихся, входящая в состав МАТ. Она предлагала, вместе с политической оппозицией, восстать против диктатуры Саласара. Пьер Беснард придавал большое значение этим двум инициативам и считал, что они окажут благоприятное влияние на испанскую революцию. В заключение Беснард указал, что перед тем, как выехать из Парижа, он встретился с Леоном Жуо и другими социалистами, бывшими в оппозиции политике «невмешательства» Леона Блюма, и что они попросили от их имени поговорить с Ларго Кабальеро и убедить его сделать официальное заявление, в котором испанское республиканское правительство объявило бы о независимости Эр-Рифа и всего испанского протектората[142].

141 Арабский патриот, объявивший войну Испании и Франции. Основал в Эр-Рифе республику. Усилия двух армий, направленных против Эр-Рифа при поддержке авиации и флота, нанесли поражение храброму геррильеро. 27 мая 1926 года он попал в плен к французам. 21 августа Франция сослала его на далёкий остров Реуньон. Ему пообещали, что изгнание будет недолгим, однако оно растянулось на 20 лет. Длительность его ссылки и отношение к нему заставили его воскликнуть: «Если бы я знал о ждавшей меня судьбе, то предпочёл бы умереть, ведя в атаку моих смелых солдат». Потом добавил: «В исламе зарождается война, которая вспыхнет как в славные времена Альморавидов» // Cahiers d'Histoire, № 33, январь 1964 года, Париж.

142 Испанская делегация НКТ на Международном съезде МАТ в декабре 1937

Гарсия Оливер сказал Пьеру Беснарду, что надо проанализировать эти данные и что он рекомендовал пригласить Дуррути для обмена мнениями. Он позвонил по телефону Дуррути, и тот сразу приехал в Барселону. На собрании Гарсия Оливер сообщил о своих действиях и контактах с марокканцами с июля месяца и что они шли в оптимальном ритме. Марокканский комитет действия (МКД) намеревался послать в Барселону делегацию для обсуждения сотрудничества этой организации с республиканским правительством с целью борьбы против повстанцев.

Пьер Беснард в своих свидетельствах на эту сложную тему, проконсультированных нами, заострял внимание на разногласиях Дуррути и Сантильяна с Гарсией Оливером в отношении Марокканского вопроса, ничего не упоминая о работе Гарсии Оливера с комитетом под началом Эль Фасси. Согласно документам, которыми мы располагаем, нам трудно прийти к выводу, что генеральный секретарь МАТ ничего не знал об этих действиях, и поэтому мы указали выше, что на том собрании Гарсия Оливер изложил о проделанной работе. В силу того, что свидетельство Беснарда не всегда достаточно ясно, мы думаем: когда он утверждает, что Дуррути и Сантильян склонялись к варианту с участием Абд-эль-Крима, то мы понимаем это в том смысле, что участие марокканского лидера в

года назвала «проект Пьера Беснарда в отношении Марокко инфантильным» (см. цитированный доклад). Логичный анализ, наверняка сделанный Национальным комитетом НКТ, основывался на двух аспектах: как могли заинтересоваться французские политики вопросом декларации независимости Марокканского протектората со стороны испанского правительства, когда Франция была совсем не заинтересована в этом? Однако так и случилось. Не все французские социалисты разделяли точку зрения Блюма о «невмешательстве» и сидения сложа руки в марокканском вопросе. Совсем недавно было опубликовано (Le Monde, 26-XI-1975) ранее не известное широкой публике письмо Винсента Ауриола в адрес Леона Блюма, именно на тему проблематичного положения, которое создал Франко в Марокко, действуя как мятежник против законного правительства. Также, Ауриол не выражал согласия с планом «невмешательства», которое он назвал обманной игрой. Является историческим фактом наличие такого недовольства; несомненно, имелись деятели, готовые более масштабно помочь республиканской Испании. Однако освобождение Абд-эль-Крима представлялось весьма сомнительным, в то время как действия Гарсии Оливера были более реальными. Максимальная ответственность за проект лежит в равной степени на Блюме и Ларго Кабальеро, хотя, как один, так и другой выразят сожаление по отношению к нему...

изгнании считалось более действенным, чем деятелей из Феса, но это не означает, что вариант с Абд-эль-Кримом был предпочтительнее Эль Фасси. Причина была очевидной. Деятели Феса находились на свободе и за час на самолёте могли добраться до Барселоны, в то время как Абд-эль-Крим находился под надзором и за тысячи километров от Рифа. Принимая во внимание позицию французов по отношению к Марокко, и более конкретно, к Абд-эль-Криму, проект Пьера Беснарда, несмотря на симпатии среди социалистов, стоящих в оппозиции политике Леона Блюма, оставался в рамках желания-химеры, с весьма маловероятными шансами на успех.

Важным достижением упомянутого собрания (и это является действительно значительным в нашем случае) являлось то, что был обозначен фундаментальный аспект: участие Абд-эль-Крима, как и Марокканского комитета действия, было связано с декларацией испанского правительства о независимости Марокко. Принимая во внимание характер Пьера Беснарда и поддержку французских социалистов и самого генерального секретаря ВКТ Франции, если бы удалось добиться интереса Ларго Кабальеро к марокканскому вопросу, то это продвинуло бы проект восстания племён Эр-Рифа. Для оптимального результата встречи Беснарда с Ларго Кабальеро Гарсия Оливер осведомил Луиса Компаниса о предстоящей беседе и её целях, а тот информировал Ларго Кабальеро о теме встречи с Беснардом и о том, что эти вопросы имели большое значение для дела республики.

16 сентября Пьер Беснард вылетел в Мадрид, но ввиду плохой погоды самолёт сделал вынужденную посадку в Валенсии и смог подняться в воздух лишь 17 сентября. Он прибыл в столицу Испании приблизительно в полдень, то есть со значительным опозданием по отношению к указанному Ларго Кабальеро времени встречи. Действительно, задержка была налицо, но нужно было иметь в виду обстоятельства, а не искать предлога для упрёков. Как мы увидим, именно так поступил Ларго Кабальеро с намерением уклониться от встречи.

Как только Пьер Беснард прибыл в Мадрид, он пришёл в министерство обороны. Ему доложили, что председатель Совета Министров не сможет принять его ввиду отсутствия. Тогда

Беснард обратился в Национальный комитет НКТ, и там назначили Федерику Монтсени, как сопровождающую. В 17:00 Ларго Кабальеро принял Федерику Монтсени и Пьера Беснарда, но весьма в плохом настроении — по причине «недавних разногласий с НКТ». Намерение Ларго Кабальеро представлялось ясным, так как под предлогом плохого настроения он пытался избежать обсуждения проекта в Марокко. Федерика Монтсени также резко ответила Ларго Кабальеро, в том смысле, что жизненно важные вопросы не терпели промедления под предлогом «каких-то разногласий». Такая позиция Федерики подействовала на лидера социалистов, и на первый взгляд он успокоился, но беседы не продолжил, а назначил встречу на 18 сентября, 16:00.

18 числа в 16:00 Пьер Беснард, на этот раз в сопровождении Давида Антоны, ожидал в приёмной. Оба были вынуждены ожидать до 17:00, пока их примут[143]. Приём был холодным и даже невежливым. Без предисловий Ларго Кабальеро отказался обсуждать что-либо с секретарём МАТ, добавляя, что его ужасали осложнения. Беснард, отвечая, прибегнул к такому же тону и сказал, что НКТ — организация рабочих такой же степени важности, что и ВСТ, и, быть может, даже более значительная, — входила в состав международного союза, и он являлся её секретарём. Наверное, в силу того, что Ларго Кабальеро не ожидал подобного уточнения, а также отдавая себе отчёт в собственном высокомерии, но успокоился и изменил тон, однако всё же было ясно, что такой важный разговор требовал иной психологической атмосферы. Было ли всё это случайным и непредсказуемым? Есть причины считать, что со стороны Ларго Кабальеро поведение было преднамеренным. В силу того, что собеседники даже не приступили к обсуждению темы, и если кто-либо из его французских коллег и упрекнул бы его, он всегда смог бы сослаться на полное невежество в отношении вопроса. «Мы расстались, — пишет Беснард, — после едко-сладкого обмена словами». Присутствовавший при встрече Давид

143 Такое ожидание объяснялось необходимостью приёма советского посла, который приехал к Ларго Кабальеро совсем неожиданно. Этот визит представляется любопытным, а также то совпадение, что 18 и 20 сентября Кольцов в своей газете обсуждал тему Марокко и Абд-эль-Крима.

Антона информировал остальных членов Национального комитета об инциденте, которые по словам Беснарда, «взяли произошедшее на заметку без особой реакции». Принимая всё это во внимание, Пьер Беснард отредактировал открытое письмо в адрес Ларго Кабальеро, и Национальный комитет обязался опубликовать его. Оно не затрагивало ключевых пунктов, но ставило точки над «и», что касалось отношений взаимного уважения между НКТ и ВСТ[144]. Возвратившись в Барселону, Беснард рассказал Гарсии Оливеру о поведении Ларго Кабальеро. Его рассказ крайне озаботил Гарсию Оливера, так как именно в те дни в Барселону прибыла делегация Комитета Марокканского действия для обсуждения вопроса об испанском протекторате.

Когда Беснард сел в кресло самолёта курсом на Париж, то сделал в своём дневнике такую запись о визите в Испанию:

«Революция делает шаг назад по вине не народа, так как он сражается с невиданным энтузиазмом, а его руководителей, которые буксуют события, показывая своими действиями, что потеряли революционную инициативу и согласны с унизительным обращением, подобным тому, которое я пережил с Ларго Кабальеро. Если анархизм совершит глупый поступок сотрудничать с Ларго Кабальеро или просто поддерживать его, революция погибнет безнадёжно. Единственным способом для анархизма выйти из этого зловещего круга является испытание на прочность. Однако я задаю себе вопрос: сегодняшние руководители НКТ — те же самые люди, кто действовал 19 июля? Единственный, кто не входит в круг таких сомнений, — это Дуррути, настоящий революционер, который во многом напоминает мне Нестора Махно. Как и тот, он действует вместе с народом, не отделяясь от него, чем отличается от других анархистских руководителей».

Во многом Беснард считает Дуррути «выше украинца», особенно в «его самообладании»[145].

Читая написанное Беснардом, мы видим, что перед тем, как возвратиться во Францию, он смог побеседовать в Барселоне с Дуррути, хотя и весьма немного. Эта спешка была связана с тем,

144 Пьер Беснард, приведённый доклад.

145 Там же.

что в секторе, занимаемом колонной, перед Сарагосой атаковал противник, и Дуррути срочно вызвали на линию фронта. Тем не менее Дуррути уделил достаточно времени, чтобы обсудить с Беснардом вопрос вооружения колонны, и поручил секретарю МАТ сделать всё возможное, чтобы наладить контакт с каким-либо ружейным производителем, готовым поставить им современное оружие в большом количестве.

В то время как Дуррути выехал на линию фронта Арагона, Гарсия Оливер посвятил себя работе на дипломатическом фронте, встречаясь с лидерами националистического арабского движения, представителями Комитета Марокканского действия, которые прибыли в Барселону.

Первый контакт с арабскими националистами, как мы ранее писали, произошёл в конце июля. Националистский центр в Женеве установил связь с Фесом и Тетуаном (два центра МКД). В то время как лидеры арабского националистского движения обсуждали предложение Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии, в Фесе произошла случайная встреча двух французов — Роберта Лузона и Давида Руссе. Первый являлся делегатом НКТ-ФАИ для установления контактов, а второй находился в Фесе в качестве делегата французского отдела IV Интернационала[146].

146 Давид Руссе предоставил нам подробные детали на эту тему. В августе 1936 года член Политбюро Международной рабочей партии из отдела отношений с колониями находился в Фесе для встречи с членами МКД (это движение стало зародышем марокканской политической партии в 1934 году) и решил, что для дела Испанской Республики будет важным, если МКД встанет на её сторону и против Франко; так он начал действовать в этом направлении. Тем временем Роберт Лузон, встретившийся в Барселоне с Симон Уэйл, узнал от неё об агитации в племенах на территории испанского протектората и о том, насколько важно было бы поощрять это движение, с тем чтобы осложнить положение Франко в его тылу. Лузон встретился с представителями НКТ и ФАИ, которые поручили ему поехать в Фес. Исходя из информации, предоставленной нам Давидом Руссе и самим Робертом Лузоном, оба не знали о соглашениях, достигнутых ещё в июле Гарсией Оливером с МКД в Швейцарии. А так как мы думаем, что этот вопрос впервые рассматривается широко, вполне понятны неясность и скудные сведения о нём. Наиболее полно информированные на эту тему Пьер Бруэ и Эмиль Тэмим в описании истории революции в Испании едва затрагивают эту тему; они представляют Давида Руссе и Жана Руса как зачинщиков этих сделок между испанскими республиканцами и арабами, при этом не заходя далеко в своих исследованиях.

Влияние этих двух активистов ускорило отправку первой делегации МКД в Барселону под началом молодого деятеля Абдельялка Торреса. Вот что пишет об этом Гарсия Оливер:

«Я помню, что одного из марокканских делегатов, с которым мы так хорошо поладили, что он даже посылал мне ежегодное поздравление с Новым годом, звали Торрес; думаю, он был сыном одного из марокканских лидеров. Я объяснил им мой план, они выслушали внимательно: Центральный комитет милиций предлагал оружие и деньги для всеобщего восстания в Марокко против военных Франко и с целью восстановления независимости страны; они могли в любой момент запросить у меня любые гарантии, какие могли счесть необходимыми. Они не обсудили ни одного из пунктов, сказав мне, что их миссия состояла в том, чтобы выслушать мои пожелания и предложения и что она завершилась; что теперь им нужно было возвратиться к себе, чтобы доложить обо всём в МКД, который в этом вопросе являлся представителем Панисламского комитета, так как Марокко было первой ступенью в испанской проблеме».

На 20 сентября наметили третий этап этих переговоров, и ответственным за их проведение был Гарсия Оливер, только что проводивший Беснарда из Испании. Однако вернёмся к тому же источнику информации:

«Делегаты МКД вернулись и высказали свою точку зрения на мои конкретные предложения по поводу экономической помощи и поставок вооружения для борьбы в Марокко с военными и защиты своей страны. Они изложили свою позицию и идеи:

1. В эти моменты они не соглашались с независимостью Марокко, потому что, по их словам, эта независимость повлечёт за собой господство Италии или Германии над Марокко, которое они считали хуже, чем испанское.
2. Следовательно, они желали для Марокко статуса автономии, похожего на тот, который Англия предоставила Ираку после Первой мировой войны.
3. Если мы принимали два предыдущих пункта, то они были готовы подписать соответствующий документ о Пакте, причём он входил в силу после того как мы добьёмся следующего:

а) Правительство Испанской Республики одобрит упомянутый пакт;

б) Правительство Испанской Республики добьётся, чтобы этот договор был одобрен правительством Франции.

Естественно, — продолжает Гарсия Оливер, — эти предложения изымали из сферы нашего революционного влияния саму проблему — как марокканскую, так и панисламскую. Они ставили её в существенно консервативную и легалистскую область. Я неоднократно выразил им мою точку зрения: обстановка в Испании носила революционный характер, и в случае победы, как все мы ожидали, она непременно повлияла бы на наши международные отношения, включая Марокко. Поэтому я посоветовал делегатам МКД встать на революционную позицию и тотчас же одобрить сам факт, а затем законное право сыграет свою роль. Однако представители арабского мира, который всё ещё отдыхал на извечной сиесте подчинения западным державам, застряли на консервативной ориентации данного им мандата: сначала законное право, а уж затем — сам факт.

Тем не менее я счёл нужным сохранить робкие надежды на какую-либо возможность в результате непредвиденных обстоятельств в будущем и не пошёл на провал переговоров. Напротив, я ускорил их, дав согласие на подписание документа, содержащего все точки зрения и условия, причём устно выразив мои соображения, что содержание пункта б) полностью аннулировало весь договор; это условие откладывало sine die возможность независимости Марокко. Было принято решение: на следующий день подписать документ Пакта в трёх оригиналах: один для ЦКАМ Каталонии, который я взял бы на хранение; другой — для правительства республики и третий — для МКД. Церемония прошла в обстановке торжественности, о чём я позаботился, в Тронном Зале здания Военного губернаторства Барселоны, в присутствии трёх делегатов МКД, полного состава делегатов ЦКАМ Каталонии и всех генеральных секретарей и председателей организаций и партий, входящих в состав ЦКАМ, которые также подписали соглашение. Была сделана фотография всей группы участников, на ней стояли подписи, и она хранилась у меня»[147].

Предполагая, что правительство Испанской Республики могло бы

147 Гарсия Оливер, письмо к автору.

одобрить это соглашение, МКД брал на себя обязанность организовать восстание в Марокко против Франко, воспрепятствовать набору арабов в подразделения повстанцев на территории протектората и, наконец, организовать кампанию деморализации среди арабских частей, которые сражались на полуостровной Испании против Испанской Республики.

С целью донести эту информацию до сведения правительства Мадрида Центральный комитет антифашистских милиций назначил делегацию, которая не только должна была информировать о подписанном пакте, но и привести доводы в его пользу. Такими делегатами были: Аурелио Фернандес от НКТ-ФАИ, Рафаэль Видьела от ВСТ и ОПКС; Хауме Миравитлес — от «Левых республиканцев Каталонии» и Хульян Горкин — от ПОУМ. В Мадриде делегация сразу встретилась с министром морского флота Индалесио Прието. Когда он узнал о произошедшем, то сказал:

«Я согласен с подписанным договором и готов защищать его на ближайшем заседании Совета Министров. А также просить о принятии займов для закупок оружия для этих марокканцев. И если их борьба в испанском Марокко повлияет на положение во французском, тем лучше».

Встреча с Ларго Кабальеро не была столь оптимистичной. Родольфо Льопис, занимавший должность генерального секретаря главы правительства и министра обороны, взял на себя обязанность представить делегацию премьер-министру:

«Кабальеро встретил нас стоя и после моего краткого изложения ситуации лаконично воскликнул: “Но вы представляете автономный регион, и у вас нет полномочий ни для ведения переговоров, ни для подписания договоров и пактов. Идите за этими марокканскими делегатами, и пусть они поговорят со мной, а там посмотрим”[148].

Речь тут не шла о самолюбии, защищая которое могли бы сойти на нет все усилия. Мы передали марокканской делегации, что Ларго Кабальеро желал вести переговоры напрямую с ними». Марокканская делегация встретилась с Ларго Кабальеро, и затем сами марокканцы сообщили о результатах этой встречи Давиду Руссе. Он рассказывает:

148 Свидетельство Хулиана Горкина, рассказ автору.

«В Мадриде (марокканская делегация) встретилась с Ларго Кабальеро, на него было оказано сильное давление со стороны Парижа и Лондона. Париж и Лондон, которые уже были осведомлены (как? Я не знаю, но это являлось естественным и неизбежным) об этом проекте, были крайне враждебно настроены. Что касается Парижа, то это вполне понятно, потому что правительство Леона Блюма наверняка задавало себе вопрос о том, что могло бы произойти если бы Эр-Риф на самом деле добился бы независимости. Таким образом, испанское правительство объяснило арабской делегации, что оно не могло ратифицировать соглашение, подписанное в Барселоне, но было готово предоставить денежные средства и оружие, с тем чтобы на территории испанского протектората велись действия против Франко. Здесь, — комментирует Давид Руссе, — мы сталкиваемся с поведением марокканской делегации. Если бы я был в те моменты рядом с ними, то, должен сказать, попытался бы уговорить их на принятие средств для таких действий, но такого не случилось. Марокканская делегация повела себя как представительница буржуазного движения, которая не желает предпринимать никаких мер, если ей не дают все необходимые политические гарантии. Они ответили Ларго Кабальеро, что "не являлись агентами Второго бюро. Что были готовы тотчас же перейти к действиям в рамках договора, подписанного в Барселоне", что он не являлся ничем иным, кроме как пактом подобному франко-сирийскому договору»[149].

Завершим эту важную и неизвестную главу в истории испанской революции, где различные свидетели, опрошенные в разные моменты, совпадают почти полностью в изложении одного и того же факта, что весьма редко встречается в истории. Итак, вот свидетельство Аллаля Эль Фасси — одного из марокканских делегатов:

«...Делегация испанских республиканцев прибыла в Женеву с целью наладить контакт с эмиром Шакибом Арсалане и проанализировать вместе с ним этот вопрос. Эмир сообщил им, что только наш комитет (МКД) был в состоянии осуществить этот проект — естественно, в том случае, если его требования удовлетворялись. Наша делегация

149 Давид Руссе: приведённое здесь свидетельство, записанное на магнитофонную ленту.

была принята в сентябре 1936 года каталанским правительством, в стиле официального приёма профессиональных дипломатов. Беседа прошла в духе взаимопонимания и уважения (...). Однако усилия каталонских представителей оказались бесполезными, и соглашение осталось мёртвой буквой».

Причины этого объясняет сам Аллаль эль Фасси:

«После совместного обсуждения вопроса министр иностранных дел Мадридского правительства (наша заметка: Хулио Альварес дель Байо) выказал весьма сдержанное отношение и попросил отложить решение до тех пор, пока не проведут должные консультации с правительством Франции. Позднее, — продолжает Аллаль эль Фасси, — нам стало известно, что испанский министр переговорил с французским правительством, а тот — с генералом Ногесом (представителем Франции в Марокко — французская зона), и последний отклонил принятие какого-либо соглашения в отношении этого сложного проекта. Мсье Эрриот пригрозил самыми худшими репрессиями, в случае если Испания придёт к соглашению, которое он считал безрассудством». В заключение Аллаль эль Фасси пишет: «Испанское правительство предоставило свои устные извинения нашей делегации по той причине, что не может объявить независимость Марокко при сложившихся обстоятельствах, и просила нашу делегацию МКД принять сумму в 40 млн песет для организации пропаганды в пользу испанской демократии. Кроме того, было обещано, что после триумфа Республики будут предприняты действия в пользу Марокко (...). Наша делегация почувствовала себя обиженной по причине такого низкого предложения и в знак протеста покинула зал переговоров»[150].

С того момента испанская революция попадала в осаду.

150 Аллаль эль Фасси. «Движения национализма в Магрибе» (Les mouvements nationalistes au Magreb). Танжер: изд-во Abde-saalam Guessous, 1973, стр. 179–182. Переведено с арабского для этой биографии (перевод Хакима К.).

ГЛАВА XIII.
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО[151] И ГАРСИЯ ОЛИВЕР

С самого начала гражданская война в Испании вышла за национальные границы страны и обрела характер международного конфликта. Первыми, кто вмешался, были Италия (Муссолини) и Германия (Гитлер). Затем — Франция, как поставщик оружия республиканскому правительству. Французское правительство было вынуждено определить свою позицию, когда 19 июля получило от премьер-министра Испании Хосе Хираля телеграмму. В ней он напоминал о соглашениях обоих государств и срочно просил о поставке определённого количества самолётов, пушек и боеприпасов (существовал договор о продаже военного снаряжения, подписанный в 1932 году Алькалá Саморой со стороны Испании и Эдуардом Эрриотом — от Франции).

Леон Блюм, получив в тот же день сообщение из Мадрида, проконсультировался с коллегами по партии: одни из них не поставили под сомнение необходимость выполнения договоров с Испанской Республикой; другие, однако, сочли, что такие меры приведут к риску вступления в войну с Германией. Последняя точка зрения нашла поддержку премьер-министра Блюма. Венсан Ориоль, напротив, считал, что не только нужно было исполнить взятые перед Испанией обязательства в отношении поставок оружия, но также и содействовать в Марокко, потому что в обоих случаях того требовали подписанные договорённости: «Генерал Франко — не кто иной, как мятежник, нарушающий установленный порядок в Марокко»[152].

Полный сомнений, Леон Блюм отправился за советом в Лондон. Ответ, полученный лидером социалистов в Англии, был таковым: не вступать в конфликт на иберийской земле, «пусть испанцы сами перережут себе горло». Леон Блюм с целью успокоить свою «совесть социалиста» придумал «политику праведника» —

---

151 Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883-1938) — революционер, советский политический деятель, занимавший различные посты в советском правительстве. Сочувствовал Троцкому Л.Д. и «левой оппозии» в ВКП(б), был расстрелян в 1938 году как «троцкист» и «шпион» (прим.ред.).

152 Приведённое письмо Венсана Ориоля в адрес Леона Блюма.

«невмешательство»[153].

«Невмешательство» на самом деле привело Испанскую Республику к ограничению источников поставок оружия, а Франко предоставило все шансы на успех благодаря постоянной поддержке Италии, Германии и самой Англии. Именно последняя помогала под предлогом защиты своих интересов в горных разработках Альмадена (руда ртути)[154].

Советский Союз, наблюдая за реакцией «западных демократий» по отношению к испанской войне, со своей стороны занял позицию выжидания. И когда стало ясно, что СССР может вступить без особого риска и потерь, тот так и поступил. Именно об этом ведёт речь один из его агентов:

«Сталин вмешался в конфликт с мыслью превратить Мадрид в кремлёвского послушника. Таким образом, с одной стороны, он укреплял отношения с Парижем и Лондоном, а с другой — усиливал свою позицию для принятия договора с Берлином и Римом. Если бы он смог стать хозяином в Испании, ключевой стратегической позиции для Франции и Великобритании, его государственный корабль обрёл бы желанную безопасность, и тогда он смог бы превратиться в державу, с которой считаются и союзником которой желают стать».

Тот же самый агент продолжает:

153 После завершения войны в Испании и Второй мировой войны Франсиско Ларго Кабальеро опубликовал своё мнение о «невмешательстве»: «Чего опасался Блюм? Европейского пожара? С Леоном Блюмом произошло то же самое, что и со слепцом, пытавшимся избежать пропасти и попавшим именно в неё. Он просмотрел то, что увидел бы любой неграмотный крестьянин (...). Положительный эффект "невмешательства": ограничить возможности Республики вооружиться для своей защиты и дать шансы предателям на победу (...) Не знаю, будет ли иллюзией ожидать, что когда-нибудь ответственные за столь тяжкое преступление сознаются в своём поведении перед лицом французского пролетариата, перед испанскими социалистами, республиканцами и Социалистическим интернационалом. Если этого не произойдёт, необходимо будет признать, что международная солидарность соцпартий и организаций рабочего класса — всего лишь слова, служащие для обмана трудящихся (...) Существуют политические просчёты, которые, ввиду их огромного масштаба, не могут быть забыты». Франсиско Кабальеро. «Мои воспоминания» (Mis recuerdos). Мексика: изд-во Editores Unidos, 1954, стр. 198.

154 Анри Рабасейр. Указ. соч.

«Однако Сталин, в отличие от Муссолини, хотел играть с Испанией без риска для себя. Советское участие в определённые моменты могло бы стать решающим, если бы Сталин поставил под угрозу риска с правительственной стороны то, что сделал Муссолини на стороне Франко. Но Сталин не стал рисковать ничем. До тех пор, пока с точностью не осведомился, что в Банке Испании хранилось достаточное количество золота, чтобы с лихвой покрыть стоимость его материальной помощи Мадриду. Сталин любыми средствами старался избежать втягивания Советского Союза в конфликт. Его действия шли под лозунгом "держаться вне угрозы артиллерийского огня". Такой девиз определил нашу линию в течение всей кампании»[155].

Первый этап советского вмешательства начался в августе 1936 года, когда установились дипломатические отношения между Испанией и Советским Союзом (СССР).

Испанская Республика послала в Москву Марселино Паскуа, а Советский Союз — в Мадрид Марселя Розенберга, настоящего бюрократа, работающего при поддержке Ильи Эренбурга и Михаила Кольцова.

Второму этапу советского вмешательства в войну в Испании способствовала Испанская Республика, когда в конце августа в Россию прибыли три испанца с задачей конкретно договориться с СССР о закупке оружия. Эти деятели уже провалились в попытке пробрести оружие у компании «Викерс» (Англия), «Шкода» (Чехословакия) и «Шнайдер» (Франция). Прибыв в СССР, они обсудили ситуацию с одним из официальных в лиц Одессе и заверили его, что Испания была готова заплатить золотом за любое военное снаряжение. Этот официальный представитель подыскал им в Одессе гостиницу, где они находились под постоянным наблюдением секретных советских служб — ГПУ.

В любом случае СССР должен был принять решение по этому вопросу. Так и произошло: в четверг, 28 августа 1936 года, Сталин

155 В.Г. Кривицкий. «Рука Сталина в Испании» (La mano de Stalin sobre España.) Тулуза: изд-во Claridad, 1945; Хесус Эрнандес. «Я был министром Сталина» (Yo fui ministro de Stalin). Мадрид, 1974; Доминик Десанти. Указ. соч.; Хосе Пейратс. Указ. соч.; Индалесио Прието. «Конвульсии Испании» (Convulsiones de España). Мексика, 1968, том II.

подписал декрет, посредством которого комиссар иностранных дел СССР запрещал «экспорт, повторный экспорт или транзит по территории Испании какого-либо вооружения, боеприпасов, военного снаряжения, аэропланов и военных кораблей».

Посредством этого декрета, Сталин позиционировал Советский Союз среди держав, подписавших акт о «невмешательстве». Но это являлось своего рода алиби, потому что в сентябре, после формирования в Мадриде правительственного кабинета Ларго Кабальеро, Сталин собрал заседание Политбюро и там заявил о немедленном действии в Испании. Он подчеркнул, что помощь Испании со стороны Советов должна была осуществляться в полнейшем секрете с целью избежать любой возможности раскрытия участия его правительства в военном конфликте.

«Через два дня после этого собрания, — продолжает Кривицкий в упомянутом произведении, — один спецагент прибыл в Голландию для передачи мне инструкций из Москвы. Приказы были следующие: “Немедленно разверните свои действия в отношении гражданской войны в Испании. Мобилизуйте всех возможных агентов и создайте все условия для скорейшего создания систем закупки и транспортировки оружия для Испании. В Париж выезжает агент для оказания Вам помощи в этой операции. Он найдёт Вас и будет работать под Вашим руководством”.

Одновременно, — продолжает русский агент, — Сталин отдал приказ Ягоде, бывшему в то время руководителем ГПУ, установить сеть советской тайной службы в Испании:

“14 сентября Ягода созывает срочное заседание на Лубянке, его центральном офисе в Москве, на котором присутствовали генерал Уритаки из Главного штаба Красной армии; Фриновский — комиссар Военного флота в настоящее время, а в те дни — командир военных частей ГПУ, но, согласно близким к власти кругам, один из наиболее многообещающих сотрудников Сталина; и мой коллега Слульский, начальник Иностранного отдела ГПУ. На этом заседании назначили офицера для организации сети ГПУ в республиканской Испании; его звали Никольский , псевдонимы: Швед, Лёва, Орлов”. Собрание на Лубянке поставило под контроль секретных советских служб деятельность Коминтерна в Испании. Было решено наладить

координацию совместных действий Компартии Испании с ГПУ.

Другим решением этого заседания, — пишет в заключение Кривицкий, — было взятие под контроль со стороны ГПУ потока добровольцев в Испанию. В Центральном комитете любой компартии во всём мире есть один человек, который исполняет секретную миссию ГПУ. В рамках таких инструкций началась интервенция Сталина в Испании».

Пока в Советском Союзе имели место все описанные события, Розенберг вместе с Эренбургом и Кольцовым устанавливали контакт с ключевыми деятелями организаций и политических партий с целью убедить их в необходимости вернуться к республиканской стабильности, существовавшей до 19 июля. Наибольшей «обработке» подвергся Ларго Кабальеро. Эренбург настоял при посредничестве Розенберга, чтобы Москва послала в Каталонию «влиятельного» консула, который бы мог найти общий язык с анархистскими руководителями. Москва прислала Антонова-Овсеенко.

В начале второй половины сентября Эренбург встретился с Овсеенко в Париже. Тот выезжал в Барселону, уже в качестве советского консула столицы Каталонии. Эренбург напишет об этой встрече:

«Овсеенко — Эренбургу:

“Мне был отдан приказ в Москве образумить анархистов, чтобы те приняли участие в обороне...”

Комментарий Эренбурга:

“Как же повезло, что консулом в Барселоне выбрали именно Овсеенко! Он сможет повлиять на Дуррути, потому что ничем не похож ни на дипломата, ни на служащего высокого ранга: скромный, простой, и ещё продолжает жить в атмосфере октябрьских событий (1917). Он не забыл дореволюционного подполья. Я оказался прав: Антонов-Овсеенко быстро выучил каталонский язык и подружился с Компанисом и Дуррути”»[156].

Мы не располагаем свидетельствами о встрече Овсеенко и Дуррути, но это естественно. Тем не менее Хауме Миравитлес написал об отношениях между Овсеенко и Гарсией Оливером, и мы сочли этот факт достойным внимания:

«Сталин посылал деятеля высокого ранга в Мадрид и революционера

156 Илья Эренбург. Указ. соч.

в Барселону. Почему такая разница? Задачи обоих отличались. Антонов-Овсеенко прибывал в Барселону, столицу испанского анархо-синдикализма и европейского центра революционной идеологии, враждебной марксизму. В Каталонии никогда не существовало маломальски масштабного социалистического движения. Испанская рабочая социалистическая партия всегда была незначительной организацией, без какой-либо силы. Партия "Социалистический союз Каталонии" наверняка имела авторитетных руководителей, однако без предвыборного альянса с "Левыми республиканцами" никогда не была бы представлена ни одним депутатом, ни членом в муниципалитете. Компартия была промосковской и на самом деле практически не существовала, а партия "Союз рабочих и крестьян" представляла из себя молодую и динамичную организацию, но не обладала влиянием на рабочие массы страны.

Двумя мощными народными организациями были НКТ — анархо-синдикалистских корней — и "Левые республиканцы" — сторонники каталанской автономии. Задача советского генерального консула была действительно сложной, более опасной, чем штурм Зимнего дворца: она должна была притянуть, нейтрализовать или разрушить эти две силы.

Несколько дней после его прибытия в Барселону и наверняка следуя советам знатоков каталонского политического сценария, Антонов-Овсеенко познакомился со мной и Гарсией Оливером, одним из ярких представителей каталонского анархо-синдикализма.

Поначалу советский консул поселился в гостинице "Мажестик" на Пасео де Грасия. Два или три раза он пригласил нас — Гарсию Оливера и меня — пообедать с ним, чтобы просто "поговорить о ситуации".

Он преследовал две цели: узнать поближе нас, наши идеи и таким образом определить шансы привлечения нас на его сторону.

В те дни споры шли на тему выбора: "война-революция". Анархисты защищали идею революции. "Когда военный переворот 18–19 июля 1936 года обретает характер гражданской войны, — говорил Гарсия Оливер, — победа республиканских сил может произойти только в результате энергичных действий рабочего класса. Именно поэтому необходимо вести "революционную войну" — физическое,

социальное и экономическое волеизъявление революционного пролетариата».

Тезис советского консула был совсем другим. В нём шла речь не о рабочей революции, а о национально-освободительном движении, в котором могли участвовать все антифашистские силы, начиная с рабочих и вплоть до либеральной буржуазии, включая средний класс и интеллигенцию. Ожидая победы революции, необходимо приостановить все социальные реформы, способные акцентировать антагонизм некоторых деятелей из народных слоёв. Сейчас нужно заняться войной, а потом уже приступить к революции.

«Такого рода диспут, — комментирует Миравитлес, — (который остаётся актуальным во многих нынешних ситуациях) имел насущное значение, в особенности в силу его последствий. Анархисты хотели поддерживать существование милиций как военной силы; коммунисты выступали за образование народной армии с сильной системой централизованного командования; анархисты принялись за коллективизацию промышленности и сельского хозяйства; коммунисты были сторонниками сохранения старых общественных и экономических структур, хотя и адаптированных к нуждам войны; анархисты стояли за образование “Региональных советов” — наподобие Совета Арагона, истинного народного правительства; коммунисты предлагали “демократический централизм” и радикально ограничили, во имя необходимости военного контекста, круг полномочий Женералитат».

Такое схематичное объяснение представляло идеи коммунистов более «логичными» и «эффективными», и именно так их защищал Овсеенко. Но Гарсия Оливер, который не страдал отсутствием интеллекта и способностью убеждать, отметал один за другим доводы собеседника. «Бесполезно скрывать, что гражданская война на самом деле приняла характер революции. Единственными силами, которые спонтанно приняли участие в борьбе на стороне республиканцев, оказались рабочие. Буржуазия — как либерального толка, так и реакционная — настроена враждебно и останется таковой; средний класс не участвует и не будет активно участвовать в борьбе; они пассивно согласятся с результатом, каким бы тот ни был. Уступки этим двум группам не смогут добиться их активного

участия в революции, а, напротив, уменьшат революционный энтузиазм рабочих масс. С другой стороны, всё, о чём вы мне говорите, мы можем оценить и знаем, к чему эти меры привели саму Россию: к уничтожению подлинных революционных элементов и насаждению тирании Коммунистической партии на фальшивом фундаменте «диктатуры пролетариата».

Антонов-Овсеенко — худощавый, энергичный, с проницательным взглядом и седой шевелюрой — слушал Гарсию Оливера со всё возрастающим интересом. Ленин в своё время не применил в отношении к демократическому правительству под началом социалиста Керенского тактику «народного союза», которую он сейчас вынужден был защищать перед Гарсией Оливером (...) Большевики вначале совершили революцию, а потом — войну, и победили в ней именно благодаря тому, что революционеры были полностью преданы той структуре власти, которая установилась после революции.

«Я видел, — пишет Миравитлес, — в его взгляде и голосе уже утомлённого и состарившегося бойца, как он заражался энтузиазмом своего анархистского собеседника, его молодостью, его участием в революционном событии, которое отделяло ему вечное место в истории. “Старый революционер” заставлял отступать “нового дипломата”. И постепенно Антонов-Овсеенко попадал в сети красноречия и горячей экзальтации Гарсии Оливера (...) “Искуситель” сам оказывался соблазнённым. В те моменты ни он, ни мы даже не подозревали, что то справедливое видение каталонской реальности, которое мы помогли ему понять, должно было стоить ему жизни...

Именно при таких обстоятельствах мы получили известие о прибытии в Барселону первого в истории Испании русского судна (...). Комитет невмешательства из Лондона сделал всё, что мог, чтобы республиканская Испания не смогла добыть за границей оружие и боеприпасы. Центральный комитет антифашистских милиций отдал приказ штурма Уэски (речь шла о боях, описанных нами в Сьéтамо), недостача в боеприпасах была столь огромной, что “милисьянос” едва располагали лишь одной патронной обоймой. Русский пароход носил имя “Зырянин”. Все в Барселоне ожидали, что он прибудет с грузом оружия или по крайней мере, боеприпасов.

Профсоюз НКТ портовых рабочих принял меры для мобилизации максимального числа портовиков, для быстрейшей разгрузки этого судна, принимая предупредительные меры, чтобы избежать налёта авиации и бомбардировки порта, что могло повлечь за собой потерю долгожданного груза. Народ хлынул в порт поприветствовать русских моряков, прибывших под красным флагом с серпом и молотом, так как энтузиазм не замечал сталинизма — в сердцах жили воспоминания об Октябрьской революции».

Корабль пришвартовался за пределами порта для приветствия морякам и последующего причала в порту. Навстречу на лодке отправились Овсеенко, персонал из консульского отдела и ряд членов Центрального комитета милиций. Миравитлес входил в состав этой привилегированной группы, которой первой удалось приветствовать русских матросов. Он так описывает эту историческую встречу:

«На борту "Зырянина" эмоции били через край. "Да здравствует Республика!" — кричали моряки. "Да здравствует Советский Союз!" — отвечали анархисты. Вдруг Антонов-Овсеенко не смог сдержать свой энтузиазм и крикнул: "Да здравствует ФАИ!" Наверняка это приветствие наложило печать на его дальнейшую судьбу.

Я, хорошо знакомый с сухим и безапелляционным механизмом официальных русских структур и агентов ГПУ, — пишет Миравитлес, — почувствовал, что у меня в жилах стынет кровь. Инстинкт заставил меня оглянуться по сторонам: кто из присутствующих тайно возьмёт на заметку этот факт, чтобы затем занести его в обвинительный акт против старого революционера, штурмом бравшего Зимний дворец»[157].

Вечером того же дня организовали приём для моряков и членов Генерального консульства СССР, на который прибыли Луис Компанис, деятели правительства Женералитат и естественно, Центральный комитет антифашистских милиций.

Тем временем под огромным секретом портовики НКТ с помощью русских матросов и под защитой кордона «милисьянос» приступили к разгрузке. Под напором нетерпения открыли несколько ящиков, чтобы удостовериться в их содержимом. Там увидели банки со сгущёным молоком и мясными консервами.

---

157 Хауме Миравитлес. Указ. соч.

«Эта новость настигла нас, — пишет в заключение Миравитлес, — в состоянии полнейшей революционной эйфории в гостинице “Мажестик”. Анархисты возмутились и пригрозили, что покинут приём. Я сам был свидетелем и посредником в жёстком диалоге между Гарсией Оливером и Ильёй Эренбургом. В перепалке анархист из Рéуса, говоря на каталанском, назвал собеседника дураком. Эренбург бесстрашно спросил у меня, могу ли я перевести ему это выражение. Стараясь не терять присутствия духа, я ответил, что сходство между каталанским estúpid и французским estupide было столь большим, что едва ли была нужна моя помощь»[158].

158 Там же.

ГЛАВА XIV.
ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО НА ПУТИ В РОССИЮ

В последних числах сентября 1936 года атмосфера далеко не походила на эйфорию 19 июля. Хотя речь и не шла о провале революции, однако, можно было смело говорить о том, что Москва и Мадрид взяли её в осаду. Мадрид контролировал доступ к государственной казне, а Москва благодаря политике «невмешательства» превращалась в попечительницу Испанской Республики. Но война была реальностью. Где бы ни проходили войска Франко, в качестве психологического оружия применялась репрессия. Во многих местах борьба прежде всего была связана с выживанием. Трагедия Андалузии и Эстремадуры живо свидетельствовала об этом. А пока военные действия принимали больший размах вместе со всеми подобными фактами, продвигаясь с юга и севера к Мадриду, в высших эшелонах власти, казалось, единственным представляющим интерес была не борьба против повстанцев, а установление сильной структуры власти, способной положить конец завоеваниям рабочих. Последним действием такой контрреволюционной политики было поведение недавно созданного правительства Ларго Кабальеро: потеря Ируна означала изоляцию этого северного района страны.

Милиции Ируна были готовы пролить последнюю каплю крови, защищая столь стратегический пункт революции. Но им недоставало оружия и боеприпасов, и нам совершенно непонятно, почему их не получали из Бильбао, ведь там располагались самые крупные военные заводы. Делегация рабочих прибыла в Мадрид в поисках поддержки и уехала с пустыми руками и, конечно же, множеством обещаний. Всем ясно, что война не может быть выиграна одними посулами, — а сталью и свинцом. Та же самая делегация выехала в Барселону. Комитеты обороны и военная индустрия Каталонии передали ей несколько сотен ружей и пулемётов, которые отправили наземным путём, через Францию. Однако французские власти, соблюдающие режим «невмешательства», не позволили въезд партии оружия в Ирун и задержали грузовики. Центральный комитет антифашистских милиций выделил из своего скудного запаса тридцать тысяч патронов для Ируна, однако, принимая

во внимание задержку грузовиков, принял решение отправить боеприпасы по воздуху. Срочно запросили самолёт в Мадриде, и оттуда им пообещали прислать один, марки «Дуглас», но тот так и не приземлился в Прат-де-Льобрегат, где ожидали ящики с боеприпасами, в то время как жители Ируна, использовав последние патроны, подожгли город и искали убежища в Андае[159]. За Ируном 15 сентября, последовал Сан-Себастьян. Вся северная часть страны оказалась под угрозой генерала Молы. Можно было прийти к выводу, что правительство жертвовало северной областью для защиты столицы. Если бы такая стратегия являлась ошибочной, то можно было бы найти смягчающие обстоятельства. Но всё складывалось иначе. Талавера уже попал в руки к Ягуэ, и его подразделения могли свободно продвигаться на Мадрид, напрямую, без каких-либо укреплений и препятствий. Генерал Асенсио, сражавшийся на стороне республиканцев, считал, что всё потеряно, и уже видел Мадрид под контролем повстанцев.

На севере Мадрида также происходила перегруппировка войск. «Милисьянос», хотя упорно защищались, всё же были вынуждены отступить. Франко мог бы спокойно продвигаться вперёд и занять Мадрид, но с политической точки зрения это не входило в его планы, потому что ещё не была образована Хунта де Бургос, которая станет его первым шагом для прихода к власти. Он предпочёл занять Алькасар де Толедо. Москардó сражался за этот город со шпагой в руках, вручённой ему реакционным L'Echo de Paris за «доблесть»[160].

Операция в Алькасаре была не военной, а политической и стратегической. Генерал Франко тем самым уже доказывал, что «войну выигрывают не на полях сражений, а в кабинетах министерств иностранных дел», как написал некто, чьё имя ускользает от нас. Пока

159 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч.

160 Шпага Москардó и пистолет Дуррути. L'Echo de Paris, печатный орган французских реакционеров, посредством сбора средств среди читателей приобрёл для него серебряную шпагу. Le Merle Blanc — журнал левых во Франции — последовал этому примеру и организовал подписку для покупки превосходного «Кольта» калибра 11,5, чтобы вручить это оружие Дуррути. Пьер Сиз, великий французский памфлетист, вместе с другими журналистами был избран делегатом для вручения Дуррути этого великолепного пистолета, символа революционной солидарности со стороны французского пролетарского авангарда // Solidaridad Obrera, 22 ноября.

повстанцы постепенно изменяли в свою пользу географию страны, которую в первые дни сопротивления реакция народа изменила в свою пользу, республиканское правительство сосредоточилось на подавлении революции, раня её в самое сердце — Барселону. А в Барселоне революция переживала глубокий кризис, в котором резко обозначалось расторжение союза между первичными организациями и верхами. Путь, навязанный НКТ 20 июля, заставлял её идти гигантскими шагами к краху революции. То, чего никогда не существовало в НКТ, возникло почти что спонтанно: бюрократизм, руководящий аппарат и покорность большинства её состава, по причине «членской ответственности»[161].

В этом кораблекрушении не поддавались шатанию только Комитеты обороны НКТ и ФАИ, представляющие из себя подлинную основу. Однако по причине войны они также находились в состоянии паралича. Кроме того, одна часть наиболее мужественных активистов, солидарных с этими комитетами и занимавших ответственные посты, доверялась реакции организаций на пленарных заседаниях и плановых собраниях; в то время как другие, сражаясь на линии фронта Арагона, полностью посвятили себя взятию Уэски и Сарагосы, чтобы потом заявить Комитетам, «что уступкам пришёл конец и необходимо решить проблему контрреволюции и провозгласить либертарный коммунизм»[162].

Тем временем Комитеты НКТ и ФАИ, подменяя своими членами базовые организации, которые они сами представляли, поступали «реалистично» и принимали политическую игру как средство не для роста революции, а сохранения власти, которую они, благодаря действию рабочих и крестьян — всеобщей экспроприации, имевшей место сразу же после победы над бунтарями в Барселоне, — постепенно сконцентрировали в своём аппарате. Первый контрреволюционный акт со стороны комитетов НКТ и ФАИ состоял в согласии обеих с роспуском Центрального комитета антифашистских милиций, с тем чтобы впоследствии, 26 сентября

161 Мы рекомендуем прочесть на эту тему труд Вернона Ричардса «Уроки испанской революции» (Enseñanzas de la revolución española). Париж: изд-во Ediciones Belibastos, 1971.

162 Автор может служить свидетелем таких настроений среди членов НКТ и ФАИ, так как в те дни сам состоял в рядах Комитетов обороны.

1936 года, их члены вошли в состав правительства Женералитат в качестве советников-«консельерс». Рядовые члены профсоюзов отреагировали на такое грубое нарушение со стороны бюрократии против НКТ; но наиболее ответственные активисты, такие как Гарсия Оливер, Аурелио Фернандес, Северино Кампос, Хосе Хена, Маркос Алькон и другие, хотя неохотно, но согласились с этой мерой, что означало участие в предательстве. Почва поплыла под ногами НКТ, и всё её тело наклонялось к пропасти...

В Бухаралосе Дуррути возглавлял колонну в шесть тысяч человек. Они бы пошли за ним на Барселону, чтобы покончить с контрреволюцией, но он, скреплённый гарантией коллективного обязательства, сражался не с целью прихода к власти, а за победу революции, иными словами, за управление обществом свободными и прямо участвующими в революционном процессе людьми. Дуррути избирал наиболее трудный путь. И знал это. Но так как всю свою жизнь он был анархистом, то сейчас не мог отказаться от своего мировоззрения[163]. Он следовал тактике максимального развития революции и сведения на нет контрреволюции в самом процессе преобразований. На каждый удар реакции он будет отвечать революционным ударом...

Дуррути предавался такого рода размышлениям, когда ему по телефону позвонил Гарсия Оливер и сообщил радостную новость: Пьеру Беснарду удалось наладить контакт с предприятием по производству оружия. Оно выразило готовность поставить Республике вооружение согласно её запросу и нуждам. Дуррути нужно было срочно прибыть в Барселону, чтобы совместно обсудить наиболее оптимальный способ проведения этой операции.

Через несколько часов, ночью 28 сентября, он приехал в Барселону. Гарсия Оливер и Сантильян были крайне возбуждены: наконец у бойцов будет современное и эффективное оружие, чтобы совершить в Арагоне заключительный натиск и взять под контроль Сарагосу и Уэску.

Эту возможность нельзя было упустить. «До сих пор, — сказал Сантильян, — все запросы Каталонии перед правительствами

163 Мы рекомендуем читателю беседу Эммы Гольдман с Дуррути, где речь шла об этом.

Мадрида, будь то Хираля, или Ларго Кабальеро, потерпели поражение. Эмиссары возвращались с добрыми обещаниями, однако на практике Мадрид не выделял валютные средства, находившиеся под контролем Банка Испании»[164].

Фабрики по производству оружия, организованные в Барселоне, не работали на полную мощность, так как их станки устарели и не хватало сырья. В Мадрид сообщили о необходимости обновления оборудования. Но и этого не удалось добиться. Уже не приходилось сомневаться в том, что Мадрид никогда не даст согласия на предоставление рабочим тех средств, которые могли обеспечить победу революции. Если бы каталонцы выразили готовность отложить революцию после победы в войне, то Мадрид пошёл бы навстречу. Всё это было ловушкой. Комитеты НКТ попали в западню, когда распустили Центральный комитет антифашистских милиций и вошли в состав правительства Женералитат, но рабочие не последовали за комитетами и не собирались прекращать контроль над производством. Ситуация была сложнейшей. Тем не менее, Сантильян и Гарсия Оливер считали, что по причине асфиксии, вызванной политикой «невмешательства», и в связи с этим — нехваткой оружия для Республики Ларго Кабальеро будет вынужден использовать этот шанс под угрозой, что министр обороны предпочтёт победу франкистских войск. Конечно же, представлялось вполне возможным, что если правительство и закупило бы оружие, то оно любыми средствами воспрепятствовало бы его доставке в Барселону. Но это уже было другим вопросом, и нашлись бы пути, чтобы завладеть какой-либо частью груза. «Самым главным, — настаивали друзья Дуррути, — было приобретение оружия со стороны правительства.

Мы решили, что именно ты, как боец и представитель Арагонского

164 Диего Абад де Сантильян в указ. соч. так объясняет причину роспуска Центрального комитета антифашистских милиций: «В ответ на наши запросы денег нам постоянно говорили: центральное правительство (Хираль или Ларго Кабальеро) не помогут нам, пока власть Центрального комитета антифашистских милиций будет оставаться столь очевидной. Таким же образом оказывал давление и русский консул в Барселоне. Для того чтобы достать оружие для фронта и сырьё для нашей промышленности, мы дали согласие на роспуск комитета, то есть одобрили сдачу важной революционной позиции». В письмах Сантильяна в адрес автора содержится большое количество ранее не известных деталей на эту тему.

фронта, должен поехать вместе с Пьером Беснардом в Мадрид. Твоё присутствие в кабинете Кабальеро будет решающим»[165].

Дуррути не был в уверен в этом, подобно его друзьям. Он считал, что Кабальеро мог на всё отвечать утвердительно, но затем не сдержать слова. Дуррути думал, что нужно было покончить с расплывчатостью и определиться: стоишь ли ты на стороне революции или против. Если речь шла о первой позиции, то необходимо было начать кампанию информации на линиях фронта и в тылу, ясно объясняя политику, проводимую правительством, и что трудящиеся определят свою позицию; во втором же случае даже не стоило говорить, так как он — Дуррути — не собирался предавать рабочий класс... Как всегда, когда дискуссия доходила до этого места, спорящие не находили общий язык, пока не проводилось собрание НКТ, и тогда.... Дуррути уже надоели все эти «и тогда...». Именно при таких спорных обстоятельствах встал вопрос о нападении на Банк Испании.

Что делать? Сантильян отвечает другим вопросом: «Должна наша война стать первой проигранной из-за недостатка оружия, тем временем как имелись средства казны для его покупки?

Мы задумали план взятия из казны Банка Испании той суммы, которая нам причиталась. Эти средства не могли зависеть от решения правительства, которое не принимало правильных решений и терпело поражение в войне. Удалось ли бы нам закупить оружие? По крайней мере, мы были уверены в том, что сможем достать сырьё и оборудование для военного производства и сами сфабрикуем оружие. При минимальном пособничестве была разработана идея доставить в Каталонию часть золотого запаса Банка Испании. Заранее было известно, что необходимо будет использование силы, и в Мадриде заняли позиции приблизительно три тысячи надёжных бойцов; также подготовили все детали транспортировки в специальных поездах. В случае чёткого исполнения плана операция заняла бы немного времени, и прежде, чем правительство приняло бы меры, часть золота уже находилась бы на пути в Каталонию, и это означало бы лучшую гарантию того, что война смогла бы принять совсем иной оборот...»[166].

---

165 Там же.

166 Мы задумали план взятия из казны Банка Испании той суммы, которая нам

Кто же были эти три тысячи человек, о которых говорит Сантильян? Они входили в состав анархистской колонны «Тьерра и Либертад» («Земля и свобода»). Она была организована не так, как другие колонны. Её члены тщательно подбирались. Все они принадлежали к анархистским группировкам Каталонии. Когда завершился набор в колонну, обстановка, сложившаяся в Мадриде, потребовала её присутствия на этой линии фронта. Но ввиду того, что колонна была задумана как щит революции, в Мадриде она должна была быть настороже и немедленно выступить, реагируя на любую диктаторскую попытку правительства. Также был обсуждён вопрос национальной казны, и необходимо было заранее подготовить все условия, чтобы, когда придёт время, осуществить намеченный план. Эти детали, полученные нами из различных источников от бывших участников «Тьерра и Либертад», наилучшим образом объясняют, что уже можно было немедленно приступить к действию, как пишет Сантильян[167].

Когда этот план обрёл конкретную форму, речь шла уже не об ожидании Беснарда, а об отправлении в Мадрид, с тем чтобы начать операцию «Банк Испании». Той же самой ночью Дуррути вылетел на самолёте в Мадрид благодаря Андре Мальро, который находился на аэродроме Прат-де-Льобрегат, готовый к вылету в испанскую столицу. Дуррути летел неофициально, то есть без необходимого

причиталась. Эти средства не могли зависеть от решения правительства, которое не принимало правильных решений и терпело поражение в войне. Удалось ли бы нам закупить оружие? По крайней мере, мы были уверены в том, что сможем достать сырьё и оборудование для военного производства и сами сфабрикуем оружие. При минимальном пособничестве была разработана идея доставить в Каталонию часть золотого запаса Банка Испании. Заранее было известно, что необходимо будет использование силы, и в Мадриде заняли позиции приблизительно три тысячи надёжных бойцов; также подготовили все детали транспортировки в специальных поездах. В случае чёткого исполнения плана операция заняла бы немного времени, и прежде, чем правительство приняло бы меры, часть золота уже находилась бы на пути в Каталонию, и это означало бы лучшую гарантию того, что война смогла бы принять совсем иной оборот...»

167 Ряд «милисьянос», входивших в состав колонны «Тьерра и Либертад», делегатом которой был Хермининаль де Соуса, одновременно член Иберийского комитета ФАИ, рассказали нам о предосторожностях при отборе будущих членов этой структуры. Все они (или большинство) входили в состав ФАИ (свидетельство Х. Е).

пропуска. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться вылета, и затем в поисках места на борту он встретился с Андре Мальро, который предложил ему свой самолёт. Это была их первая встреча[168].

Сантильян также отбыл в Мадрид; у него были необходимые официальные документы, и он без проблем нашёл место на одном из самолётов, отбывавших в столицу Испании. Гарсия Оливер в Барселоне должен был встретить Пьера Беснарда и затем представить его Совету Женералитат. Был ли Гарсия Оливер осведомлён о плане, разработанном Сантильяном и Дуррути? В личном письме к нам Гарсия Оливер указывает, что никогда не знал об этом плане. У нас нет причин сомневаться в его словах, и мы в этом труде теперь исправляем написанное во французском издании данной биографии. «Я прибыл в Барселону, — пишет Беснард, — и Гарсия Оливер представил мне "консельерс" Женералитат; я изложил перед ними шансы закупки вооружения для Испанской Республики (...). На следующий день в Барселону приехали представители оружейного консорциума. Они подтвердили мои слова (...) Луис Компанис по телефону изложил ситуацию Ларго Кабальеро, и тот срочно пожелал встретиться с нами. Он попросил, чтобы два ответственных за этот вопрос лица прибыли к нему в сопровождении "консельерс" Женералитат и Пьера Беснарда»[169].

«...Когда подошло время действовать, — пишет в своей книге Сантильян, — инициаторы плана не захотели взять на себя ответственность за действие, которое оставило бы огромный след в истории. Национальный комитет НКТ и ряд наиболее ключевых активистов были осведомлены о плане. Друзья почувствовали на себе дрожь ужаса; наиболее весомым аргументом против плана, который должен был осуществиться с минуты на минуту, было: такая мера приведёт к возрастанию неприязни в отношении к Каталонии. Что можно было сделать? Идти против собственных организаций

168 Андре Мальро в письме к нам 22 октября 1970 года писал следующее: «Дуррути находился на аэродроме Барселоны, он хотел лететь в Мадрид, и никто не осмеливался взять его на борт. Я принял его, и мы вылетели в Мадрид. К сожалению, это всё, что я могу вам рассказать, кроме моего восхищения его характером и его мужеством. Больше я его не увидел».

169 Пьер Беснард. Указ. соч.

не представлялось возможным, и пришлось отступить. Золото несколько недель спустя[170] отбыло из Мадрида, но не в Каталонию,

170 Вмешательство Сталина в Испании происходило на трёх уровнях: военном, полицейском и финансовом. Перед генералом Иваном Берзиным стояла задача контролировать ведение войны в Испании, Александр Орлов должен был организовать сеть полиции на всей территории страны, а Артур Сташевский — завладеть испанским золотом. Сташевский присоединился к Овсеенко как специалист по коммерции: «Сталин поручил ему взять под контроль политику и экономию правительственной сферы Испании» (Сташевский). «В лице Хуана Негрина, министра финансов мадридского правительства (вместе с Ларго Кабальеро, с 4 сентября и вплоть до мая 1937 года), он нашёл сотрудника, который охотно соглашался содействовать исполнению его финансовых планов». Сташевский предложил выслать испанское золото Советской России и взамен получить оружие и боеприпасы для Мадрида (но ни один из грузов не должен был зайти в Барселонский порт). «При посредничестве Негрина был подписан договор с правительством Ларго Кабальеро. И таким образом, 25 октября 1936 года испанское золото отбыло в Одессу» (Кривицкий, указ. соч.). Многие вопросы после завершения войны повисли в воздухе, и одним из них был вопрос об отправке золота. Ещё и сегодня многие из тех, кто оказался прямо замешанными в этом грязном деле, находятся под контролем безумного желания «начать с чистого листа», думая, что испанские рабочие — тупицы. То, что мы — испанцы — должны найти способ примирения между собой, чтобы навсегда покончить с гражданской войной, представляется логичным, однако совсем другое дело — позволить Компартии и даже Соцпартии умыть руки, избегая предоставления объяснений трудящимся на тему их контрреволюционных политических актов в те годы. Нравится это или нет Сантьяго Карильо, Коммунистическая партия должна объяснится по этому вопросу, а не пытаться улизнуть под выдуманным предлогом «еврокоммунизма», — маска, которая на самом деле скрывает сталинизм в действии. Кто был замешан в хищении средств испанского пролетариата в операции поставки золота в Москву? Если читать Ларго Кабальеро, то он знал об этом наполовину; если же прибегнуть к Индалесио Прието, министру военного флота и авиации в те годы, то тот тоже ничего не знал. Единственным главным банкиром в мире стал, таким образом, Хуан Негрин, и он был «связкой» между Коммунистической и Социалистической партиями. Хотя проблема в отношении высылки этого золота и исследовалась в достаточной степени — передача, количество, и т.д., — тем не менее существуют другие аспекты, связанные с этим золотом, которые должны быть разъяснены испанскому народу. Чтобы внести вклад в этот вопрос, мы приводим здесь категоричное высказывание Индалесио Прието, а он знал, что говорил. «Французские коммунисты — кассиры испанского государства. Среди моих разоблачений 1940 года были следующие: Французская коммунистическая партия администрировала для покупки вооружения и боеприпасов два миллиарда франков, переданных Негрином, причём ни одно официальное лицо испанского государства не взяло на себя контроль и распоряжение такой огромной суммой денег. Французская ком-

а в Россию; 25 октября 1936 года груз отправился из Картахены на Одессу. Более 500 тонн попали в руки Сталина и содействовали нашему поражению в войне и укреплению контрреволюционного фронта во всём мире»[171].

«Как только мы прибыли в Мадрид, — добавляет в отношении этого вопроса Беснард, — нас немедленно принял Ларго Кабальеро, и после краткой беседы, в которой Дуррути указал президенту Совета Министров на его собственную ответственность, согласился представить этот вопрос на обсуждение в Совет Министров.

Этим же вечером, Совет Министров принял решение о закупке военного снаряжения стоимостью 800 млн песет; но на следующий день сумма удвоилась; итого пришли к соглашению об инвестиции в 1 млрд 600 млн. Было оговорено, что треть закупок останется в Каталонии и Арагоне.

мунистическая партия перевела на свой счёт — быть может, в качестве платы за посредничество — значительную сумму денег, предоставленную Негрином. Пропаганда, поначалу гласная, а затем подпольная, для Коммунистической партии Франции оплачивалась этими средствами, таким образом добытыми у государства, так как Третий Интернационал не оказывал никакой поддержки, и взносы членов никак не покрывали огромных затрат этой пропаганды. Жаждущая денег французская коммунистическая партия, постоянно исправляя счета, которые никто не проверял, требовала всё бóльших сумм у господ Негрина и Мендеса Аспе. Великолепная газета коммунистических настроений Ce Soir, имитация триумфалистского Paris Soir, финансировалась средствами, предоставленными Негрином. И флот в составе двенадцати военных кораблей, принадлежащий Франс-Навигасьон, являлся собственностью Испании, так как все суда были куплены на испанское золото; но, несмотря на это, французские коммунисты, администраторы этой компании, отказались вернуть их, потому что считали своими». Взято из: Индалесио Прието. «Конвульсии Испании» (Convulsiones de España). Мексика: изд-во Oasis, 1966, том II, стр. 147. Те, кто так цинично использовал в своих целях испанскую революцию, были её могильщиками, так как пропаганда, которую они вели от имени Испанской Республики, служила для очернения испанских рабочих, упорно стремившихся вести революцию вперёд. Тем не менее такие «моралисты» найдут возможность, например, для обсуждения темы войны в Испании и также укажут на попытку — неудавшуюся — Сантильяна и Дуррути — нападения на Банк Испании с целью вновь указать на негативный характер НКТ и ФАИ в испанской войне. Из этого печального приключения испанский народ вышел более побитым, чем сам Дон Кихот из своего сражения с мельницами, — более побитым, потому что «его кололи рогами и избивали».

171 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч. Подробности, изложенные в письме к автору.

Командующий Главным штабом — Кабальеро — отдал необходимые приказы посольству Испании в Париже для быстрого заключения сделки. 3 октября в министерстве морского флора составили список для закупки, в присутствии Дуррути, продавцов и лично меня.

Подписание этого контракта сразу же вызвало ответную реакцию, так как имел место первый случай вмешательства русских агентов в официальные вопросы испанской политики. Так и случилось: в ночь с 3 на 4 октября сам Розенберг, русский посол в Москве, в 3 часа утра позвонил по телефону в гостиницу "Гран Виа" Дуррути и мне. Он выразил желание как можно быстрее встретиться с нами. Так как у нас не было тем для разговора с послом Советского Союза, мы сообщили ему, что наши и его желания не совпадали, и отклонили его приглашение. 4 октября утром мы отбыли из Мадрида в Барселону»[172].

Спустя два дня местная пресса сообщала о посещении Дуррути Мадрида, и НКТ, печатный орган Конфедерации, опубликовал интервью Дуррути, которое, считая его очень важным, приводим полностью.

ГОВОРИТ ТОВАРИЩ ДУРРУТИ

«Мы совершаем войну и революцию одновременно. "Милисьяно" должен знать, что сражается за землю, за фабрики, за хлеб, за культуру...; мотыга и лопата столь же ценны, как и ружьё. Победа будет за нами, товарищи!»

Дуррути побывал в Мадриде. Мы пожали его руку — пролетарскую, широкую, пораненную и сильную ладонь. Мы слушали его — искреннего, храброго, как лев, опытного в социальных сражениях, дальновидного бойца, жизнерадостного человека. О нём слагают легенды, и он действует как храбрый боец, прочный, как сталь. Он живёт в атмосфере жёсткой и трудной борьбы; его час в Испании пробил, и его отличие было несомненным, со всеми его качествами, на трагичном фоне этой войны.

Он пробыл с нами целый день. Сильный, крупный, высокий; обожжённый солнцем Арагонского фронта. В его глазах, стальном взгляде уже светится победа. Он приехал полный надежд, и его посещение наполнило нас оптимизмом. Его кожаная куртка

172 Пьер Беснард. Указ. соч.

и альпинистское кепи придают ему вид выдающегося бойца революции.

Это так и есть. Но Дуррути — и это необходимо отметить — не похож на Панчо Вилью[173]. Мексиканский авантюрист сражался для самого сражения; он воевал без цели и причин, не имея никакой политической или социальной программы; а Дуррути — анархист, ведущий постоянную борьбу и обладающий ясным социологическим мировоззрением, мощным революционным импульсом; всё это ставит его выше Вильи. Тот был бойцом со старой душой и довольно жестокий; наш товарищ — революционер, его дух обращён в завтрашний день; он образован, стремится к новой жизни.

Депортированный вчера...

Дуррути руководит в Арагоне многими тысячами товарищей, вместе с ними он добился целого ряда побед над фашистами. Его колонна — пример организации, и мы возлагаем на неё наши самые большие надежды. Наш товарищ — один из наиболее ценных бойцов против фашизма, и, зная это, мы не можем забыть, что четыре года назад те деятели, которые не смогли защитить Республику, депортировали его на Вилья Сиснерос. Сейчас мы находимся на этапе исправления ошибок, и фальшивая монета пустых людей уже выходит из обращения. Сейчас, когда Касареса Кирогу никто не помнит и его имя не вызывает отклика в душе народа, имя Франсиско Аскасо покрыто героизмом, а Дуррути зажигает надежду в душе испанского пролетариата, особенно сарагосского, который под ужасом расстрелов, ожидает часа народной справедливости.

Дуррути приехал в Мадрид с целью решить вопросы чрезвычайной важности и в основном достиг своей цели. После уверенной победы над фашизмом, когда мы сможем говорить без предосторожностей, народ узнает о цели этого срочного и эффективного визита, благодаря которому наши действия на различных линиях фронта вскоре приобретут огромный размах.

Наступление на Мадрид

Мы воспользовались этой возможностью, чтобы затронуть с нашим товарищем различные темы сегодняшней борьбы, и вот что он нам

173 Панчо Вилья (1878-1923) - революционный военный генерал, один из лидеров крестьянских повстанцев во время Мексиканской революции 1910—1917 годов (прим.ред.).

сказал в отношении линий фронта в центральной части страны:
“Если у нас есть минимальное представление о здравом смысле, тотчас же становятся ясными манёвры противника. Сейчас чётко видно, как настойчиво он пытается предпринять наступление на Мадрид; но это не означает, что его общее положение в стране улучшилось, — совсем наоборот. Давление со стороны Каталонии и Леванте на Арагонских фронтах растёт с каждым днём, и фашисты знают: каким бы упорным ни было бы их сопротивление, Уэска, Сарагоса и Теруэль скоро перейдут к нам. Со стратегической точки зрения эти три пункта чрезвычайно важны. Как только мы возьмём их — а это несомненно, — фронт противника развалится от Калатаюда до Бургоса, и осада Сигуэнсы обвалится, точно так же, как из наступление в области Сьерры.

С другой стороны, мы сможем поставить рядом с нами, на наши боевые позиции, армию численностью в сто тысяч человек. Кроме того, нужно иметь в виду положение в Овьедо. Через несколько дней Астурия будет освобождена от фашистов, и наши товарищи по ту линию фронта, которые так мужественно сражались в октябре 1934 года, знают, что им делать в отношении Галиции и Кастилии. Посмотрите теперь, что происходит в Гранаде и Кордобе: с часу на час наши люди займут их. Таким образом развивается кампания, и ясно: в таких условиях противник должен бы быть глупцом, чтобы не думать о спасении путём взятия Мадрида. Он видит столицу Испании как некое наркотическое средство; но он потерпит поражение на фронтах Центра; так как для такой отчаянной атаки ему нужно будет оголить другие линии фронта. Сопротивление на этом участке, совместно с нашим наступлением на других участках, покончат с ним. Вот и всё.

Укрепления

Итак: сопротивление может быть достигнуто не словами, а укреплениями. Мотыга и лопата столь же ценны, как и ружьё. Повторяйте без устали эти слова. В тылу Мадрида насчитывается огромное количество профессиональных бродяг и бездельников. Нужно мобилизовать их всех, и также необходимо строго контролировать потребление бензина. Наша сила на Арагонском фронте состоит в том, чтобы все наши достижения, какими бы

маленькими они ни казались, были обеспечены незамедлительным сооружением траншей и парапетов. Наши “милисьянос”, которым хорошо известна подготовка поля сражений, теперь уже понимают, что во время любой атаки их спасение в том, чтобы не отступать. Инстинкт самосохранения силён чрезвычайно; но неверно то, что в силу следования ему можно проиграть войну. Нет, мы сражаемся за жизнь, и нужно воспользоваться инстинктом самосохранения для ведения боя. Товарищи из моей колонны, в силу инстинкта сохранения жизни, без какого-либо движения дают отпор атакам противника. А этого, поймите, можно добиться лишь путём укреплений.

Следовательно, в отношении вашего вопроса по поводу этих линий фронта в Центре я категорически настаиваю, что необходимо организовать сеть траншей, парапетов и проволочных заграждений. Весь Мадрид должен жить ради обороны и войны, с уверенностью, что, если так будет сделано, попытка фашистов, сейчас занимающая нас, почти что послужит на пользу всеобщей кампании, потому что враг приложит на этом участке все усилия, а они будут бесполезными — усилия, в которых он нуждается, чтобы отразить нашу атаку на других участках фронта.

Мы — революционеры

— Что ты нам можешь сказать о твоей колонне?

— Я доволен своими людьми. У них есть всё необходимое, и в момент сражений они ведут себя как слаженный аппарат. Не хочу при этом сказать, что “милисьянос” теряют человеческое лицо. Это не так. Наши товарищи знают, за что и зачем они сражаются. Они чувствуют себя революционерами и не идут в бой за пустые слова, ни за более или менее обещающие законы, а за землю, фабрики, мастерские, транспорт, хлеб, за новую культуру... Они знают, что их жизнь посвящена победе.

Кроме того, я думаю, мы, в зависимости от обстоятельств, ведём войну и одновременно совершаем революцию. Революционные меры в тылу не принимаются всего лишь в Барселоне, а идут вплоть до линии огня. Каждый посёлок, занятый нами, начинает действовать революционно. Это самое лучшее в военной кампании. Ребята, это придаёт мне огромный энтузиазм! Иногда я, оставшись наедине с собой, начинаю размышлять о нашем общем деле, и именно в

такие моменты я наиболее глубоко чувствую мою ответственность. Разгром моей колонны был бы ужасен, потому что наше отступление не походило бы на отступление никакой армии. Нам нужно было бы взять с собой всех жителей деревень, через которые мы прошли, всех без исключения! С первых линий огня и до Барселоны, по нашему маршруту, там только бойцы, все работают на войну и революцию. И в этом наша сила.

О дисциплине

Перейдём к насущному вопросу в эти дни: дисциплине.

Друг мой! Я очень доволен. Сейчас много говорят об этом, но я понимаю, что немногие попадают в точку. Для меня дисциплина — это уважение к собственной и чужой ответсвенности. Я против казарменной дисциплины, которая ведёт всего лишь к отупению, ненависти и автоматизму; но я также не могу согласиться с плохо понимаемой свободой, к которой прибегают трусы, желающие увильнуть от работы, потому что против такого понимания говорят сами нужды войны. В нашей организации, в НКТ, дисциплина самая лучшая; она выражается в том, что члены конфедерации доверяют своим товарищам, занимающим посты в Комитетах. Они подчиняются и исполняют их распоряжения. Во время войны делегатам необходимо подчиняться — в противном случае невозможно исполнить никакую операцию. Если люди не согласны с руководителями, на собраниях можно рассмотреть их замену.

В моей колонне прошли все трюки и уловки Великой войны: „мать на смертном ложе, жена рожает, ребёнок болен, лицо опухло, болят глаза...“ У нас имеется прекрасная команда врачей и санитаров. Кто уличён во лжи... тому предписывают дополнительный рабочий наряд с мотыгой и серпом! Кто пишет пессимистические письма? К корзине для сбора урожая! Кто хочет вернуться домой, так как говорит, что прибыл добровольно и так же добровольно желает уйти? Тот должен выслушать ряд моих соображений о вымогательстве в отношении всех нас, потому что мы рассчитывали на его участие; затем, когда у него уже забрали оружие (оно принадлежит колонне), ему позволяют уйти, но пешком, потому что транспорт тоже служит военным целям. Почти никогда мы не доходим до таких крайностей. Самолюбие “милисьяно” вскоре восстаёт, и, как правило, со словами

“Надо мной никто не смеет насмехаться, будь то сам командир колонны!” он возвращается на линию огня и храбро сражается.

Я скажу по всей правде: я доволен товарищами, которые идут за мной. Надеюсь, они тоже довольны мной. Здесь есть всё необходимое. Их подруги могут посещать их и оставаться два дня на фронте; по истечении этого срока они возвращаются в тыл. Газеты приходят ежедневно, питание прекрасное, есть огромное количество книг, и в свободное время лекции пробуждают и поддерживают живой революционный дух всех товарищей. Безделье не приветствуется.

Необходимо занять себя. А в условиях войны — в основном сооружать укрепления. Который час? Час ночи? Да, сейчас мои львы на линии фронта Арагона, под прикрытием мешков с землёй, с большим энтузиазмом роют траншеи...

(Дуррути улыбается, вспоминая своих боевых товарищей. Здесь, в Мадриде, он чувствует эмоциональную связь со своей далёкой колонной.)

— Они не знают, что я здесь, — говорит он самому себе.

Он поднимает взгляд к ночному небу Мадрида. Вскоре реагирует. Встаёт на ноги, сильный и с улыбкой на губах. Под козырьком его кожаного кепи блестит проницательной взгляд революционера, полный оптимизма. Он кладёт нам на плечи свою сильную руку — руку пролетария — и, закончив интервью, говорит:

Победа будет за нами, товарищи!»[174]

174 НКТ (CNT), 6 октября 1936 года.

ГЛАВА XV.
АРАГОНСКАЯ ЛИБЕРТАРНАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

В предыдущей главе мы привели рассказ Пьера Беснарда о его совместных действиях с Дуррути. В своём отчёте он подводит итог работы:

«Ларго Кабальеро не нравилась наша инициатива. Наверняка он поддался влиянию какого-то деятеля, или же Розенберг смог убедить его в том, что важнее будет ожидать безвозмездной помощи со стороны России (...). Становится очевидным, что если бы Испания, обладая запасом золота, своими силами сумела бы обеспечить себя оружием, совершая закупку за границей, Россия никогда не сыграла бы никакой роли в стране: ни в те дни, ни после (...). Розенбергу удалось убедить упрямого Кабальеро, и с того момента стало ясно, что контракт на закупку оружия и боеприпасов на сумму в один миллиард шестьсот миллионов не войдёт в силу. Так и произошло на самом деле: какая-то доля ответственности лежит на продавце, бóльшая — на покупателе, а наибольшая — на русских, которые представили продавцов как агентов Франко (...). Именно таким образом свободная Испания не получила оружие, в котором так нуждалась, и которое Россия могла поставить, получив оплату наличными. Военный товар сомнительного качества поступал весьма скупо, причём было оговорено заранее: оружие не будет вручено колоннам НКТ, и Коммунистическая партия могла расти и действовать в самых наилучших условиях»[175].

Наличие сельскохозяйственных коллективов, которые создавались в ходе военных действий, присутствие на территории Арагона вооружённых революционных подразделений, а также откат революционного процесса в Барселоне — всё это привело к концентрации внимания анархистских активистов на этой области, и у всех на глазах Арагон превратился в маяк испанской революции. Это явление не происходило отдельно от личности и позиции Дуррути. С самого начала он превратился не только в ось сопротивления фашизму, но и в активного пропагандиста коллективистского движения. Однако Дуррути чётко осознавал,

175 Пьер Беснард. Указ. соч.

что если эта сила не обретёт последовательности благодаря своей собственной организации, то она станет уязвимой перед лицом нападений подразделений «милисьянос» марксистского толка, так как даже ПОУМ выступала против коллективных хозяйств.

Из различных посёлков и деревень свободного Арагона в Военные комитеты либертарных колонн приходили крестьяне, чтобы пожаловаться на произвол со стороны сталинистских или каталонистких[176] милиций. Нападения на сельчан совершались разными способами. В одних случаях местные советы, избранные на всеобщем сходе, разгонялись manu militari; в других — под предлогом военных нужд грабили склады с провизией, угоняли тракторы, поставленные в коллективы подразделениями анархистов. Дуррути без устали указывал всем крестьянским делегатам, приходившим с жалобами, что они должны были найти силы в самих себе, а не в анархистских колоннах, потому что по мере продвижения линии фронта они были вынуждены оставить позади арагонскую землю. Крестьяне должны были наладить координацию между собой; но их также предупреждали о политическом антифашистском фронте, который вошёл в моду в Испании. Необходимо было воздержаться от уже совершённой ошибки. В Арагоне не было политических партий и не было нужды создавать их, чтобы доставить удовольствие антифашистам. Народное собрание должно быть единственным активным фронтом[177].

Когда 5 октября 1936 года Дуррути вернулся из Мадрида, он радостно отметил для себя тот факт, что на 6 октября НКТ созвала в Бухаралосе Региональную ассамблею. Там будет создан Совет обороны Арагона и Конфедерации либертарных коммун того региона[178].

На следующий день, когда Региональная ассамблея приступила к работе, в ней были представлены 139 делегатами все населённые пункты Арагона. Кроме того, принимали участие такие анархистские колонны как: «Культура и Аксьон» (Cultura y Acción), «Роха и Негра»

176 Сторонников независимости Каталонии (прим. ред.).

177 Хосе Пейратс. Указ. соч. Том I, глава о коллективных хозяйствах в Арагоне. См. также указ. соч. Пьера Бруэ и Эмиля Тэмана, стр. 120.

178 Для подробной информации об этой Ассамблее можно проконсультировать труд Алардо Пратса «Авангард и арьергард в Арагоне» (Vanguardia y retaguardia en Aragón). Барселона: изд-во НКТ, 1937.

(Roja y Negra), «Куарта агрупасьон де Хельса» (Cuarta Agrupación de Gelsa), «Сентурия Малатеста» (группа итальянцев из Уэски), колонна «Сур-Эбро» (Ортис), конфедеральные колонны из Уэски (Альдабальдетреку) и колонна «Дуррути».

Ассамблея началась с устного доклада секретаря Регионального комитета НКТ Арагона, информируя собравшихся о достигнутых соглашениях на Национальном пленуме региональных комитетов, проведённом в Мадриде 15 сентября. На том пленуме было предложено образование Национального совета обороны на основе ВСТ и НКТ, и в пункте 2 говорилось следующее: «Местный федерализм на уровне провинций, регионов и всей национальной территории, действующий в двух сферах — политической и экономической, — организация Советов обороны, а также упразднение Муниципалитетов, Провинциальных советов и Гражданских правительств. Регионы получают полномочия определять пропорции антифашистских организаций в Региональных советах обороны с целью введения изменений на местном уровне, в зависимости от обстоятельств и контекста».

«Это предложение, — сообщил Региональный комитет, — не получило одобрения со стороны ВСТ (...). Ввиду такой реакции Пленум (речь идёт о другом национальном пленуме, проведённом 30 сентября) принял решение "минировать" влияние центральной власти, и для этого наиболее оптимальным представляется организация Регионального совета обороны».

После завершения доклада начались дебаты с делегатами из Барбастро: «...Мы считаем чрезвычайно необходимым образовать вышеназванную структуру, так как такая мера уменьшит влияние определённых военных элементов, которые, пользуясь случаем, пытаются противостоять достижениям народа в социальной сфере. В доказательство приводится статья, которую намечали опубликовать в Orientación Social, но её запретила военная цензура, так как в ней упоминалась автономное управление в Арагоне».

Все последующие выступления совпадают в необходимости образования такого организма, но между ними есть некоторые различия: одни считают, что Совет должен заняться экономическими и административными вопросами региона, не вмешиваясь в военные

аспекты ввиду того, что колонны зависят от решений, принятых в Каталонии. Другие высказываются за то, что Совет должен принимать участие в военных вопросах, так как колонны действуют на арагонской земле, и что аспект с Каталонией можно разрешить путём делегации в эту организацию представителя Совета обороны Арагона. Нужно отметить, что делегации, выступавшие за участие в принятии военных решений, так или иначе должны были вступить в конфликт со сталинистскими милициями или с Военным комитетом Альто Арагон, образованным Вильяльбой, который существовал в оппозиции Комитету в Сариньене[179].

Во время работы Ассамблеи от имени своей колонны выступил Дуррути:

«Необходимой и также срочной является организация Регионального совета обороны Арагона. Мы сможем при этом объединить наши усилия, решить вопрос о едином командовании и в конце концов выиграть войну (...). Нужно иметь в виду ход событий в стране. Я только приехал из Мадрида, там встретился с министром обороны и без обиняков изложил ему наше положение. У него не было иного выхода: он принял нашу очевидную реальность как должное, но этого недостаточно, чтобы всё шло своим путём, — нужно исполнять на практике решения Национального пленума НКТ. Если не организуем Национальный совет обороны, мы рискуем потерять всё, что имеем. Поэтому фашизм надо победить, но для этого необходимо оказать давление на центральную власть. И чтобы она приняла наши предложения, мы должны основать в Арагоне Совет, который бы регулировал всю нашу деятельность».

В это выступление Дуррути можно добавить, что он был сторонником участия Совета обороны Арагона в принятии военных решений.

В заключение и для подведения итога всеобщего мнения было сказано следующее:

«Принимая во внимание, что революционные события в стране являются следствием борьбы с фашизмом, и исполняя последние соглашения, принятые на Пленуме региональных комитетов

179 После того как Вильяльбе удалось создать Военный комитет северной части Арагона, вновь подтверждалась позиция ОСПК (Дель Баррио) в отношении коллективных хозяйств; он желал иметь в распоряжении официальную структуру, чтобы бороться с ними.

НКТ, мы одобряем образование Регионального совета обороны, который возьмёт на себя задачу политического, экономического и социального развития Арагона.

Совет состоит из следующих отделов: Правового, Строительного, Промышленности и торговли, Сельского хозяйства, Информации и пропаганды, Транспорта и коммуникаций, Охраны общественного порядка, Здравоохранения, Образования и Экономики и снабжения. Все отделы разработают план, который будет рассмотрен для его дальнейшего принятия представителями. После одобрения плана его исполнение будет обязательным во всех аспектах.

Действие различных населённых пунктов будет заключаться в исполнении экономического и социального плана, так как в нём в целях построения новой общественной структуры будут представлены временные или постоянные меры; в отличие от настоящего момента, когда существуют проекты и действия, во многих случаях противоречивые.

Что касается военного аспекта, то мы сочли нужным не образовывать особый отдел с целью создания ещё одного органа, который мог бы привести к путанице вместе с уже существующими структурами. Однако с целью осуществления более эффективной работы мы постановляем:

1. Назначить делегатов, которые будут представлять Региональную организацию Арагона в Военном отделе Барселоны.
2. Создать Военный комитет на основе сил, действующих в Арагоне, который будет нести ответственность за единое управление всей деятельностью колонн.
3. Данный Комитет будет иметь такой состав: один представитель от колонны “Дуррути”, один — от колонны “Ортис”, три — от сектора Уэски и два — от Совета обороны Арагона.

Этот состав будет временным до тех пор, пока колонны, действующие в Теруэле, не назначат другого делегата для его вхождения в Военный комитет.

Этот доклад после его одобрения делегациями будет представлен на рассмотрение Региональных организаций Каталонии и Валенсии».

Указанное выступление было предложено и подписано следующими деятелями: Областной комитет Ангуеса — Франсиско Понса́н;

профсоюз в Утрильяс — Хиль Гаргальо; Мас-де-лас-Матас — Макарио Ройо; Провинциальный комитет Уэски — Грегорио Вильякампа; Региональный комитет — Франсиско Муньос; Комитет оккупированной зоны Теруэля — П. Абриль-Онорато Вильянуэва; колонны Арагонской линии фронта — Франсиско Кареньо и Хоакин Аскасо.

Выступление единодушно одобрено, и местом нахождения Комитета обороны Арагона был назначен Альканьис[180].

В продолжение дебатов на этой Ассамблее в Бухаралосе высветились проблемы Арагона на линии фронта и в тылу. Они было настолько взаимосвязаны, что было трудно различить, где начинались одни и заканчивались другие. Эти проблемы обострялись ещё больше в силу различных политических сил, стоявших за каждой из колонн: они хотели организовать экономическую деятельность крестьян на свой манер. Неясность ситуации в Арагоне не имела иной причины. Образование Комитета обороны явилось важным шагом, но с тем условием, что функции каждой Колонны и полномочия самого Совета должны были чётко определиться, как и роль правительства Женералитат в Арагоне. Но всё это представляло столкновение огромного количества интересов; ни в каком другом месте борьба революции с контрреволюцией не представлялась такой ясной.

Преобладающей силой в Арагоне была НКТ. ВСТ в местах, где он был представлен, являлся настолько мизерным, что не мог выступать как определяющая сила. Анархисты Арагона не захотели совершить ту же ошибку, что и НКТ Каталонии, и по этой причине не отвели ВСТ той же роли, что и НКТ. Народное собрание являлось верховной властью и выбирало членов местных комитетов. Избранные активисты из ряда наиболее опытных революционеров со стажем борьбы хорошо знали друг друга. После проведения таких собраний определилась анархистская конфигурация Арагона.

В местностях, где действовали колонны НКТ, практически не существовало проблем: «милисьянос» хорошо понимали крестьян,

180 Мы использовали «Акты Чрезвычайного пленума профсоюзов Арагона», где были представлены конфедеральные колонны, действующие на линии фронта, проведённого 6 октября 1936 года. Циркулярное письмо Региональной Конфедерации труда Арагона, Рьохи и Наварры (НКТ). Региональный комитет. Архив Саламанки, Гражданская война Б-39/1 -178/180/ДСИ (Салас).

и те, в свою очередь, отвечали тем же. Однако всё менялось, когда либертарные коллективные хозяйства должны были действовать в зонах, где на линии фронта присутствовали колонны ОСПК или ПОУМ. Они соперничали между собой, но в силу своих антианархистских настроений объединились, чтобы противостоять НКТ. Такое противостояние имело наиболее сильное влияние в областях Уэска и Барбастро. Полковник Вильяльба вёл себя как военный. Между тем колонна ОСПК под началом Дель Баррио, выставляя себя поборницей политического реализма, провозглашала, что «теперь время не для революции, а для войны», превращая себя в защитницу тех, кто в одночасье входил в ряды ВСТ. Благодаря такому спонтанному существованию ВСТ Дель Баррио чувствовал себя вправе распускать либертарные коллективные хозяйства. Но крестьяне — сторонники НКТ не поддавались. Вся эта ситуация приводила к вооружённым столкновениям. Подобная борьба в тылу препятствовала подразделениям в области Уэски овладеть столицей этого региона в результате решительного натиска. Такое состояние дел представлялось нестерпимым, и когда на Ассамблее в Бухаралосе разговор шёл о «едином командовании», то имелись в виду описанная ситуация и, кроме того, существование двух Военных комитетов, которые работали в автономном режиме.

Поначалу был организован Военный комитет в Сариньене, в котором были представлены все колонны при содействии военно-технического совета. Но теперь, в силу преобладания и влияния НКТ, упомянутый Военный комитет представлял для сталинистов проблему. Такая реакция становится понятной, принимая во внимание тот факт, что бойцы — члены НКТ — насчитывали приблизительно 15 тыс. человек, а ОСПК едва располагала 2 тыс. Такое же количество бойцов были членами ПОУМ. Полковник Вильяльба аргументировал свою позицию стратегическими соображениями; ему удалось разделить Военный комитет и организовать другой — в области Северного Арагона. К нему присоединился Дель Баррио. Оба нашли общий язык настолько успешно, что даже при меньшем составе бойцов ОСПК, когда Вильяльба намеренно покидал командный пункт, именно Дель Баррио возглавлял этот Комитет. Во время таких отлучек Дель Баррио пользовался положением, чтобы, применяя manu militari,

атаковать некоторые населённые пункты и разгонять коллективные хозяйства. При таком положении вещей состоялась Ассамблея в Бухаралосе. Информация об организации Совета обороны в Арагоне раздалось в Барбастро, как пушечный выстрел, причём его эхо дошло и до Барселоны. Газеты ОСПК назвали этот акт «местническим и фашистского толка». Правительство Женералитат также не совсем было согласно с ним, так как считало Арагон своей колонией[181]. К этим противникам добавился сам Национальный комитет НКТ, который после отказа Ларго Кабальеро образовать Национальный совет обороны направил свою политику на переговоры о вхождении НКТ в правительство Мадрида. Из всех этих вместе взятых факторов выделялось революционное бесстрашие Совета обороны Арагона. Когда была получена информация о его составе, все участники являлись членами НКТ. Впервые в истории один регион брал на себя груз революционной деятельности за рамками политических партий, причём её основой являлось народное собрание, как высший орган власти. Таким образом, структура, зарождающаяся в Арагоне, более всего походила на либертарный коммунизм. Степень проявленной храбрости была велика: в то время как революция отбивалась, отступая по всей Испании, Арагон проявлялся как её наиболее продвинутый полюс. Повторится ли в Арагоне то же самое явление, что и в России в отношении Украины? Образ Дуррути неизбежно вызывал в памяти личность Нестора Махно.

Одновременно с проведением Ассамблеи в Бухаралосе — 4 октября — фашисты начали атаку на всей линии фронта Пердигера-Лесиньена, наступая в этой точке на авангард колонны «Дуррути», рядом с подразделениями ПОУМ. Это наступление и действия колонны для его отражения мы осветим в последующей главе. Теперь же мы продолжим описание реакции в Барселоне в отношении Совета обороны Арагона. Мы уже писали, что в правительстве Женералитат, образованного 26 сентября, полковник Фелипе Диас Сандино возглавлял Департамент обороны, и Гарсия Оливер занимал пост секретаря.

Когда Диас Сандино приступил к своим обязанностям, его

181 Орасио М. Прието. «Либертарный поссибилизм» (Posibilismo Libertario). Издание авторское. Париж, 1967. На стр. 80 он пишет, что политические отношения «Женералитат Каталонии с Арагоном имели колониалистский характер».

наибольшей заботой стало воплощение в жизнь декретов относительно милитаризации милиций, которые диктовались из Мадрида. Но он знал: такой шаг не мог быть сделан на линии фронта в Арагоне вдруг, внезапно, а необходимо было действовать с большой осторожностью во избежание жесткой реакции со стороны анархистских колонн. Натянутые отношения между анархистами и Вильяльбой предоставили ему такую возможность. Прикрываясь тенью Вильяльбы, действовал Дель Баррио, максимально бойкотируя крестьянские кооперативы в секторе Тардиенты и Барбастро. Проблема в Арагоне была не военной, а политической. НКТ была готова продвигать в Арагоне дело революции, однако ОСПК, используя свои милиции, также выражала готовность воспрепятствовать этому процессу. Контрреволюция в Арагоне была налицо, она маскировалась в одежды военных операций, и её можно было чётко осязать. Полковник Вильяльба представлялся как республиканский военный, «не вмешивавшийся в политику»; на деле же он содействовал миссии ОСПК, создавая натянутые ситуации на линии фронта и доходя до крайности создания на севере Арагона автономного Военного комитета в Сариньене. Таким образом, взятие Уэски откладывалось, а на первый план выходил бойкот коллективных хозяйств. Центральный комитет антифашистских милиций направил в этот сектор миллион патронов, с тем чтобы мобилизовать все подразделения и закончить успешно атаку на Уэску. Но Уэску не взяли, а миллион патронов был использован для операций в тылу или послан в Барселону. Ввиду создавшегося положения, Диас Сандино и Гарсия Оливер решили созвать делегатов колонны на собрание в Сариньене с целью совместного анализа начала работ Главного штаба в Арагоне. Это собрание состоялось 8 октября, во время разгара наступления мобильного подразделения Арагона под командованием полковника Густаво Уррутии, который бросил на колонну «Дуррути» 4500 солдат при поддержке авиации и артиллерии.

В этом собрании участвовали: от Департамента обороны — Диас Сандино, Хоан Молес и Гарсия Оливер, а от колонны Арагона — полковник Вильяльба, Дель Баррио, Антонио Ортис, Хосе Ровира, Дуррути и Перес Салас. Эти имена указывают, что на данном

собрании должен был разрешиться спор: Вильяльба — Дуррути versus Дуррути — Ортис.

Полковник Диас Сандино начал выступление с описания трагичной ситуации, сложившейся в Мадриде после сдачи Сан-Мартин-де-Вальдеиглесиас, Сигуэнсы и Навас-дель-Маркес. Продвижение фашистов на столицу Испании вынудило правительство мобилизовать армейские призывы 1932 и 1933 годов и перейти к милитаризации милиций. По мнению Сандино, становилось необходимым укрепить дисциплину на фронте и объединить командные посты, нужно было организовать Главный штаб, который будет возглавлять команданте авиации Рейес при поддержке капитанов Гуарнера и Батета. К этому штабу также присоединялись командиры колонны. Дель Баррио сразу высказался против такого плана, аргументируя, что «определённая группа милиций объявила войну полковнику Вильяльбе». Его интересовало не образование Штаба, а выяснение: по какой причине велась война против Вильяльбы. Полковник Диас Сандино сказал, что в этот момент приходится не ворошить прошлое, а взяться за серьёзную организацию, которая могла бы привести к тому, что милиции вновь заняли бы прежние позиции. Дель Баррио настаивал на том, что «он не может забыть прошлое».

«Политические разногласия между вами, — указал Диас Сандино, — могут быть разрешены после победы на войне. Теперь главное — прийти к единому командованию».

Ровира от имени ПОУМ заявил, что «можно по-разному понимать принцип единого командования» и что поэтому он оставляет за собой право иметь особое мнение об этом аспекте.

Дель Баррио настаивает на том, что «необходимо разрешить вопрос не о едином командовании, а о других вещах». Ввиду таких настроений и противоречий, возникших вместо того, чтобы объединить усилия, Диас Сандино говорит:

— Если мы не будем действовать сообща в этом деле, то ничего не добьёмся — и тогда, конечно, нас победят. У нас нет оружия, нет ничего; мы сражаемся с большими сложностями. Они же хорошо организованы, и у них есть оружие и боеприпасы. Если мы не желаем объединить наши усилия, тогда лучше разойтись по домам,

и пусть фашисты займут Барселону.

Дель Баррио воскликнул:

— Оставим споры. Приступим к делу, но давайте выскажемся, потому что всё это приведёт к последствиям. Всегда существовали различия между линией фронта и Барселоной.

Гарсия Оливер ответил:

— Мы постарались наиболее объективно действовать в выборе командира. Если бы мы назначили Дуррути, вы бы сказали, что мы проводим свою партийную политику, а если бы мы предложили Ортиса, то вы сказали бы то же самое. Нужно было остановиться на военном, из ряда отличившихся на фронте, и этим человеком мог бы быть Вильяльба, но его кандидатура отпадает ввиду споров между вами. По этой причине мы подыскали человека, который отвечает всем требованиям: с моральной и технической точки зрения (...). Но если вы одобрите кандидатуру с оговорками, я не беру на себя такую ответственность и ухожу с поста.

Дель Баррио ответил:

— Создалась напряжённая ситуация... На фронте имеется группа, которая противостоит полковнику Вильяльбе.

Ортис:

— Я говорю открыто и прямо о себе. Я — анархист и думаю, что мы будем сражаться, пока возможно. Но теперь оставим споры, будем действовать честно, и я исполню всё, что мне будет приказано. Я так поступаю и ранее поступал так же.

Что касается Дуррути, то он сказал следующее:

— Я пришёл к выводу. Самое трудное положение на линии фронта Арагона, что касается разногласий и споров — Барбастро. Барбастро — гнездо сбоев (...) Нужно иметь в виду создавшееся положение. Силы с севера потеснили нас; так происходит и на других участках линии фронта Арагона. Я их вижу впереди нас с расстояния ста метров. Мы видим огромное число солдат и ждём их крепкого объятия. Если бы вы спросили у меня, каким образом мы провели оборону Фарлете и Монегрильо, я ответил бы вам: мы защищались как могли. Я уже представлял, как мы бежали по направлению к Фраге и теряли эти две позиции. С этим надо покончить. Надо покончить с проблемами в Барбастро, чтобы восстановить доверие

на линии фронта.

Затем Дель Баррио сказал:

— Я недавно, в отсутствие полковника, взял на себя полномочия, которые, как казалось, принадлежали мне по праву, как члену Военного комитета: я послал двадцать пять карабинеров в Граус, чтобы арестовать весь комитет этого посёлка. И если бы мы не послали двадцать пять карабинеров в Граус, товарищи из НКТ расстреляли бы семнадцать человек. Они не все были социалистами, некоторые — республиканцами. К несчастью, карабинеры не выполнили приказа, но я отдал его, на нём стоит моя подпись. Я не послал Гражданскую гвардию, чтобы потом опять не говорили о репрессиях со стороны Гражданской гвардии против народа (...).

Вступил в разговор полковник Вильяльба:

— Есть один неразрешённый вопрос, одно обвинение.

Дуррути отвечает:

— Военные должны быть советниками, настоящими советниками и не вмешиваться в разногласия сторон и ни во что другое. Пусть эту ответственность несут политические представители колонн (...).

Дель Баррио:

— Народ уважает военных, которые встали на его сторону и поддерживают нас. Это было видно, когда я говорил о полковнике Вильяльбе на митинге, — народ энергично приветствовал полковника.

Дуррути:

— Что касается декретов и приказов, то народ не переваривает военных. Когда какой-либо военный подписывает декрет или приказ, он будет действовать, но тотчас же вызовет подозрения. Их принимают, потому что они сражаются, и не более того.

Дель Баррио:

— Я уже изложил мои сомнения в отношении единого командования, представлю их перед моей партией, и поступлю так, как она прикажет (...).

Ортис:

— С моей стороны оговорки всегда являются недостатком честности.

Дуррути:

— Теперь мы не можем принять ваши оговорки. С нашей стороны не

было никаких. В Мадриде сформировали правительство, но нас не волновало, социалистическое оно или нет, — мы пошли сражаться. Если вы сейчас говорите, что сохраняете за собой право на другое мнение, то вы не правы. В настоящие моменты мы считаем, что такая позиция — фальшивая. Я, со своей стороны, никогда ничего не просил у моей организации.

Гарсия Оливер спрашивает у Дель Баррио:

— Как ты понимаешь единое командование?

Дель Баррио:

— Я всегда был сторонником единого командования, но, как следствие ситуации, создавшейся ранее, и естественно, единое командование, которое сейчас устанавливается, — ненормально.

Гарсия Оливер:

— Я более всех противился единому командованию на линии фронта, и Сандино знает причину такого сопротивления. У проблемы единого командования — одна сложность: командовать. На этой войне имеет место феномен: когда фашисты атакуют в городах, они держатся долго, а наши совсем не держатся; повстанцы окружают какой-либо город и через два дня занимают его. Когда мы окружаем его, то осада длится целую вечность. Сейчас мы потеряли Лесиньену, но это не должно повториться. Никто не может так просто оставить ранее занятую позицию. Можно понять, когда во время атаки бойцы оставляют траншею...

Ровира:

— Оставили населённый пункт из-за нехватки боеприпасов. У нас не было связи.

Гарсия Оливер:

— Речь не идёт о Лесиньене, это просто пример. Любой город и любое село защищают, потому что в противном случае так дойдёт и до Мадрида, и после серии натисков мы окажемся дома. Теперь, если примут единое командование, если город занят, его не оставят и подошлют подкрепления откуда бы ни было. Задача командования — привлечь другие силы».[182]

182 Полный текст этой Военной конференции занимает 23 машинописных листа. Частный архив Бурнет и Гладис Больотен в Коллекции Hoover Institution (США). Мы воспользовались копией, предоставленной нам, с предварительного разрешения Больотен, директора этого учреждения. Мы пользуемся возможностью и

Из приведённого здесь краткого содержания разговора видны разногласия ОСПК и НКТ. Такое соперничество убавляло сил для ведения войны и объясняет в большей степени парализованное состояние на фронте Арагона. Альянс Вильяльбы и ОСПК не только бойкотировал действия вокруг Уэски, но и представлялось непонятным, как подразделения Дель Баррио на расстоянии нескольких километров от Лесиньены допустили потерю этого населённого пункта, потому что эту позицию защищала ПОУМ. Позиция Дель Баррио, стоявшего против образования единого Военного комитета, несущего ответственность за весь Арагонский фронт, контрастировала с демагогической позицией ОСПК, которую она защищала в своих газетах, высказываясь за армию и единое командование.

Перед лицом всех этих фактов становится более ясным правильно принятое решение Ассамблеи в Бухаралосе, когда была принята резолюция об образовании Совета Обороны Арагона, который должен был покончить с «мексиканизацией» войны на участке Арагона.

выражаем Больотен и Hoover Institution нашу самую искреннюю благодарность.

ГЛАВА XVI.
ТЕНЬ СТАЛИНА НАД ИСПАНИЕЙ

Ассамблея в Бухаралосе и заседание военных в Сариньене прошли под давлением наступления фашистов на участке, обороняемом колонной „Дуррути“. 4 октября подполковник Уррутия, возглавляя многочисленную колонну, в состав которой входили 19-й пехотный батальон, три автомобильные роты, «Терция дель Пилар», три пулемётные роты полка Хероны, пулемёты «Палафокс», пять рот фалангистов, два эскадрона и две батареи — всего четыре тысячи пятьсот человек, поддерживаемые авиацией, — проводил разведку боем севернее Осеры и Вильяфранки, и ещё одну около Фарлете. Точка отправления — Вильямайор, и до участка, находившегося в трёх километрах от того посёлка. 10 числа вышли значительные подкрепления к местностям: Пердигера, Суэра, Вильянуэва и Кинто, а ночью того дня, выйдя из Пердигеры, одна группировка под командованием того же подполковника поднималась на высоты, которые с востока подходят от Пердигеры к Лесиньене. В то время другие силы, также из Пердигеры, занимали более далёкие высоты Сьерры Алькубиерре, чтобы затем атаковать порт под таким же названием. Операция завершилась 12 числа, когда войска повстанцев входили в Лесиньену после нанесения противнику больших потерь[183].

---

183 Лесиньена находилась под контролем ПОУМ. Согласно Ровире, на Военной конференции, которую мы описали, эти войска были вынуждены отступить, после того как у них закончились боеприпасы (прив. доклад Больотен). С другой стороны, Гросси в своих «Мемуарах» (неизданных; он их нам предоставил для чтения) пишет: «Уже прошло несколько дней, как я запросил Вильяльбу поставить нам боеприпасы, но он не обращал на мои просьбы внимания, так как все силы шли на поддержку дель Баррио (ОСПК)». По словам Мартинеса Банде (см. указ. соч.), когда войска мятежников после нанесения противнику больших потерь заняли Лесиньену, они подсчитали 104 погибших и захватили следующие трофеи: 24 пулемёта, 64 ящика с боеприпасами, два миномёта, 21 автомобиль и грузовик, огромное количество винтовок, детали к пулемётам, продукты и военные принадлежности». Если достоверны сведения о захваченных трофеях, то они противоречат сообщениям Ровиры и Гросси. Тем не менее ввиду того, что нам хорошо известно о положении на линии фронта в Арагоне, трофеи, описанные Мартинесом Банде, кажутся нам преувеличением.

На эту атаку противника колонна «Дуррути» ответила, согласно данным её хроники, таким образом:

«Мобильная колонна атаковала нас 4 октября, выходя из пункта Вильяфранка, на наших позициях: Калабасарес — Ла Пунтаса; она преследовала цель перерезать шоссе Осера — Монегрильо и занять первый из упомянутых посёлков. Поначалу ей удалось добиться небольшого продвижения, но затем натиск был сдержан, и колонна была отброшена, несмотря на постоянную активность новой авиации, которая обстреливала наших бойцов пулемётными очередями на предельно малой высоте. Через два дня (8 числа) начала более мощную атаку, новыми силами. Основная часть подразделений противника, с артиллерийскими орудиями и танками, продвигаясь по шоссе Вильямайор — Фарлете, подошла к окрестностям Фарлете. Правый фланг действовал на участке предыдущей атаки, его контингент в основном состоял из кавалерийских подразделений. Левый строился на оси: шоссе Пердигера — Фарлете.

«Бой был чрезвычайно жёстким, и наши скудные подразделения на этом участке сражались мужественно. Однако, в силу огромного превосходства противника, они отступали. Со стороны других участков подошли резервы, организовали артиллерийскую колонну для контратаки, однако вскоре понадобились боеприпасы. Для снабжения бойцов были переброшены запасы боеприпасов с других участков колонны; в местах, где не велись сражения, “милисьянос” остались с десятью патронами на человека.

Когда противник стоял на расстоянии менее чем один километр от Фарлете, и его кавалерия обходила село с южной стороны, подошло подкрепление на этот участок. Наша батарея лёгкой артиллерии, установив орудия прямо на шоссе, у грузовиков, открыла эффективный огонь против кавалерии противника; удалось остановить натиск и вынудить его начать отступление. Кроме того, наши бронированные грузовики двинулись за бегущим противником, тесня его и превращая отступление в настоящий беспорядок и хаос. Вследствие предпринятой контратаки на правом фланге противник в замешательстве приостановил своё наступление. Тем временем наши бойцы предприняли успешную контратаку. Противник тотчас же начал отступать; в то же самое время появилась наша

бомбардировочная эскадрилья, которая с низкой высоты произвела мощную атаку на скопления противника, что привело к значительным потерям. Таким образом, до того частично организованное отступление противника потерпело провал. Его части рассеялись, оставили на поле боя оружие и боеприпасы; было захвачено большое количество пленников — почти все члены Фаланги и рекетéс. Кроме того, было отмечено большое число дезертиров из рядов националистов, которые перешли на нашу сторону вместе с оружием.

После завершения боя наши части полностью контролировали положение, несмотря на их бесспорное преимущество в личном составе и вооружении. Мы погнали противника до Пердигеры, на расстояние 15 километров.

Несколько дней спустя (12 числа) противник возобновил провалившееся наступление на нашем участке, на позиции, занятой нашими действующими частями (ПОУМ), на север от Сьерра-де-Алькубиерре, причём фашисты прорвали линию фронта, заняв Лесиньену и своим продвижением ставя под угрозу всю безопасность нашей линии фронта. Удалось сдержать действие в окрестностях Алькубиерре благодаря многочисленным подкреплениям. Чтобы разрядить напряжение на линии фронта в результате атаки на Лесиньену и поддержать контратаку, наша колонна подготовила (14 числа) наступление для того, чтобы установить контакт с противником, который не появлялся с момента разгрома в Фарлете, и создать опасную для него ситуацию на шоссе Вильямайор — Пердигера — Лесиньена.

В те моменты наши “милисьянос” проявили сплочённость и слаженность своих действий, которые прошли в строгом соответствии с приказами командования. Однако наши части, занимающие правый фланг и продвигающиеся по направлению к Пердигере (Группа Интернационалистов), ввиду излишнего боевого энтузиазма зашли слишком глубоко и потеряли контакт с остальными частями, оказавшись в изоляции от остальных подразделений Колонны.

Подойдя к окрестностям Пердигеры, Группа Интернационалистов, используя ручные гранаты, предприняла атаку на части националистов, стоящие в обороне (16 числа); им удалось войти в село

и занять казарму противника. Однако силы повстанцев, подоспевшие из Сарагосы на грузовиках (всего более двух батальонов), окружили населённый пункт, где наши интернационалисты мужественно отбивали атаку. Одна часть смогла прорвать осаду и отступить к нашим позициям; однако другие, захваченные врасплох, укрылись в крестьянских домах и сражались насмерть до последней минуты. Были взяты в плен три медсестры разных национальностей из Международного Красного Креста; их расстреляли прямо в деревне. В попытке прийти на помощь несколько наших центурий продвинулись к Пердигере, но одновременно из Сарагосы подходили новые силы, более многочисленные, чем наши, и мы не смогли достигнуть намеченных целей.

Наконец, согласно приказам Военного комитета Колонны, линия фронта была восстановлена. Мы заняли позиции к северу, вплоть до горного массива Монте Оскуро, наиболее высокой точки горной цепи Сьерра Алькубиерре, откуда нам удалось отбросить почти не оказавшего сопротивление противника; так, мы установили связь с соседней колонной (ПОУМ), которая предприняла ряд контратак своими патрульными группами»[184].

Что касается интернационалистов, то Корман пишет:

«Бертомьё и сорок его бойцов действовали очень эффективно. В результате стремительного продвижения они оторвались от основного состава Колонны. Противнику стало известно об этом, и он атаковал их частями арабской кавалерии.

Окружённые в нескольких домах, сорок человек оказали сопротивление силам, в двадцать раз превосходящим их самих. Вскоре у них закончились боеприпасы. Два “милисьянос” — Ридель и Шарпантье — взяли на себя рискованную миссию пробраться через позиции марокканцев, чтобы выйти на связь с Дуррути.

Однако только им, из группы сорока, вошедшей в Пердигеру, удалось спастись. Оставшиеся погибли в бою. Среди них — Бертомьё, Жиралт, Тронтан, Бурдом, Эмиль Коттан, Жоржетте (девушка-активистка из парижского журнала Revista anarquista), Гертруда (немецкая девушка, троцкистка) и ещё две медсестры, чьи имена остались неизвестны.

184 Хосе Мира. Указ. соч.

Наша линия фронта продвинулась на восемь километров. Тем не менее ввиду потерь колонны такое продвижение вперёд не было оправданно. Только один Бертомьё стоил более, чем все достигнутые цели.

Если война пожирает людей, сейчас она добралась до самых ценных. Самые мужественные и великодушные пали первыми»[185].

Когда в этом пункте боёв всё стихло, Дуррути вернулся в лавку Вента де Монсона (штаб), и Беснард сообщил ему, что Ларго Кабальеро нарушил договорённость[186].

Для Дуррути это было превыше его сил и терпения. Он проклял Сантильяна за то, что тот из-за его щепетильности не дал исполниться плану, а также проклинал самого себя за то, что поверил на слово Ларго Кабальеро. (Напомним, что речь шла о нападении на Банк Испании.) Но это было ещё не всё: также ему сообщили новость о декрете милитаризации или, другими словами, о восстановлении иерархии командования и входа в силу прежнего Военного кодекса до тех пор, пока не будет принят новый. Многие бойцы из колонны «Дуррути» заявили о выходе из неё, так как не хотели подчиняться указам правительства. Что им мог ответить Дуррути? Чтобы они подчинились? Чтобы остались в рядах колонны? Он ничего не сказал. Первый раз в жизни сила духа покинула его, он понимал: всё идёт к пропасти, и ничто, и никто не предотвратят катастрофу. Быть может, ему отказаться от борьбы? Ему, который никогда не отступал от намеченных целей?! Как же ему не хватало друга Аскасо!

В ту ночь Дуррути не ночевал в гарнизоне — он пошёл на встречу с группой «Ихос де ла Ноче» (Hijos de la Noche), которые собирались сделать вылазку на территории противника...

Декрет о милитаризации стал первой победой русских. Они насаждали свою политическую линию. Ларго Кабальеро был в их руках. Кроме всех упомянутых новостей Дуррути сообщили, что принятие декрета совпадало с датой отсылки в одесский порт золотого запаса Банка Испании. Не было сомнений, что Кабальеро, следуя политике Сталина, отдавал в залог своё будущее. Но кто в те

185 Матью Корман. «Салюд, камарадас!» (Salud, camaradas!). Париж: изд-во Tribord, 29 июня 1937 года.

186 Мы отсылаем читателя к уже описанным подробностям переговоров: Беснард — Ларго Кабальеро.

дни мог знать, что ростовщики самого разного толка запрут в своих кассах свободу Испании?

Влияние СССР в рамках обещаний поставки оружия увеличило силу испанской Коммунистической партии. Неожиданно она превратилась в хозяйку положения. До сих пор её лидеры только на словах совершали нападки на анархистов и троцкистов, но тут уже перешли к действиям. Принятый декрет с его формулировкой позволял им это. «Милисьянос» сражались за революцию изо дня в день, не думая об интересах партии, однако партия боролась за себя. Пока солдаты погибали на линии фронта, Компартия, следуя приказам сталинского агента Карлоса Контрераса, создала «школу командиров» — «Пятый полк», — что было не чем иным, как печью, где готовилось «тесто» для будущих командиров Народной армии. Профессиональные военные, которые для «милисьянос» были всего лишь советниками, направлялись в «Пятый полк», ища поддержки в лоне Компартии, которая превращалась в представителя буржуазного склада, и это становилось очевидным. «Пятый полк», кроме того, привлекал целый ряд интеллигентов, прежних служащих и чиновников государственного аппарата. Коммунистическая партия представляла себя как «партию порядка» ввиду социального положения её членов — она превращалась в партию среднего класса[187].

Русские с каждым днём становились всё требовательнее в сфере политики. Ларго Кабальеро в качестве их заложника делал уступку за уступкой, не думая о том, что такие меры являлись шагами к его собственному политическому краху.

В Каталонии положение представлялось более трагичным, чем в Мадриде. Русские поставили перед собой цель: сначала разрушить ПОУМ, а потом обескровить НКТ-ФАИ. Операции русского консула Антонова-Овсеенко в этом смысле проводились поэтапно, однако их быстрота едва позволяла это заметить. Слабой стороной НКТ были Арагонская линия фронта и каталонская промышленность. Для снабжения фронта было нужно оружие, а для работы фабрик — сырьё. Если бы пошли на уступки и шаги назад в прогрессе

187 Хосе Диас. «Три года борьбы» (Tres años de lucha (повторное издание)). Париж: изд-во Ebro, 1969.

революции, то Овсеенко обещал и то, и другое. Комитеты НКТ и ФАИ поверили обещаниям и пошли на максимальную уступку: роспуск Центрального комитета антифашистских милиций. Однако, когда в механизм попадает всего один палец, в конце концов всё тело оказывается в опасности. Так и получалось на деле. Союз единых действий между НКТ и ВСТ, а также ОСПК с ФАИ, при поддержке Марьяно Р. Васкеса и Рафаэля Видьелы, вошедший в силу 25 октября 1936 года, означал исключение ПОУМ из правительства Женералитат и прелюдию майских событий 1937 года.

Луис Компанис и «Левые республиканцы» Каталонии, для того чтобы избавиться от давления на них НКТ и ФАИ, попытались добиться альянса с ОСПК, но сталинисты сразу поставили условие: исключить Андреу Нина, советника по делам юстиции, из правительства Женералитат. Луис Компанис согласился и симулировал правительственный кризис. В составе нового правительства уже не было ПОУМ, а ОСПК укрепила свои позиции. И укрепила их настолько, что её лидер Хоан Коморера мог прямо совершать нападки на милиции Арагона, сравнивая их форму их борьбы с племенными сражениями. Начиналась атака милитаризации на милиции.

Комитеты НКТ и ФАИ думали, что смогут спастись от надвигающихся опасностей посредством принятия формул, чтобы обеспечить военный контроль над своими милициями. Правительству Ларго Кабальеро и самой Коммунистической партии ничего не стоило пойти на такого рода уступку, так как они знали: как только укрепятся структуры армии, НКТ потеряет влияние. Что касалось Комитетов НКТ-ФАИ, то они полностью отдались политической деятельности — случилось, что называется, «дерево заслонило целый лес». Но «милисьянос» видели дальше и лучше, чем Комитеты. Первыми, кто поставил вопрос «революция или война», были интернационалисты из колонны «Аскасо» на линии фронта в Уэске.

«Если мы исключим из войны всю революционную веру, все идеи социальных преобразований и смысл всеобщей борьбы, то не останется ничего, кроме войны за национальную независимость. Хотя она и ставит нас перед вопросом жизни или смерти, но она

также показывает, что уже не идёт речь о войне, по сущности, революционной, с целью установления нового общественного порядка. Нам скажут: ещё не всё потеряно, но мы утверждаем: всё под угрозой, и мы не добьёмся победы, разве только произойдёт нечто нами не предвиденное»[188].

Конфедеральные милиции Центрального региона поставили на повестку дня тот же самый вопрос:

«Под прикрытием какого права, после того как рабочие сбросили с себя оковы, сегодняшнее правительство куёт новые цепи для пролетариата, не позволявшие ему достичь своих целей? По какому праву возрождается милитаризм, под игом которого мы страдали? Нам хорошо известно, что это означает. Мы считаем, что милитаризм — составная часть фашизма. Армия — типичный инструмент авторитаризма. Отменить армию — значит исключить возможность авторитаризма угнетать народ. Мы ведём войну, которая не была объявлена государством. Это — народная реакция против сил, которые намереваются подавить наше человеческое достоинство. Именно поэтому только народ должен избрать подходящий способ и ту тактику, которая позволит претворить цель в жизнь. Рабочий класс не хочет терять то, что ему стоило столько крови. Основание армии является шагом к прошлому, с которым было покончено 19 июля».

Колонна «Дуррути» в интервью газете L'Espagne Nouvelle также ответила на упомянутый декрет. Заявления её лидера были напечатаны после изложения обстановки на фронте:

«Перед лицом альтернативы — подчиниться новому закону или оставить оружие и выйти из рядов милиций — бойцы считают, что и то, и другое наносит вред революции, которую они намереваются вести вперёд, и несмотря на то, что они должны подчиняться приказам, большая часть не сделает ни того, ни другого. Но это наносит вред боевой готовности "милисьянос". Бойцы колонны "Дуррути" решили не подчиниться, хотя и исполнять некоторые положительные аспекты приказов. Таким образом, колонна давала повод для упрёков в нарушении дисциплины. В этом смысле

188 А. и Д. Прудомо́. «Каталония 1936–1937», брошюра. Изд-во Spartacus, март 1937 года.

проявлялся персональный реализм Дуррути, его моральное влияние на людей колонны и по всей стране. Речь идёт о некого рода крестьянском лукавстве. Мы увидим его проявление в хитрых и неуступчивых ответах на наши вопросы:

— Правда, что в милициях восстановятся Кодекс и иерархия прежней армии?

— Нет! Это совсем не так. Передвинуты некоторые роты, и установилось единое командование. Дисциплина, которая была достаточной для уличных боёв, не подходит для ведения долгой и трудной военной кампании. Необходимо было убрать этот недостаток.

— В чём состоит укрепление дисциплины?

— До сих пор мы имели большое количество различных подразделений со своими собственными начальниками и личным составом (но их смена происходила чрезвычайно быстро), со своим вооружением, транспортными средствами, снабжением, его особой политикой по отношению к местным жителям, и часто у них была особая форма видеть саму войну. Так больше не могло продолжаться. Мы внесли некоторые изменения, и наверняка нужно будет ещё поработать над этим.

— А что же звания, военные приветствия, наказания, награды...?

— У нас нет необходимости в такого рода мерах. Мы — анархисты.

— Прежний Военный кодекс — разве он не вошёл в силу после недавнего декрета Мадрида?

— Да, и такое решение правительства произвело печальный эффект. Там у них нет никакого чувства реальности. Налицо полный контраст между духом Мадрида и наших “милисьянос”. Мы обладаем характером миротворцев, но знаем, что одно из двух настроений должно уступить другому.

— Ты не думаешь, что если война продлится долгое время, милитаризм как следует обоснуется и станет опасным для дела революции?

— Хорошо! Только для этого и нужно победить в войне как можно быстрее!

Сказав это, товарищ Дуррути улыбается, и мы пожимаем друг другу

руки»[189].

Со своей стороны, НКТ и ФАИ опубликовали следующее:

«Было бы инфантильным оставить пролетарские силы под полным контролем правительства. Мобилизованный рабочий — это не солдат, а работник, сменивший своё орудие труда на винтовку. Таким образом, сражение на поле боя — то же самое, что и работа на фабрике. Именно поэтому наши организации призваны контролировать свой личный состав. НКТ, не ожидая приказов ни от кого, берёт на себя ответственность и отдаёт рабочим, членам организации, которые мобилизованы на фронтах, следующие приказы: "Тотчас же явиться в казармы, контролируемые НКТ, или в свои организации и комитеты обороны, где вам выдадут карточку «милисьяно», которая укажет членство в Конфедеральных колоннах" Такое решение ещё раз подтверждает веру рабочего класса в ход революции»[190].

Принимая такую резолюцию, НКТ пыталась гармонизировать позицию анархистских активистов и правительственных декретов. Но она ещё не знала, что государственный аппарат в руках Ларго Кабальеро был ненасытен, и это зависело не от него самого, а от того, что он сам был пленником машины, которую восстанавливал.

З а декретом о милитаризации последовал закон о национализации военной промышленности, что означало вырвать из рук рабочих администрацию и контроль этой промышленности, чтобы передать её в управление бюрократии, которая только и стремилась к возврату прежним хозяевам экспроприированных революцией предприятий.

Камило Бернери со страниц газеты Guerre di Classe — печатного органа итальянцев, вынужденно мигрировавших в Испанию, — разоблачал контрреволюцию. Он так свидетельствовал о днях, о которых мы пишем сейчас: «В атмосфере чувствовался как будто бы запах Носке»[191]. Разоблачение не являлось достаточным — нужно было противостоять. Но как?

Становилось ясным, что вся политика Ларго Кабальеро была направлена против рабочего класса и, следовательно, против НКТ.

189 L'Espagne Nouvelle, ноябрь 1936 года.

190 А. и Д. Прудомó. Указ. соч.

191 Камило Бернери. «Между революцией и траншеями» (Entre la revolución y las trincheras). Бордо: изд-во Tierra y Libertad, год? В брошюре собраны различные статьи, напечатанные в Guerre di Classe.

Но разве Ларго Кабальеро мог бы проводить иного рода политику? Разве его правительство не было образовано для восстановления прежнего государственного аппарата буржуазной республики?

А разве НКТ, соглашаясь с сотрудничеством буржуазно-демократических кругов и других антифашистских сил, также не действовала в том же направлении...? Революция встала на мёртвую точку, и не существовало иного выхода, кроме как бороться с контрреволюцией с оружием в руках в рамках антифашистского течения и одновременно сражаться с войсками Франко. Но было ли такое возможно...?

Один из национальных пленумов НКТ принял формулу, которая могла бы стать действенной, если бы Советский Союз не вмешался в дела Испании и не имел бы в своих руках испанскую казну. В силу проникновения советской власти в Испанию и позиции Ларго Кабальеро — пленника этого влияния — план НКТ был обречён на провал. Этот план состоял в образовании рабочего государства на основе НКТ и ВСТ, в котором политические партии занимали бы второстепенную роль. Такому правительству дали имя: Национальный совет обороны. В какой-то момент Ларго Кабальеро понравилось предложение. Но лёгкое указание со стороны русского посла Марселя Розенберга вернуло чувство политического реализма узнику СССР. Кроме того, забитый гвоздь ещё более закрепился благодаря кампании, начатой КПИ, разоблачая «конспирацию НКТ-ВСТ». Всё про-сталинистское крыло партии социалистов, во главе с Индалесио Прието, восстало против такой попытки «исключить политические партии из руководства войной».

Начиная с того момента Ларго Кабальеро почувствовал, как почва начала рушиться под его ногами[192]. А Коммунистическая партия, не придавая значения возможности развязывания гражданской войны в антифашистском течении, принялась за прямые нападки

192 Что касается отношений между КП и Ларго Кабальеро, см.: Эрнандес Х. Я был министром Сталина (Yo fui ministro de Stalin). Мадрид: изд-во G. del Toro, 1975 и Кабальеро Л. Мои воспоминания (Mis recuerdos). Это произведение чрезвычайно редкостное, и поэтому было бы интересно его повторное издание. А кроме того, необходимо опубликовать не изданные ещё «Мемуары» Ларго Кабальеро — это произведение наверняка приведёт к тому, что историки изменят свою точку зрения.

на рабочий класс. Висенте Урибе — министр сельского хозяйства от Компартии — опубликовал декрет о сельскохозяйственных коллективизациях, в котором говорилось, что не входят в рамки экспроприации те земли, где нельзя представить неопровержимые доказательства, что их прежние владельцы являлись фашистами. В силу этого декрета тысяча пятьсот крестьянских коллективных хозяйств, организованных НКТ в Леванте, Арагоне, Андалузии и Кастилье, оказались под смертельной угрозой. Но контрреволюция не остановилась на этом — напротив, она таким же образом атаковала сферу транспорта, шахт и других производственных центров, которые были заняты рабочими. Все завоевания рабочего класса находились под угрозой. Так, становилось очевидным, что подобная политика призывала к проверке на прочность. И таковой являлась победа франкистских войск...

Ночью 20 июля все революционеры как один были согласны в том, что испанская революция не может идти вперёд без поддержки международного пролетариата. Или, по крайней мере, французского. В октябре не только не оставалось никакой надежды на помощь международного пролетариата испанским трудящимся, но и сама испанская революция была вынуждена сражаться не только с фашистскими державами и буржуазными «демократиями», но также и с СССР, «родиной пролетариата».

Социалистическая федерация Сены организовала пролетарский митинг, чтобы потребовать у правительства Народного фронта Франции оказать эффективную помощь испанской революции. Хотя Леон Блюм и не был приглашён, он решил принять участие, рискуя вызвать народный гнев своим присутствием. На самом деле его встретили возгласами: «Пушки — Испании! Пушки — Испании!» Спустя несколько минут генеральный секретарь французской соцпартии обратился к толпе с такими сентиментальными словами: «Вы хорошо знаете меня — вы знаете, что я не изменился. Вы думаете, я не одобряю и не разделяю ваших чувств? Вы слышали на Зимнем велодроме вечернее выступление делегатов испанского Народного фронта? Я говорил с ними утром того же дня. Вы думаете, я слушал их с меньшей эмоцией, чем вы? (Аплодисменты.)

Необходимо сделать всё для того, чтобы предотвратить войну»[193].

Во имя мира ничего не значат страдания и гибель испанского народа! Именно это сказал Леон Блюм толпе рабочих 6 сентября в Луна-парке. Принимая во внимание, что толпа быстро меняет своё настроение, Леон Блюм оказался на высоте. Все встали с мест с возгласами, скандируя: «Да здравствует Леон Блюм!» Тем временем звуки Интернационала смешивались с приветствиями в адрес французского премьер-министра. От криков «Пушки — Испании!» переходили к приветствиям в адрес «невмешательства», что равнялось возгласам: «Да здравствует Блюм!» Печальная сцена, предвещающая поражение испанских революционеров! Но в Испании битва шла не на жизнь, а на смерть, и хотя осада контрреволюции с каждым днём усиливалась, борьбу нельзя было остановить...

Принимая во внимание невозможность создания Национального совета обороны и сражаясь на политической арене, как поступала НКТ, её вход в состав центрального правительства был неизбежным. После роспуска Центрального комитета антифашистских милиций и вход в состав правительства Женералитат последним этапом являлся Мадрид. Избрав этот путь, НКТ следовала наихудшим маршрутом, который она только могла бы выбрать, так как за борт были выброшены не только её антигосударственные концепции, но она также лишалась своих собственных сил — простых членов организации, которые сопротивлялись такому «виражу». Кроме того, желая избежать столкновения в лагере антифашистских сил, не происходило ничего иного, кроме как откладывание на будущее посредством превентивной войны, в которой ослаблялась её боеготовность[194].

Агенты Сталина с предельным вниманием наблюдали за внутренним кризисом в рядах НКТ и самого анархизма с целью использовать это положение как можно выгоднее для себя. Так, Антонов-Овсеенко в Каталонии играл значительную роль. Он без устали повторял, что «товарищ Сталин не имел политических

193 Леон Блюм. «Демократический социализм» (Le socialisme democratique). Париж: изд-во Albin Michel et Denoel, 1972. В этом тексте — полная речь Леона Блюма, 6 сентября 1936 года, Луна Парк.

194 Мы отсылаем читателя к заметкам на эту тему.

амбиций в отношении Испании и искренне желал победы испанской революции». Подобное наступление сталинистской пропаганды проникло даже внутрь НКТ-ФАИ. Русский консул сказал по секрету Луису Компанису, что присутствие делегата Каталонии высокого уровня на праздновании годовщины Октябрьской революции произвело бы глубокое впечатление. Он даже намекнул, что приезд Дуррути имел бы огромный эффект... Луис Компанис передал рекомендацию Овсеенко Региональному комитету НКТ, который одобрил включение представителей НКТ в состав делегации и послал в Бухаралос комиссию, чтобы убедить Дуррути.

Когда прибыли посланники НКТ в Бухаралос и изложили ему цель поездки в Москву, он быстро ответил:

«Быть может, в целях пропаганды было бы правильным включить делегата НКТ в эту коллективную делегацию; но думать, что мой приезд послужит для выражения в адрес русского народа всего того, что представляют из себя наша революция и её потребности, значит полностью игнорировать советскую реальность. Испанская делегация будет окружена структурами власти и агентами ГПУ. Празднования будут следовать одно за другим, и делегаты станут всего лишь плакатом на официальной трибуне. Таким образом русскому народу продемонстрируют благодарность Испании. Я думаю, что ошибочно посылать делегатов НКТ и, конечно же, бесполезно направлять делегатов от колонны. Тем не менее Военный комитет примет решение»[195].

От имени колонны для празднования годовщины Октябрьской революции в Москве Военный комитет решил послать Франсиско Карреньо. Однако Дуррути оставил за собой свободу самому написать приветственное письмо в адрес русских трудящихся, которое озвучил бы Карреньо в столице советского государства. Если мы поместим текст Дуррути в рамки исторического контекста тех лет, когда культ личности Сталина достигал самых абсурдных крайностей, мы уверены, что это приветствие не было озвучено в Москве и что ГПУ не забыла бы о бесстрашии Дуррути. Текст в адрес русских трудящихся, не содержащий ни упоминаний о

195 Свидетельство Франсиско Кареньо на конференции, произнесённое в Ateneo Faros Барселоны после событий мая 1937 года, на которой мы присутствовали, и таким образом услышали рассказ о его поездке в Россию.

«славном» Сталине, ни роли руководителя героической партии большевиков, ни признаний Советского Союза в его качестве «партии пролетариата», должен был быть встречен сталинистской бюрократией как оскорбление. Приведём текст обращения:

«Товарищи!

Эти строки передадут вам братский привет с Арагонского фронта, где тысячи ваших братьев сражаются так же, как двадцать лет назад сражались вы за освобождение униженного и угнетённого на протяжении многих столетий класса. Двадцать лет назад русские трудящиеся подняли на Востоке красное знамя, символ братства международного пролетариата. В нём выражалось всё ваше доверие, что вас поддержат в том великом, начатом вами деле. Трудящиеся всего мира смогли ответить на это доверие и ответили на него самоотверженно, всеми возможными в тот момент силами.

Сегодня революция возрождается на Западе, и также развевается знамя как символ идеала. Оно, победоносное, свяжет братскими узами два народа, которые угнетались царизмом с одной стороны и деспотической монархией — с другой. Сегодня, русские трудящиеся, уже мы вкладываем в ваши руки защиту нашей революции. Мы не доверяем никому из политиков демократического или антифашистского толка; мы доверяем нашим братьям по классу, рабочим — именно они должны защитить испанскую революцию, как поступили и мы двадцать лет назад, когда встали на защиту русской революции.

Верьте в нас; мы — истинные рабочие и ни за что на свете не изменим нашим принципам и никогда не изменим орудию труда — символу трудящихся.

Привет всем от имени рабочих, борющихся с фашизмом, с оружием в руках на фронте Арагона!

Ваш товарищ Б. ДУРРУТИ

Линия фронта, Осера, 23 октября 1936 года»[196].

196 Текст был напечатан 2 ноября 1936 года в НКТ Мадрида и почти во всей республиканской прессе. Делегация от НКТ-колонны была представлена Франсиско Карреньо и Мартином Гуделлом. Последний, по национальности литовец, хорошо говорил по-русски, но об этом не знало советское посольство в Испании. Ввиду знания русского языка, затем, после возвращения в Испанию Гудел смог написать книгу о своей поездке: «О том, что я видел в России» (Lo que vi en Rusia),

В центре военная обстановка с каждым днём становилась всё напряжённее. Войска повстанцев с юга, занимая посёлки и города, приближались к Мадриду. Правительство, уже как должное принимая взятие Мадрида мятежниками, серьёзно подумывало о переносе резиденции в другой город, а также о переезде руководящих структур политических партий и профсоюзных организаций. 18 октября Ларго Кабальеро созвал заседание представителей Народного фронта и НКТ, хотя на самом деле, что являлось парадоксальным, НКТ не входила в состав этого политического конгломерата, хотя и действовала заодно с ним.

На собрании 18 октября НКТ представлял Орасио Мартинес Прието, недавно вступивший на пост генерального секретаря, что означало завершение работы на этой должности Давида Антоны. Ларго Кабальеро выступил с патетической речью, посредством которой он пытался убедить присутствующих, насколько эффективными станут военные действия после перемены резиденции правительства. Ни один из представителей, даже делегат Коммунистической партии, не счёл предложенную меру неразумной, и когда уже казалось, что все одобряли её, делегат НКТ заявил, что народ примет смену резиденции правительства как оставление города или беззастенчивое бегство из Мадрида; и что ввиду постоянных поражений эта мера могла нанести моральный удар боевому духу милиций. Единственным ответом Ларго Кабальеро на такие замечания было: «НКТ не располагала реальным видением ситуации». Но Орасио Прието настоял на своём положении и добавил: «В случае переезда НКТ останется в Мадриде, и Национальный комитет не последует за правительством». Ввиду такой позиции лидер соцпартии был вынужден отказаться от плана перемещения в другой город, что послужило причиной для антипатии со стороны политических представителей, которые уже видели себя «за линией огня», и что «ирреализм НКТ» топил их по горло в войне[197].

вышедшей в Мексике в 1945 году.

197 Сесар М. Лоренсо. «Испанские анархисты и власть» (Les anarchistes espagnols et le pouvoir). Париж: изд-во Seuil, 1969. У этого произведения есть недостаток: оно было написано по указанию Орасио М. Прието. Если бы факты были изложены немного более объективно, то Сесар М. Лоренсо мог бы придать больше ценности его похвальному исследованию, прекрасно документированному.

Так, Орасио М. Прието победил Ларго Кабальеро в первом раунде. Однако лидер социалистов не одобрял автономию НКТ перед лицом правительства, поэтому он начал оказывать давление, с тем чтобы вынудить эту организацию также взять на себя ответственность за решения, принимаемые правительством. Мерами давления со стороны Ларго Кабальеро могут считаться декреты: милитаризации, национализации промышленности и резолюции в области сельского хозяйства. Ларго Кабальеро знал, что Орасио М. Прието был сторонником входа НКТ в состав правительства, и его позиция 18 октября более походила на политическое давление, нежели на желание передать волю народа. Таким образом, глава правительства истолковал всё по-своему: речь шла о распределении министерских постов, чтобы НКТ участвовала в кабинете министров. Ларго Кабальеро и Орасио М. Прието начали тайные переговоры о входе НКТ в правительство. Наконец пришли к соглашению, что организация возглавит четыре министерства; причём НКТ сама должна была выбрать своих министров, хотя и пообещала послать Дуррути в Мадрид. С того момента операция завершилась быстро.

Орасио М. Прието знал, что наилучшим способом добиться принятия входа в правительственный кабинет со стороны простых членов профсоюзной организации было избрание на министерские должности наиболее ключевых деятелей её левого крыла — иными словами, «фаистской» тенденции. А наиболее представительными активистами этой тенденции были Федерика Монтсени и Хуан Гарсия Оливер. При выборе кандидатов Орасио ни с кем не проконсультировался, даже с товарищами по Комитету. Он повёл себя как настоящий партийный командир. Он предупредил по телефону умеренных — Хуана Лопеса и Хуана Пейро, — информируя их, что они возглавят министерства коммерции и промышленности соответственно. Что касалось Монтсени и Оливера, то тут дело обстояло совсем иначе, потому что нужно было победить не только «анархистские принципы», но и «тактические соображения». При таких условиях недостаточно было телефонного разговора, и поэтому Орасио выехал в Барселону, чтобы лично заняться этим вопросом. Когда Федерике сообщили, что она должна была

занять министерское кресло, по её словам, она вошла в состояние настоящего кризиса. Поначалу отказалась, аргументируя, что другие товарищи лучше справятся с этой работой, затем посоветовалась со своим отцом, старым анархистом Федерико Уралесом, и, несмотря на то что тот дал ей совет согласиться с предложением — ввиду сложной обстановки, — она сопротивлялась и не дала согласия до тех пор, пока Орасио, пользуясь всеми полномочиями своего поста, не призвал её к «членской ответственности». Вдохновлённый одержанной победой, Орасио встретился с Гарсией Оливером. Однако тут ситуация была намного сложнее. Для Гарсии Оливера вопрос о входе в правительство не представлялся неразрешимой проблемой. Более всего перевешивали причины тактического характера, и, в сравнении с аргументами Орасио, они вынуждали Гарсию Оливера отказаться. Он считал, что нервным центром революции и войны являлась Барселона и что если НКТ потеряет влияние и политический контроль в Барселоне, она потеряет всё. По его словам, роспуск Центрального комитета антифашистских милиций уже явился ошибкой, но эта ошибка компенсировалась контролем Департамента обороны, где он сам занимал ключевой пост и держал под прямым контролем милиции Арагона, военное училище и авиационную школу, недавно организованную им. Полиция всё ещё контролировалась Аурелио Фернандесом и Дионисио Эролесом, а «Контрольные патрули» — Хосе Ассенсом. Со всех этих позиций можно было сдержать ОСПК, которая укреплялась благодаря слабым местам в лоне Регионального комитета НКТ. Гарсия Оливер приводил доводы в том смысле, что он являлся важным звеном для поддержания столь хрупкого равновесия, и в этом он был прав. Если ему придётся выйти из Департамента обороны, его подмена не будет иметь такого же влияния, и постепенно Диас Сандино навяжет свою волю. Таким образом, позиции, которые с трудом поддерживались, будут сданы одна за другой или попадут под влияние ОСПК. Анализ Гарсии Оливера был логичным, и не следовать его аргументам каким-то образом означало поставить под угрозу революционные завоевания. Но Орасио, который на самом деле не верил в революцию и преследовал только одну цель — преобразовать анархизм ФАИ в политическую партию, причём НКТ послужила бы

ему трамплином в избирательном процессе, — оказал давление на Гарсию Оливера, и тот в конце концов принял предложение. Однако при этом он указал на ответственность Национального комитета в отношении этого ошибочного решения. С нашей точки зрения, здесь Гарсия Оливер совершил большую ошибку, потому что, исходя из ситуации, создавшейся после роспуска Центрального комитета антифашистских милиций, он должен был категорически отказаться от участия в политическом манёвре Орасио М. Прието. Обвинение в адрес Гарсии Оливера в том, что он был «анархо-большевиком», вновь подтверждалось, хотя и без основания, потому что одним из серьёзных недостатков этого «анархо-большевика» было уважение к решениям, принимаемым в лоне НКТ, и подчинение резолюциям организации.

Для того чтобы Орасио М. Прието мог считать, что его линия победила, ему не хватало всего лишь убедить в этом Дуррути. С этой целью он поехал в Бухаралос. Однако Дуррути уже знал от Гарсии Оливера о намерениях Орасио. Как только речь зашла о сущности его визита, Дуррути отрезал: «Нет, я не оставлю линию фронта Арагона, и тем более теперь, когда Совет обороны Арагона находился в шатком положении: его не признавала даже сама НКТ, коммунисты называли его “не поддающимся контролю”, а Центральное правительство попросту игнорировало». Орасио настаивал, и напомнил Дуррути о «членской ответственности». Говорить с Дуррути на эту тему и упоминать «дисциплину» после всего пережитого означало вывести его из себя:

— Я не признаю иной дисциплины, кроме той, которая исходит из самой Революции.

Что касалось темы «органической ответственности», то он ответил ещё более жёстко, говоря, что в тылу заменили прежний принцип членской ответственности на пагубную «бюрократическую ответственность»[198].

Орасио не оставалось ничего другого, как выехать из Арагона, проклиная «безответственность фронтовых бойцов».

Что же случилось с Дуррути и почему он занял такую позицию

198 Эти факты были сообщены автору различными свидетелями и затем проверены позицией Дуррути в отношении зарождающегося бюрократизма и что касалось намерений послать его в Мадрид.

перед лицом НКТ? Думая о своей непокорности, ему пришла на память одна из фраз, произнесённых Франсиско Аскасо перед Мануэлем Буэнакасой, когда тот, от имени НКТ и будучи на посту секретаря организации, сказал: «Организация всегда права», на что Аскасо ответил: «Не всегда, и в этом случае прав именно я»[199]. Тот факт, что сейчас Дуррути, ранее подчинявшийся решениям организации, сказал «нет» её генеральному секретарю, может быть понят как «восстание» против бюрократизма комитетов, которые, злоупотребляя особыми обстоятельствами, действовали от имени НКТ, заменяя самих членов. Можно было сказать, что его бунт начался уже 19 июля и ещё более определился, когда он превратился в шатуна НКТ на революционной оси Арагона[200]. Три месяца войны заставили Дуррути понять многое. Но самый главный урок, вынесенный из этого периода, состоял в полном подтверждении политической способности рабочего класса осуществлять на практике самоуправление и то зло, которое несло бюрократическое командование комитетов...

Как только Орасио М. Прието прибыл в Мадрид, он тотчас же оговорил все детали и формальности входа НКТ в правительство. Позиция Дуррути могла пустить всё насмарку, если бы Гарсия Оливер пошёл на попятную и созвали бы региональный пленум в Каталонии, где на повестку дня поставили бы и обсудили всю тяжесть мер, принимаемых за кулисами Национальным комитетом НКТ. Так, 4 ноября подавляющее большинство членов НКТ и ФАИ пришли в недоумение от новости, опубликованной в газетах: в состав правительства Ларго Кабальеро входили четыре новых министра. Однако сюрприз коснулся не только членов НКТ, но и всего «сознательного мира буржуазии», когда те узнали, что подвергавшийся преследованиям «хорошо известный бандит» управлял Министерством юстиции в кабинете министров. Речь шла о Гарсии Оливере.

---

199 Случай, рассказанный Буэнакасой в записках, приведённых в первой части этой книги.

200 Мнение, высказанное Пейратсом в различных произведениях.

ГЛАВА XVII.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАДРИД БЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА!

В день, когда министры НКТ сели за стол с другими членами правительственного кабинета Ларго Кабальеро, Мадрид практически осаждали четыре фашистских колонны, которые поставили перед собой цель взять город штурмом. Многие деятели из лагеря республиканцев, и даже социалисты, среди которых — Индалесио Прието, считали, что сдача Мадрида была вопросом времени, максимум — два или три дня. В государственных учреждениях все сосредоточились более на эвакуации в Валенсию, нежели на организации обороны. Министры, объятые паникой, торопили Ларго Кабальеро дать приказ о выезде, говоря, что, если «безумцы» хотели превратить Мадрид в новую Нуманцию[201], это их дело, но только после того, как они сами будут на безопасном расстоянии, вдали от огня[202].

В Барселоне хотя и не царила атмосфера войны, и залпы пушек не слышались на площади Каталонии, как в Мадриде на Пуэрта дель Соль, тем не менее всех объяло нервное напряжение, только другого рода: думали не о бегстве, а о том, как помочь Мадриду. Становилось предельно ясно: если столица страны попадёт в руки фашистов, иностранные посольства всего мира признают правительство генерала Франко, и, таким образом, войну можно было считать оконченной. Для того чтобы обсудить создавшееся положение, Департамент обороны Женералитат созвал всех делегатов колонн, сражающихся в Арагоне. Многие из них, согласно недавнему декрету о милитаризации, уже щеголяли военной формой с соответствующими нашивками. Единственными, кто не изменил внешнего вида, оставались ответственные за колонны НКТ и Ровира, делегат милиций ПОУМ. Диас Сандино, а затем

201 Нуманция - античное, древнеримское поселение на территории Италии. Представляет собой исторический памятник в виде каменных развалин (прим. ред.).

202 Хульян Сугасагоитиа. «Война и превратности испанцев» (Guerra y vicisitudes de los españoles). Париж, изд-во Librería Española, год?

Сантильян доложили о тяжёлом положении Мадрида, а в итоге призвали к направлению подкреплений для обороны столицы. После их выступления воцарилась тишина, и взгляды присутствующих обратились к Дуррути; он, как и все, молчал. Тем не менее мысли и сердца участников заседания занимала одна забота — быстро прийти на помощь столице, которой угрожала опасность. Но они не приняли конкретных решений и не определили ни того, какие именно подразделения будут посланы, ни того, какого именно числа. Дуррути было предложено выступить по радио с обращением к защитникам города для поднятия их духа. Предполагалось, что такое выступление также положительно подействует на самих мадридцев. Наметили для радиовещания число — 4 ноября 1936 года.

Выйдя из зала заседания, Дуррути отправился на встречу со старым товарищем 20-х годов Маркосом Альконом. Они решили поужинать вместе с другими давними друзьями тех героических лет. О чём могли беседовать революционеры, оставшиеся верными делу? Все они, каждый по-своему, боролись с тенденцией бюрократизма в комитетах. Дуррути сказал своим друзьям, что его пугали: быстрое продвижение контрреволюции и вред, наносимый бюрократизмом в рядах НКТ И ФАИ. Он сказал, что собирался изобличить эту тенденцию в выступлении, которое ему предложили сделать. Маркос Алькон добавляет:

«Я прекрасно помню, как подействовало это выступление на многих товарищей, “ответственных” в НКТ и ФАИ, и тем более запомнилась мне та паника, которую почувствовали политические круги Каталонии. Дуррути заставил их подпрыгнуть от страха, когда, используя весьма суровую лексику, объявил: какие бы попытки удушения революции они ни предприняли под предлогом действия бесцветного антифашизма, им это не удастся. Я не преувеличиваю — многие свидетели показывают: напечатанный в газетах текст, хотя и сохранил жёсткий тон, был подвержен цензуре, включая конфедеральные печатные органы. Я могу заверить, что опубликованное выступление совсем мало походило на слова, произнесённые Дуррути; они звучали как настоящие пощёчины в адрес тех, кто использовал революцию в собственных целях. Такие обрезки и аранжировки текста местами превращают его в нечто

нелогичное, но всё равно остаётся его дух — жёсткий, суровый и, несмотря на всё, — обдуманный»[203].

Ниже мы приводим упомянутое выступление:

«Трудящиеся! Я обращаюсь к каталонскому народу — этому великодушному народу, который четыре месяца назад смог разрушить заслон военных, желавших подмять его своими сапогами. Я привёз вам приветствия братьев и товарищей Арагона, стоящих в нескольких метрах от Сарагосы, им оттуда видны башни Пиларики[204].

Несмотря на угрозу, нависшую над Мадридом, нельзя забывать: народ, как один, встал на борьбу, и ни за что на свете его не заставят отступить.

Мы будем стойко бороться на линии фронта Арагона, отражая атаки фашистов, и обращаемся к нашим мадридским братьям, чтобы сказать: не сдавайтесь! Милиции Каталонии смогут выполнить свой долг, как и в те дни, когда все разом вышли на улицы Барселоны, чтобы покончить с фашизмом.

Рабочие организации не должны забывать о настоятельном долге в эти моменты. На фронте, как и в траншеях, живут лишь одной мыслью, одной целью. Взгляд устремлён только вперёд, с единой целью — победить фашизм.

Мы просим народ Каталонии покончить с интригами, с внутренней борьбой; станьте выше обстоятельств; оставьте склоки и политику и думайте о войне! Долг народа Каталонии — соответствовать усилиям тех, кто сражается на фронте. Нет иного выхода, все должны быть мобилизованы! И пусть не думают некоторые, что будут мобилизованы, как всегда, другие. Если трудящиеся Каталонии должны взять на себя ответственность бороться на линии фронта, пришёл момент каталонскому народу потребовать жертвы от жителей городов. Необходимо эффективно мобилизовать всех трудящихся тыла, потому что мы, уже сражающиеся на линии фронта, хотим знать имена тех, кто стоят позади нас.

Пусть сейчас никто не думает ни об увеличении заработка, ни о

---

203 Маркос Алькон, письмо автору.

204 Прим. ред.: Пиларика — в народе, название Сарагосы, от испанского pilar — колонна, остов).

снижении продолжительности рабочего дня. Долг всех рабочих, в особенности членов НКТ, — жертвовать собой, работать по мере необходимости.

Я обращаюсь к организациям и прошу их оставить споры и взаимные подножки. Мы — фронтовики — просим об искренности, а особенно просим об этом НКТ и ФАИ. Мы просим руководителей быть искренними. Эта война ведётся при отягчающих обстоятельствах современной войны, и Каталония платит большую цену. Руководители должны понять: если эта война затянется надолго, нужно приступить к организации экономики Каталонии.

Если правда то, что борьба идёт за высшие цели, вам докажут это "милисьянос", которые краснеют, когда видят в прессе сообщения о сборе средств для них, когда видят эти листовки с просьбами помощи для них. Они краснеют, потому что, когда пролетают фашистские самолёты, они сбрасывают фашистские газеты, в которых можно прочесть о таких же сборах средств и таких же советах.

Если вы хотите устранить опасность, всем нужно создать гранитный забор.

Мы, сражающиеся на фронте, хотим иметь позади себя ответственных людей и гарантию. Мы требуем, чтобы именно организации заботились о наших жёнах и наших детях.

Если декрет о милитаризации был принят для того, чтобы насадить железную дисциплину, то тут совершена ошибка, и мы приглашаем тех, кто составил этот декрет, прийти к нам и посмотреть на наши моральные устои и нашу дисциплину, и потом мы сравним её с моралью и дисциплиной в тылу.

Можете быть спокойны: на фронте нет ни хаоса, ни нарушений дисциплины. Мы все несём ответственность и осознаём ценность доверенного нам. Можете спать спокойно. Но мы покинули Каталонию и доверили вам экономику. Возьмите на себя ответственность, будьте дисциплинированными. Давайте не будем нашей безответственностью провоцировать кроме этой войны, ещё одну гражданскую войну… уже между нами.

Если каждый из вас думает, что его партия — наиболее мощная для того, чтобы диктовать свою позицию, то ошибается, потому что перед лицом фашистской тирании мы должны противопоставить

одну силу, должна существовать одна организация, с единой дисциплиной.

Ни за что на свете фашистские тираны не пройдут по нашей земле. Это наш фронтовой лозунг. Мы говорим им: “Не пройдёте!” А вам: “Они не пройдут!”»[205]

Речь Дуррути имела, как все его выступления, двойной эффект: рабочим ещё раз было доказано, что Дуррути не изменял своей революционной сущности; а что касается бюрократов и политиков, их представления освежились — в том смысле, что если было много таких, как Дуррути, то, что бы они ни предпринимали, революционеры возьмут верх. Как говорят в народе, имея в виду неразрешённую ситуацию, «мяч всё ещё лежит на крыше».

Что касалось Мадрида, то там «мяч тоже всё ещё лежал на крыше». 4–5 ноября колонны фашистов приближались к Мадриду. Генералу Вареле были сданы населённые пункты: Леганес, Алькоркон и Хетафе. «Хунта де Бургос» (иными словами, правительство, сформированное фашистами) была уверена в сдаче Мадрида и уже приготовила список деятелей для будущего управления столицей Испании. Мартинес Анидо, занимавший в Хунте пост министра внутренних дел, заявил, что в Валенсии, Мадриде и Барселоне вместе взятых будут расстреляны два миллиона «красных». Но ни заявления Мартинеса Анидо, ни пушечные раскаты возле Мадрида не явились причиной психологического феномена среди «милисьянос». До сих партизаны, хотя и сражались храбро, терпели поражение от современно вооружённой армии фашистских генералов. И бежали, бежали, воображая какую-то чудесную преграду, которая вдруг встанет между атакующими и обороняющимися. В таком бегстве они подошли к Мадриду, и отступать уже было некуда... А кроме того, перед ними вставал невозможный сценарий: женщины, дети, старики бросились на строительство баррикад, что означало: никто не собирался покидать Мадрид.

Такая массовая реальность, казалось, служит упрёком всем беженцам. Все силы, которые до этого отступали, приготовились к сопротивлению. А так как нужно было умереть, то лучше было

205 Solidaridad Obrera, 5 ноября 1936 года. Обращение произнесено с радиостанции «Радио Барселоны», Барселона.

умереть, убивая. Ожидаемое чудо наступило.

В зале Совета Министров царила паника. Ларго Кабальеро, приняв патетическую позу, предложил немедленное отступление в Валенсию. Это было первое заседание Совета Министров с участием конфедеральных министров НКТ. Приступить к карьере министров, поспешно покидая Мадрид, никому не представлялось хорошим началом деятельности: ни министрам НКТ, ни даже умеренным. Все они, согласившись вступить на эти посты, переживали внутренний раскол; даже Пейро позднее напишет, что «для НКТ, перед тем как пойти на такие меры, существовал другой выход». Кроме того, они знали: их назначение подняло много шума в рядах НКТ, потому что проведённая процедура была не совсем правильной. А если ко всему этому добавить бегство из Мадрида, то они знали: простые члены организации никогда не простят им. Впоследствии НКТ для оправдания своего входа в состав правительства заявила: «Мы абсолютно уверены: товарищи, избранные для того, чтобы представлять НКТ в правительстве, смогут выполнить свой долг и справятся с возложенной на них миссией. В них нужно видеть не простых людей, а бойцов, революционеров на благо победы антифашизма...»[206].

Бойцы и революционеры после первой атаки покидали поле боя, участвуя в карнавале вместе со всеми персонажами, крупными и мелкими, которые при залпах пушек не знали куда себя девать от страха? Ни за что!

«Уйти? Нам? — задал вопрос Гарсия Оливер в адрес Ларго Кабальеро от имени четырёх членов организации. — Но мы только что прибыли! Нет! Правительство должно оставаться в Мадриде, а министры, как истинные уполномоченные комиссары, должны вдохновлять всех на борьбу и даже сражаться на баррикадах».

Все без исключения министры, и среди них — коммунисты с ужасом посмотрели на этого безумца, который просил их выйти на баррикады... Затем они обратили свой взгляд на премьер-министра: выражение его лица ясно говорило об раздражении. Ларго Кабальеро опять взял слово, призывая министров от НКТ «вести себя разумно». Гарсия Оливер подтвердил ранее сказанное, его позиция ставила

206 Solidaridad Obrera, 5 ноября 1936 года.

правительство в мёртвую точку. Что делать? Ларго Кабальеро предложил четверым министрам НКТ переговорить наедине: он повторил: голосование должно быть единогласным. Четвёрка министров НКТ покинула зал, чтобы посоветоваться в отдельном помещении.

Все поддерживали уже высказанную позицию, она не подлежала изменениям. Однако, так как необходимо было найти выход из создавшейся ситуации, решили позвонить в Национальный комитет НКТ, чтобы посоветоваться с организацией. Орасио М. Прието ответил: «Не сдавать позиции, но, если создастся угроза кризиса, уступить...» Вновь Гарсия Оливер подтверждает указанную позицию, Ларго Кабальеро отвечает; переговоры зашли в тупик... В помещении сгустился воздух... Как покончить с этими сумасшедшими из НКТ? Министры выходили из себя, и представители партии Мануэля Асаньи уже в полный голос упрекали Ларго Кабальеро в том, что он ранее настойчиво требовал включения анархистов в правительство.

«Смотрите, каких невменяемых вы ввели в кабинет!»

Опять министры, члены Конфедерации, уединились на совещание. Снова позвонили Орасио М. Прието, он на этот раз ответил:

«Голосуйте “за” и потом сразу же возвращайтесь в Мадрид».

Когда Гарсия Оливер встал, чтобы сообщить о результате совещания, воцарилось глубокое молчание. Тишину нарушило его заявление: «НКТ — за эвакуацию правительства». В зале ясно послышался всеобщий вздох облегчения[207]. С того самого момента всё завертелось в сумасшедшем ритме. Одержимость была общей: уехать, и как можно скорее.

Обстановка на улицах города контрастировала с жалкой атмосферой заседания Совета Министров. НКТ и ВСТ опубликовали манифест, который вкратце выражал: «Свобода или смерть!» Радиостанции по нескольку раз передавали импровизированные выступления, призывающие к обороне. В городе выступали ораторы, они горячо убеждали взять в руки оружие, и многие требовали выдать им винтовки. Энтузиазм превратился в коллективную горячку, и когда дело доходит до этого, идёт в расчёт не отдельно взятый человек,

207 Тема эвакуации правительства из Мадрида и позиция министров НКТ описаны на основе информации, предоставленной автору Федерикой Монтсени.

а вся толпа. Дыхание было единым, общим, потому что в воздухе предчувствовалась угрожающая всем погибель.

Как только начало темнеть, правительство организовало свой побег; причём это было не организованной эвакуацией, а настоящим бегством. Ларго Кабальеро приказал командующему его Главного штаба передать необходимые приказы генералу Миахе, которого назначили ответственным за площадку Мадрида, а генерала Посаса — за армию Центра. Эти приказы в письменном виде были запечатаны в отдельные конверты с сургучными печатями и сопровождались инструкцией: «Не открывать ранее 6 часов утра 7 ноября».

Правительство бежало по шоссе на Валенсию, через Таранкон — посёлок, расположенный в 40 км от столицы. Там находились остатки подразделения, которое вело бои в Сигуэнсе. Ответственным делегатом там был анархист Вильянуэва. Ни он, ни его люди не знали ничего о том, что происходило в Мадриде, но ранее получили строгие приказы от Комитета обороны: препятствовать выезду автомобилей из столицы и обезоружить всех проезжающих через этот контрольный пункт.

«Из Мадрида выезжает длинный караван машин. В них едут трусы, бегущие от опасности. В Таранконе “милисьянос” с винтовками в руках останавливают автомобили. Между ними происходит такой диалог:

— Куда вы направляетесь?

— В Валенсию.

— Зачем?

— Спецзадание!

Именно сейчас время для спецзаданий. Все слабые духом нашли для себя особое задание. “Милисьянос” не уступают:

— Вы — трусы! Возвращайтесь в Мадрид!

Некоторые, пристыжённые, поворачивают назад. Другие настаивают на проезде.

— Ладно, только оставьте оружие. В Валенсии оно вам ни к чему.

В одном из автомобилей подъезжает Педро Рико. Он сидит в машине сжавшись в комок, на лице — паника. “Милисьянос” смеются над ним:

— И ты хочешь сбежать, трус!”
Педро Рико — мэр Мадрида. Он пытается оправдаться, но один из “милисьянос” перебивает:
— Нам надо бы поставить тебя лицом к стенке!

Ему удаётся сбежать. Разворачивается к Мадриду, вслед ему слышны смех и язвительные шутки. Когда он прибудет в город, попросит убежищеа в одном из иностранных посольств.

Глубокая ночь. Хосе Вильянуэва командует контрольными группами. Это худощавый, решительный человек. Он сражался в гарнизоне Монтанья, в Гвадалахаре и Сигуэнсе. Когда рассветёт, он отправится со своими бойцами к Мадриду для поддержки в его обороне. Он будет сражаться в Каса дель Кампо и погибнет в суровой битве при Теруэле.

Подъезжает караван машин. “Милисьянос” останавливают их. Слышен крик:
— Пропустить! В автомобилях едут министры!

Все пассажиры должны выйти из машин. Один из них подходит к Вильянуэве:
— Это недопустимый произвол. Я — министр иностранных дел и направляюсь в Валенсию.

Вильянуэва отвечает:
— Ваш долг министра — быть рядом с народом в тяжёлые для него моменты. Ваше бегство деморализует бойцов.

Обнаружили ещё троих или четырёх министров. Речь идёт о коммунистах Хосе Эрнандесе, Висенте Урибе, и также с ними Хуан Лопес — министр от НКТ. Вильянуэва забирает у них оружие и проводит в отдельную комнату. Один из них с испугом спрашивает:
— Что вы будете делать?
— Если бы зависело от меня, — отвечает Вильянуэва, — то я повёл бы завтра всех вас вперёд, в атаку...
— Это варварство!
— Хуже было бы поставить вас к стенке — именно этого вы заслуживаете»[208].

Сиприано Мера, следовавший через Таранкон в Мадрид, остановился там, чтобы поговорить с Фелисьяно Бенито (тот

208 Эдуардо де Гусман. Указ. соч.

возглавлял командный пункт в этом посёлке), но там ему доложили, что Фелисьяно выехал по требованию Эдуардо Валя в Мадрид. Именно тогда он решил узнать у Вильянуэвы, что нового:

«Вильянуэва сообщил мне, что арестовал несколько человек, бежавших из Мадрида в Валенсию: генерала Асенсио[209], заместителя секретаря Министерства обороны; социалиста Альвареса дель Вайо — государственного министра; нашего товарища Хуана Лопеса — министра торговли; генерала Посаса, который сказал, что ему приказано установить командный пункт в самом Таранконе[210], и ряд других...

(…)

Там я вышел на связь с Валем, в Мадриде... рассказал ему о совершённых арестах и спросил, что делать с задержанными... Валь ответил, что немедленно выезжает в Таранкон.

(...)

Где-то в два часа ночи в Таранкон прибыл товарищ Валь вместе с генеральным секретарём НКТ Орасио М. Прието, который тоже был одним из эвакуирующихся (...) Валь сказал нам, что в связи с положением, в частности в Мадриде, каждый должен занять соответствующий пост. Иными словами, он говорил об арестованных деятелях; пусть они едут в Валенсию — там теперь будет находиться кабинет министров. Кроме того, он информировал нас о том, что товарищи, представляющие нас в правительстве, высказались против эвакуации из Мадрида и переезда в Валенсию, но ввиду того, что большинство придерживались другого мнения, нужно было согласиться с ними. Он добавил:

209 Генерал Хосе Асенсио был заместителем секретаря Министерства обороны. Не надо путать этого генерала с генералом Асенсио, который осаждал Мадрид. Необходимо иметь в виду это разъяснение, чтобы избежать ошибок в толковании на последующих страницах.

210 Генерал Себастьян Посас Переа был командующим армии Центра, и Министерство обороны приказало ему организовать Главный штаб в Таранконе; об этом не знал Вильянуэва. Наверное, перед тем, как обосноваться в Таранконе, генерал намеревался поехать в Валенсию, в противном же случае ему необходимо было обратиться к Фелисиано Бенито (НКТ), военачальнику плацдарма Таранкона, однако он не сделал этого.

— Так что, товарищи, опять нам придётся уступить. Пусть едут»[211].

Важность только что поведанного эпизода состоит в том, что в нём выделяются факты несоблюдения дисциплины, благодаря которым Мадрид был спасён. Это ясно указывает, что в реальной жизни люди не могут вести себя как автоматы, они обязаны думать. Вернёмся к ранее описываемым событиям.

Миаха получил приказ не открывать конверт ранее, чем в 6 часов утра 7 ноября. То было явно абсурдное распоряжение, принимая во внимание ситуацию в Мадриде и новый пост генерала Миахи, который он должен был немедленно занять. Этот офицер ничего не предпринимал — проклятый конверт так и оставался нераспечатанным. Но наконец он решил, что его пассивность не имела никакого смысла, когда уже шли бои в Карабанчеле, и в любой момент фашисты могли прорвать оборону и занять Пласа дель Соль. Тем временем Миаха назначил Висенте Рохо Луча командиром своего главного штаба. Однако по его первым шагам уже можно было судить о полнейшем беспорядке: никто ничего не знал, и даже с точностью не было известно о местонахождении защитников Мадрида. Нужно было организовать всё с нуля. Ввиду создавшейся ситуации Миаха не стал ожидать и в 23:00 открыл упомянутый конверт. К его великому удивлению, письмо в конверте предназначалось не для него, а для генерала Посаса. Таким образом, генерал Посас также получил не тот конверт. Но где же был Посас? Посас находился в Таранконе, под арестом Вильянуэвы, но Миаха ничего не знал об этом. И именно тогда — после того, как Сиприано Мера сообщил Эдуарду Валю, что Вильянуэва задержал генералов Асенсио и Посаса, — Валь, с целью информировать Миаху о случившемся, также довёл до его сведения, что Посас находился в Таранконе. Благодаря инциденту Миаха смог обменяться конвертами с Посасом[212].

---

211 Сиприано Мера. «Война, ссылка и тюремное заключение одного анархо-синдикалиста» (Guerra, exilio y cárcel de un anarcosindicalista). Париж, 1975. Во французском издании мы используем неизданный текст Сиприано Меры. Сейчас мы пользуемся его «Мемуарами», уже вышедшими в свет; это приводит к изменению в стиле, но смысл от этого не страдает.

212 Висенте Рохо. «Так мы защищали Мадрид» (Así fue la Defensa de Madrid). Мексика: изд-во Era, 1967. В этой книге рассказано о подробностях с конвертами.

В ту ночь 7 ноября борьба была суровой, и впервые «милисьянос» сражались упорно, не отступая. По громкоговорителям передавались обращения к бойцам, вдохновлявшие их: «Мадрид станет могилой фашизма». Местная профсоюзная федерация НКТ по радио передала призыв:

«Мадрид, свободный от министров, уполномоченных и “туристов”, чувствует себя уверенным в своей борьбе (...). Народ, мадридский рабочий класс не нуждается во всех этих туристах, которые отправились в Валенсию и Каталонию. Мадрид без министров станет могилой фашистов. Вперёд, “милисьянос”! Да здравствует Мадрид без правительства! Да здравствует социальная революция!»

В Валенсии заявление НКТ и ФАИ звучало ещё более радикально:

«Наш очаг, наш хлеб — женщинам, детям, старикам и раненым Мадрида. Но трусам и дезертирам, прогуливающимся в Мадриде, щеголяя оружием, — наше презрение. Товарищи, объявим им бойкот и превратим их жизнь в ад!»[213]

Реакция НКТ в Мадриде, Валенсии и Барселоне отвечала революционному настроению самого народа, который во время всех ключевых моментов истории занимает более левую позицию, чем его руководители.

Именно в этой атмосфере всеобщего недовольства Дуррути обратился по радио к народу (мы привели его речь в тексте). Его настроение совпадало с настроением рабочих масс, и такое совпадение могло лишь способствовать более радикальной позиции народа. За несколько часов популярность Дуррути стрелой поднялась вверх, превращая его в деятеля, разделяющего мысли простых людей. Дуррути говорил вслух о том, что чувствовал рабочий класс: «Война, которую мы сейчас ведём, служит для подавления противника на линии фронта. Но только этого противника? Нет! Враг также тот, кто препятствует революционным завоеваниям, и кто находится среди нас; его тоже надо разрушить».

Многие использовали те же самые слова и выражения, что и Дуррути, но имелось одно различие, и народ уловил его. У Дуррути теория и практика шли бок о бок. Дуррути говорил «нет» милитаризму и оставался верен этому принципу, не маскируясь в военного. Он

213 А. и Д. Прудомо. Указ. соч.

говорил «нет» привилегиям и жил среди «милисьянос» как один из них. Он боролся за бесклассовое общество, и каждодневная жизнь в его колонне более всего соответствовала этой модели. Авторитет Дуррути заключался в его последовательности революционера.

ГЛАВА XVIII.
ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ МАНСАНАРЕС

В этой главе, как и в других, описывающих жизнь Дуррути, мы приведём противоречия информантов о его деятельности в Мадриде. Первая неточность заключается уже в определении точного дня и способа прибытия колонны «Дуррути» в Университетский городок. Эта неверная информация не была бы столь значительной, если бы за ней не стоял политический интерес. Тот факт, что Колонна «Дуррути» вошла в Мадрид 13 ноября 1936 года, очень важен для сторонников странной теории: атакующие Мадрид смогли вступить на территорию Университетского городка по той причине, что каталонские анархисты из Колонны «Дуррути» «испугались натиска противника и дали ему продвинуться». Признавая достоверность этого факта, «приходят к выводу, что действия конфедеральных милиций в Мадриде были негативными, и в результате сопротивление захватчикам оказали Интернациональные бригады и Пятый полк, иными словами — Коммунистическая партия Испании». Такое заключение можно найти в исследованиях неисчислимых «объективных историков», в их уже ставших «классическими» произведениях. Но а если Колонна «Дуррути» действовала бы в Мадриде не в упомянутый день, а после полночи 15 ноября, то есть в первые минуты 16 ноября 1936 года?

Эта простая информация вынудила бы проверить — при наличии исторической честности — всё, что было написано на эту тему, и найти других ответственных за упомянутый «просчёт». Становится более чем очевидно, что такого рода исследование уже ставит под сомнение «героическую легенду о генерале Кеблере» и ту решающую роль, которую желают придать «пикетам Пятого полка», когда необходимо обратить большее внимание на оставшихся неизвестными рабочих, членов Профсоюза строителей, истинных героев обороны Мадрида. Мы намерены предпринять ревизию истории, заинтересованную в создании мифов. Мы, как иконоборцы, не принимаем вымыслы.

Перед тем как определить, каким образом Колонна «Дуррути» продвигалась к Мадриду, нам представляется благоразумным

собрать некоторые данные в отношении Колонны и затем привести ряд фактов, связанных с обстановкой в столице в период с 10 по 15 ноября.

3 ноября Регуларес под командованием Ягуэ (одна из колонн, атаковавших Мадрид) заняли Хетафе, расположенный в 13 километрах от столицы. Затем они продвинулись вплоть до первых домов посёлка Карабанчель Альто и расположились там. Ларго Кабальеро не хотел выезжать из Мадрида до тех пор, пока НКТ не войдёт в состав правительства. Он спорил по этому вопросу с Мануэлем Асаньей и почти настоял на своём мнении, заставляя его пойти на попятную о вопросе входа НКТ в правительство. 4 ноября в состав второго правительства Ларго Кабальеро входило четверо министров от НКТ. 5 числа Ларго Кабальеро ставит вопрос об эвакуации правительства из Мадрида, и 6 ноября все министры выезжают в Валенсию. Генералу Миахе поручена оборона испанской столицы. Этой же ночью Миаха назначает подполковника Висенте Рохо командующим Главным штабом. Так приступили к обороне столицы, используя все бывшие под рукой средства для противостояния колоннам повстанцев. С другой стороны, дополняя военную оборону, росло сопротивление жителей Мадрида. Вместе с тем, как видно из последующего повествования, тут зарождается легенда:

«На рассвете 8 ноября части генералов Варела и Ягуэ перешли в наступление. Колонна Асенсио — в направлении Каса де Кампо, — а также колонна под началом Кастехона (которого впоследствии ранило) и части Дельгадо Серрано; тем временем военачальники Телья и Баррон совершали диверсионный натиск в направлении мостов Толедо и Сеговиа. В тот момент XI Бригада интернационалистов маршировала по Гран Виа в сопровождении неистовых оваций. В её состав входили: батальон «Эдгар Андре́» (немецкий), «Парижская Коммуна» (французский) и «Домбровский» (польский); начальником Бригады был генерал Клебер, комиссаром — Николетти (Де Витторио); итого — приблизительно две тысячи человек. Части заняли позиции в Парке дель Оэсте, но ряд подразделений зашли в Каса дель Кампо, где натиск противника был жестоким, а вражеские самолёты не прекращали бомбардировки.

Однако атака Варелы не достигла намеченных целей: единственное, чего добились его колонны, — это продвинуться на участке Каса дель Кампо.

На следующий день на этом участке принял командование сам Мола. Его подразделения, занявшие в Каса дель Кампо важную позицию на холме Гарабитас, где установили артиллерийские орудия для обстрела Мадрида, подошли к Мансанарес по Французскому мосту — Пуэнте-де-лос-Франсесес».

Этот избитый шаблон, который нам предлагает Туньон де Лара[214], не принадлежит ему самому, а скопирован у других авторов, так же, как и другие копировали его самого. И так будет продолжаться описание исторических фактов о сопротивлении Мадрида в те первые сорок восемь часов. В общих чертах описание верно, единственное, в чём ошибка, — так это в теме XI Интернациональной бригады. К счастью, подполковник Висенте Рохо в точности излагает, в каком месте находился Клебер с его бойцами:

«Что бы ни писали, более или менее одинаково, во всех книгах об этих фактах, или же рассказывали новоиспечённые журналисты с парапетов мадридских отелей, они ещё тогда объявили о неизбежной сдаче Мадрида; но правда то, что Клебер и его люди (которые несколько дней спустя мужественно и эффективно проявили себя вместе с другими двадцатью или двадцатью пятью тысячами человек, уже вставшими на защиту города) в тот день просто загорали на солнышке в одном из сёл долины Тахо или Тахунья, куда даже и не доносилось эхо сражения...; и что автор этих строк не встретился ни с Берзином, ни с Клебером или генералом Миахой ни 8, ни 10, ни 12 (даты, приведённые Хьюгом Томасом на 271 странице), ни в другой, для того чтобы узнать о пункте, где нужно ожидать повторную атаку на день, как утверждают столицу»[215].

Только 12 ноября XI Интербригада займёт позиции и, несмотря на храбрость в бою, отступит на линии фронта, которая станет ахиллесовой пятой Университетского городка:

«Именно 13 ноября колонна противника смогла установить первое укрепление на реке Мансанарес, между “Французским мостом” и

214 Мануэль Туньон де Лара. Указ. соч.

215 Висенте Рохо. Указ. соч.

Ипподромом; мятежники заняли линию фронта приблизительно в тысячу метров, хотя и не переправились через реку. Со своей стороны, 4-я Колонна смогла продвинуться к западу и северу, не дойдя до ограды. В этих боях храбро сразилась XI Интербригада»[216].

Сразилась храбро, однако отступила, в чём нельзя упрекнуть XI Бригаду, но этот факт превратился бы в тяжкое обвинение, если бы речь шла о воинских частях, принадлежащих к другой политической тенденции. Каковы же первые упоминания историков о присутствии Колонны «Дуррути» в Мадриде? Роберт. Г. Колодни весьма ярко описывает её:

«14 ноября в Мадрид вошла Колонна “Дуррути”, сформированная из каталонских анархистов. Три тысячи бойцов, хорошо вооружённые, одетые в прекрасную военную форму, маршем прошли по Гран Виа, вызывая своим воинственным видом такие же воодушевлённые возгласы, с какими горожане приветствовали Интернациональную бригаду шесть дней тому назад. Рохо и Миаха также радостно приветствовали прибытие суровых каталонских бойцов. Им трудно было тогда представить, что каталонцы вскоре понапрасну растратят всё, что с таким трудом завоевали “милисьянос” Мадрида и интернациональные батальоны.

Гарсия Оливер, анархистский министр юстиции, сопроводил Дуррути в Министерство обороны, где тот встретился с генералом Миахой и подполковником Рохо. Лидеры анархистов попросили, чтобы Колонне “Дуррути” назначили отдельный участок линии фронта, во избежание в будущем присвоения другими их побед. Миаха принял предложения и отдал Дуррути ключевую позицию — Каса де Кампо.

Дуррути сказал, что спасёт Мадрид, чтобы вернуться к сражениям у стен Сарагосы. Он принял решение атаковать повстанцев утром и отбросить их с позиций, на которых они ещё находились в Парке. Анархистский командир запросил у Интернациональных бригад военного советника. Этот пост был занят Санти — членом Главного штаба Гориева.

15 ноября Дуррути запросил, чтобы вся авиация и артиллерия города поддержала действия Колонны. Мадридское командование

216 Там же.

сконцентрировало всю артиллерию, распределённую в различных районах города, и те немногие самолёты, находившиеся в распоряжении Главштаба, прикрывали каталонцев. Но пулемётный огонь фашистов деморализовал анархистов, и они, несмотря на угрозы их мужественного командира, отказались пойти в атаку[217].

Дуррути, рассерженный и сконфуженный, пообещал Миахе, что на следующий день возобновит наступление. Председатель Хунты обороны Мадрида совершил трагический просчёт — он позволил каталонцам остаться в Каса дель Кампо, на участке напротив Университетского городка»[218].

Роберт Колодни после акклиматизации на «библии» от Кольцова в совершенстве владеет техникой фантастического повествования. Путает и намеренно смешивает события, а также людей. Так, воинственно марширующие бойцы входили в состав Колонны ОСПК «Либертад-Лопес Тьенда»; эта часть хотя и была сформирована каталонцами, но не в Колонну «Дуррути», которая (как мы далее увидим в последующей главе) в тот день, 13 ноября, всё ещё находилась в Барселоне и 15 ноября, в день, когда «каталонцы понапрасну растратили всё, что с таким трудом завоевали “милисьянос” Мадрида и интернациональные батальоны», в Мадриде находились не «каталонские анархисты», а марксисты из ОСПК, что мы сейчас и докажем.

В предыдущей главе мы писали, что Департамент обороны Женералитат созвал командиров колонн на заседание, чтобы обсудить, как помочь обороне Мадрида. На этом собрании постановили, что Дуррути обратится по радио к трудящимся Испании. 4 ноября Дуррути выступил с речью и затем вернулся в Арагон. Но 11 ноября Департамент обороны вновь организовал заседание военачальников, о котором мы подробно расскажем в следующей главе. Между тем произошло много важных событий, на которых основывается целый ряд предвзятых «недоразумений», касающихся «переправы через реку Мансанарес».

В те дни Коммунистическая партия (в Каталонии — ОСПК) уже

---

217 Колодни буквально воспроизводит текст Кольцова.

218 Роберт Г. Колодни. «Осада Мадрида» (El Asedio de Madrid). Париж: изд-во Ruedo Ibérico, 1970.

вела жёсткую борьбу против НКТ, под мудрым руководством ГПУ, которое в Барселоне возглавлял «Педро»[219].

Одним из таких советов был опередить направление бойцов в Мадрид, следуя решению, принятому Департаментом обороны Женералитат. А это, согласно советнику-коммунисту, делалось намеренно, чтобы нейтрализовать влияние возможного прибытия в столицу Дуррути[220] с его «милисьянос».

ОСПК организовала, или точнее сказать, импровизировала колонну, которую назвали «Либертад-Лопес Тьенда». Один из участников этой колонны разъяснит нам раз и навсегда тему о переправе через Мансанарес:

«Колонна "Либертад-Лопес Тьенда", организованная в срочном и поспешном порядке в казарме, контролируемой ВСТ-НКТ, вышла из Барселоны на Мадридский фронт 9 ноября, согласно запросу высылки подразделений со стороны Министерства обороны Мадрида, ввиду сложившихся военных обстоятельств; она в основном состояла из

219 «Педро», также известный под именем Эрнё Герё, вместе с Тольятти (Эрколи) и Кодовилой (Мединой) — так называемая «тройка», руководящая марионетками Политического Бюро КП, в частности другой «тройкой»: Эрнандес — Ла Пасионария («Неистовая») — Урибе, потому что генеральный секретарь Хосе Диас, экс-анархист, был осуждён за его «первородный грех». «Педро» в 1956 году находился на родине, в Венгрии, во время народного восстания. В те времена в Испании именно он руководил всей политикой ОСПК и подготовил сталинистскую провокацию майских событий 1937 года. По словам Р. Кабрера Пальяса, который сам себя представляет, с 19 июля 1936 года до 1937-го членом Военно-политической комиссии ОСПК не кто иной как «Педро», послужил причиной физического устранения в СССР Антонова-Овсеенко. Всё это произошло, согласно Кабреру, в силу следующих обстоятельств: в России существовало две тенденции: те, кто подпевал Сталину и те, кто стоял за революционный интернационализм. Кабрер пишет, что эта последняя тенденция хотела, чтобы к «берегам Испании было отправлено всё полезное и необходимое снаряжение для передовой линии сопротивления нацизму (...). Сталин и его корифеи предпочитали, чтобы суда были затоплены, чтобы таким образом в Барселоне, Валенсии или Картахене не узнали бы о металлололме, посылаемым им великой советской пропагандой, всегда основанной на обмане». Таким образом, Овсеенко, на которого донёс «Педро», так как «чётко понял игру Сталина в Испании», был ликвидирован вместе со многими другими во время длительных процессов 1937 года. (Хауме Миравитлес. Указ. соч.).

220 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч. На первом заседании Департамента обороны Женералитат говорили о целесообразности послать Дуррути в Мадрид.

следующих элементов:
— большинство членов марксистских партий (или, по крайней мере, имеющих членский билет ВСТ или ОСПК);
— остатки других ранее существовавших колонн той же тенденции и истоков, которые рассеялись на Арагонском фронте, а затем вернулись в Барселону и вошли в состав новых колонн;
— личный состав резервных подразделений 1935 года и ему подобных, которые при распаде армии в июле 1936 года не смогли вернуться к своим семьям и бродили по Барселоне; они вошли также в эту Колонну; кроме того, в силу заранее известной новости, что будет произведён набор запасников, чтобы обнаружить в них ранее служивших офицеров;
— группа профессиональных офицеров (...), которые в силу опасного характера пребывания в Барселоне, не имея никаких документов, кроме военных (в те дни это было подозрительно), склонились к участию в этой Колонне. ВСТ, со своей стороны, не воспрепятствовала такому пополнению, — быть может, потому, что в них была нужда, или по приказу Лопеса Тьенды, который пользовался среди этих офицеров некоторым престижем.

Как уже было сказано, колонна организовалась поспешно и была разделена на батальоны (...). Её личный состав имел немногим более 2500 человек. Почти все батальоны, центурии и подразделения возглавлялись профессиональными военными.

Бойцы не получили никакой военной подготовки. Им выдали военное снаряжение и обмундирование, довольно посредственные. (Но их не вооружили, хотя они и получили оружие по дороге к Мадриду.) Это была первая военная структура и, я думаю, единственная, которая имела нашивки офицерских чинов (то есть звёзды)».

В Валенсии эта колонна получила чешское военное оружие и довольно малое количество боеприпасов:
«Колонна проследовала к Альбасете, где, как указали Лопесу Тьенде в Валенсии, её снаряжение будет пополнено».

Согласно свидетельству, в Альбасете им не выдали никакого оружия, но обязали офицеров поменять «звёзды» на «полоски», которые являлись новым отличительным знаком армии в процессе формирования.

После ряда непредвиденных обстоятельств на пути из Альбасете в Мадрид часть колонны рассеялась(...).

После постоянных сообщений в адрес Лопеса Тьенды от его прямых командиров — Миаха и Рохо — на следующий день, 13 ноября с утра, колонна промаршировала по мадридской Гран Виа, сопровождаемая овациями публики, приветствующей «каталонцев — защитников Мадрида!» (...) Сразу же после полудня эта колонна заняла позиции на высотах Монклоа-Парке-дель-Оесте, а именно — в траншеях, заранее вырытых на всю длину Пасео-де-Морет-и-Росалес.

«Весь день 14 ноября колонна не была задействована. (Но) Лопесу Тьенде и его прямым сотрудникам пришлось поработать. Как точно отмечает господин Мартинес Банде[221], тот получил приказ отдать свою колонну под начало Дуррути, который подошёл с основным составом своей колонны (эта точно состояла из анархо-синдикалистов) с линии фронта Арагона; наверняка колонна “Паласиос” получила такое же распоряжение. Однако этот приказ остался на бумаге. Колонна “Либертад-Лопес Тьенда” не подключилась к частям под началом Дуррути (...). Личное несогласие Лопеса Тьенды подчиниться Дуррути, что означало отречение от единого командования в “его Колонне”; недовольство профессиональных военачальников исполнять приказы командира милиций; и категорический и абсолютный отказ комиссаров и (марксистской) части колонны слушаться такого анархиста, как Дуррути, послужили причинами неисполнения этого распоряжения, и, таким образом, Лопес Тьенда продолжал получать приказы непосредственно от Хунты обороны, то есть от Рохо и Миахи».

Откроем здесь скобку:

Дуррути оставил своих людей в Валенсии и, чтобы выиграть время, отбыл вместе с Мансаной, Йолди и наверняка Гарсией Оливером в Мадрид. Скорее всего, он объявил о прибытии своей колонны, и, так как Рохо планировал контратаку на 15 ноября на рассвете, а Дуррути приезжал в Мадрид в качестве генерального делегата каталонцев, Рохо в его приказе (отданном 14 числа, как правильно указывает Мартинес Банде, включил колонну «Либертад — Лопес Тьенда» в

221«История и жизнь» (Historia y Vida). № 31, октябрь 1970 — статья Мартинеса Банде о Дуррути во время обороны Мадрида.

содержание обязанностей Дуррути. Но так как уже замечено: Лопес Тьенда и марксисты из состава колонны не захотели подчиниться командованию анархиста, и так как, кроме того, как мы рассмотрим далее, колонна «Дуррути» вошла в Мадрид утром 15 ноября и не приступила к сражениям вплоть до рассветных часов 16 числа, всё это позволяет прийти к выводу, что ни Дуррути, ни его колонна не имели ничего общего с событиями 15 ноября. Иными словами, когда фашисты под началом генерала Асенсио переправились через Мансанарес. Банде категорически утверждает следующее:

«15 ноября командиры колонны получили приказ от Лопеса Тьенды: “Продвигаться вперёд и занять позиции по всей длине берега реки Мансанарес, в частности перед Французским мостом”, где повстанцы отчаянно атаковали с целью установить предмостное укрепление, что позволило бы им стремительно продвинуться и затем войти в город. У них были в наличии, согласно приказу, мощные контингенты авиации, бронемашины и подразделения марокканцев. Нельзя было позволить им пересечь реку в любой точке, и менее всего — по мосту.

На плане Мадрида отметили позиции, которые приблизительно должен был удерживать каждый батальон. Пересекли территорию Парке дель Оесте очень комичным и абсурдным с военной точки зрения образом (не надо забывать, что, несмотря на командование профессиональных военных, у колонны не имелось никакой военной подготовки), что привело к первым потерям ещё до занятия намеченных позиций.

Нет никакого сомнения ни в энергичных атаках мятежников, ни в твёрдом закреплении на местности и обороне республиканцев. Действительно, имея в виду опасность, что во время одной из атак фашисты достигнут своей цели, был отдан приказ взорвать Французский мост, предварительно уже обложенный динамитом. Я могу свидетельствовать, что в момент совершения подрыва почти на середине моста находились два танка с марокканцами на борту, готовые форсировать прорыв, так как это позволял слабый огонь республиканских частей, ввиду скудости снаряжения и оружия, а со стороны артиллерии имелось намерение сражаться не на том же участке фронта, а против частей, находившихся в Каса дель Кампо.

Странное, анекдотичное происшествие; небольшая группа Гражданской гвардии (в те дни — Национальной гвардии), занимавшая позиции на правом фланге этой колонны (Лопеса Тьенды), немного ранее до подрыва моста и в передышке между боями покинула свой участок и спокойно направилась к мосту. Они пересекли его без какого-либо затруднения ни со стороны повстанцев (быть может, они были заранее предупреждены об этом?), ни республиканцев, которые, хотя и были удивлены, не предприняли ничего для пресечения, думая, что "этот манёвр выполнялся по приказу командиров". Перейдя мост, гвардейцы заорали патриотические лозунги и, присоединившись к "насионалес", принялись обстреливать своих прежних соратников.

Всё описанное продолжение боёв, немного утихших со стороны фашистов после взрыва моста, за исключением, немного позднее, яростной атаки под его обломками, — это всё, что я могу поведать как непосредственный очевидец. Я был ранен в самом начале второй половины дня; меня, как и других, вынесли с линии фронта; затем быстро обработали рану, госпитализировали и эвакуировали... Таким образом закончились мои отношения с колонной "Либертад-Лопес Тьенда" и мадридским фронтом.

Однако, "как мне кажется" и из того, что мог "услышать" вплоть до самой эвакуации, и согласно "рассказу" одного из участников этой колонны, встретившимся мне на протяжении всей войны, колонна "Либертад-Лопес Тьенда" по завершении 48 часов её действий существовала всего лишь на бумаге»[222].

Имея в виду приведённое свидетельство, уже легко читать и понимать объяснение, данное Висенте Рохо о переправе через Мансанарес:

«В идеале ту атаку нужно было остановить сразу же, используя те средства, которые имелись под рукой; их у нас было больше, чем в каком-либо другом месте, до самого сражения. Но в этом случае атакующие направили всю свою мощь на очень узкой линии фронта, и кроме того, им повезло в том смысле, что они посеяли

222 «История и жизнь» (Historia y Vida), № 35. В разделе «Письма читателей» один из профессиональных военных, офицер, участник колонны и бывший с ней в Мадриде Франсиско Идальго Мадеро отвечает Мартинесу Банде в связи с его статьёй, где упоминается колонна «Либертад-Лопес Тьенда».

панику в одной из наших импровизированных частей, которая, в силу прибытия с других участков фронта и не пережив морального подъёма, случившегося 7 ноября, ещё не вошла в атмосферу борьбы Мадрида.

Это подразделение отступило в полном беспорядке, притянув за собой другие группы; врагу удалось смять их, войти в Университетский городок, занять ряд зданий и даже добраться до Клинического госпиталя как наиболее продвинутой позиции»[223].

Несомненно и очевидно, что колонна «Дуррути» не была этим «импровизированным подразделением», так как с 25 июля сражалась на линии фронта Арагона и, согласно тексту Рохо, можно прийти к выводу, что он не имеет в виду колонну «Дуррути». Тем не менее его свидетельство неясно, особенно когда он путает «каталонцев». Теперь же эти строки проясняются по той причине, что показания Франсиско Идальго точны и категоричны, так как он несколько раз настойчиво упоминает о характере импровизации в организации колонны «Либертад-Лопес Тьенда».

Алькофар Нассаес был одним из первых, кто разобрался в этом вопросе. Он пишет:

«На сегодняшний день нам известно, что Французский мост защищала колонна “Ромеро”, в неё входили бойцы, раннее сражавшиеся в Колонне “Франсиско Галан”; справа от неё стояла IV Смешанная бригада Арельяно, который в тот день погиб в Университетском городке, и Ромеро принял командование его частями. Там также находилась каталонская колонна ОСПК “Либертад-Лопес Тьенда”. Честно говоря, мы считаем, что эти две последние военные структуры несут ответственность за переправу первых мятежных группировок на другой берег реки. В этом случае где же находилась колонна “Дуррути”? Вполне возможно, в резерве, в Мадриде, и она вступила в бой лишь той же ночью»[224].

---

223 Висенте Рохо. Указ. соч.

224 Х.Л. Алькофар Нассаес. «Иностранцы, сражавшиеся в Гражданской войне Испании» (Los Extranjeros que lucharon en la Guerra Civil Española). Барселона: изд-во, Dopesa, 1973.

ГЛАВА XIX.
КОЛОННА «ДУРРУТИ» В МАДРИДЕ

Первыми, кто запросил присутствия Дуррути в Мадриде, были члены НКТ Центра. 9 ноября на собрании, перед лицом военной беззащитности столицы и учитывая, что психологическое оружие могло внести огромный вклад в дело сопротивления, они решили выдвинуть на поле битвы имя Дуррути, легендарной личности, для того чтобы возродить боевой дух населения и его защитников. Для поездки в Бухаралос назначили делегатов — Давида Антону и Мигеля Инесталя, — с тем чтобы убедить Дуррути. Когда оба делегата прибыли в Валенсию, там они узнали: такого же мнения придерживалось и правительство, и Федерика Монтсени взялась уговорить Дуррути[225].

В Барселоне в отношении Дуррути действовали в том же духе, что и в Валенсии и Мадриде. Советский консул Овсеенко заявил Департаменту Обороны правительства Женералитат, что если удавалось быстро послать подкрепление в Мадрид, то русские были готовы вооружить защитников столицы Испании. Диего Абад де Сантильян, занявший в Департаменте обороны пост Гарсии Оливера, срочно созвал всех делегатов колонны Арагона на военную конференцию в Барселону. Она состоялась в ночь с 11 на 12 ноября. Военачальникам и делегатам колонны была изложена ситуация: кто из них наиболее подходящая кандидатура для командования в Мадриде каталонскими войсками, с целью поддержки в обороне столицы? Приняли решение послать в Мадрид 12 000 человек, и мнения всех совпали: командующим нужно назначить Дуррути:

«Но единственным стоявшим против такого назначения был сам Дуррути, он не хотел уезжать. Взволнованный, он просил оставить его на Арагонском фронте.

— Если бы ты, как и я, видел трамваи Сарагосы, — сказал он Сантильяну, — то не уехал бы в Мадрид.

Я возразил ему: в связи со сложившейся ситуацией представлялось бесполезным думать об атаке Сарагосы. Тогда он сказал мне, чтобы послали другого, Мигеля Йолди, поскольку он больше подходил

225 Nosotros, Валенсия, 20-XI-1937. Статья Давида Антоны о Дуррути в Мадриде.

для этой цели. Тот ответил, что даже если бы утверждаемое было правдой, Мигеля Йолди не звали Дуррути, и что в Мадриде для поднятия духа бойцов нуждались именно в Дуррути. Наконец он уступил. Так закончилось собрание делегатов милиций; потом все разъехались по своим частям, чтобы подготовить бойцов для отправки в Мадрид»[226].

12 ноября утром Дуррути позвонил в Бухаралос и попросил, чтобы подготовили для отправки в Мадрид Группировки I (Хосе Мира) и VIII (Либерто Рос), кроме того, Центурии 44, 48 и 52, полностью сформированные из интернационалистов. В этих частях насчитывалось большое количество шахтёров, хороших знатоков динамита, к тому же у всех бойцов имелось преимущество опыта предыдущих сражений в Сьéтамо, взятии Фуэнте де Эбро и контратаки в Фарлете против Мобильной колонны Уррутии. Здесь речь шла не о новобранцах. В общей сложности личный состав этих подразделений не превышал тысячу четыреста человек. Это число — намного ниже всех указанных цифр в процитированных свидетельствах. Военный комитет, который должен был руководить этой колонной, состоял из Мигеля Йолди, Рикардо Рионды (Рико), Мансаны и Моры — секретаря Дуррути.

Мы восстановим выход колонны «Дуррути» из Барселоны вплоть до её прибытия в Мадрид, со слов двух свидетелей, отредактировавших свои мемуары спустя месяцы после событий, о которых мы поведём рассказ; причём оба автора находились на довольно большом расстоянии друг от друга. И хотя одного из них можно подозревать в сокрытии некоторых фактов «с целью не навредить его организации — НКТ» (речь идёт о Хосе Мире), то другого — бельгийского журналиста Матью Кормана — нельзя упрекнуть в этом грехе: он даже не был анархистом, а принимал участие в Колонне, проявляя солидарность, которая мотивировала его присоединиться к группе интернационалистов этой Колонны.

Так, Матью Корман пишет:

«(13 числа) в порту “милисьянос” лихорадочно разгружали ящики, прибывшие на корабле из Центральной Америки. Дуррути поторапливал: “Давайте! Давайте!” Другие “милисьянос”

226 Диего Абад де Сантильян. Указ. соч.

грузили ящики с винтовками или пулемётным снаряжением в железнодорожные вагоны. Эти люди, — рассказывает Корман, — не спали уже двое суток подряд и после завершения погрузки, должны были отправиться в дальний путь — 800 километров. Вагоны, приводимые в движение двумя мощными локомотивами, перевозили тяжёлый груз нашего военного снаряжения, одну часть которого[227] по прибытии в Мадрид нужно было передать интернационалистам».

Описание Корманом сцены в порту Барселоны: Дуррути в очках, в свете фонаря делающий заметки о прибывшем грузе, даёт понять: действие происходило 13 ноября ночью или, по крайней мере, когда уже стемнело. Хоан Ларч в книге, посвящённой обстоятельствам смерти Дуррути[228], совершает бессчётное количество ошибок, и в особенности одну недопустимую: он не указывает источники приводимых цитат. Тем не менее там есть исторические факты, которые позволяют провести последовательную нить в отношении темы о Дуррути. В этом случае мы воспользуемся его текстом, чтобы расширить свидетельство Кормана в отношении разгрузки в порту, имевшей место на складе номер 8. Разгружаемое оружие было произведено в Швейцарии и Мексике; речь шла о снаряжении, которое купили русские, платя золотом, но оно представляло из себя самый настоящий металлолом. Мексиканские ружья марки «винчестер» с патронными обоймами для девяти пуль, как винтовки маузер, но не испанского калибра, что представляло огромную проблему для приобретения боеприпасов, к тому же приклад был настолько непрочным, что ломался после обыкновенного удара; всё это намного снижало качество оружия. Швейцарские винтовки были ещё хуже, так как речь шла о модели и боеприпасах 1886 года; ствол застревал после нескольких выстрелов. Дуррути не смог проверить снаряжение в Барселоне, но как только он в Мадриде удостоверился в состоянии этого оружия, то позвонил Сантильяну и сказал, «что посланные ему ружья он мог засунуть в ж.... и чтобы ему срочно выслали тридцать пять тысяч ручных гранат, называемых “ФАИ”»[229].

---

227 Матью Корман. Указ. соч.

228 Хоан Ларч. «Смерть Дуррути» (La muerte de Durruti). Барселона: изд-во Aura, 1973.

229 Диего Абад де Сантильян, из письма автору.

Нам представляется невозможным точно указать время, но? вероятно, поздно ночью 13 ноября груз отбыл на торговом поезде по направлению в Валенсию. Пока поезд был в пути, Дуррути также отправился в Валенсию — на самолёте, в сопровождении Мансаны и Йолди. Когда груз прибыл в город Турия (приблизительно в полдень 14 ноября), Дуррути вместе с Гарсией Оливером ожидал на железнодорожной платформе[230].

Он поговорил с Хосе Мирой и Либерто Росом, делегатами группировок, и сообщил им, что до Мадрида груз последует на автокарах или грузовиках — ввиду того, что железная дорога на одном участке была разрушена бомбардировками противника. Также сказал: для организации прибытия колонны он вылетит с Гарсией Оливером на самолёте в Мадрид.

Так, Дуррути и Гарсия Оливер прилетели в Мадрид 14 ноября во второй половине дня. Именно в этот день Рохо и Миаха подготавливали атаку 15 ноября. В силу присутствия Дуррути многим показалось, что его колонна также находилась в Мадриде. Вполне возможно, что Дуррути и Рохо ожидали прибытия колонны вечером того же дня, и этим объясняется знаменитый приказ, о котором мы уже писали: в нём указывалось, что колонна «Либертад-Лопес Тьенда» должна была действовать под началом Дуррути.

Когда Дуррути и Гарсия Оливер вышли из Министерства обороны, чтобы пойти к дому 111 на улице Серрано, где обосновался Комитет обороны НКТ в Мадриде, то они встретились с Кольцовым. Тот в своём «Дневнике» описывает колоритный разговор, который мы далее приводим дословно, как нечто любопытное:

«Прибыла каталонская колонна во главе с Дуррути (здесь Кольцов соединяет имя Дуррути с каталонской колонной «Либертад-Лопес Тьенда»). Три тысячи человек, очень хорошо вооружены и обмундированы, внешне совершенно не похожи на анархистских воинов, окружавших Дуррути в Бухаралосе.

Он обнял меня очень радостно, как старого приятеля. И тотчас же пошутил:

— Ты видишь, я не взял Сарагосу, меня не убили, и я не стал марксистом. Всё ещё впереди.

---

230 Матью Корман. Указ. соч.

Он похудел, подтянулся, вид более военный, у него адъютанты, и разговаривает он с ними не митинговым, а командирским тоном. Он попросил себе советника-офицера. Ему предложили Санти[231]. Он расспросил о нём и взял. Санти — первый коммунист в частях Дуррути. Когда Санти пришёл, Дуррути сказал ему:

— Ты коммунист. Ладно, посмотрим. Ты будешь всегда рядом со мной. Будем обедать вместе и спать в одной комнате. Посмотрим.

Санти ответил:

— У меня всё-таки будут свободные часы. На войне всегда бывает много свободных часов. Я прошу разрешения отлучаться в свободные часы.

— Что ты хочешь делать?

— Я хочу использовать свободные часы для обучения твоих бойцов пулемётной стрельбе. Они очень плохо стреляют из пулемёта. Я хочу обучить несколько групп и создать пулемётные взводы.

Дуррути улыбнулся:

— Я тоже хочу. Обучи меня пулемёту.

Одновременно в Мадрид приехал Гарсия Оливер, он теперь министр юстиции. Они ходят вдвоём.

Оба знаменитых анархиста беседовали с Миахой и Рохо. Они объяснили, что анархистские части пришли из Каталонии спасти Мадрид, и Мадрид спасут, но после этого здесь не останутся, а возвратятся в Каталонию и к стенам Сарагосы. Далее они просят отвести колонне “Дуррути” самостоятельный участок, на котором анархисты смогут показать свои успехи. Иначе возможны недоразумения, вплоть до того, что другие партии начнут приписывать себе успехи анархистов. Рохо предложил поставить колонну в Каса дель Кампо, с тем чтобы завтра атаковать фашистов и выбить их из Парке в юго-западном направлении. Дуррути и Оливер согласились»[232].

---

231 Санти — полковник Красной армии, уроженец Кавказа. Его настоящее имя Хаджи-Умар Мамсуров. Он был известен как Санто, Ксанти, Хаджи, Фабер. Как и в других местах, это одна из шуток Кольцова, адресованная историкам, которые пересказывают её дословно. Санти, или, как бы его не звали, никогда не был военным советником Дуррути и не учил его стрельбе из пулемёта. Но в конце концов, поскольку это — одна из шуток Кольцова, отнесёмся к ней как к таковой.

232 М.Е. Кольцов Указ. соч.

Наш интерес в транскрипции написанного Кольцовым заключается в том, чтобы удостовериться: в этом тексте ясно видно, как Хьюг Томас, Туньон де Лара и другие придали этому повествованию ценность подлинного факта и не взяли на себя труд проверить, а дословно его переписали. Человек «вымышленной истории», как называет Кольцова его коллега Эренбург, стал «для историков, исследующих войну в Испании, богатой залежью информации».

«Когда наступила ночь 15 ноября, — пишет Эдуардо де Гусман, — ситуация была крайне сложной. Нет войск, которыми можно командовать. Нет элементов для противостояния противнику. Снимать бойцов с другой позиции, значит оставить её оголённой. Но если ничто не будет предпринято, быть может, Мадрид завтра же будет сдан...

К счастью, этим же вечером в Вальекас прибывают люди колонны “Дуррути”. Четыре тысячи решительных и самоотверженных бойцов, четыре тысячи анархистов, закалённых четырьмя месяцами постоянных сражений. Они быстро пришли с линии фронта Арагона. Смертельно устали от долгого пути. Но Дуррути говорит Миахе:

“В два часа, на рассвете, мои люди будут на том участке, который вы им назначите...”.

Де Гусман в дословно приведённом тексте также совершает ошибку в отношении количества бойцов. Тем не менее, что касается вступления колонны в город, указывая два часа ночи — рассвет 16 ноября, — он точно отражает историческую правду.

Теперь давайте рассмотрим положение в Университетском городке после прорыва линии фронта в конце дня 15 ноября:

«Взятие Университетского городка “не произошло за десять минут” (как отмечают некоторые зарубежные писатели). Войска “насионалес” были вынуждены завоёвывать прочные здания одно за другим — их стойко защищали анархисты, коммунисты и интернационалисты; причём обе стороны понесли огромные потери. Реакция республиканцев ввиду переправы противника через реку состояла в стягивании в Университетский городок всех резервных сил, чтобы затем контратаковать и вернуть утерянные позиции. Наверняка именно во время такой контратаки в бой вступила колонна “Дуррути” и, в силу неумелой стратегии боя, понесла невероятные

потери.

Чтобы окружить со всех сторон новый клин мятежников, интернационалисты из XI бригады заняли северный участок Университетского городка — так называемый Дворец (Palacete), — оставляя свою прежнюю позицию, вплоть до Пуэнте-де-Сан-Фернандо, V смешанной бригаде под руководством Сабьо. Дополняли линию фронта остатки "Лопес-Тьенда", колонна "Дуррути" и весьма пострадавшая IV бригада, уже под командованием Ромеро. Вскоре подошли подкрепления резервы V полка — колонны "Эредиа" и "Ортега". Защита всего Университетского городка была поручена полковнику Альсугараю.

Клебер установил свой командный пункт в Клуб-де-Пуэрта-де-Иерро, в то время как его батальоны прошли вперёд. "Парижская Коммуна" заняла позиции на факультете философии и литературы; "Домбровский" — в Каса-де-Веласкес, "Тельман" встал слева, на другой стороне от речушки Кантарранас, рядом с Виадукто V бригада занимала позицию справа, вплоть до реки, между тем как Дуррути обосновался на факультете наук Одонтологического училища и факультете медицины и фармацевтики, а также в приюте Санта Каталина. Подальше, на участке Клиники и прилежащих госпиталей, обосновались силы V полка»[233]. Висенте Рохас и Миаха приказали контратаковать в ранние рассветные часы 16 ноября. Далее мы рассмотрим поведение и обстановку в колонне «Дуррути» в этих обстоятельствах. Для этого мы будем придерживаться имеющихся у нас свидетельств, то есть Кормана и Миры. Но прежде всего важно отметить интервью, имевшее место той ночью в Комитете обороны НКТ-ФАИ, расположенном в доме 111 на улице Серрано. Мы взяли из текста Сиприано Меры следующие данные:

«Ночью, примерно в десять часов, на командный пункт позвонили по телефону и срочно потребовали моего присутствия в Комитете обороны НКТ. Как только мне сообщили, я опрометью бросился на улицу Серрано; там уже находились Эдуардо Валь, Дуррути, Гарсия Оливер, Федерика Монтсени, Мансана (помощник Дуррути), Йолди и другие товарищи (...). Дуррути хотел знать моё мнение о положении в Мадриде. Я сказал, что думаю, а также сообщил о

233 Х.Л. Алькофар Нассаес. Указ. соч.

наших рекомендациях генералу Миахе и подполковнику Рохо, кроме того — нашему Комитету обороны (здесь речь идёт о контратаке, предложенной Сиприано Мерой и команданте Паласиос сразу же после того, как тем стало известно о прорыве линии фронта при переправе через Мансанарес). Я настоял, — продолжает Мера, — на том, насколько опасно занятие противником высот Куатро Каминос; я также указал на наличие водопровода, тянувшегося от Клинической больницы до реки Мансанарес, по которому мятежники могли снабжать свои части, оставаясь при этом незамеченными».

(Мера работал каменщиком в этом здании.) Затем Мера обратился к Дуррути:

«— Похоже, ты привёл с собой шестнадцать тысяч человек...

— Нет, только четыре-пять тысяч[234].

— Как ты считаешь, — спросил он, — в каком месте мы должны контратаковать?

— Уясни себе это раз и навсегда, Буэнавентура: у нас есть враги не только по ту сторону фронта. Генерал Миаха, по-видимому, хочет быть справедливым с нами, но его окружают коммунисты, а они не желают, чтобы Дуррути, самый известный боец-анархист, записал на свой счёт оборону Мадрида, в которой они сами, со своими щитами и всей этой пропагандой, пытаются выдать себя за единственных действующих лиц...

— Я знаю, Сиприано. Я не хотел приезжать сюда без всего состава колонны, сражающейся в Арагоне[235]. Сама организация потребовала от меня прибыть сюда только с частью колонны для того, чтобы попытаться найти выход из положения. Также правительство настояло, что, принимая во внимание сложность обстановки, я не мог оставить Арагон без прикрытия, так как ввиду срочности перевода войск не хватало времени для полной замены. Ну хорошо, дела обстоят именно так, и всё, что мы можем сейчас сделать, — это соединить две наши колонны. Это мне кажется целесообразным; мы

234 Нам непонятно такое искажение в цифрах личного состава со стороны Дуррути. Быть может, Мера ошибается, приводя эту цифру.

235 Этот ответ разъясняет ошибку Меры, потому что, если у Дуррути было бы в наличии от четырёх до пяти тысяч бойцов, он не жаловался бы на недостаток личного состава. Разве что Дуррути имел в виду тех бойцов, которых обещал прислать Департамент обороны Женералитат.

возьмём твою с занимаемой позиции и объединим её с нашей.
— При таких обстоятельствах, — вступил я в разговор, — объединение невозможно. Миаха будет против, так как он считает: мы должны оставаться на этом участке, потому что он из самых трудных.
— Хорошо, тогда мне придётся действовать, — сказал Дуррути, — только рассчитывая на собственные силы и согласно приказам, то есть атаковать на рассвете по направлению Каса-де-Веласкес, а также попытаться продвинуться к Мансанарес. Я предпочёл бы подождать ещё один день, чтобы мои люди отдохнули и разведали получше позиции противника. Но мы сделаем то, что нам приказывают.
— Что я могу сделать, — ответил я, — так это дать тебе одну центурию, которая хорошо знает эту местность, и они смогут быть проводниками твоим бойцам.
— Сегодня уже поздно. Завтра сделаем это.
Мы обнялись на прощание, и, пожелав ему всего доброго, я вернулся на свой командный пункт[236].
Было около девяти часов утра, когда мы вошли в город по Пуэнте-де-Вальекас (15 ноября). На улицах нас горячо приветствовали рабочие и бойцы. Наша колонна проходила вблизи посольства Финляндии, откуда нас трусливо атаковали. Мы взяли штурмом здание посольства и внутри обнаружили настоящий арсенал автоматического оружия и гранат. Всё это досталось нам (...). После ликвидации фашистского очага мы направились на шоссе Орталеса, где в детской школе, на перекрёстке железнодорожного путепровода в рамках Сьюдад Линеаль, нам предоставили помещение для ночлега.
В четыре часа дня у входа в школу, где мы расположились, остановился туристический автомобиль. Из него, чрезвычайно взволнованная, вышла Федерика Монтсени и сказала нам энергичным голосом:
— Товарищи, арабы подошли к Пасео-де-Росалес. Если вы не хотите созерцать сегодня же печальную картину — оккупированный арабами Мадрид, — необходимо, чтобы ваши подразделения тотчас же вышли к этой точке.
Либерто Рос и Хосе Мира ответили ей:
— Дуррути, уходя, сказал нам: мы ни в коем случае не должны

236 Сиприано Мера. Указ. соч.

покидать этот участок. Нам нужно ждать его, и, если твои новости верны, надеемся — недолго.

— Счастливо всем! — И она быстро уехала[237]».

16 часов 15 ноября. Свидетельство Миры — как письменное, так и сообщённое нам устно — подтверждается другим приведённым. Оба показания достоверны:

«Тем временем, — продолжает Хосе Мира, — противник продвигался по Бомбилья и даже подобрался к Французскому мосту (Пуэнте-де-лос-Франсесес), и хотя до этого он был подорван, мятежники форсировали реку и вступили с того края в Университетский городок. Спустя несколько минут после отъезда Федерики приезжает Дуррути и говорит:

— Будьте готовы к выходу в два часа ночи к тюрьме-одиночке Prisión Celular. Там, прямо на местности, мы проанализируем, как лучше действовать, и разработаем общий план.

До гарнизона Монклоа мы дошли пешком. Впереди шла группа "Мадрид" под началом товарища Тимотео. 5 января 1937 года он погибнет в бою с противником в Пуэрто Аравака. Прибыв в здание тюрьмы, я увидел там Дуррути и Мансану, с нетерпением ожидавших нас. На карте Университетского городка нам показывают позиции, которые нужно взять. Мансана рекомендует некоторым из нас продвинуться вперёд и разведать местность. Под покровом ночи мы идём к Пласа-де-ла-Сьюдад; спустя некоторое время возвращаемся, оставляя на дороге товарищей — Мигеля, Наварро и Марино, — чтобы они провели подразделения, за которыми направились мы.

Как можно быстрее мы вручаем каждому "милисьяно" ручные гранаты и снаряжение, какое он только сможет донести на себе...»[238]

Прежде чем продолжить рассказ о колонне «Дуррути», откроем на этом месте скобку. Клеберу, как и другим ответственным военачальникам, которые должны были контратаковать, был отдан приказ выступить на рассвете. Но генерал Клебер, по словам Висенте Рохо, не подчинился этому приказу, так как он начал бой в 10 утра. По этой причине «такого рода опоздание сыграло на руку противнику,

237 Хосе Мира. Указ. соч.

238 Хосе Мира. Указ. соч.

которому удалось укрепить и организовать свои позиции»[239].

Однако «солдаты Асенсио атаковали на рассвете. Они, несмотря на меньшую численность и усталость, захватили Каса-де-Веласкес и школу инженеров-агрономов именно в той точке, где должна была действовать XI бригада интернационалистов. Атака застала врасплох батальон “Домбровский”, только что обосновавшийся в Каса-де-Веласкес, бойцы обратились в бегство, на месте осталась лишь третья рота. Она героически сражалась, но все её бойцы погибли (...)»[240].

Взятие Каса-де-Веласкес и Инженерной школы, а также рассеяние подразделений, без сомнения, внесло ещё больше смятения в ту контратаку, особенно, что касалось частей колонны «Дуррути», которые вступали в Университетский городок впервые.

Вернёмся к повествованию Хосе Миры:

«Когда настало утро, мы развернули два фланга: Либерто со своими силами зашёл со стороны Парке-дель-Оэсте, продвинулся вглубь, вплоть до занятия Институто Рубио; сопротивление мятежных войск было жестоким. Мне поручили левый фланг, в который входили: Асило-де-Санта-Кристина (Приют) и близлежащие здания, стена, выходящая на бульвар и идущая вплоть до Клинического госпиталя (Каса-де-Веласкес занятого V полком), факультет философии и литературы, где мы должны были установить контакт с Либерто, через Паласете и группой Интернационалистов (X бригада), с северной стороны упомянутого здания.

Наше продвижение совпало с натиском противника, обе стороны вступили в бой без какой-либо поддержки. Резня была ужасной — как для них, так и для нас; несколько раз мы схватывались врукопашную...»

Мира продолжает свой рассказ о сражениях и атаках, не сообщая в точности названий, хотя и предполагается, что они заняли Асило-де-Санта-Кристина, как далее мы увидим.

«В семь утра, — продолжает Мира, — мы заняли Клинический

239 Висенте Рохо. Указ. соч. См. в Приложении к этой книге письмо Рохо, адресованное Миахе, в котором он просит наказания для генерала Клебера, по причине сдачи точек Каса Веласкес и Паласете-де-ла-Монклоа и неподчинения приказу. Причём Клебер не признавал своей ответственности за эти потери.

240 Х.Л. Алькофар Нассаес. Указ. соч.

госпиталь и там оставили Центурию 44 под началом делегата Майо Фаррана».

Мира указывает, что приблизительно в девять утра «девяносто батарей противника, сотни самолётов и многочисленные танки постоянно поддерживали продвижение пехоты противника; земля кипела от шрапнели». К этому он добавляет, что в небе появились «микроскопические самолёты», позднее известные под названием «курносые», которые с невероятным героизмом напали на сотню трёхмоторных самолётов и бомбардировщиков фашистов. Несмотря на меньшее количество, наши храбрые лётчики сразили десять вражеских самолётов, которые упали на нашей земле...

«В одиннадцать утра от Куатро Каминос подошли подразделения под началом “команданте” по имени Миненса. У них был письменный приказ из Главного штаба: они должны были разместиться лагерем в Клиническом, оказывая поддержку продвижению наших войск...» Согласно проконсультированным нами документам, эти части «команданте Миненса» принадлежали V полку. Этот факт указывает что, как Клебер, так и V полк вступили в бой с большим опозданием. «Тем временем, — продолжает Мира, — ряд попыток штурма Каса-де-Веласкес провалился, так как большинство наших подкреплений потерпели огромные потери, а другие находились на позициях, которые мы отвоевали в самые ранние часы».

Хосе Мира пишет, что той ночью с 16 на 17 ноября шли бои за Каса-де-Веласкес и факультет философии и литературы. Он также рассказывает, что той ночью в районе Клинического госпиталя не наблюдалось почти никакой военной деятельности, и указывает, что «команданте Миненса покинул или эвакуировал (можно назвать это как угодно) Клинический госпиталь в 23 часа». Потом он добавляет, что «наконец мы смогли обнять интернационалистов, которым удалось ценой больших усилий прорвать вражеское кольцо и поддержать нас в окончательном штурме здания факультета философии и литературы». Но «в течение всей ночи защитники факультета отражали атаку за атакой, со стороны “насионалес”».

Далее он повествует:

«С тех пор как мы начали продвижение по территории Университетского городка, у нас не было во рту ни крошки хлеба,

ни глотка кофе, иногда мы валились с ног от усталости. При таких обстоятельствах мы встретили первые рассветные минуты 17 ноября, ни на минуту не прекращая сражений с закатных часов предыдущего дня»[241].

17 ноября оказался злосчастным днём. Бомбардировки столицы были ужасными. Корреспондент Paris Soir в Мадриде телеграфировал в своей хронике:

«О, старая Европа, всегда настолько занятая твоими малыми играми и тяжёлыми интригами! Дай Бог, чтобы вся эта кровь не потопила тебя!»

А Сесар Фалькон, ещё один журналист, писал в своей телеграмме: «Мадрид является первым цивилизованным городом мира, подвергающимся атаке фашистских варваров. Лондон, Париж и Брюссель должны видеть в разрушенных домах Мадрида, в его растерзанных женщинах и детях, в его музеях и библиотеках, превращённых в груду руин, в огромном количестве горожан, оставшихся без крова... свою собственную судьбу, когда они подвергнутся атаке фашизма»[242].

Войска генерала Асенсио, уже получившие хорошее подкрепление в этот день, 17 ноября, были брошены на штурм в трёх направлениях: под командованием Баррона — на студенческое общежитие, с целью занять бульвары: Росалес и Морет со стороны Парке-дель-Оэсте; под началом Серрано, в двух колоннах — против Асило-де-Санта-Кристина; и Клинического госпиталя — с задачей проложить путь к Куатро Каминос.

Продвижение этих войск сопровождалось ужасными бомбёжками города и залпами орудий на Университетский городок, с позиций Гарабитас и Карабанчель Альто. «Юнкеры» также сбрасывали свои смертоносные грузы. Чтобы описать эту ситуацию, Хосе Мира вновь использует весьма впечатляющую фразу: «Земля кипела от шрапнели».

Чтобы пройти к Клиническому госпиталю, подразделения Серрано должны были прежде атаковать Асило-де-Санта-Кристина, где находились остатки колонны «Дуррути». Столкновение было

241 Хосе Мира. Указ. соч.

242 Мы взяли цитаты у Висенте Рохо (см. Указ. соч.).

неистовым. А рукопашные бои шли не переставая.

В пылу этих сражений некоторые части оказались расформированными, особенно те, которые находились в здании Клинического госпиталя, оставленные команданте Миненсой перед тем как эвакуироваться предыдущей ночью. Часть всех этих перебежчиков выбежали к Пласа-де-ла-Монклоа; но там их задержала группа, которую удалось организовать Мигелю Йолди, хотя большинство людей не входили в состав колонны. С пистолетом в руке он задержал бегущих и таким образом сдержал зарождающуюся волну паники[243].

В 16 часов 17 ноября Сиприано Мера встретился с Хосе Мансаной, чтобы помочь ему расставить бойцов напротив Клинического госпиталя.

«Наши люди быстро заняли кладбище, находящееся напротив водного резервуара канала Исабель II, женский монастырь и казарму Гражданской гвардии Гусман Эль Буэно, кроме того — Институт географии и кадастра, Госпиталь Красного Креста и всю колонию маленьких отелей Метрополитанского стадиона.

Когда наступила ночь, — продолжает Мера, — мы с товарищем Йолди подошли к главной казарме колонны “Дуррути” (которая обосновалась на улице Мигель Анхель, номер 27, раньше это был дворец герцогов Сотомайор). Через некоторое время пришёл Дуррути, и мы посвятили его в подробности обстановки. Он мобилизовал всех своих связных, чтобы передать делегатам центурий приказ приступить к переформированию в течение ночи, при этом не покидая ни одного из ранее занятых зданий».

С мятение было всеобщим, к тому же по причине произошедших перемен внутри Университетского городка Дуррути не знал, в каком именно месте находились его центурии. Отправив связных, он попросил у Меры послать ему ранее обещанную центурию, указывая казарму Гражданской гвардии Гусман эль Буэно как место для встречи.

Той ночью, с 17 на 18 ноября, когда Дуррути в полночь смог собрать делегатов центурий в здании факультета наук, подведённый итог 36-часовых сражений оказался ужасным. По словам Кормана, от

243 Хосе Мира. Указ. соч.

центурии интернационалистов оставалась четверть личного состава. Итого из тысячи семисот солдат, начавших бой, едва осталось 700, и те находились в весьма печальном состоянии: полтора дня они не знали ни вкуса еды, ни глотка кофе. Холод пробирал до костей. Не прекращаясь шёл дождь. А борьба была беспрерывной, смерть подстерегала каждую минуту, она могла внезапно обрушиться и покончить с жизнью — пулей или штыком.

Дуррути провёл ту ночь среди своих людей, посещая боевые позиции. Мира так описывает обстановку:

«Она была не хуже и не лучше предыдущей: рукопашные бои шли не переставая. Число жертв было невыразимо огромным — как с нашей стороны, так и в лагере противника. Но у нас ряды редели, и было невозможно заменить погибших. Тем не менее со стороны врага подкрепления не прекращались — каждые десять минут прибывало свежее пушечное мясо, которое истреблялось нашим автоматическим оружием».

На следующее утро линия фронта Университетского городка вновь превратилась в ужасные вулканические кратеры, и куда ни взгляни, повсюду — смерть и уничтожение»[244].

Дуррути, простившись с Либерто Росом и Хосе Мирой, сказал им, что попытается заменить наиболее уставших бойцов и обсудить тему подкреплений с теми, кто ещё оставался в Министерстве обороны.

Дуррути был одержим проблемой подмены бойцов. Он хорошо знал, на что были способны люди и что лучшим образом обеспечения продолжительности борьбы была организация отдыха. Обстоятельства мадридских боёв свели на нет применение этой тактики, и ему пришлось поставить на линию огня всех своих людей. Из всех частей, сражавшихся в Университетском городке, единственным, кто привёл в бой все свои силы, был Дуррути. Другие, начиная с Интернационалистов, сменяли бойцов. Так, на рассвете того дня (18 ноября) Дуррути узнал, что интернационалисты Клебера частично были заменены XII Интернациональной бригадой, а также что другие испанские подразделения действовали таким же образом. Когда Дуррути пришёл в казарму Колонны, то там он встретил корреспондента Solidaridad Obrera Ариэля, который спросил о его

244 Там же.

впечатлениях[245].

” Бой будет суровым, очень суровым, но если мы выстоим сегодня, Мадрид спасён: фашисты не войдут в столицу. Товарищи вели себя достойно и продолжают сражаться как львы, но мы понесли большие потери. Мансана и Йолди ранены. Нужно найти замену нашим бойцам, потому что, заверяю тебя, бой сейчас идёт суровый и будет ещё очень жестоким”.

«Не теряя времени, — продолжает статью Ариэль, — я отправился в Комитет обороны, чтобы сообщить Эдуардо Валю о сказанном мне Дуррути. Когда он получил информацию, то решил обсудить этот вопрос непосредственно с Дуррути, и мы вместе пошли на улицу Мигель Анхель.

Дуррути сказал Валю то же самое: нужно было заменить, и как можно быстрее, уставших бойцов. Прямо оттуда Валь позвонил в профсоюзные центры с требованием подкреплений. Один из конфедеральных товарищей подменил Йолди, но Мансана, несмотря на раненую руку на перевязи, пожелал продолжать сражаться[246].

После ряда телефонных звонков Валь пал духом и сказал Дуррути, что невозможно найти замену его бойцам. Все товарищи были мобилизованы, и многие из них сражались в частях, не считавшихся конфедеральными... Для Дуррути такое положение было страшным: если он продолжал посылать своих людей на линию огня, то это означало вести их на верную смерть; а отослать их на отдых и не заменить никем было невозможно — это не только ослабило бы боевой дух сражавшихся, но и открыло бы проход для врага. Ввиду сложившейся ситуации Дуррути принял решение поставить вопрос на обсуждение Главного штаба и там найти способ разрешения.

Когда Дуррути собирался выезжать в министерство обороны, вошёл Либерто Рос с недоброй вестью. Ранили Хосе Миру, и все бойцы просились на отдых.

---

245 Ариэль послал эту военную сводку в Solidaridad Obrera, она была опубликована 19 ноября. Первое сообщение Ариэля на тему колонны было написано 17-го и напечатана в газете 18-го. Эти две подробности, вместе с остальной информацией, чётко определяют позицию вступления Колонны в сражение на рассвете 16 ноября.

246 Ариэль. Как умер Дуррути? (Como murió Durruti?) Изд. Комитет по связям Региональной организации Центра НКТ за границей. Тулуза, 1945.

Либерто Рос вместе с Мариньо входил в состав анархистской группы, которая получила боевое крещение в сражениях 1933 года. Теперь Мариньо исполнился 21 год, а Либерто — 22. Дуррути очень ценил этих двух парней, которые, несмотря на молодость, прекрасно зарекомендовали себя в боях. Дуррути посмотрел в глаза Либерто, задерживая взгляд, и спросил:

— Где сейчас фашисты?

На этот странный вопрос Либерто ответил:

— Ты прекрасно знаешь: сейчас бои идут на Монклоа.

— Вот именно, ответил Дуррути. — Всего лишь на расстоянии проезда на трамвае стоимостью в пятнадцать сантимов до остановки Пласа дель Соль! Ты думаешь, Либерто, что при таких обстоятельствах можно думать о заменах? Поговори с товарищами прямо и сурово. Скажи им правду: нет замен. Нужно терпеть, терпеть и терпеть! Я сам нахожусь в таком же положении, что и вы. Эту ночь я провёл в Университетском городке; этим утром я был с вами в Монклоа, а сегодня ночью я подменю Миру. Скажи об этом товарищам. И если твоя рана неглубокая, останься на своём посту, Либерто[247].

После ухода Либерто Дуррути сказал Море, что пойдёт в министерство обороны, чтобы попытаться достать людей для подмены. Но когда он выходил из помещения, Мора передал, что сейчас звонит Эмилианне из Барселоны. Дуррути помедлил мгновение и наконец нервно взял телефонную трубку:

— Ну что там? — Слишком сухой вопрос, ведь речь шла о близком человеке, который с минуты на минуту ожидает новостей о гибели мужа. — Да, у меня всё в порядке. Прости... Я спешу... До скорого!

И повесил трубку. На лице Моры было написано глубокое удивление. Дуррути заметил это и сказал ему неопределённым тоном:

— Что же ты хочешь? Война делает из нас шакалов»[248].

---

247 Письмо Либерто Роса.

248 Мануэль Буэнакаса рассказал нам о том, что Мими пожаловалась ему на ответ Дуррути. Потом Буэнакаса позвонил ему и Дуррути извинился, говоря: «война превращала людей в шакалов.»

ГЛАВА XX.
19 НОЯБРЯ 1936 ГОДА

В министерстве обороны Дуррути переговорил с Висенте Рохо и генералом Миахой. Он проинформировал их о положении, в котором находилась его колонна или её остатки — не более 400 человек. Конечно, не только Дуррути нёс ответственность за то, что колонна или военные подразделения, сражающиеся в Университетском городке, находились в таком плачевном состоянии. Также не один он торопил Главный штаб с решением вопроса о замене бойцов. Но что могли сделать Миаха и Рохо? Битва за Мадрид происходила не в классических условиях военных учебников, по которым учились Рохо и Миаха, а при обстоятельствах, когда эти профессиональные военные играли роль всего лишь координаторов, или центров информации. В конце дня они передавали сведения ответственным на различных участках. В результате вырабатывались генеральные планы обороны или нападения, которые претворялись в жизнь без принуждения и с согласия самих бойцов. «Именно “милисьяно” решал судьбу битвы за Мадрид», — постоянно повторял Рохо в те дни. Впоследствии, повествуя об обороне столицы Испании, он напишет так и в своих книгах. В заключение единственной положительной информацией, которую смог вынести Дуррути из заседания, было обещание: на следующий день, 19 ноября, любой ценой попытаться заменить людей из колонны «Дуррути». Но нужно было дожить до того дня. Необходимо было по мере возможности занять Клинический госпиталь и удержать занятые позиции внутри Университетского городка. В Министерстве обороны имелось мнение, что в последние сутки фашисты предприняли какой-то манёвр с намерением подвинуться до Пуэрта-дель-Соль. Попытка им не удалась, и теперь предполагали: они сделают всё возможное, чтобы удержаться на ранее занятых позициях с целью совершения новых атак в будущем. Тем не менее, даже если бы такие предполагаемые действия и имели место, и если бы «милисьянос» в течение последних 24 часов удалось бы удержать железное кольцо, сдерживая наступление фашистов в Университетском городке, Мадрид был бы спасён. Позднее сами факты подтвердили точность

такого прогноза...

Из министерства обороны Дуррути вышел озабоченным. Если хладнокровно анализировать ситуацию, дело обстояло так: в Мадриде не хватало ни людей, ни военного снаряжения. Столица держалась благодаря отчаянному ходу событий. Со стратегической точки зрения, правительство Республики, доверив плацдарм Мадрида генералу Миахе, не рассчитывало на то, что этому генералу удастся удержать его, и поэтому отдали распоряжение: если обстановка обострится, он должен отступить к участку Куэнка. Но случилось нечто неожиданное для всех: те, кто до самого Мадрида отступал, дойдя до столицы, поняли, что больше бежать некуда, и в таком случае лучше умереть в бою. Именно так можно объяснить психологический феномен, имевший место 7 ноября.

С того момента оказались ненужными военные учебники, и на практике стала применяться личная инициатива, которая преобразовалась в коллективную силу, вставшую перед выбором: победить или погибнуть в бою. Висенте Рохо совершенно правильно пишет о создавшейся ситуации:

«Можно было наблюдать действия некого “посольского атташе”, который, пользуясь замешательством первых дней обороны, вошёл в один из кабинет военного штаба с такими словами:

— Однако, в конце концов, почему вы не сдаётесь?

— Потому что нам не хочется! — услышал он в ответ»[249].

Мадрид оборонялся, применяя именно такую стратегию. Подобная школа жизни породила таких защитников, как Антонио Колл, показавший своим товарищам, что, обладая спокойствием и гранатой, можно заставить перевернуться механические бестии брюхом вверх. Танки крушили на своём пути всё на участках Карабанчель Бахо, Усера, Пуэнте-де-Сеговиа, а также рабочие кварталы на окраине города. Примеру Колла последовали другие. Таким образом, было подорвано много танков, и много храбрецов погибло под их колёсами — например, делегат колонны «Свободная Испания» (España Libre). Вдохновляя своих бойцов, он первым бросился на танк и смог подорвать его, заплатив за подвиг своей жизнью...

249 Висенте Рохо. Указ. соч.

Полностью поглощённый этими безумными, каждодневными событиями, Дуррути спускался по ступенькам министерства обороны. И на площадке столкнулся с Кольцовым. Они поздоровались, и Дуррути отказал Кольцову в его просьбе посетить линию фронта в Университетском городке (странная и невозможная просьба).

«Он покачал головой в знак отказа; сказал мне: сейчас займётся подготовкой своего участка фронта и прежде всего защитит от дождя часть своих людей (...). Для меня это были его последние слова. Дуррути был не в духе»[250].

Выйдя из здания Министерства обороны и вплоть до 20 часов того дня — 18 ноября — Дуррути объезжал новые, занятые колонной позиции: «После нефтеперерабатывающей фабрики Галь, пересекая Серро-дель-Пимьенто и до казармы Гражданской гвардии, а также все небольшие гостиницы, расположенные на восток от Клинического госпиталя, до ряда зданий Университетского городка»[251].

Когда приблизительно в 20:00 Дуррути подъехал в штаб-квартиру своих частей, то прежде он уже заехал в Военный комитет, чтобы узнать о новостях на следующий день, и также обсудил с Эдуардо Валем вопрос милитаризации милиций. Единственными частями «милисьянос» на линии фронта Мадрида, сохранявшими старую структуру, были анархисты. Все остальные — социалисты или коммунисты — согласились с милитаризацией, и их делегаты принимали соответствующие военные чины. Наиболее яростными милитаристами, естественно, являлись коммунисты; уже серьёзно чувствовалось их влияние. Деятельность Интернациональных бригад сильно преувеличивалась и оркестровалась коммунистической пропагандой, которая пыталась придать этим силам характер наиболее важного фактора в сопротивлении.

Советский Союз, чья военная помощь уже становилась ощутимой реальностью, действовал в русле такой пропаганде. «Курносые» уже летали в мадридском небе, смело сражаясь с эскадрильями немецких истребителей и бомбардировщиков, которые своими зажигательными бомбами сметали всё на своём пути. Кроме того,

250 Михаил Кольцов. Указ. соч.

251 Сиприано Мера. Указ. соч.

появились русские танки. В осаждённом и безоружном Мадриде всё это сразу же вызывало симпатии. Но трагедия заключалась в том, как неблагородно эксплуатировались спонтанные чувства людей. Пропагандисты Коммунистической партии в тысячи раз преувеличивали советские поставки, представляя их как бескорыстную помощь испанскому народу. Коммунистическая пресса также наводнялась прозой сталинистской экзальтации на тему безвозмездной поддержки СССР. К тому же героями на всех линиях фронта оказывались партийные. Лидерами того момента стали (Энрике) Листер, или «Эль Кампесино»[252]. Среди строк подобной прозы уже устрашающе проскальзывали косвенные атаки на анархистов. Тот факт, что СССР являлся единственной державой, продающей военное снаряжение Испании, (причём не было известно о требовании «предварительной оплаты»), послужил достаточным мотивом для большего внедрения Партии, которая уже начинала доминировать в Министерстве обороны через «почитаемого» генерала Миаху."

Беседа Дуррути с Валем вращалась вокруг этого пункта, и в качестве срочной меры противостояния сталинской опасности на следующий день, 19 ноября, было назначено собрание активистов. Сиприано Мера, сказал Валь Дуррути, заедет к нему в казарму вечером.

«В восемь вечера, — пишет Мера, — мы (Фелисьяно Бенито, Вильянуэва и я) подъехали на его командный пунктс целью оказания какой-либо поддержки».

Говорили на тему, волнующую всех, — оборона Мадрида. Мера настаивал на своём. Необходимо было объединить все силы Конфедерации в одну прочную структуру. Дуррути должен был возглавить её. Вопрос представительства сильно беспокоил Дуррути, так как он считал, что Военные комитеты должны были функционировать, действовать как обычно, в качестве органов коллективного управления, а первичные организации, как всегда, осуществляли бы должный контроль. Он признавал, что такой механизм имел свои недостатки, но вместе с тем и преимущества — воспрепятствовать образованию армии, которая, быть может, и не

252 Прим. ред.: Валентин Гонсалес(1904-1983) - испанский военный и политический деятель, коммунист.

носила бы такого имени, но действовала бы как таковая...[253]

Меру вызвали с его командного пункта, и он ушёл с собрания, но перед уходом он и Дуррути договорились встретиться в шесть утра 19 ноября в казарме Гражданской гвардии — именно оттуда должны были исходить приказы штурма Клинического госпиталя. Главный штаб предоставил в распоряжение Дуррути прибывшие из Барселоны подразделения. Рассчитывали, что эти части, а также Центурия, посланная Вильянуэвой, которую Сиприано Мера передал Дуррути, будут участвовать в атаке на Клинический госпиталь.

Рассвет 19 ноября ничем не отличался от предыдущего дня: шёл дождь, временами он переходил в ливень. Резкие порывы холодного ветра делали погоду невыносимой. Грязь, вода, ветер и свинец; смерть, караулящая на каждом углу, за каждым деревом, или закрытыми окнами. Солнце ещё не встало, когда в шесть утра, Дуррути и Мера встретились у входа в гарнизон Гражданской гвардии «Королева Виктория». Меру сопровождали Фелисьяно Бенито и Артемио Гарсия, его связной. С Дуррути прибыли Йолди и Мансана. Все поднялись на башню гарнизона, чтобы с высоты следить за боевыми действиями.

«Ещё было темно, и поэтому мы не могли наблюдать за началом атаки; но приблизительно в семь утра уже было ясно, что наши занимали некоторые этажи Госпиталя, которые выходили наружу, а также крыши здания. Дуррути послал записку капитану, руководящему штурмом, рекомендуя прежде всего занять нижний этаж и подвалы, чтобы затем очистить от противника остальные участки здания. Такой приказ был отдан по той причине, что через донесения связных нам стало известно: начав атаку, “милисьянос” встретили сопротивление на нижних этажах и поэтому поднялись наверх. Тогда я сказал Дуррути, что очень хорошо помнил, ещё со времён работы там каменщиком: в Госпитале имелся проход, который соединял главную водопроводную трубу Мансанареса, и она была достаточно широкой для прохода по ней людей. Именно после этого Дуррути послал капитану упомянутый ранее приказ»[254].

Однако распоряжение прибыло поздно. Фашисты заняли первый

253 Сиприано Мера. Указ. соч.

254 Там же.

этаж и таким образом отрезали связь с нашими людьми, занявшими верхние этажи. Необходимо было вновь атаковать и сразиться с повстанцами, укрепившимися в нижней части здания. В распоряжении Дуррути был резервный батальон, и он приказал его командиру выслать две роты к Госпиталю. Капитан, командующий батальоном, в ответ возразил, что не может выполнить эту задачу; однако Дуррути настоял: если нижний этаж не очистить от противника, товарищи наверху погибнут. «Если товарищи не доверяют друг другу, — сказал он капитану, — невозможно добиться победы». Неизвестно, убедили ли капитана слова Дуррути, но указанные роты вышли к Клиническому госпиталю...

Когда Дуррути вновь поднялся на наблюдательный пункт, Сиприано Мера попытался поднять вопрос о дисциплине:

— Дело в том, что бывают моменты, когда приказы нужно исполнять тотчас же… — И вдруг его перебила пуля, пролетевшая около нас и затем вонзившаяся в ящик лестницы. Дуррути воскликнул:

— Чуть в нас не попал, придурок!

Пока возобновлялась атака на Клинический госпиталь, Мера и Дуррути спустились с башни на улицу. Меру очень тревожил вопрос о дисциплине. Он говорил, что сражения научили его следующему: «для того чтобы люди выполнили порученную задачу и не оставили назначенной им позиции (другими словами, чтобы они подчинялись), нет иного способа, кроме дисциплины». Дуррути ответил:

— Ладно, Мера, что касается основных частей твоих доводов, мы согласны с тобой. В общем, я согласен. Кроме того, нужно объединить наши силы. Мои части нуждаются в отдыхе: им пришлось очень трудно. Сегодня в четыре часа дня мы встретимся с товарищем Валем и вместе поговорим обо всём этом[255].

Часы показывали 12:30, 19 ноября 1936 года.

Когда Дуррути прибыл в штаб-квартиру и спросил у Моры, что нового, тот передал ему только что полученную записку:

«Товарищ Дуррути! Наше положение отчаянное; постарайся, применяя всё что можно, вытащить нас из этого ада. Потери наши огромные, а кроме того, мы уже семь дней подряд не ничего не ели и совсем не спали. Физически мы смертельно устали... Жду твоего

255 Там же.

скорого ответа, шлю привет. Мира»[256].

Прочтя записку, Дуррути тотчас же послал ответ:

«Товарищ Мира! Я понимаю ваше физическое изнеможение. Я тоже в таких же условиях; но что же нам делать, друзья? Война — это жестокость. Тем не менее обстановка улучшилась. Вам необходимо держаться на посту до тех пор, пока не подойдёт замена. Это случится сегодня. Всем привет, Дуррути».

Море он продиктовал следующие строки на подпись генерала Миахи:

«Товарищ Мора, министерство обороны приняло решение о замене бойцов, стоящих на передовой линии фронта. Ты должен проследить за тем, чтобы сегодня эти подразделения ретировались с позиций, которые в настоящее время занимают, и сконцентрировались в гарнизоне на улице Гранада, номер 33. Для этого тебе надо оповестить командира, ответственного за этот участок, чтобы он указал, какие части должны заменить тебя в здании факультета философии и литературы, а также в Асило Санта Кристина. Об исполнении этого приказа ты должен мне доложить ранее 12:00 часов завтрашнего дня. Мадрид, 19 ноября 1936 года. Подпись: Б. Дуррути. Проверено и одобрено: Генерал Миаха»[257].

Как только Дуррути подписал этот приказ и уже передавал его Море на подпись генерала Миахи, в сопровождении Лоренте и Мигеля Доги прибыл Бонилья, чтобы сообщить ему о только что произошедших нежелательных переменах на участке Клинического госпиталя. Новости, переданные Бонильей, изменили планы Дуррути, так как водитель Хулио Гравес уже подготовил автомобиль («Паккард») для доставки Дуррути в Комитет обороны НКТ — на собрание активистов, назначенное на этот день. Мансана посоветовал Дуррути поехать на собрание, а он займётся решением внезапно возникшей проблемы. Дуррути на мгновение задумался и затем сказал:

«Если тут речь идёт о паническом отступлении, моё присутствие будет более действенным».

Мы приводим рассказ Антонио Бонильи:

«Было 13:00 (19 ноября), когда я решил поговорить с Дуррути, чтобы

256 Хосе Мира. Указ. соч.

257 Там же.

объяснить создавшуюся ситуацию. Лоренте вёл машину, и меня сопровождал один каталонский плотник, очень храбрый парень. Его звали Мигель Дога. Прибыв в штаб-квартиру, мы увидели: “Паккард” Дуррути уже почти отъезжал, и он сидел в машине вместе с Мансаной. Я объяснил ему создавшееся положение, и Дуррути решил сам поехать на место. Я сказал Хулио Гравесу (водителю), чтобы он ехал за нами, так как нужно было избегать участков, где шли бои, — он так и сделал. Мансана, как всегда, нёс за плечом свой “наранхеро”[258]. С шеи свисал завязанный платок — так он иногда поддерживал раненую руку: на прошлой неделе его ранили в палец. Дуррути, как казалось, не был вооружён, но под его кожаной курткой висел его всегдашний “кольт 45”. Их машина ехала за нами, пока мы не прибыли к коттеджам, занятым нашими поредевшими подразделениями. Тогда их автомобиль остановился. Мы находились впереди, метрах в двадцати от них.

Дуррути вышел из машины, чтобы сказать что-то “милисьянос” которые там, за забором, грелись на солнце. На том участке не шли бои. В том же самом месте Дуррути был смертельно ранен, и испанская революция понесла самую жестокую и невообразимую потерю.

Мы сидели в другом автомобиле, впереди, на расстоянии приблизительно двадцати метров, и ожидали примерно три или четыре минуты. Когда Дуррути садился в машину, мы тронулись с места и, посмотрев назад, чтобы проверить, едут ли они за нами, увидели, что их автомобиль разворачивался и быстро уехал в обратном направлении. Я вышел из машины и спросил у ребят, что произошло. Они ответили, что кого-то ранили. Я спросил, знали ли они, кого именно, и они ответили, что нет. Я сказал Лоренте, что мы должны тотчас же вернуться. Было два с половиной часа пополудни»[259].

Антонио Бонилья чётко указывает на две вещи: а) когда Дуррути выехал из штаб-квартиры на улице Мигель Анхель, с ним было только двое сопровождающих: Хулио Гравес (водитель) и Хосе Мансана,

---

258 Прим. ред.: пистолет-пулемёт.

259 Журнал Posible, Мадрид, № 80, июль 1976 года. Статья Педро Косты Мусте, в которой приводится рассказ Антонио Бонильи.

его помощник; б) они не видели, что случилось в тот момент, «когда Дуррути садился в машину, потому что мы тронулись с места и, посмотрев назад (…), увидели, что “Паккард” разворачивался». Однако в свидетельстве Бонильи уже имеется первая неясность: «Я вышел из машины и спросил у парней, что случилось. Они сказали, что кого-то ранили». Бонилья указывает, что «на том участке не шли бои», и, кроме того, подразумевается, что с расстояния «двадцати метров» они увидели всё, что происходило вокруг Дуррути. Двадцать метров — небольшое расстояние, и выстрел, даже произведённый из «наранхеро», может быть прекрасно услышан. Бонилья не пишет о том, что он услышал выстрел. Как же парни могли знать, что «кого-то ранили»? Видели ли они, как Дуррути был ранен в его собственном автомобиле? Здесь Бонилья неточен. Представляется странным, что, когда эти парни сказали Бонилье: «Кого-то ранили», он не выяснил причину, так как «на том участке не шли бои», и, следовательно, Бонилья не услышал никакого выстрела...

Рассказ водителя, Хулио Гравеса, мы позаимствовали у корреспондента Solidaridad Internacional Ариэля:

«В тот день — день гибели Дуррути — в здании Национального подкомитета, на улице Реформа Агрария, напротив Ретиро должен был состояться пленум активистов. В качестве представителя Национального комитета в Мадрид из Таррасы прибыл товарищ Пратс. Ввиду того, что здание Soli было частично повреждено бомбардировками прошлых ночей, для нашей журналистской работы мы воспользовались одной из высоких комнат этого здания. В полдень, как обычно (и об этом знали товарищи из подкомитета), я направился в штаб-квартиру Дуррути, чтобы получить информацию для газеты. Меня попросили передать Дуррути что в тот день в 15:00 намечено провести собрание активистов для обсуждения темы конфедеральных милиций.

Я так и сделал. После обеда я, как всегда, отправился в штаб-квартиру Дуррути. Когда я туда пришёл, мне сообщили, что несколько минут назад он выехал на линию фронта. Сколько раз потом я сожалел, что не застал его! Если бы он был на месте — быть может, он отправился бы на собрание активистов и таким образом спасся от гибели. Но судьба, фатальный случай решил всё по-своему. Дуррути

было суждено умереть в тот день, как герою (...).

Спустя какое-то время (...) я увидел там шофёра Дуррути. Парень среднего роста, хорошей выправки. Его звали Хулио Гравес. Он искал моего брата Эдуардо — они были старыми друзьями ещё со времён социальных сражений в Барселоне. Я сказал ему, что он спал в соседней комнате. Хулио выглядел очень грустным, и на лице его было написано глубокое волнение. Но я не придал этому большого значения — все мы переживали суровые времена.

Как только я услышал, что мой брат проснулся и заговорил с водителем Дуррути, сразу же последовали звуки плача. Я быстро встал и направился в комнату, откуда слышались всхлипывания.

— Что случилось? — спросил я, обеспокоенный.

— Дуррути смертельно ранен, — ответил мне один из них, — и, быть может, уже скончался.

— Но нежелательно, чтобы эта новость стала известной сейчас, — сказал товарищ Хулио Гравес.

Было пять часов вечера.

(...)

— Расскажи мне всё как есть, всю правду, — сказал я товарищу Хулио Гравесу.

— Правда одна и вот. После обеда мы отправились на линию фронта в Университетском городке, с нами был товарищ Мансана. Мы подъехали к Куатро Каминос. Оттуда на всей скорости спустились по проспекту Пабло Иглесиас. Пересекли район маленьких отелей, расположенный в конце проспекта, и свернули направо. После больших потерь на площади Монклоа и у стен тюрьмы Модело части Дуррути заняли другие позиции. Светило осеннее солнце. Подъехав к широкому шоссе, мы увидели группу “милисьянос”, шедших по направлению к нам. Дуррути понял, что это были молодые бойцы, дезертирующие с линии фронта. То место выглядело разрушенным после боёв. Клинический госпиталь, занятый в те дни частями арабов, господствовал над всеми окрестностями. Тогда Дуррути попросил остановить машину. Я так и сделал; мы остановились на углу одного из тех небольших отелей, соблюдая меры предосторожности. Дуррути вышел из машины и направился к покидающим линию фронта “милисьянос”. Спросил у них, куда

шли, и, так как они замялись, он настоял: они должны вернуться на свои боевые позиции; Дуррути говорил сурово и чётко.

После того, как парни подчинились, — продолжил товарищ Гравес, — Дуррути пошёл назад, к машине. Ливень пуль становился всё сильнее. Послышались яростные выстрелы со стороны яркой громады Клинического госпиталя. Подойдя к дверце машины, Дуррути упал. Ему прострелили грудь. Мансана и я выскочили из автомобиля и тотчас же усадили его в машину. Я, как мог быстро, развернул машину, и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций (оттуда мы и приехали). Остальное тебе известно. Это всё».

Ариэль заканчивает свой рассказ, подтверждая важную подробность: «Слёзы текли по щекам этого молодого анархиста. Он и Мансана были единственными очевидцами того последнего, фатального и трагичного момента жизни героя обороны Мадрида...»[260].

260 Ариэль. Указ. соч.

ГЛАВА XXI.
ДУРРУТИ УБИВАЕТ ДУРРУТИ

Когда между 14:30 и 15:00 смертельно раненое тело Дуррути, было доставлено в госпиталь колонны (отель “Ритц”), то в тот день там дежурили врачи: Хосе Сантамария Хауме, начальник санчасти Колонны, его ассистент Мойа Пратс, Мартинес Фрайле, Кунилл, Сабатéс и Абадес.

Тотчас же после поступления раненого поместили в операционную, которую, ввиду непрекращающихся бомбёжек, по соображениям безопасности оборудовали в подвале здания. Весь медицинский персонал, узнав о личности раненого, поспешил в операционную.

«Дуррути узнал в одном из присутствующих там медработников знакомого доктора, с которым его связывали узы дружбы и доверия. Он слегка приподнялся со смотрового стола и начал возбуждённо и сбивчиво рассказывать о случившемся. В его речи смешивались недоумение и неверие перед лицом только что произошедшего; ведь всё случилось так неожиданно и непоправимо. Врач, услышав его откровенные слова, сильно побледнел. Затем энергичным жестом он категорично приказал ему замолчать и порекомендовал успокоиться»[261].

Когда вместе с коллегами доктор произвёл осмотр раны и понял степень её тяжести, когда все осознали всю свою будущую ответственность — ввиду авторитета личности раненого в случае, если они осмелились бы повести рискованное хирургическое вмешательство, — Мартинес Фрайле и Сантамария решили посоветоваться с опытным и престижным хирургом, доказавшим за долгие годы службы свой профессионализм. Сантамария приказал срочно послать за знаменитым врачом Мануэлем Бастосом Ансартом, который в тот момент находился в другом госпитале НКТ, неподалёку от «Ритца», в отеле «Палас».

В отеле «Палас» был оборудован хирургический госпиталь НКТ № 1. Ответственным за хирургическое отделение был Мануэль Бастос Ансарт, которого Сантамария вызывал на консультацию. Однако

261 Хоан Ларч. Указ. соч. Эта подробность важна, однако автор, не указывая никаких имён, сам отменяет её ценность.

мы должны указать на любопытные подробности в отношении этого госпиталя. Первое — в одном из крыльев нижнего этажа отеля «Палас» находилось советское посольство в Мадриде; второе — именно в отеле «Палас» секретные службы генерала Франко установили одну из своих первых структур. Эти службы шпионажа и безопасности не ограничивались исполнением своих непосредственных задач, но и каким-то образом способствовали исчезновению данных о больных и, более того, умерших; такая документация поставлялась агентам Франко.

Итак, после констатации описанного факта перейдём к свидетельству Мануэля Бастоса Ансарта:

«Во время одной из тех бомбёжек ко мне подошла группа “милисьянос”. Они, весьма взволнованные и с выражением секретности на лицах, попросили меня осмотреть в другом отеле-госпитале одного очень важного командира, тяжело раненного (...). Мне стало известно, что тот (раненый) был очень авторитетной шишкой, но потрясающей репутации, и его окружение без утайки дало мне понять, что ему нанесли ранение его собственные сторонники. Рана горизонтально пересекала верхнюю часть брюшной полости и нанесла повреждение важным внутренним органам. Рана была фатально смертельной, и мы ничем не могли помочь пациенту — он доживал свои последние минуты. Мне удалось услышать его последние слова. Это было: “Они уже отдаляются”. Он имел в виду утихающий грохот взрывов, который наводил на мысль об отступлении вражеских самолётов.

Дело в том, что, когда я признал состояние пациента безнадёжным (он через некоторое время действительно скончался), в помещении почти что послышался вздох облегчения со стороны всех медиков-ассистентов. Ведь у них буквально гора свалилась с плеч: их принуждали делать операцию, а кончина пациента во время хирургического вмешательства была вполне вероятна. Наверняка его сообщники обвинили бы в смерти раненого оперировавших, со всеми вытекающими из этого последствиями. Спустя несколько лет я встречал некоторых врачей, присутствовавших в тот день в госпитале, и, когда они вспоминали ту сцену, их всё ещё охватывала дрожь; они обсуждали происшедшее только с глазу на глаз и при

одном её упоминании бледнели»[262].

На основе диагноза Мануэля Бастоса было принято решение не оперировать раненого, что означало оставить его умирать. Так, в 4 часа утра 20 ноября в номере 15 отеля «Ритц», в присутствии врача Хосе Сантамарии, который, строго приказав никому не беспокоить, беспрерывно дежурил у постели пациента, скончался Буэнавентура Дуррути. Ему было 40 лет и 129 дней. Прошло четыре месяца после смерти Франсиско Аскасо. С закатом их жизней завершалась одна из самых беспокойных глав пролетарской борьбы.

Бóльшую часть своей жизни Дуррути провёл в подполье. Его деятельность активиста всегда являлась противоречивой: враг буржуазного порядка, Дуррути для него не мог быть никем другим, кроме как бандитом. Тем не менее, посвятив себя полностью делу революции, для революционеров он был чрезвычайно одарённой личностью. Конец такого бойца не мог быть прозаичным, мещанским, а напротив — незаурядным... Именно поэтому, что являлось обычным для тех, кто ежедневно погибал в сражениях с оккупантами Мадрида, для Дуррути не могло стать нормой. Коллективный вымысел ещё до его кончины принялся создавать невероятные сценарии в отношении его смерти.

После того, как Антонио Бонилья вместе с его друзьями Лоренте и Мигелем Догой уехал с того места, где был ранен Дуррути, все трое направились в штаб-квартиру колонны, расположенную на улице Мигель Анхель:

«Меня принял Мансана. Я спросил у него, где Дуррути, и он сказал, что отправился на заседание Национального комитета. Я ответил, что это неправда, что Национальный комитет находился не в Мадриде. Он изменился в лице и сказал: если он входил в состав колонны, то из-за Дуррути и всех нас, и что если мы уже не доверяли ему, он мог выйти из её рядов. “Ты солгал, — сказал я, — но на тебе ответственность за то, что случилось, и в следующий раз ты обязан рассказать мне буквально всё”. Мне надо было вернуться к товарищам. На следующий день, в пять утра, Мора приехал на

262 Мануэль Бастос Ансарт. «От колониальных войн до гражданской. Мемуары хирурга» (De las guerras coloniales a la guerra civil. Memorias de un cirujano). Барселона: изд-во. Ariel, 1969.

мотоцикле с новостью о кончине Дуррути»[263].

Хотя стрелки часов показывали больше назначенного времени на час (иными словами, было 16:00 19 ноября), опоздание Дуррути нас не смущало, потому что все мы знали о его занятости и необходимости его присутствия во многих местах. Спустя какое-то время приехал Мансана. Он отозвал меня в сторону, чтобы поговорить наедине. Он был не в себе, и я сразу спросил:

— Что случилось, Мансана?

Почти со слезами на глазах он ответил:

— Только что ранили товарища Дуррути, и мне кажется, ему не выжить.

— Что?! Какого чёрта? Мы виделись всего несколько часов назад, и он мне сказал, что поедет на свой командный пункт, чтобы отдать распоряжения.

— Да, так и было. Но приблизительно в четыре часа второй половины дня (время указано неверно) один связной сообщил нам, что капитан, командовавший двумя ротами, посланными в Клинический госпиталь, отдал приказ всем своим бойцам отступить. Ты знаешь, как Дуррути относится к таким делам. Он приказал подать машину, и мы тотчас же выехали к Клиническому, чтобы проверить достоверность информации. Я сказал ему, что на самом деле его присутствие для проверки фактов не было обязательным. Я не думал, что с ним могло что-нибудь случиться, но придерживался другого мнения, то есть, что он должен был оставаться на командном посту, чтобы руководить частями в спокойной обстановке...

— Но ладно, что же произошло?

— Мы подъехали к концу проспекта и не останавливаясь поехали по улице, которая выходит на восточную сторону Клинического. На этой улице Дуррути приказал машине остановиться, так как увидел бегущего по направлению к нам “милисьяно”. Он вышел из автомобиля и спросил, почему он бежит. Тот ответил, что направляется в санчасть, чтобы достать носилки, так как у них были раненые и один погибший в бою. Дуррути не стал его задерживать и в момент входа в автомобиль (его открытая дверца находилась напротив Клинического), сказал нам, что его ранили...

---

263 А. Бонилья, цитированные свидетельства.

— Кто был с вами?
— Дуррути, его два связных, Йолди и я.
— Ты думаешь, что выстрел был сделан из госпиталя и что наши уже покинули его?
— Да, без сомнения, то была вражеская пуля.

Товарищ Мансана предупредил меня, что очень важно держать случившееся в секрете, так как бойцы Дуррути после целого ряда волнений могли подумать, что это было покушение. На том мы и расстались, но я сказал Мансане, что необходимо рассказать обо всём Валю. Он согласился, и мы зашли в кабинет Валя, чтобы сообщить ему страшную новость.

После этого Мансана и я тотчас же направились в отель "Ритц" (...). Когда мы прибыли, Дуррути выносили из операционной на носилках. Его подняли на главный этаж, в изолированную комнату. Когда он уже лежал на кровати, то открыл глаза и смотрел на нас, не в состоянии вымолвить ни слова. Меня переполняли эмоции, я поцеловал его лоб и вышел вместе с Мансаной из помещения, говоря:
— Мы потеряли товарища Дуррути.
(...)

Валь попросил, чтобы я тотчас же поехал в Валенсию — сообщить о случившемся Национальному комитету НКТ и лично товарищам Мариано Родригесу Васкесу (который недавно заменил на посту генерального секретаря Орасио Мартинеса Прието, снятого с должности по причине отъезда из Мадрида), Гарсии Оливеру и Федерике Монтсени. Я не соглашался, приводя аргумент о возможной ошибке медиков и что не было необходимости распространять тревожную новость на всю организацию.

Я никого не смог убедить, так как всем было ясно, что ожидало Дуррути. Тогда опять заговорили об обстоятельствах трагичного происшествия, и Валь с подозрением спросил у Мансаны:
— Быть может, это дело рук коммунистов?
— Нет, — категорически ответил Мансана, — пуля вылетела из Клинического. Это фатальный случай. Госпиталь сейчас занят противником.

Мы ещё немного поговорили и распрощались. Я тотчас же

отправился в Валенсию»[264].

В период между приговором врачей о неизбежной смерти раненого и до самого его последнего вздоха Дуррути для облегчения страданий ввели большие дозы морфия, которые привели его в полусознательное состояние. Он иногда приходил в себя и в четыре часа утра 20 ноября скончался.

В том же самом госпитале доктор Сантамария произвёл посмертное вскрытие. Оно доказало повреждения органов пулей крупного калибра 9. Входное отверстие находилось в грудной клетке, почти под левым соском, по направлению к подмышечной впадине. Вот результаты проведённого вскрытия:

«Грудная клетка Дуррути была очень развитой. Согласно её топографии, мне стало ясно, что в диагнозе произошла ошибка, так как сочли невозможным хирургическое вмешательство. В момент аутопсии я удостоверился, что операция могла бы быть проведена с положительным исходом, хотя, несомненно, раненый был обречён»[265].

После окончания процедуры вскрытия труп Дуррути передали специальным службам муниципалитета Мадрида для бальзамирования, так как ранее уже было решено перевезти тело в Барселону для похорон.

Ни одна из глав жизни Дуррути не содержит столько противоречий, как эта, повествующая о его последних моментах жизни. Из трёх очевидцев, согласно их собственным показаниям, ни один не совпадает в своём рассказе с другими. Каждый представляет свою версию, отличную от остальных, вносит какие-то детали и умалчивает о других. Именно поэтому случившееся обретает оттенок таинственности. Хулио Гравес опровергает версию Мансаны, когда тот утверждает, что в автомобиле ехали кроме трёх уже известных нам пассажиров ещё три: два неизвестных (охранники) и Мигель Йолди. Показание Гравеса категорично: очевидцев было двое — он и Мансана. С только что приведённым свидетельством Антонио Бонильи, которое мы привели не полностью (во французском

264 Сиприано Мера. Указ. соч.

265 Хоан Ларч. Этот автор помещает в тексте ответ доктора Сантамарии на его вопросник.

издании мы исправили это), он сам исключается как пассажир того автомобиля; однако никто (мы имеем в виду Мансану и Гравеса) не упоминает о присутствии Бонильи «в качестве связного», который предупредил Дуррути в отношении Клинического госпиталя.

Два врача также противоречат друг другу: Хосе Сантамария заявляет, что рана, нанесённая Дуррути, является результатом выстрела, сделанного наверняка на расстоянии от пятидесяти до тридцати пяти сантиметров от жертвы. Такой расчёт основан на степени проникновения пороха в ткань одежды в момент происшествия[266].

Мануэль Бастос Ансарт, давший окончательный диагноз (согласно Сантамарии, ошибочный), пишет: «... рана горизонтально пересекала верхнюю часть брюшной полости и повредила жизненно важные органы». Тот же самый медик, приводя больше деталей в своём заключении, сообщает: «...пуля крупного калибра (возможно, 9) затронула прямую кишку, повредила селезёнку, пробила диафрагму, ранив лёгкое, где она застряла»[267].

Доктор Бастос, прослеживая траекторию пули через различные органы раненого, не упоминает того, что выстрел наверняка был произведён с короткого расстояния. Также он не говорит, что вокруг смертельного отверстия в теле остались какие-либо следы в результате вспышки пламени выстрела, произведённого на расстоянии менее чем пятьдесят сантиметров.

Прибавим ко всему этому абсурдное решение, принятое, судя по всему, Мансаной, держать в тайне ранение Дуррути и придерживаться версии «выстрела, произведённого из Клинического госпиталя». Тот находился на расстоянии тысячи метров, и не представлялось возможным, что пуля 9 калибра могла бы нанести столько разрушительных повреждений организму Дуррути. Следуя какому инстинкту Мансана фальсифицирует факты? Единственным авторитетным лицом, находившимся в Мадриде в те дни, был не кто иной, как Эдуардо Валь, и, по словам Меры, тот был оповещён благодаря настойчивости Мансаны. Мариано Родригес Васкес, Гарсия Оливер, Федерика Монтсени и остальные активисты со стажем находились за пределами Мадрида и, следовательно, не

266 Там же.

267 Хесус Арналь в письме, посланном автору 13 июня 1971 года.

могли порекомендовать какое-либо объяснение фактов. Таким образом, они на самом деле должны были принять и поддержать рассказ Мансаны, Гравеса и других. Таким образом, перед захоронением тела Дуррути и даже в моменты агонии возникла огромная проблема для тех, кто близко или на расстоянии связывал свою жизнь с жизнью смертельно раненного революционера. Его товарищи, хотя и знали, что Дуррути всегда был бескомпромиссным революционером, продолжали сражаться за Мадрид, следуя его чистому и последовательному примеру. Кроме того, эти люди, стоявшие рядом с ним на протяжении многих рабочих дней и сражений, признавали, что начался этап отступления революции и что гибель Дуррути означала утерю важной опоры для революционного процесса. Любое объяснение смерти Дуррути — и меньше всего несчастный случай — носило оттенок покушения, и покушение могло исходить только из лагеря сталинистов. Если мы соединим в одно все эти элементы, в результате получим то, что назовём «сговор страха». Страх почувствовали Мансана и Гравес (и те, кто находился рядом с ними); также страх почувствовали врачи, которые имели перед собой раненого Дуррути. Они дрожали при мысли: если они оперировали его, и он бы умер на операционном столе, то «милисьянос» сочли бы, что именно медики убили его. Диагноз, поставленный доктором Бастосом, представился всем спасательной соломинкой, и, таким образом, они оставили Дуррути постепенно умирать в течение двенадцати часов, пока длилась агония. Этот страх ясно виден в отрывке авторства Сантамарии, дословно приведённом нами здесь. В нём врач утверждает, что была совершена ошибка в отклонении операции, однако в любом случае раненого не удалось бы спасти. На что всё это указывает? Если можно было провести операцию, то, исходя из существования возможностей сохранения жизни, не используя такие минимальные шансы, пациент неизбежно приговаривался к внутреннему кровоизлиянию.

В завершение ко всему мы скажем: герой, которого создали из Дуррути, убил в нём человека. Коллективное мнение превратило антигероя в героя. Иными словами, это наилучшим способом показало, что Дуррути так и остался непонятым.

ГЛАВА XXII.
ПОХОРОНЫ ДУРРУТИ

Пока в номере 15, на первом этаже отеля «Ритц» медленно умирал Дуррути, на улице Реформа Агрария продолжали заседать мадридские активисты НКТ. Ариэль, корреспондент Solidaridad Internacional, не осмеливался звонить в Барселону, чтобы сообщить о случившемся в редакцию своей газеты, до тех пор, пока не будет известно о результатах упомянутого собрания. «Обнародовать смерть Дуррути и не проанализировать последствия такой новости в те дни явилось бы легкомысленным поступком». Что касается Ариэля, то для него сокрытие новости означало сохранить силу духа бойцов. Части генерала Франко удвоили мощь своих атак на город, и при таких обстоятельствах любое изменение в лагере республиканцев могло привести к катастрофическим последствиям в обороне Мадрида[268].

Сиприано Мера прибыл в Валенсию приблизительно в 6 утра; ещё было слишком рано, и в помещении, где находился Центральный комитет НКТ, никого не было. Но, к счастью, он встретил там одного парня и сообщил о цели своего визита, сказав, что ему необходимо срочно повидать Гарсию Оливера. Почти все министры правительства Ларго Кабальеро поселились в отеле «Метрополитано», и именно там Мере удалось поговорить с Гарсией Оливером и Федерикой Монтсени.

Реакция Гарсии Оливера выразилась в сожалении о неизбежности произошедшего — ведь всё это можно было предвидеть заранее. Когда НКТ приняла решение послать Дуррути в Мадрид, тот был против, считая, что его присутствие в Арагоне было намного важнее, чем в Мадриде.

У Федерики Монтсени, которая почувствовала себя ответственной за случившееся, произошёл нервный срыв... В тот момент раздался телефонный звонок: Гарсии Оливеру сообщали, что около шести утра скончался Дуррути. И хотя все ожидали этой новости, она ошеломила присутствующих. Каждый из них задавал себе вопрос: что произойдёт, когда о трагедии станет известно в рядах бойцов

268 Ариэль. Указ. соч.

НКТ?

«Наконец мы втроём вышли из отеля и направились в Национальный комитет. Когда мы встретились с Марианетом, несколько дней назад избранным генеральным секретарём, он сказал нам, что Валь уже позвонил ему из Мадрида и сообщил о смерти Дуррути. Затем он посмотрел на всех нас, как бы раздумывая о поставленном вопросе: замене нашего погибшего товарища (...). Назвали ряд имён: Ортис, Ховер, Рикардо Санс. В конце концов решили, что последний из указанных более всего подходил для поста командира остатков Колонны в Мадриде, которая должна была остаться в городе. А Мансана должен был выехать в Арагон, чтобы принять командование местной колонной. Лично меня, — пишет Мера, — не удовлетворило принятое решение, так как я считал, что место Дуррути должен был занять Гарсия Оливер»[269].

Помещение, где находилось тело Дуррути, было белым и квадратной формы. На маленькой железной кровати, покрытое белой простынёй, лежало тело Буэнавентуры. Его голова покоилась на подушке. Утренние лучи светили через витражи балкона, выходившего на кольцевой перекрёсток, где возвышался обелиск героям 2 мая... Всё это казалось символичным и памятным в честь нового народного героя. С деревьев конских каштанов падали последние листья осеннего золота.

В восемь утра, чтобы снять посмертную маску с лица Дуррути, приехал Викториано Мачо — великий испанский скульптор. Его сопровождали другие артисты, члены Альянса интеллигенции (...). Мачо попросил убрать с тела покрывающую его простыню: так ему было удобнее работать:

— Это Геркулес, истинно Геркулес! — воскликнул Викториано Мачо, увидев обнажённое тело Дуррути...»[270].

«20 ноября в полдень я находился в Фигерес, сопровождая команданте Рамос де Иглесиас (проверка береговой обороны). Был накрыт стол. Мы собирались обедать... Как вдруг телефонный звонок Гарсии Оливера сообщил мне страшную новость:

— Не теряй времени, тотчас же садись в машину и немедленно

269 Сиприано Мера. Указ. соч.

270 Ариэль. Указ. соч.

возвращайся в Барселону. Нам только что сообщили: Дуррути убит в Университетском городке. На заседании Совета обороны было решено, что ты заменишь его. Быстрее, приезжай.

Я вошёл в столовую с изменившимся лицом, — пишет Рикардо Санс. Все сидели за столом, ожидая меня, чтобы приступить к обеду. Я сообщил им трагическую весть (...). Через несколько минут мы выехали по направлению к Барселоне.

В Департаменте обороны мне не сообщили ничего нового. Меня назначили командиром каталонских частей в Мадриде. От Гарсии Оливера я получил следующую задачу: “Узнай, что там на самом деле произошло, и докладывай мне обо всём”[271].

Вечером тело Дуррути было перевезено по адресу Национального подкомитета и помещено в гроб из красного дерева.

Также привезли чемодан Дуррути — его единственное имущество. Что же было в этом чемодане?

Потёртый, старый, небольших размеров чемоданчик. В те дни, когда всего было предостаточно, чемодан Дуррути был почти что пуст — там лежали лишь смена грязного белья и набор для бритья. Вот и всё, что в нём было. Это был весь багаж Дуррути.

Там была представлена нетребовательность борца. Несколько дней назад он попросил у Национального подкомитета НКТ сто песет на мелкие нужды (...). Он, ранее доставлявший огромные средства для Конфедеральной организации, рискуя жизнью, отказывал себе во всём, с тем чтобы служить примером чистоты. Тот багаж означал сокровище человеческого достоинства.

Он отказался от всего, кроме победы. Но победа для него означала каждодневное поведение. Оно, как яркий след, остаётся после человека как память о его деятельности...

(...) Наиболее потрясающим визитом стал приезд группы товарищей из подразделений Дуррути. Кожаные кепки и куртки, вельветовые брюки. Их винтовки ещё не остыли от выстрелов. Они на минуту оставили линию фронта. Все бойцы подразделения хотели приехать, чтобы увидеть безжизненное тело погибшего товарища, которого они так любили и который доказал им свои верность и мужество. Но это было невозможно. Нельзя было оставлять линию фронта (...)

271 Рикардо Санс. Указ. соч.

В их глазах блестели слёзы грусти (...) И в тишине, глубокой тишине их волнения (...) из самой глубины их души они дали обещание продолжить борьбу до окончательной победы за триумф истинной свободы (...) вплоть до достижения победы пролетариата"[272].

На рассвете 21 ноября я выехал в Мадрид. У въезда в Валенсию, около тюрьмы «Сан-Мигель-де-лос-Рейес», я увидел кортеж автомобилей, ехавших за фургоном, перевозившим тело Дуррути в Барселону.

Я на минуту задержался, чтобы узнать что-либо о случившемся от очевидцев гибели Дуррути, и продолжил путь к Мадриду.

Прибыл в Мадрид уже вечером. Кругом царил полнейший хаос. Никто не хотел верить в смерть Дуррути.

Все считали, что Дуррути не мог умереть. Могло случиться всё, что угодно, только не это. Не важно было даже, если бы обрушился небесный свод. Могли бы даже вымереть все мадридские коты. Этого не могло произойти, люди никак не принимали, что вражеская пуля поразила сердце именно Дуррути!

"Его убили коммунисты", — говорили одни. "Его убили выстрелом с балкона", — добавляли другие. "Его мог убить не кто иной, как его враги", — совпадали во мнении и те, и другие. Когда говорили таким образом, никто не думал, что Дуррути также мог погибнуть от пули противника, засевшего в траншее напротив»[273].

Ранним утром 22 ноября прибыл кортеж, сопровождающий тело Дуррути из Барселоны. С тех минут, вплоть до утра 23-го, когда состоялись похороны, Виа Лаэтана и «Дом НКТ-ФАИ» были запружены толпой.

«На следующий день утром были похороны. Становилось ясно, что пуля, пронзившая Дуррути, также поразила сердце Барселоны. По подсчётам, каждый четвёртый или пятый житель города прошёл за гробом в похоронной процессии, не принимая в расчёт толпы народа на улицах, людей, наблюдавших из окон домов, на крышах и даже с деревьев на улице Рамблас. Партии и профсоюзы различных течений созвали своих членов, и над этим морем людских голов рядом с анархистскими развевались знамёна всех антифашистских

272 Ариэль. Указ. соч.

273 Рикардо Санс. Указ. соч.

организаций. Зрелище было величественным, потрясающим, необыкновенным. Толпа шла без всякого руководства, не было никакого порядка, ни организации. Всё происходило просто так и не поддавалось описанию.

Похороны были назначены на десять. За час до того уже было невозможно добраться до здания Анархистского регионального комитета. Никто не думал о том, как расчистить дорогу для кортежа. Отовсюду прибывали группы людей. Фабричные встретились, перемешались и отрезали подход. В центре кавалерийский взвод и моторизованная часть, которые должны были идти впереди гроба, оказались заблокированными. Повсюду стояли машины с венками — они не могли сдвинуться с места. С большими трудностями министрам удалось пробраться к гробу.

В десять с половиной тело Дуррути, покрытое красно-чёрным знаменем, было вынесено из Дома анархистов; его несли на своих плечах "милисьянос" колонны "Дуррути". Толпа подняла вверх кулаки в знак прощального приветствия. Запели гимн анархистов "Дети народа". Всех охватило волнение.

Однако никто не заметил, что на похоронную процессию пришли две группы музыкантов; один оркестр играл тихо, другой — очень громко, но не в такт первому. Шум мотоциклов, гудки автомобилей, командиры милиций свистели и жестикулировали. Между тем несущие гроб не могли продвигаться. Похоронная процессия не могла тронуться с места. Музыканты опять принялись играть, вновь тот же самый гимн; каждый играл сам по себе, не заботясь о другом; звуки смешивались в музыку без мелодии. Поднятые кулаки не опускались. Наконец музыка стихла, и приветствия тоже. С тех минут слышался шум толпы, в центре которой лежал Дуррути на плечах своих товарищей.

Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем по улице смогла продвинуться похоронная процессия. Прошло несколько часов, прежде чем она прибыла на Площадь Каталонии, находившейся на расстоянии всего нескольких сотен метров. Кавалеристы, как могли, продвигались вперёд. Музыканты, потерявшие один другого, старались собраться вместе. Автомобили, остановленные в обратном направлении, давали задний ход. Машины с венками проезжали по

параллельным улицам, чтобы каким-нибудь образом встать в состав кортежа. И все кричали во всё горло.

Нет, это не были похороны монарха — это были народные похороны. Никакого порядка — всё происходило спонтанно, импровизированно. Это были похороны анархиста — узрите Его Величество! Иногда странные, но не теряя грандиозности, необыкновенной и мрачной». У основания колонны Христофору Колумбу, недалеко от того места, где 19 июля Аскасо, друг погибшего, принимал сражение и отдал свою жизнь, были произнесены прощальные речи.

Оливер, единственный оставшийся в живых из группы трёх товарищей, взял слово как друг, товарищ и министр юстиции Испанской Республики. «В эти тревожные часы, — сказал он, — революционное правительство горячо приветствует Дуррути и всех павших в борьбе с фашизмом. В лице его подруги мы приветствуем всех женщин, оплакивающих смерть дорогих им людей. В дочери Дуррути мы приветствуем всех детей, потерявших своих родителей. Мы приветствуем всех сражающихся на фронте и тех, кто будет идти в бой до решающей победы».

Затем слово взял русский консул. Он закончил свою речь на каталонском, восклицая: «Смерть фашизму!» Президент Женералитат Компанис выступил последним. Он сказал: «Товарищи!» и закончил возгласом: «Вперёд, вперёд!»

Предполагалось, что после выступлений толпа разойдётся, и только ряд друзей пройдут за гробом до кладбища. Но было невозможно следовать намеченной программе. Люди не расходились, всё кладбище было запружено толпами, и нельзя было добраться до места могилы. Кроме того, все улицы кладбища оказались заставлены тысячами венков.

«Темнело. Опять начался дождь. Вдруг он перешёл в ливень, и земля кладбища превратилась в грязное месиво, где утопали цветы. В последний момент приняли решение отложить захоронение, и нёсшие на плечах гроб развернулись перед могилой и понесли свою ношу в погребальное помещение.

Всего лишь на день позже Дуррути был похоронен. Его последней обителью станет мавзолей, сооружённый для тел Аскасо и его. Он станет местом паломничества для народа, который переживает

смерть своих героев, не плача о них, — он чествует их без того сентиментализма, которое мы называем благочестием»[274].

23 ноября 1936 года в Леганес имело место важное заседание; его возглавлял сам Генералиссимус (Франко), и присутствовали на нём генералы Мола, Саликет и Варела, вместе с командующими их главных штабов. Там было принято наиважнейшее решение — оставить фронтальную атаку на Мадрид, и таким образом оно изменило курс и знак истории…[275]

В тот же день, 23 ноября, вся пресса Испании и мира информировала о погребении анархиста, иллегалиста, которым всю свою жизнь был Дуррути.

«Пролетарская демонстрация, идущая за гробом Дуррути, наряду с похоронами Ленина, является одной из самых значительных рабочих демонстраций в истории пролетариата. Более полумиллиона человек присутствовали там, но величие этого события заключается не в физическом присутствии толпы, а в глубоком чувстве, которое вызвала смерть Дуррути у всей революционной Испании», — правдиво замечает Каминский.

Печатный орган Колонны «Дуррути» El Frente, номер, датированный в Пина-де-Эбро 23 ноября 1936 года, пишет: «История и легенда станут его величавыми вестниками», и действительно, с того момента, как стала широко известна новость о смерти Дуррути, родилась легенда, которая, по прошествии 40 лет, всё ещё жива. Народное воображение не смирилось с концом Дуррути; он выходил за рамки его значения для истории. Так же, как и в другие моменты его бурной жизни, это воображение создаёт ещё одну жизнь, согласно личности человека, который в те дни воплощал устремления самого народа. На этом основании Ruta — печатный орган Либертарной молодёжи — пишет:

«Дуррути — борец, никогда не оставлявший рабочего места в мастерской; Дуррути — командир Колонны, презревший почести и звёзды на погонах; Дуррути — человек из народа, который жил для народа, представлял для нас, молодых анархистов, твёрдую

274 Каминский Н.Э. Указ. соч.

275 Хосе Мануэль Мартинес Банде. «Поход на Мадрид» (La marcha sobre Madrid). Изд. Сан Мартин, 1968.

надежду».

А El Frente Libertario, газета Конфедеральных милиций, цитировала последние слова Дуррути как «призыв к мужеству»:

«Братья, вперёд, за революцию!»

Далее газета писала: «Мы бы заслужили презрение, оказываемое предателям, если бы не исполнили его последнего желания».

Пресса других антифашистских течений прославляла героя, но анархисты — противники культа как такового — писали в Solidaridad Obrera:

«Другая организация, отличная от НКТ, придала бы ему святой характер вождя».

А в газете Tierra y Libertad, органе ФАИ, писали:

«Город и человек искали друг друга, нашли и слились в одно целое; оба стали достойными один одного».

Тысячи писем и телеграмм пришли в Комитеты НКТ изо всех стран мира. Испанские политические деятели, делегаты и командиры Колонн выразили свою боль. Персонажи левого революционного движения, такие как Андреу Нин или Марсо Пивер, подчеркнули огромную потерю для революции — смерть Дуррути. Десятки испанских и иностранных писателей выразили свою грусть. Среди них Пьер Сиз наиболее удачно описывает значение пустоты после гибели Дуррути:

«Кто сможет стать достаточно сильным и достаточно достойным, чтобы принять страшное наследие Дуррути?»[276]

Как можно выразить это наследие кратко? Мы процитируем строки из его последнего письма, написанного за сутки до смерти, в адрес Либерто Кальехаса:

«Перед отъездом из Каталонии я попросил быть сознательными тех, кого интересует то же, что и меня. Я не говорю о бедных духом и слабых. Я говорю обо всех тех, о нас; мы полностью отдали себя для совершения последнего натиска. Ружья не способны ни на что, если за ними не стоят воля и расчёт в выстреле. Нет сомнения, что фашисты не войдут в Мадрид, но их необходимо быстро отбросить, потому что Испанию надо опять завоевать»[277].

---

276 НКТ, брошюра от 20 ноября 1936 года.

277 La Noche, вечерняя газета Барселоны, публикует 24 ноября 1936 года письмо

ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ

СМЕРТИ ДУРРУТИ

Дуррути Либерто Кальехасу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы после гибели Дуррути не создалось некое туманное облако вокруг неё, то не было бы необходимости в четвёртой части нашей книги. Но ввиду того, что по прошествии сорока лет тайна остаётся неразгаданной, мы не можем уклониться от обязанности написания эпилога.

С того самого момента, когда Дуррути смертельно ранили, свидетели происшествия высказали путаные версии этого факта — таким образом появились противоречивые свидетельства. Их не смогла опровергнуть даже организация, в рядах которой состоял Дуррути. Очевидно, что за каждой версией скрывался (и скрывается) определённый политический интерес. К таким противоречиям добавились связанные с войной позиции различных политических группировок, действующих в Испании, в контексте драматических событий. Что касается антифашистского сектора и по причине внутренних идеологических конфликтов, а также того, что Дуррути считали одним из наиболее выдающихся деятелей Каталонии и рабочего движения Испании в целом, как признаёт сам Кольцов, все принялись использовать память о нём в целях пропаганды и с пользой для себя. Наиболее выразительным фактом стало присвоение ему посмертно звания подполковника (ему, погибшему как рядовому «милисьяно»), с целью последующего присвоения такого же ранга Листеру, Модесто, Валентину Гонсалесу и Сиприано Мере. Принимая во внимание революционную позицию Дуррути до самого момента его смерти, такое действие, без сомнения, превратилось в его политическое убийство. Это, вместе с широким использованием якобы принадлежавшего Дуррути высказывания (о котором мы не нашли никакого подтверждения в его речах и публичных заявлениях), послужило не только для окончательного свершения его политического убийства, но и способствовало провалу самой пролетарско-крестьянской революции. Так, сразу же после его смерти ГПУ, при поддержке Коммунистической партии, принялось проводить контрреволюционные действия и преследование анархо-синдикалистов, ссылаясь на якобы высказанное мнение Дуррути: «отречься от всего, но только не от победы».

Принимая во внимание вышеизложенное, невозможно произвести анализ до сих пор остающихся в силе различных версий, не принимая в расчёт политический климат того момента, а также психологические причины, характеризующие испанскую трагедию. В такой конфликтной ситуации официальная версия гибели Дуррути, не носящая категоричного характера в том смысле, что Дуррути был сражён насмерть «вражеской пулей», могла бы превратиться в спусковой крючок для вооружённого столкновения в лоне антифашистского лагеря. Быть может, именно этот довод послужил для уклонения от простого объяснения его гибели, и была выдвинута категоричная версия, которая, возможно, не имела под собой реального фундамента. В противном случае возникли бы противоречия и целый веер вопросов без ответа, которые, несмотря на многочисленные усилия воображения, не в состоянии прояснить то, что мы можем назвать «психологической тайной испанской революции».

Различные версии гибели Дуррути можно разделить на три направления:

а) Дуррути пал как один из борцов против фашизма;

б) Дуррути стал жертвой одного из своих соратников... по той причине, что склонялся к принятию коммунистических идей;

в) Дуррути — жертва происков ГПУ.

К этим трём группам мы можем добавить ещё четвёртую, так называемую vox populi (глас народа): Дуррути погиб от рук контрреволюционеров, то есть всех тех политических сил, пытавшихся вернуть Испанию к отправной точке 18 июля 1936 года.

Глава I.
НАЧАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ

Сиприано Мера (18 ноября)
«Мансана предложил мне забраться на чердак так называемого Серро дель Пимьенто, где мы удостоверились, что, действительно, Клинический госпиталь был занят противником. Чтобы восстановить наш контроль, принимая во внимание позиции, необходимо было занять весь противоположный квартал: дом за домом. Для этого мы перешли с точки Серро дель Пимьенто до Каналильо, чтобы наши люди смогли быстро занять позицию на кладбище, которое находится напротив женского монастыря и казармы Гражданской гвардии "Гусман эль Буэно", а также Института географии и кадастра, Госпиталя Красного Креста и всей колонии маленьких отелей, расположенных к северу от Естадио Метрополитано»[1].

Антонио Бонилья (19 ноября)
«Уцелевшие бойцы колонны "Дуррути" остались на месте, чтобы продолжить оборону в коттеджах, которые находились со стороны Рейна Виктория (в то время — Пабло Иглесиас) приблизительно в 400 м от Клинического госпиталя; это здание в процессе постройки находилось под контролем франкистов. 18 числа, к ним на помощь подошла колонна "Дель Росаль" из Астурии, и один из её членов, капитан подрывников, сообщил мне, что противник ночью покидал это здание, а утром вновь занимал его. Он предложил мне занять эту позицию той ночью (...). В четыре утра того трагичного дня, 19 ноября, мы произвели залп в сторону здания; в ответ не последовало ни одного выстрела, и поэтому большая группа товарищей заняла постройку. С террасы они кричали мне: слышно ли как они поют "Интернационал"?

Спустя несколько часов произошёл неожиданный инцидент. Как обычно, каждое утро националисты пробрались через туннель, посредством которого они поддерживали связь с Каса де Веласкес[2]

1 Сиприано Мера, Указ. соч.

2 Наверняка Бонилья имеет в виду «трубопровод», который сбрасывал сточные воды Клинического госпиталя в реку Мансанарес; о нём несколько раз упоминает

для входа в здание; так противники оказались лицом к лицу. Раздались выстрелы, и погибло несколько людей в частях Дуррути; остальные нашли убежище на верхних этажах. Франкисты через некоторое время отступили, используя всё тот же подземный ход, а бойцы колонны “Дуррути” отошли к пункту коттеджей.

Было 13:00 (19 ноября), когда я решил поговорить с Дуррути, чтобы объяснить создавшуюся ситуацию. Лоренте вёл машину, и меня сопровождал один каталонский плотник, очень храбрый парень, его звали Мигель Дога. Прибыв в штаб-квартиру, мы увидели: “Паккард” Дуррути уже почти отъезжал, и он сидел в машине вместе с Мансаной[3]. Я объяснил ему создавшееся положение, и Дуррути решил сам поехать на место. Я сказал Хулио Гравесу (водителю), чтобы он ехал за нами, так как нужно было избегать участков, где шли бои. Он так и сделал. Мансана, как всегда, нёс за плечом свой “наранхеро”; с шеи свисал завязанный платок — так он иногда поддерживал раненую руку: на прошлой неделе его ранили в палец. Дуррути, как казалось, не был вооружён, но под кожаной курткой висел его всегдашний “кольт 45”. Их машина ехала за нами, пока мы не прибыли к коттеджам, занятым нашими поредевшими подразделениями. Тогда их автомобиль остановился; мы находились впереди, метрах в двадцати от них.

Дуррути вышел из авто, чтобы сказать что-то «милисьянос», гревшимся там на солнце, за забором. Тот участок не простреливался. Именно в тот момент Дуррути был смертельно ранен, и революция понесла невосполнимую утрату.

Мы сидели в другом автомобиле, впереди, на расстоянии приблизительно двадцати метров, и ожидали примерно три или четыре минуты. Когда Дуррути садился в машину, мы тронулись с места и, посмотрев назад, чтобы проверить, едут ли они за нами, увидели, что их автомобиль разворачивается и быстро едет в обратном направлении. Я вышел из машины и спросил у ребят, что произошло. Они ответили, что кого-то ранили. Я спросил, знали ли

Мера в своих «Мемуарах».

3 Здесь рассказ Бонильи обладает наибольшей последовательностью по сравнению с другими. Дуррути намеревался поехать на «собрание активистов НКТ-ФАИ, которое было организовано в Мадриде». А автомобиль, на котором передвигался Дуррути, был марки «Паккард».

они кого именно, и они ответили, что нет. Я сказал Лоренте, что мы должны тотчас же вернуться. Было два с половиной часа пополудни.”

Здесь мы дословно приводим рассказ Бонильи Педро Косте Мусте[4]; однако когда мы его расспросили подробнее, на вопрос «слышал ли он выстрел», он нам ответил, что нет; что касается числа сопровождающих в машине Дуррути и кто составлял его охрану, он твёрдо заявил, что из казармы вместе с Дуррути выехали только Мансана и водитель, что первые упомянутые сидели на заднем сиденье автомобиля, и при Дуррути не было никакого “официального охранника”, а просто сопровождающий: “это был товарищ, наиболее близкий к нему в те моменты”. На наш вопрос, знал ли что-либо Бонилья о существовании некого Рамона Гарсии (“Рагара”, по словам Монтото)[5], тот категорично ответил: “в колонне «Дуррути» под таким именем воевали два «милисьянос», но ни один из них не посещал Генеральный штаб колонны, и уж точно они не являлись «охранниками Дуррути». С другой стороны, он не помнит, что какой-либо из упомянутых Рамонов Гарсия приезжал в те дни в Мадрид[6]. Из приведённого нами текста невозможно извлечь доказательство, на которое можно было бы опереться, описывая, каким именно образом был ранен Дуррути. В рассказе Бонильи существует всего лишь моральная оценка, там речь идёт о “случайном, или преднамеренном выстреле” из “наранхеро”, который нёс Хосе Мансана.

---

4 Это показания Антонио Бонильи Педро Косте Мусте для «Posible», от 22-28 июля 1976 года. Мы пользуемся этой цитатой, чтобы указать на некрасивую привычку некоторых издателей журналов, которые, для иллюстрации своих статей «воруют» откуда могут, и при этом не утруждают себя указанием источников такой «кражи». Фотография, на которой изображён Дуррути на митинге в Леоне, в этом репортаже позаимствована из нашей книги, французского издания. Именно там, этот исторический документ впервые увидел свет.

5 Анхель Монтото, статья «Полемичная гибель Дуррути», напечатанная в «Актуалидад Еспаньола» (Actualidad Española) 25 ноября 1971 года. Мы пользуемся этой цитатой, чтобы указать следующее: на фотографии, помещённой в этом репортаже, рядом с Дуррути стоит не его подруга Эмилианне, как утверждает подпись под снимком, а Мария Аскасо, сестра Франсиско Аскасо.

6 Мы подробно побеседовали с Антонио Бонильей 22 февраля 1977 года у него дома, в Сарагосе; эти ссылки его авторства.

Хулио Гравес (показания Ариэлю, данные в 17:00)

«После обеда мы отправились на линию фронта в Университетском городке, с нами был товарищ Мансана[7]. Мы подъехали к Куатро Каминос. Оттуда на всей скорости спустились по проспекту Пабло Иглесиас. Пересекли район маленьких отелей, расположенный в конце проспекта, и свернули направо. После больших потерь на площади Монклоа и у стен тюрьмы Модело части Дуррути заняли другие позиции. Светило осеннее солнце. Подъехав к широкому шоссе, мы увидели группу "милисьянос», шедших по направлению к нам. Дуррути понял, что это были молодые бойцы, дезертирующие с линии фронта. То место выглядело разрушенным после боёв. Клинический госпиталь, занятый в те дни частями арабов, господствовал над всеми окрестностями. Тогда Дуррути попросил остановить машину. Я так и сделал, соблюдая меры предосторожности; мы остановились на углу одного из тех небольших отелей. Дуррути вышел из машины и направился к покидающим линию фронта "милисьянос». Спросил у них, куда шли, и так как они замялись, он настоял: они должны вернуться на свои боевые позиции; Дуррути говорил сурово и чётко.

После того как парни подчинились, Дуррути пошёл назад, к машине. Ливень пуль становился всё сильнее. Послышались яростные выстрелы со стороны яркой громады Клинического госпиталя. Подойдя к дверце машины, Дуррути упал. Ему прострелили грудь. Мансана и я выскочили из автомобиля и тотчас же усадили его в машину. Я, как мог быстро, развернул машину, и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций, ведь оттуда мы и приехали. Остальное тебе известно. Это всё»[8].

Хоан Ларч в своей книге «Гибель Дуррути», приводя показания Хулио Гравеса, неверно истолковывает события, и это приводит к не отвеченному вопросу. Ларч предполагает, что, когда Дуррути и его сопровождающие выехали на улицу Мигель Анхель, то перед тем, как взять курс к Университетскому городку, подъехали к Госпиталю милиций (отель «Ритц»). Такое предположение неверно. Фраза,

7 В этих показаниях Гравес указывает на то же самое число сопровождающих, что и Бонилья, другими словами — на троих, включая водителя.

8 Ариэль. Указ. соч.

произнесённая Хулио Гравесом, конкретна: «…, и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций, оттуда мы и приехали». Действительно, Хулио Гравес поехал к брату Ариэля, в здание Национального подкомитета НКТ, расположенное на улице Реформа Аграриа, напротив Ретиро. В этом месте корреспондент Soli занимал помещение для секретариата. И именно туда он направился в 17.00, после того как Дуррути остался под наблюдением врачей. Именно там Гравес сообщил Ариэлю о случившемся:

«— Что случилось? — спросил я, обеспокоенный.

— Дуррути смертельно ранен, — ответил мне один из них, — и быть может, уже скончался.

— Но нежелательно, чтобы эта новость стала известной сейчас, — сказал товарищ Хулио Гравес.

Было пять часов вечера. Мы втроём отправились к отелю “Ритц”, где располагался госпиталь Каталонских милиций.

Совсем немногим было известно о предсмертном состоянии Дуррути».

Ариэль продолжает рассказ о его прибытии в отель «Ритц» вместе со своим братом и Хулио Гравесом; также приводит разговор с доктором Сантамарией:

«Я попрощался с ними; мы договорились, что я подъеду позже. Я отправился в Национальный подкомитет НКТ, чтобы сообщить о случившемся. Туда уже прибыли сведения. Говорили о неразглашении и осмотрительности. Я не осмеливался звонить в Барселону и сделал это позднее. Оборона Мадрида диктовала свои правила и более того, если в том была нужда. Необходимо было ждать результатов соглашений, принятых членами конфедеральной организации, которая заседала в те самые минуты[9].

Водитель Дуррути поехал со мной в редакцию Soli: там мы могли поговорить в более спокойной обстановке». Логично, что свой рассказ Ариэлю Хулио Гравес завершает фразой «оттуда мы и приехали», так как оба прибыли из отеля «Ритц»[10].

9 Там же.

10 Ошибка Хоана Ларча состоит в том, что он заимствует свою цитату из произведения Сантьяго Ка́новас Сервантеса «Дуррути и Аскасо». Тулуза, 1946. Ка́новас Сервантес допускает просчёт в отношении времени, когда использует глагол haber при написании «оттуда мы выехали недавно...». Ариэль пишет, что Гравес

Сиприано Мера.

«Во второй половине дня 19 числа я отправился в Комитет Обороны... Поджидая Дуррути, мы беседовали (Валь и Мера). Хотя стрелки часов показывали на час больше назначенного времени, опоздание Дуррути нас не смущало, потому что все мы знали о его занятости и необходимости его присутствия во многих местах. Спустя какое-то время приехал Мансана, он отозвал меня в сторону, чтобы поговорить наедине. Он был не в себе, и я сразу спросил:

— Что случилось, Мансана?

Почти со слезами на глазах он ответил:

— Только что ранили товарища Дуррути, и мне кажется, ему не выжить.

— Что? Какого чёрта? Мы виделись всего несколько часов назад, и он мне сказал, что поедет на свой командный пункт, чтобы отдать распоряжения».

— Да, так и было. Но приблизительно в четыре часа второй половины дня (время указано неверно) один связной сообщил нам, что капитан, командовавший двумя ротами, посланными в Клинический госпиталь, отдал приказ всем своим бойцам отступить. Ты знаешь, как Дуррути относится к таким делам. Он приказал подать машину, и мы тотчас же выехали к Клиническому, чтобы проверить достоверность информации. Я сказал ему, что на самом деле его присутствие для проверки фактов не было обязательным. Я вовсе не думал, что с ним могло что-нибудь случиться, просто придерживался другого мнения, то есть что он должен был оставаться на командном посту, чтобы руководить в спокойной обстановке...

— Но, ладно, что же произошло?

— Мы подъехали к концу проспекта и, не останавливаясь, поехали по улице, которая выходит на восточную сторону Клинического. На этой улице Дуррути приказал машине остановиться, так как

сказал: «оттуда мы только что выехали». (Прим. пер.: речь идёт об оттенках использования глагола haber для образования предпрошедшего и недавно прошедшего времени.) Никак нельзя предположить то, на что пытается намекнуть Ларч, и это: «перед тем как взять курс на Университетский городок, заехали в отель “Ритц”». Ларч, подразумевая это, совершает двойную ошибку: оставляет таинственную пустоту и придумывает двойной маршрут для автомашины Дуррути в тот день.

увидел бегущего по направлению к нам “милисьяно”. Он вышел из автомобиля и спросил, почему он бежит. Тот ответил, что направляется в санчасть, чтобы достать носилки, так как у них были раненые и один погибший в бою. Дуррути не стал его задерживать, и в момент входа в автомобиль (его открытая дверца находилась напротив Клинического) сказал нам, что его ранили...

— Кто был с вами?

— Дуррути, его два связных, Йолди и я.

— Ты думаешь, что выстрел был сделан из госпиталя и что наши уже покинули его?

— Да, без сомнения, то была вражеская пуля.

Товарищ Мансана предупредил меня, что очень важно держать случившееся в секрете, так как бойцы Дуррути после целого ряда волнений могли подумать, что речь шла о покушении. На том мы и расстались, но я сказал Мансане, что необходимо рассказать обо всём Валю. Он согласился, и мы зашли в кабинет Валя, чтобы сообщить ему страшную новость».

Сиприано Мера продолжает свой рассказ; он повествует о поездке в госпиталь с целью получения информации о состоянии раненого. Прибыв в госпиталь, Мера, Мансана и Йолди опять говорят о целесообразности держать в секрете случившееся, чтобы избежать резкой реакции бойцов колонны «Дуррути». Мера пишет, что в этом разговоре также принял участие Валь, только что подъехавший в госпиталь, и что он посоветовал Сиприано Мере поехать в Валенсию, чтобы сообщить о происходящем Мариано Р. Васкесу, генеральному секретарю НКТ, а также министрам: Гарсии Оливеру и Федерике Монтсени:

«Вновь речь зашла об обстоятельствах ранения Дуррути, и Валь с подозрением спросил у Мансаны:

— Быть может, это дело рук коммунистов?

— Нет, — категорически ответил Мансана, — пуля вылетела из Клинического. Это фатальный случай. Госпиталь уже был под контролем противника (…). Я тотчас же отправился в Валенсию»[11].

В версии Сиприано Меры есть ряд ошибок. Он путается в указании времени прибытия Мансаны в Комитет Обороны и времени, когда

11 Сиприано Мера. Указ. соч.

Дуррути ранили. Мансана приехал в 16:00, и в это время Дуррути никак не мог оказаться раненым. Решение о поездке Меры в Валенсию было принято не Валем, а собранием активистов, на котором Хосе Пратс представлял Национальный комитет.

Если сравнивать версии Мансаны и Хулио Гравеса, то они не совпадают ни по сути, ни в деталях. Оба свидетеля придерживаются различных мнений в том, что касается ««милисьянос». Мансана включает в свои показания присутствие Йолди и ещё двух связных. Хулио Гравес утверждает, что присутствовали только он и Мансана. Гравес стоит ближе к действительности, чем Мансана. Тем не менее мы можем подумать, что Мера и здесь допускает ошибку, вполне понятную, так как широко было известно, что Йолди постоянно находился при Дуррути.

Несмотря на указанные ошибки и противоречия, есть что-то общее для всех, и это касается необходимости хранить молчание. Вплоть до 17 часов 19 ноября, весьма скудное число людей знало о произошедшем; эта деталь является общей для всех тех, кто до сих пор высказал свою версию о случившемся.

Роман Кармен.

Кармен был русским кинооператором, сопровождавшим Илью Эренбурга, когда тот, в качестве корреспондента «Известий», освещал события испанской войны. В 1947 году Кармен опубликовал в московском «Новом мире» свой «Блокнот о войне в Испании». На одной из его страниц Кармен рассказывает о последней встрече с Дуррути за несколько часов до его гибели. Он пишет, что в Министерстве обороны встретил Хаджи Д. Мансурова. Тот шёл на встречу с Дуррути с целью убедить его не отводить свою колонну с мадридского фронта. Кармен решил пойти с ним, так как хотел побеседовать с Дуррути, которого не видел ещё с августа, когда вместе с Эренбургом был в Бухаралосе.

«Нас провели в кабинет, где Дуррути диктовал что-то машинистке. Он порывисто встал и, кинувшись навстречу Хаджи, долго пожимал ему руку, словно боялся никогда больше его не увидеть. Его чёрные глаза, всегда светящиеся неистовыми вспышками, сейчас излучали еле уловимую грусть и растерянность. Хаджи несколько дней назад

вошёл в состав главного штаба Дуррути в качестве советника, и Дуррути всегда советовался с ним (...)».

По словам Кармена, Дуррути сделал для них экскурсию по дворцу и предложил взять себе любую понравившуюся вещь — картины или что-либо другое, — но всё это было сделано с «намерением избежать объяснения о принятом решении ретировать своих людей с линии фронта».

Хаджи взял его за руку и усадил на большой диван, обитый бархатом. Тот покорно сел и опустил глаза.

Хаджи посетовал на то, что Дуррути отводит своих людей с линии фронта, потому что такое действие наносило сильный удар по морали защитников. В конце концов он убедил Дуррути продолжать оборону Мадрида:

«— Ладно, я поеду в “бригаду” ...

— Я с тобой, — предложил Хаджи.

— Нет-нет! — словно испугавшись, воскликнул Дуррути. — Нет, я один поеду. — и решительным шагом направился к охране: — Машину! В бригаду!

Дуррути быстро затянул пояс с пистолетом, мы вышли на улицу. Машина с охраной уже стояла наготове. Из здания вышел начальник штаба бригады Дуррути. Рука его на перевязи. Я попросил Дуррути взять меня с собой — хотел снять его в Университетском городке. Он резко сказал:

— Нет-нет, только не сейчас.

Спросил у начальника штаба:

— Ну, что там у нас? — Дуррути кинулся в машину, и она в сопровождении четырёх мотоциклистов рванула с места. Мы с Хаджи поехали в штаб обороны Мадрида.

Через час, проходя по коридору штаба, я увидел Хаджи. Он стоял спиной ко мне, глядя в окно. Я окликнул его. Он не ответил. Я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне, его глаза были полны слёз.

— Что случилось?

— Они убили его. Только что.

Предательский выстрел в спину оборвал жизнь Дуррути в момент самой напряжённой борьбы его с самим собой и с “классическими” анархистами. (…). Он был честным человеком, он готов был сделать

правильные выводы из всего, что происходило на его родине, — но они его убили[12].

Если это повествование Кармена заслуживает доверия, нужно задать такой вопрос: кто сообщил о случившемся Хаджи, сразу же после того, как выстрелили в Дуррути?

Противоречивые показания медиков

Дуррути привезли в госпиталь и сразу же поместили в операционную, где он оказался в окружении полдюжины врачей, парализованных «страхом». Так как никто из докторов, стоявших около Дуррути, не хотел брать на себя инициативу в оказании медицинской помощи, было принято решение прибегнуть к хирургу Мануэлю Бастосу Ансарту, который, обследовав раненого, сформулировал «абсолютно безнадёжное заключение (...), после которого в помещении послышался почти что вздох облегчения со стороны всех присутствовавших медиков. Ведь у всех буквально гора свалилась с плеч: их принуждали делать операцию, а смерть пациента во время хирургического вмешательства была вполне вероятна. Наверняка его сообщники обвинили бы оперировавших в смерти раненого, со всеми вытекающими из этого последствиями. Спустя несколько лет я встречал некоторых врачей, присутствовавших в тот день в госпитале, и когда они вспоминали ту сцену, их всё ещё охватывала дрожь; они обсуждали происшедшее только с глазу на глаз и при одном её упоминании бледнели».

Диагноз доктора Бастоса был следующим: «(рана) горизонтально пересекала верхнюю часть брюшной полости и нанесла повреждение важным внутренним органам. Рана была фатально смертельной, и мы ничем не могли помочь пациенту; он доживал свои последние минуты»[13]. Как мы увидим далее, диагноз Бастоса

12 Р. Кармен. Дыхание Мадрида. Блокнот кинооператора статья, опубликованная в «Новом Мире», 12, 1947, стр. 29-43. Перевод с русского языка для нашей книги Г. Балканского.

13 Мануэль Бастос Ансарт. Указ. соч. 21 августа 1971 года мы обратились к господину Бастосу с просьбой дать некоторые показания в отношении раны Дуррути и объяснить нам противоречие между его описанием ранения и диагнозом, сделанным Сантамарией. Его ответ имел горький привкус: «Я принял решение

оказался ошибочным. Что касается описания раны, то в нём не указана одна особенность, которая видна под левым соском на том же уровне, что и сердце, и она же просматривается на всех фотографиях безжизненного тела Дуррути. Какова причина такого умалчивания? Мы считаем, что здесь речь идёт не об умалчивании, а о другом: доктор Бастос наверняка, когда работал над книгой, не имел в наличии своих врачебных записей тех дней; и так как ему довелось оперировать тысячи раненых, он путает ранение Дуррути с ранами других своих пациентов. Однако эта ошибка — если наше предположение верно — ещё более увеличивает противоречия вокруг этой темы и способствует усилению атмосферы таинственности, так как не совпадает с диагнозом другого врача — Сантамарии.

Хосе Сантамария Хауме, после кончины Дуррути произвёл вскрытие трупа: «Я разрезал грудную клетку, для того чтобы выяснить, какие повреждения произвела пуля. Грудная клетка Дуррути была очень развитой. Согласно её топографии, мне стало ясно, что в диагнозе произошла ошибка, так как сочли невозможным хирургическое вмешательство. В момент аутопсии я удостоверился, что операция могла бы быть проведена с положительным исходом, хотя, несомненно, раненый был обречён».

Что касается описания раны, по словам Сантамарии, «она была нанесена в результате выстрела, произведённого на расстоянии менее пятидесяти сантиметров от жертвы, вероятно, примерно тридцати пяти; этот расчёт основан на степени пропитки порохом одежды на теле раненого». В отношении пули — «она была крупного калибра — 9. Также рана находилась под левым соском и в грудной клетке»[14]. Такое местоположение раны не совпадает с описанием,

не делать никаких заявлений в отношении моих действий во время гражданской войны в Испании». Он рассказал нам, что некто нанёс ему визит (речь идёт о священнике Хесусе Арнале, о котором мы потом расскажем) с целью получения дополнительных сведений, кроме упомянутых в цитированной книге. «Я дал ему информацию, думая, что речь идёт о семейном вопросе, затрагивающем чувства, а теперь вижу, исходя из вашего запроса, что тот господин опубликовал рассказанное ему; всё это весьма огорчило меня» (Письмо, датированное в Барселоне 30 сентября 1971 года).

14 Это свидетельство мы позаимствовали в ранее цитированном здесь произведении Хуана Ларча, и ответственность лежит полностью на этом авторе, так как, к сожалению, мы не смогли подтвердить его достоверность, поскольку не смогли

сделанным Бастосом, и поэтому можно сделать вывод, что речь идёт не о той же самой ране. Или же, говоря об одном и том же, врачи используют различные термины. После указания этого противоречия нужно отметить ещё одно, и мы не в состоянии уяснить: Сантамария признаёт, что «операция могла бы быть сделана с положительным исходом, хотя, несомненно, раненый был обречён». Если раненый наверняка бы не выжил, то операция не могла иметь положительный исход. Но если бы операция дала положительные результаты, это означает, что доктора подразумевали широкий диапазон для выживания пациента. Утверждение Сантамарии в отношении его отрицательного аспекта, по нашему мнению, нужно понимать, как упомянутое доктором Бастосом чувство паники, царившей в среде медиков.

Если подвести итог вышеизложенному, то становится ясным, что указанные противоречия не способствуют выяснению ранения Дуррути, а, напротив, порождают, как мы впоследствии рассмотрим, основы легенды, которая будет окружать тайну его гибели, несмотря на любые попытки её расследования.

Национальный комитет НКТ назначил Рикардо Санса[15], одного из членов группы «Мы», как замену Дуррути на мадридском фронте. В те дни Рикардо Санс исполнял функции Генерального инспектора линий фронта в Арагоне и Каталонии. Когда 20 ноября в 12 часов ночи Гарсия Оливер сообщил Рикардо Сансу о приказе переехать в Мадрид, тот находился в Фигересе. На рассвете 21-го Рикардо Санс выехал в Мадрид и в пункте тюрьмы «Сан-Мигель-де-лос-Рейес» (Валенсия) встретил караван, сопровождавший тело Дуррути в Барселону, где было решено его похоронить. Согласно свидетельству Санса, он обменялся впечатлениями с Мансаной и Мигелем Йолди, делегатами колонны в этой процессии. В своём повествовании он не говорит, о чём они ему рассказали. Санс продолжил путь до Мадрида, куда он прибыл уже вечером.

достать адрес врача Хосе Сантамарии Хауме.

15 Рикардо Санс Гарсия (1898-1986) - революционер, анархо-синдикалист и писатель. После смерти Дуррути возглавил его колонну, после Гражданской войны жил во Франции. Автор многих книг. В том числе: «Франсиско Аскасо и Буэнавентура Дуррути», «Почему мы проиграли войну», «Те, кто шли в Мадрид. Колонна Дуррути, 26-я дивизия», «Фигуры Испанской революции» и других. (Прим.ред.).

«Кругом царил полнейший хаос. Никто не хотел верить в смерть Дуррути. (...) Все считали, что он не мог умереть. Могло случиться всё что угодно, только не это (...).” Его убили коммунисты”, — говорили одни. “Его убили выстрелом с балкона”, — добавляли другие. “Его мог убить не кто иной, как его враги”, — совпадали во мнении и те, и другие. Когда говорили таким образом, никто не думал, что Дуррути также мог погибнуть от пули противника, засевшего в траншее, напротив.

Я был глубоко заинтересован в выяснении обстоятельств гибели Дуррути. Мой интерес можно легко понять — в его основе лежали различные причины. Во-первых, Дуррути всю жизнь был моим близким другом. Во-вторых, мне — замене Дуррути — нужно было узнать во всех подробностях всё, что случилось, с тем чтобы знать, каким образом я должен поступать на моём новом посту начальника колонны, ранее под командованием Дуррути».

Рикардо Санс побеседовал с доктором Сантамарией и осмотрел участок Клинического госпиталя. Опросил людей, которые сопровождали его в момент ранения (он не указывает никаких имён); после такого расследования Санс в заключении говорит: «... Я никогда не сомневался, что Дуррути погиб, противостоя противнику и от пули, вылетевшей из здания Клинического госпиталя, находившегося в Университетском городке». И продолжает: «Дуррути, без сомнения, погиб в результате неосторожности (...). Недремлющий враг, увидев остановившийся автомобиль на расстоянии всего лишь одного километра от здания (Клинический госпиталь), подождал, пока его пассажиры выйдут и займут выгодные для их поражения позиции; когда они находились на подходящем расстоянии, противник наудачу выстрелил; в результате был смертельно ранен Дуррути, и двое из его сопровождавших получили более лёгкие ранения.

Так, неожиданно для всех и в момент отсутствия боевых действий, непредвиденная агрессия оборвала драгоценную жизнь нашего Дуррути»[16].

Это заявление Рикардо Санса, сформулированное в 1945 году, имеет ряд недостатков, которые, вместо окончательного разъяснения темы гибели Дуррути, ещё больше затемняют её.

16 Рикардо Санс. Указ. соч.

Хулио Гравес и Хосе Мансана, хотя и ошибаются в числе, но говорят, в момент выхода Дуррути из автомобиля, об одном или нескольких «милисьянос». В этой подробности также совпадает Антонио Бонилья. Санс не говорит о присутствии какого-либо «милисьяно» и пишет всего лишь о неосторожности факта выхода из машины в месте, простреливаемом противником. Также Санс упоминает пулемётную очередь, о которой не ведут речь ни Мансана, ни Гравес. А затем Санс противоречит Мансане, который, как мы уже видели, повествует о сильной перестрелке, между тем как Санс пишет: «вокруг царила полнейшая тишина». Санс должен был бы быть более точным в своём изложении фактов и привести имена двух товарищей, раненых наряду с Дуррути.

Не сделав это, быть может, вопреки его желанию, он способствует ещё большей путанице, особенно потому, что приблизительно в то время, когда Санс опубликовал свой рассказ, Ариэль также напечатал свою статью, приводя версию Хулио Гравеса, которая расходилась с историей Санса.

После 1945 года, и если верить напечатанному в книге Хоана Ларча, Рикардо Санс ответил на его вопросник, возможно, в 1970 году. Ответы, приводимые автором, ещё более запутывают эту тему. Раненые, о которых он упоминает — Мансана и Йолди, — но в действительности никто из них не был ранен в описываемом происшествии, это произошло несколько дней спустя. В этом новом показании Санс признаёт, что не встретил в Мадриде никого из тех, кто сопровождал Дуррути в момент трагедии, но поговорил с Мансаной и Йолди недалеко от Валенсии, — факт, о котором Санс не упоминает. Люди, предоставившие Сансу информацию, не присутствовали на месте происшествия; так, Хиль де Монтес находился в Университетском городке, а что касается Хоакина Морланеса, то он в те дни вступал в ряды колонны. Таким образом, версия Санса, вместо того чтобы прояснить сомнения, ещё больше затемняет этот вопрос.

Прежде чем завершить цитирование свидетельства Санса, мы сочли крайне важным привести некоторые факты в отношении бойцов колонны и их психологического состояния, со слов самого Санса.

Он встретился в гарнизоне на улице Гранада с теми, кто уцелел в

сражениях и прибыл вместе с Дуррути в Мадрид. На этой встрече также присутствовала Федерика Монтсени; она выступила, чтобы успокоить людей. После слов Санса и Монтсени один из «милисьянос» сказал от имени присутствующих, или, по крайней мере, выразил всеобщее настроение:

«Товарищ Санс. Не удивляйся нашему возбуждению. Мы уверены, что нашего Дуррути убили не фашисты. Это сделали наши враги из лагеря сторонников Республики (...). Над тобой нависла такая же опасность, так как в эти дни стараются уничтожить всех революционно настроенных активистов, потому что есть люди, которые боятся, что революция зайдёт слишком далеко».

Санс так комментирует это выступление: «Все те, кто не погиб, как Дуррути, имели более-менее такое же мнение, что и только что выступивший товарищ»[17].

Ряд участников колонны приняли твёрдое решение вернуться в Арагон, однако, согласно документу, направленному Главнокомандующим X бригады в адрес Хосе Миры, большинство осталось в Мадриде:

«От Главнокомандующего — Хосе Мире, делегату частей Дуррути. Ввиду того, что польская рота должна покинуть населённый пункт Пардо, постарайся, используя свои резервные силы, прикрыть линию фронта, которую польская рота занимает на протяжении заграждения Каса-де-Кампо, начиная с точки Пуэрта-де-Аравака; остальные части останутся в резерве, и для этого прежде собери информацию о тех подразделениях, которые ты заменишь. Командный пункт. 7 декабря 1936. Главнокомандующий» Подпись, инициалы и круглая печать X бригады[18].

Подавляющее число историков, повествуя о теме Мадрида, не только затемняют действия колонны «Дуррути» на этой линии фронта, но, кроме того, после гибели Дуррути убирают её с этого участка. Приведённый нами документ, надеемся, вдохновит упомянутых историков для исправления своих исследований.

21 ноября 1936 года, посвящая событию первую страницу, Solidaridad

17 Там же.

18 Этот точный документ нам предоставил в оригинале Хосе Мира. Таким образом, отметается весь словесный сор со стороны многочисленных историков в отношении колонны «Дуррути».

Internacional информировала о смерти Дуррути. Её версия о гибели Дуррути также не способствует разъяснению произошедших фактов.

«Наш товарищ направлялся в половине девятого утра к передовым частям колонны. По дороге ему встретились “милисьянос», возвращающиеся с линии фронта. Он остановил автомобиль, и, когда вышел из него, раздался выстрел — как предполагается, из окна одного из небольших отелей в Монклоа. Дуррути упал, не произнеся ни слова. Пуля, сразившая его, насквозь прошила спину. Рана оказалась смертельной».

Кто же предоставил эту информацию газете? Ариэль был её корреспондентом в Мадриде, и, согласно его ранее процитированному рассказу, его версия намного отличается от этого сообщения. Быть может, эти данные представляют одну из фантазий директора Solidaridad Internacional Хасинто Торио?

На следующий день после похорон, другими словами — 23 ноября, были опубликованы первые комментарии. Фашисты, используя радио «Севилья», передали следующее: «Дуррути убили те, кому он был неудобен живой, потому что представлял опасность для своих политических врагов». И затем: «то, что случилось с Дуррути, ожидает многих из его друзей».

В тот же самый день московские «Известия» напечатали: «Создание правительства Народного фронта в значительной степени произошло благодаря давлению Дуррути. Огромные трудности, с которыми он столкнулся в борьбе против фашизма, привели его к эволюции приближения к позиции Коммунистической партии. Покидая арагонскую линию, чтобы примкнуть к защитникам Мадрида, Дуррути заявил: “Да, я чувствую себя большевиком и готов поставить на свой рабочий стол портрет Сталина»[19].

В те дни в Мадриде распространились вышедшие из-под контроля слухи: «Дуррути, убедившись в эффективной организации Коммунистической партии, отказался от идей анархизма и вступил в компартию, при условии, что его поступок останется тайной вплоть до более подходящего момента»[20].

---

19 Известия, 23 ноября 1936 года.

20 Федерико Браво Мората. «История Мадрида» (Historia de Madrid). Мадрид: изд-во Fenicia, 1968, том III, стр. 282.

С целью опровержения этих версий НКТ и ФАИ опубликовали совместное заявление с вступительными словами Хосе Пейратса:

«Для исправления злонамеренных манёвров Комитет НКТ и ФАИ опубликовали 21 ноября следующее заявление:

“Трудящиеся! Засады и внезапные нападения тех, кого называют «пятой колонной», распространили фальшивые и гнусные слухи о том, что наш товарищ Дуррути был злонамеренно убит в результате предательского действия. Перед лицом этой низкой клеветы мы предупреждаем всех товарищей. Речь идёт о грязном поступке, направленном на разрушение колоссального единства действия и мысли пролетариата, которое является наиболее эффективным оружием против фашизма. Товарищи! Дуррути не стал жертвой предательства. Он погиб в бою, как многие борцы за Свободу. Он пал в бою, как герой, исполняя свой долг. Отвергните все злонамеренные слухи, распространяемые фашистами для того, чтобы разрушить наш нерушимый союз. Отвергните их полностью и бесповоротно. Не прислушивайтесь к безответственным лицам, сеющим братоубийственную шумиху. Они — основные враги революции! Национальный Комитет НКТ. Иберийский комитет ФАИ”»[21].

Как разъяснительный документ обстоятельств гибели Дуррути, это заявление не имеет ценности, однако его основное значение заключается в том, что какими бы ни были эти обстоятельства, величие личности Дуррути оставалось нетронутым, и также нельзя было опровергнуть тот факт, что он погиб в противостоянии с врагом. Конфедеральные и специально созданные комитеты провели тщательное расследование о его гибели, хотя в те дни и не опубликовали результаты, и также не сделали это до сих пор. Из всего этого можно сделать вывод, что в те моменты преобладала идея сохранения единства антифашистского фронта во что бы то ни стало. Тем не менее такое бескорыстие со стороны НКТ и ФАИ в действительности не разделяли их тогдашние союзники, так как один из них, а именно Компартия, не только явилась одним из распространителей лжи в отношении гибели Дуррути, но и, используя имя Клебера, поспешила заполнить образовавшуюся

21 Хосе Пейратс. Указ. соч., том I.

после его смерти пустоту. Этот поступок 26 ноября разоблачил генерал Висенте Рохо в письме генералу Миахе:

«... Пресса посвятила себя восхвалению этого генерала (Клебера); сразу видно, что оно преувеличено и ложно (...). Что касается его талантов как командира, свидетельства его надуманной популярности тоже неправдоподобны. (Клебер), как кажется, является военным идолом ряда наших политических партий (...), которые представляют его как "каудильо", способного привести революционный процесс к успеху (...). А это, как и ранее мною отмеченное, чрезвычайно вредно, так как поощряет вождизм, принёсший столько вреда нашей родине; и этот вред ещё более опасен, когда личность, пытающаяся возвыситься, не обладает подлинными талантами вождя»[22].

22 Висенте Рохо. Указ. соч.

Глава II.
ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Мэтью Корман («милисьяно" группы интернационалистов колонны):

«Дуррути был сражён пулемётной очередью при выходе из автомобиля. Это оказалось единственной победой "пятой колонны" в Мадриде. "Милисьянос" окружили дом, откуда раздались выстрелы, и уничтожили всех, кто там находился»[23].

Эта версия Кормана была дана нам в более развёрнутом виде другим бойцом колонны, который предпочёл не называть своего имени:

Х. М.

«...Выйдя из Главного штаба на улице Мигель Анхель, Бонилья — эмиссар, посланный Либерто Росом, — Мансана и ещё один человек (не помню его имени) сели в автомобиль.

Подъехав к Пласа Монклоа — наиболее близкой точке к Клиническому госпиталю, — Дуррути попросил водителя остановиться около одного из коттеджей, находящихся на проспекте. Едва машина затормозила, из одного из коттеджей слева раздалась выстрелы по направлению к автомобилю. Пуля прошила окно машины и ранила Дуррути в бок. Как только все опомнились от неожиданности, то побежали к коттеджу, откуда раздались выстрелы; из него выбежали два или три человека. Одного из них настигла очередь, и он тут же скончался. Другим удалось скрыться. У погибшего нашли членский билет НКТ, выданный в Мадриде хлебопекарным профсоюзом. Провели расследование и смогли удостовериться, что его владелец погиб несколько дней до этого происшествия, и родственники заметили: среди личных вещей не было билета НКТ. Таким образом, пришли к выводу: в госпиталя наверняка проникли агенты "пятой колонны", которые похищали политические документы, чтобы снабдить ими фашистов»[24].

23 Мэтью Корман. Указ. соч.

24 «Х. М.» Автор этого свидетельства в 1971 году не сообщил нам о причинах сокрытия своего имени, однако мы можем предположить и принять во внимание тот факт, что он впоследствии сыграл значительную роль в 26-й дивизии (эта нумерация была дана колонне «Дуррути» в марте 1937 года, в момент её милитаризации), в службе разведки «в тылу врага».

Хауме Миравитлес.

В своих мемуарах он пишет, что «спустя год после гибели Дуррути в Барселоне была организована выставка в честь героической обороны Мадрида; в качестве экспоната среди других предметов там находилась рубашка, которая была на Дуррути в день его смерти. Она была развёрнута на витрине, и вокруг толпились люди, пытавшиеся разглядеть отверстие, произведённое пулей, и оборванные края ткани». Миравитлес добавляет, «он был там и слышал комментарии о том, что представлялось невозможным, что дыра не могла образоваться в результате выстрела, сделанного с расстояния двух тысяч футов».

«В тот же вечер, — рассказывает Миравитлес, — я пригласил техников из медицинской лаборатории для осмотра рубашки. Мнения всех совпали: выстрел был сделан с небольшого расстояния».

Спустя несколько дней «на одном банкете, где была и жена Дуррути», он спросил у неё: «Вам наверняка известна правда: как погиб Дуррути?» — «Да, я знаю как», — ответила она. Я настаивал: «Так что же произошло?» Она пристально посмотрела на меня и сказала: «Вплоть до моей смерти я приму официальную версию: что он был убит гражданским гвардейцем выстрелом из окна». Потом добавила, снизив голос: «Но я знаю: его убил некто, находившийся рядом с ним. Это была месть»[25].

Пьер Росли.

Пьер Росли, член французской компартии, командир подразделения XI Интернациональной бригады, заявляет: «В день, когда умер Дуррути, 21 ноября, его колонна атаковала с самого утра здание Клинического госпиталя и Приют “Санта-Кристина” (Asilo Santa Cristina). Когда начало вечереть, после ряда неудачных попыток анархисты стояли под стенами госпиталя. Дуррути находился на его командном пункте, перед тюрьмой Модело. Иногда казалось, выстрелы исходили сзади. Дуррути упал, подкошенный насмерть. Шальная пуля? Отскочившая рикошетом? С августа месяца у лидера анархистов появилось много врагов среди старых активистов НКТ и ФАИ. Они упрекали его в насаждении суровой дисциплины,

25 Хауме Миравитлес. Указ. соч.

и некоторые обвиняли его в амбициях и сотрудничестве с коммунистами». Несколько минут спустя анархисты его колонны говорили Пьеру Росли: «Дуррути погиб от рук наших...»[26].

Михаил Кольцов.

«21 ноября. Шальная или, может быть, кем-нибудь направленная пуля смертельно ранила его при выходе из автомобиля, перед зданием его командного пункта.

Очень жаль Дуррути! Несмотря на анархистские ошибки и заблуждения, он был, несомненно, одним из самых ярких людей Каталонии и всего испанского рабочего движения»[27].

Доминик Десанти.

«Перед зданием тюрьмы “Модело”, гордостью Республики, убили Дуррути. О его гибели сказали многое. Но несколько лет назад мы встретили старого анархистского активиста. Он раскаивался, утверждая и приводя весьма достоверные подробности, что одному из его товарищей было поручено убрать Дуррути. “Эта его дисциплина внутри неподчинения — Дуррути намеревался превратить нас в ягнят. Мы, недовольные, ворчали, так же как социалисты и коммунисты. Он требовал, чтобы мы шли в бой, не обсуждая его приказы. Но каждый из нас имел право высказаться по поводу атаки, идти в бой или нет. Его приказы походили на команды «советского» генерала”. Раскаявшийся анархист добавляет: “Тогда я не знал: идеологии могут быть разными, но форма сражения едина, и победа — твёрдое правило”»[28].

---

26 Жак Депьер де Баяк. «Интернациональные бригады» (Les Brigades Internacionales). Париж: изд-во Fayard, 1972, стр. 123.

27 Михаил Кольцов. Указ. соч.

28 Доминик Десанти. Указ соч., стр. 225. Прочитав эту версию, мы связались с Домиником Десанти, и вот что он нам сказал: «На одном из конгрессов в защиту мира, проходившем в Варшаве, я познакомился с одним раскаявшимся анархистом, который какое-то время спустя, после гибели Дуррути, вступил в Коммунистическую партию Испании, и именно он передал ему приведённую версию». Но, к сожалению, он не помнил имени упомянутого раскаявшегося анархиста.

Хьюг Томас.
«21 ноября, пока сражение было в разгаре, Дуррути погиб на линии фронта, перед зданием тюрьмы “Модело”. Говорили, что его сразила шальная пуля из Университетского городка. Но, скорее всего, его убил кто-то из его соратников, некто непокорный, отрицавший новую позицию анархистов — “дисциплины в неповиновении”. Похороны Дуррути прошли в Барселоне. В течение целого дня народ шёл по Авенида-де-ла-Диагональ, линиями в 80 или 100 человек. Вечером двести тысяч человек поклялись в верности принципам Дуррути. Однако его смерть положила конец одному из ярких моментов анархизма».

Пьер Бруэ.
«14 ноября в Мадрид с Арагонского фронта прибывают три тысячи пятьсот человек из колонны “Дуррути”. Жители Мадрида горячо приветствуют их. Дуррути требует, чтобы ему назначили самый опасный участок. Ему доверяют Каса дель Кампо, напротив Университетского городка.
Главный штаб назначает ему военного советника, русского “Санти” (...) 15 ноября на этой линии фронта начинается мощная атака. К вечеру колонна “Асенсио” прорывается в Университетский городок (...). 21 ноября Дуррути убит — наверняка это дело рук одного из его соратников, который расходился с ним в понятиях о дисциплине ввиду риска для жизни в адских условиях непрекращающегося огня противника»[29].

Критик «Таймс».
«Дуррути — человек, обладающий огромным авторитетом, — наконец согласился приехать в Мадрид для обсуждения альянса с коммунистами и правительством. Он и его охрана разместились в

29 Хьюг Томас. «История гражданской войны в Испании» (Histoire de la Guerre Civile Espagnole). Париж: изд-во Lafont, год? стр. 334. Пьер Бруэ и Эмиль Тэмим. «Революция и гражданская война в Испании» (La Revolution et la Guerre Civile en Espagne). Париж: изд-во Minuit, стр. 228. Эти два автора всего лишь воспроизводят повествование Кольцова. Их собственное исследование равно нулю. Кроме того, Бруэ приводит дату гибели: «21 ноября», что ещё более доказывает источник его ссылки.

подземном ресторане на улице Гран Виа, в то время как наверху были слышны взрывы гранат войск генерала Франко. Мадридцы никогда не видели столь мощного вооружения и с энтузиазмом ожидали действий этих отлично вооружённых бойцов.

Дуррути покинул свою охрану, пришёл и достиг соглашения с коммунистами; но пятнадцать минут спустя он был убит агентами анархистской организации под названием “Друзья Дуррути”»[30].

Таково мнение литературного критика приложения к «Таймс» в отношении гибели Дуррути. Он обвиняет в своей статье книги «Анархисты» Джеймса Джолла и «Анархизм» Джорджа Вудкока, упрекая авторов в «недостатке объективности»:

«Ни один из авторов, проанализированных нами, не отразил этот эпизод достоверно. Оба принимают версию о приезде Дуррути в Мадрид и то, что он был убит неизвестными личностями. Эту информацию ввиду очевидных причин в те дни распространили республиканское правительство Испании и Коммунистическая партия. Они были заинтересованы в смягчении конфликта между коммунистами и анархистами. Говорили, что Дуррути пал от шальной пули, выпущенной из фашистских траншей. Всё это неправда. Его убили выстрелом в спину, причём свидетелями были многочисленные жители Мадрида. Убийство могло быть представлено как возможное и категоричное свидетельство философии анархизма и особенно конечного конфликта между коммунистами и анархистами.

Группировка “Друзья Дуррути” была основана незадолго его гибели. Её целью было выражение подлинного духа анархизма, противоречащего авторитарным тенденциям коммунизма. Следовательно, являлось логичным, что “Друзья Дуррути” покончили с ним самим. Это было последнее действие в споре Бакунина с Карлом Марксом».

Лица, упомянутые в процитированной статье, и другие, имеющие интерес в темах, связанных с историей войны в Испании, ответили автору в последующем номере «Таймс»[31]:

«Господин директор, — пишет Хьюг Томас, — ваш критик

30 Times Literary supplement — литературное приложение к «Таймс», анонимный автор, 24 декабря 1964 года. Его утверждение о существовании организации «Друзья Дуррути», как мы далее увидим, представляет из себя выдумку летописца.

31 Там же, 7 января 1965 года.

“Анархизма” Джорджа Вудкока категорично утверждает тот окончательный факт, как будто бы он лично присутствовал на месте происшествия, что испанский анархистский лидер Дуррути был убит в 1936 году на улицах Мадрида экстремистской группировкой, иронически известной под названием “Друзья Дуррути”.

Также далее он пишет: “многочисленные жители Мадрида” видели убийцу, и республиканское правительство Испании, и Коммунистическая партия распространили версию, что Дуррути погиб на линии фронта от рук националистов или же “неизвестных лиц”». Ввиду таких утверждений Хьюг Томас указывает: «Было бы чрезвычайно интересно точно узнать, кто же эти “многочисленные жители Мадрида” и, может быть, кто-либо из них опознан именно сейчас. Удивительно, — добавляет Томас, — почему критик газеты думает, что правительство и коммунисты по какой-то веской причине скрывали обстоятельства гибели Дуррути, если таковые были им известны? Напротив, нам кажется: ввиду того, что отношения с анархистами в ноябре 1936 года уже были достаточно напряжёнными, коммунисты обратили бы в свою пользу “убийство” Дуррути с целью дискредитации своих товарищей, в особенности тех, кто сопротивлялся подчинению военной дисциплине. И наконец, — завершает английский историк, — имеются ли какие-либо доказательства что группировка “Друзья Дуррути” уже существовала в то время?»

Альберт Мельтцер.

В том же самом номере «Таймс» и сразу же после письма Хьюга Томаса публикуют послание Альберта Мельтцера:

«Ваш критик утверждает, что обладает сведениями о гибели Дуррути, и они намного серьёзнее тех, которые он может доказать указанием достоверных источников информации. Когда кто-либо погибает прямо на улице, в военный период времени, мы можем предположить, что его смерть — дело рук его противников или его соратников. В момент гибели Дуррути находился в районе города, постепенно очищаемом от фашистов. Невозможно, что убийца мог узнать его и покончить с ним, заведомо зная, кого именно убивает. На Дуррути не было особой формы, и убийца стрелял наугад, целясь

в наступающих «милисьянос»; это мог быть какой-нибудь франкист (выстрел в Дуррути был произведён в его спину с этажей зданий, всё ещё находящихся под контролем противника). Когда Республика потерпела поражение, целый ряд анархистов высказывали мнение, что Дуррути пал жертвой коммунистов, но это неправдоподобно. Конечно, правда, что смерть Дуррути явилась весьма выгодной с тактической точки зрения для коммунистов, поскольку таким образом исчезал единственный деятель анархистского движения, обладающий достаточно серьёзным престижем, чтобы препятствовать растущему влиянию коммунистов.

"Друзья Дуррути" возникла через несколько месяцев после гибели Дуррути (организация носила такое название именно в связи с традицией анархистов давать имя своим группировкам "друзья того или иного философа, или умершего активиста", но никогда в честь ещё живущего). Те анархисты, которые назвались так в Испании (первая группа была основана в Париже), противостояли каким-либо соглашениям с правительством и подчинению компартии. Ваш критик (возможно, "старый товарищ по путешествию"?) смешивает две формы коммунистических нападок на анархистов, когда утверждает, что "Друзья Дуррути" казнила его, так как он вёл переговоры с коммунистами с целью достижения альянса. Это могло бы произойти позднее, по причине влияния русских: оно достигло кульминации после его смерти. В ряде интервью, опубликованных анархистским ветераном Эммой Гольдман, Буэнавентура Дуррути незадолго до гибели ясно высказывал свою позицию. Когда ему задали вопрос о том, не слишком ли он доверялся обстоятельствам, то он ответил: "Я не опасаюсь выбора со стороны трудящихся, если перед ними встанет необходимость избрать наши методы свободы или псевдо коммунизм, который вы видели в России". Тогда она спросила: "Что могло бы случиться, если бы коммунисты доказали рабочим свою силу, чтобы поставить на повестку дня выбор как таковой?" Дуррути уверенно ответил: "Было бы просто найти общий язык с коммунистами уже после нашей победы над Франко или даже раньше, если будет в том необходимость"».

Мельтцер пишет в заключении:

«Пока Дуррути был жив, это могло быть доказано как достоверное».

Джеймс Джолл.
Также послал свои комментарии литературному критику «Таймс»:
«Исследователи испанского анархизма и гражданской войны в этой стране будут благодарны вашему сотруднику за его вклад в расследование обстоятельств гибели Дуррути. Однако очень печально то, что, настаивая на анонимности своих информаторов, не представляется возможным узнать, кто они, с тем чтобы их показания обрели достоверность и в будущем в исторических описаниях можно было ссылаться на них».

В этом втором выпуске Литературного приложения «Таймс», которое мы сейчас цитируем, обвиняемый критик сразу отвечает всем его оппонентам:
«Корреспонденты Томас и Мельтцер рассматривают четыре основные аспекта: а) Где был убит Дуррути? б) Кто его убил или убили? в) Почему они сделали это? и г) Почему официальная версия оказалась изменённой?

Господин Томас считает, что его убили в Парке дель Оэсте, другими словами — на линии фронта в Мадриде. Мистер Мельтцер соглашается, что он был убит на улице, но что это сделала группировка “Друзья Дуррути”. Я находился в Мадриде в день преступления, и на месте, где это произошло, — через полчаса после событий. Там было много людей, с которыми я был знаком, по крайней мере знал их в лицо, и среди них — охранники Дуррути. На самом деле у них не было времени связаться со мной, чтобы поведать мне о случившемся.

Дуррути был убит, как верно указывает господин Мельтцер, выстрелом из высоко расположенного окна, но он обезоруживает меня своим утверждением, что действие происходило “в районе города, постепенно очищаемом от фашистов”, но что тем не менее он был убит националистом, который попросту замешался в авангард республиканцев. Я бы порекомендовал господину Мельтцеру проверить его источники информации. Похожий эпизод мог иметь место за много недель до того или спустя много месяцев после. Никакое сражение такого рода против франкистов не могло произойти в Мадриде в те дни.

Не было необходимости в том, чтобы Дуррути носил особую форму для его узнавания. Убийцы ожидали у окна — оттуда они могли держать под контролем выходы из здания, где, как было известно, Дуррути вёл переговоры. Окно располагалось на той же стороне улицы, и именно оттуда был произведён выстрел в спину, как только он вышел из здания. Конечно, любой может в эти моменты отрицать, что убийцы действительно были членами группы "Друзья Дуррути". Когда господин Мельтцер, не указывая на свои собственные источники, спрашивает о моих, я только могу напомнить ему о природе той войны. Мои источники, могу сказать, имеют свои собственные истоки. Мои информаторы — не те люди, которые в данный момент наслаждаются жизнью в Chatham House[32] или в ООН.

Тем не менее вполне возможно (я чувствую себя стеснённым представлять это как помощь в адрес господина Джолла), что кто-либо из американских корреспондентов в Мадриде мог провести свои новости через цензуру, и таким образом представилась бы возможность найти какую-нибудь полезную информацию при просмотре подшивок американских газет той эпохи.

Мистер Мельтцер и Томас ошибаются, согласно моим сведениям, когда указывают, что организация "Друзья Дуррути" не существовала как таковая в момент гибели Дуррути. Её лозунги появлялись на стенах города, прокламации распространялись. Можно назвать два аспекта этой группировки. Их можно рассматривать, с одной стороны, как "чистых" идеалистов-анархистов, которые считали (как, впрочем, могли думать и другие анархисты), что под давлением военной действительности руководители анархистского движения отдалялись от идейных принципов. Или они могли быть на самом деле агентами противника, замаскированными под анархистов с целью организации беспорядков. Здесь имеет смысл факт, указанный господином Томасом, что "анархисты часто использовались другими организациями". Тот факт, что они убили Дуррути, может быть объяснён с двух точек зрения.

Что касается официальной версии происшествия, очевидно, что

32 Британский институт международных отношений, основан в 1920 году (прим. ред.).

цель убийц — были ли они идеалистами или нет- — состояла в срыве плана правительства и коммунистов, который находился в процессе становления. Так, намерение заключалось в воспрепятствовании тому, чтобы люди, и особенно бойцы на фронте узнали правду. Речь шла об элементарном ответе на провокацию.

С моей точки зрения, господин Мельтцер затрагивает живую точку данной темы, приводя цитату интервью Дуррути с Эммой Гольдман. Она спрашивает, слишком ли он доверяет обстоятельствам (...) Он отрицает это. Однако целый ряд анархистов придерживались обратного мнения. И они также считали, в коротком интервале между интервью и убийством, что Дуррути менял свою позицию в управлении организацией в том, что касалось необходимого сотрудничества с коммунистами, которые, я думаю, обладали в те дни намного большей мощью в рядах вооружённых сил республики, чем предполагает господин Мельтцер».

Версия Антонии Штерн.

Её вариант отличается от всех ранее приведённых и освещает гибель Дуррути в новом ключе, проводя параллели со смертью немецкого коммуниста Ханса Баймлера, убитого неким Ричардом — военным советником, которого навязали «русские военные». Антония Штерн — немка, и нам неизвестно, жива ли она до сих пор. Таинственная гибель бывшего депутата Коммунистической партии чрезвычайно обеспокоила его друзей, а Антония входила в круг наиболее близких к нему людей; она была не только его подругой, но и помощницей. Было известно, что Ханс Баймлер находился в оппозиции к немецкой группе, которая работала в отеле «Колон», Барселона. Причина их разногласий заключалась в том, что Баймлер ставил им в вину бюрократизм их деятельности и неоправданное беспокойство в отношении событий каталонского тыла, вместо того чтобы посвящать себя своим прямым обязанностям, другими словами — борьбе с фашизмом. Антония Штерн провела глубокое расследование обстоятельств гибели Баймлера, и далее мы приводим его фрагменты:

«На могильной плите Ханса Баймлера целый год не было ни надписи, ни даты его смерти, а когда они были сделаны, то не соответствовали

истине. Ханс Баймлер погиб в Университетском городке, а не в Каса дель Кампо, которая находилась от места его гибели приблизительно в трёх километрах. С какой целью давались эти фальшивые данные? Быть может, для дезориентации общественного мнения в случае исследований, или же попросту намеревались избежать упоминания Университетского городка. Надо не забывать, что за десять дней до гибели Баймлера именно в том месте был предательски — выстрелом в спину — убит Дуррути.

Являлось ли это воспрепятствованием констатации совпадения? Быть может, оба мотива дополняют друг друга...! (...) Однако это ещё не всё... Истинные друзья Баймлера, которые продолжали говорить и думать о нём, тотчас же оказались в неблагоприятном положении — их начали преследовать...»

Антония Штерн признаёт, что прибыла в Барселону, полностью доверяя официальной версии гибели Дуррути:

«Я хотела собрать свидетельства товарищей - "милисьянос» Ханса Баймлера, чтобы после написать книгу о нём. По приезде в Барселону меня изолировали, и затем начались преследования. Несмотря на самые лучшие рекомендации, пропуска, моя работа, моя поездка в Мадрид, наконец, всё, что имело отношение к сбору материала для книги, столкнулось с трудностями и запретами. Наконец мне ясно сказали, что я должна отказаться от намерения написать книгу о Хансе Баймлере; но ввиду того, что я не подчинилась приказам партии, меня задержали. Также были арестованы все те "милисьянос", которые доверили мне свои мнения о Баймлере. Мы никак не могли понять причины этих преследований и того, что любой ценой старались запретить тему о Хансе Баймлере. Мы поняли это, когда узнали, как именно погиб Ханс Баймлер: "Вместе с Хансом Баймлером они задушили революцию. Мы не могли победить, потому что самые лучшие товарищи погибали от рук их же партии", — сказал мне доверительно один из "милисьянос" Баймлера, которого я недавно встретила»[33].

33 Антония Штерн. «Ханс Баймлер: Дахау-Мадрид, документ нашего времени» (Hans Beimler: Dachau-Madrid, ein Dokument Unserer Zeit). Книга, по нашим сведениям, до сих пор не издана. Автор написала статью в Supplement a Espagne Nouvelle («Приложение к новостям из Испании»), март, 1939, стр. 2 и 3. В заключение приведём свидетельство одного из основоположников группы «Друзья Дур-

Моссе́н Хесус Арналь и журналист Монтото.

Моссе́н Хесус Арналь более известен на арагонской земле как «секретарь Дуррути» или «поп Дуррути». Когда разразились военные события 19 июля, он был приходским священником, исполнявшим свои духовные функции в одном местечке провинции Уэска, под названием Агиналиу́. Опасаясь за свою жизнь, в первые дни восстания он сбежал или же где-то скрывался. Спустя какое то-время, всё ещё чувствуя себя в опасности, он сменил место жительства и, переезжая из деревни в деревню, прибыл в Кандаснос, где некто Тимотео, член НКТ, убедившись, что не было надобности в казни священника, сделал всё возможное, чтобы спасти ему жизнь, и в конце концов привёл его в колонну «Дуррути», в Бухаралос, где он поступил на должность писаря в Комитете центурий, вместе с Антонио Родой, Хосе Есплугасом и Флоресом. Постепенно Моссе́н Хесус Арналь стал работать комиссаром роты и секретарём Комиссара дивизии «Рикардо Рионда Кастро» (Рико). Окончилась война, и Моссе́н Хесус переехал во Францию, но вскоре вернулся в Испанию, где какое-то время пробыл в концентрационном лагере; наконец он вышел на свободу и вернулся к своим прежним функциям священника в посёлке Бальобар (Уэска). Так шли дни за днями «попа Дуррути», вплоть до того момента, когда Моссе́н Хесус Арналь решил написать мемуары и объяснить, в исторических целях, тайну гибели Дуррути. Едва священник Бальобара публично заявил о своих намерениях, его спокойная жизнь закончилась: началась осада журналистов, кинематографистов и т.д.

По словам Моссена Хесуса, основной целью написания мемуаров было желание оправдать своё пребывание в колонне «Дуррути». Вероятно, эта идея пришла ему в голову в 1967 году, после разговора с одним из кинотехников — Марьяно Пачеко, который был занят на съёмках фильма «Вылазка» (Golpe de mano) в его посёлке. Тот, со слов Моссена Хесуса, попросил рассказать ему об обстоятельствах

рути», Хайме Балиуса (он ещё жив и находится в изгнании во Франции). Балиус поведал нам, что эта группировка образовалась в первых числах января 1937 года и что его газета El Amigo del Pueblo издала свой первый номер незадолго до событий мая 1937 года. Этот последний факт может быть подтверждён просмотром подшивок этой газеты, хранящихся в I.I.H.S. (Амстердам, Голландия).

смерти Дуррути, о которых Пачеко уже знал от Хулио Гравеса, известного водителя Дуррути в момент происшествия. В его рассказе в качестве места инцидента фигурирует Пласа де Монклоа, что, согласно Рикардо Рионде, ошибочно.

Хесус Арналь, наверняка поддавшись влиянию кинематографиста и понимая ценность опубликования версии, которая представила бы гибель Дуррути в ином свете, взялся за мемуары, причём придал этому огласку. Так, в ноябре 1969 года у Хесуса Арналя взяли интервью журналисты из Агентства EFE из Монсона, которые 11 ноября опубликовали репортаж в El Noticiero Universal Барселоны, тотчас же, 30 числа, подхваченном газетой Heraldo de Aragón и печатным органом La Mañana из Лериды 2 декабря 1969 года; затем, 7 июля 1970 года, он был расширен Анхелем Монтото в La Prensa. В упомянутых репортажах особенно отмечена гибель Дуррути, которую Хесус Арналь описывает следующим образом, предваряя рассказ словами: «Перед тем как подъехать к международному мосту, отделяющему Францию от Испании, Рико (Рикардо Рионда Кастро) сказал нам:

— Сейчас вы узнаете правду о смерти Дуррути. Я всегда вам говорил, что это тайна и что мы поклялись не разглашать её в силу политических причин и потому, что считали: эта смерть недостойна Дуррути. Прибыв в Университетский городок и перед тем, как приступить к делу, водитель Хулио припарковал машину прямо у бордюра дороги. Это был авто марки “Испано” с откидным верхом, мы его пригнали из Бухаралоса. У Дуррути в руках был ручной пулемёт, известный как “наранхеро”, короткоствольный; именно такой, — говорит он мне, — какой ты сейчас несёшь для сдачи жандармам. (Такое оружие во время войны было у Альфредо, охранника его отца.) Нагнувшись, чтобы выйти из автомобиля, Дуррути попытался поставить “наранхеро” на бордюр тротуара, и при столкновении предохранитель не сработал — раздался трагичный выстрел».

Спустя несколько дней после публикации репортажа Хесус Арналь пишет: «Перед дверью моего прихода остановился автомобиль, из него вышли один сеньор, сеньора и маленький ребёнок. Войдя ко мне в кабинет, сеньор обратился ко мне:

— Я из Барселоны. Я приехал познакомиться с вами и узнать, как вам удалось узнать правду о смерти Дуррути.

Я спокойно рассказал ему мою версию и указал на источники информации, а он мне говорит:

— Я один из тех, кто был тогда в том автомобиле. Я не разрешаю вам разглашать моё имя; в крайнем случае можете указать мой псевдоним — “Рагар”. — Он показал мне документы, удостоверяющие его личность. — Вы правы за исключением небольших деталей, которые не меняют сути дела. Авто был марки не “Испано”, а “Бьюик”; “наранхеро” ударился не о бордюр тротуара, а о подножку машины; и, наконец, Рикардо Рионды Кастро (Рико) не было в автомобиле — в нём находились Бонилья и Мансана. Не знаю, как Рико смог узнать обо всём, но правда то, что его там не было. Действительно, несчастный случай произошёл на Пласа де Монклоа, на углу Пасео Росалес, в четыре часа пополудни, 19 ноября 1936 года. Раненого сейчас же доставляют в отель “Ритц” (...). Федерика Монтсени и Мариано Р. Васкес (Марианет) — секретарь Комитета НКТ — взяли с нас клятву о неразглашении».

Показания этого таинственного лица по имени “Рагар” превратили Моссена Хесуса в детектива, потому что его мучили сомнения в отношении рассказа Рионды и повествования “Рагара”.

«Имея такого рода сомнения, — пишет Хесус Арналь, — (...) мы с журналистом Анхелем Монтото принялись опрашивать людей, которые, по нашему мнению, имели достаточно информации о случившемся».

Такое расследование затронуло также врачей: Мартинеса Фрайле, Мануэля Бастоса и Хосе Сантамарию. В результате возникли разногласия между Бастосом и Сантамарией, которые, как мы ранее объяснили, по-разному описывали рану. Но как Хесус Арналь, так и Монтото оставили для себя версию Сантамарии, потому что именно она подходила для их теории, и это означало для них «провал» как детективов. Последуем дальше.

В намерении продолжить расследование журналист Монтото отбыл в Тулузу, чтобы посетить Федерику Монтсени, а Моссéн Хесус поехал в Реальвиль для встречи с Риондой.

«Дон Анхель Монтото посетил во Франции Федерику Монтсени и

вернувшись, сообщил мне:

— Она признала, что мы на верном пути, утверждая, что смерть Дуррути произошла в результате несчастного случая.

Однако я не был удовлетворён этим результатом и поехал во Францию, местечко Реальвиль, так как мне стало известно, что там проживал Рико. Встреча была очень тёплой, как между отцом и сыном, и я ему сказал:

— Послушай, Рико, я приехал обнять тебя и твоих родных, но мне также крайне важно выяснить кое-что: гибель Дуррути.

— Я тебе сказал правду, когда мы пересекали границу, другой нет. Но сейчас ты можешь добавить и разъяснить, что меня не было в момент инцидента, но ты знаешь: Мансана и я — больше чем братья, и через десять минут после того я узнал обо всём с подробностями. Я без какого-либо сомнения утверждаю, что смерть Дуррути — несчастный случай (...).

Итак, я считаю, — пишет в заключение Моссен Хесус, — что здесь больше нечего сказать»[34].

34 Хесус Арналь. «Почему я был секретарём Дуррути» (Por qué fui secretario de Durruti). Ле́рида: изд-во Mirador del Pirineo, 1972. Мы также использовали репортажи этого священника, опубликованные в La Prensa Барселоны в июле 1970 года под заголовком «Мои приключения в колонне “Дуррути”», а кроме того — два письма, полученные от него в июне 1971 года.

Глава III.
ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВЫМЫСЛЫ В ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ВЕРСИЯХ

Мы намеренно с большими подробностями описали различные, публично известные версии: каждая из них и с большой уверенностью пытается раскрыть тайну гибели Дуррути. Но как бы мы ни утруждали своё воображение, ни одна не является достаточно конкретной и достойной доверия, чтобы «стать последним словом в этом вопросе». Разногласия между этими описаниями и внутренние противоречия аннулируют их как неоспоримую истину, но это совсем не означает, что каждая версия сама по себе не содержит положительных элементов. Возможно, если собрать эти элементы вместе, то удастся воссоздать картину, наиболее близкую к действительности. Но это уже предположения в стиле детектива — не совсем подходящего жанра в исследовании исторического характера.

Версии, вращающиеся под влиянием сталинистской орбиты, начиная с заявления газеты «Известия», яркого описания событий хроникёром литературного приложения к «Таймс» и, наконец, представленная Федерико Браво Моратой (он пишет, что «Дуррути вступил в ряды КП при условии сохранения в тайне этого факта до определённого момента»), нацелены на два направления, причём не обладая никакой точкой опоры: завладеть личностью Дуррути и заодно обречь анархизм как таковой. Русский кинооператор Кармен, смело утверждая, пишет: «В рядах анархистской организации состоят в основном авантюристы, способные убить Дуррути». Все эти варианты происшествия, ввиду их настойчивого характера, не вызывают доверия. Верно то, что некоторые официальные заявления Дуррути могут быть истолкованы в смысле коммунистической пропаганды на тему единства в борьбе с фашизмом. Однако Дуррути дал вполне ясно понять, что именно он считал единством действия. И в его утверждении не было ни тени сомнений. Его последнее публичное выступление — это текст, написанный им для «русских рабочих». Когда в Бухаралосе встал вопрос о поездке делегации в Россию, он лично высказался против; но в силу того, что Военный

комитет колонны принял решение одобрить эту поездку, Дуррути лично написал приветственное письмо. В нём не было ни одного упоминания ни имени Сталина, ни большевиков, ни советского правительства. Это были слова рабочего в адрес таких же простых рабочих, как и он, призывавшие их к революционным действиям в поддержку пролетариата, борющегося за социальную революцию и твёрдо намеренного вести её до конца. Так как это письмо — последние слова, написанные Дуррути официально, нужно обладать весьма богатой фантазией, чтобы видеть в Дуррути «эволюцию к большевизму».

Другой аспект, на который намекает сталинизм в лице Пьера Бруэ, Хьюга Томаса и Доминика Десанти — что «с Дуррути могли покончить его соратники», — представляет из себя наиболее грубое оскорбление, которое только можно нанести тысяче бойцов колонны «Дуррути», погибших при обороне Мадрида. Участники колонны «Дуррути», отбывшие из Арагона, хотя нам и трудно признать это, не только глубоко верили в Дуррути, но и следовали за ним без какого-либо сомнения до самой смерти. Любой из них был готов умереть вместе с ним. Влияние Дуррути на них основывалось на фактах его борьбы в прошлом. И эти прошлые заслуги ещё более усиливались как в Арагоне, так и в Мадриде, ввиду его постоянного присутствия на линии фронта. Если и существовало противоречие между Дуррути на его посту делегата колонны и Дуррути как рядового члена организации, оно состояло именно в том, что он исполнял свои обязанности руководителя не из дома номер 27 на улице Мигель Анхель или Вентана Монсона, а на передовых фронтовых позициях. Можно только допустить, что некто, член его колонны, был невменяемым человеком и смог выстрелить в Дуррути при условии, что его поступок — единичное действие.

Однако необходимо более подробно объяснить этот пункт. Мы уже рассказали о том, как в Мадриде генерал Висенте Рохас назначил Дуррути ответственным за участок Университетского городка. И также мы уже писали, что именно одна колонна от Коммунистической партии (продвигающая «единое командование») отказалась подчиниться анархисту Дуррути; таким поступком КП показывала, что она придавала унитарный характер своему

лозунгу «единого правления». Тем не менее ввиду того, что официальный приказ сохранился в архивах, является фактом, что колонна «Либертад-Лопес Тьенда», несущая ответственность за форсирование националистами реки Мансанарес, находилась под командованием Дуррути и, следовательно, носила имя «колонна “Дуррути”».

Полагаясь на этот официальный приказ, Мартинес Банде совершил ошибку, назвав её анархо-синдикалистской, и сам историк, описывающий войну в Испании, был вынужден признать свою неточность. Однако эту ошибку не исправили ни Хьюг Томас, ни Пьер Бруэ, ни другие, продолжающие путаницу в отношении колонны «Дуррути».

Висенте Рохо, поставивший под начало Дуррути колонну «Либертад-Лопес Тьенда» в период сражений в Университетском городке и в Клиническом госпитале, таким же образом определил под его контроль другие подразделения в Мадриде, в их числе — роты карабинеров. На участке, занятом подразделениями Дуррути, сражались бойцы, которым удалось выжить ещё со времён сражений начальной колонны, прибывшей из Арагона, и кроме того, другие части, трудно определимой политической окраски. Если убийца Дуррути и существовал на самом деле, то его надо искать среди этих людей, которые были определены под его начало в Мадриде, которые его не знали и не любили и, быть может, не разделяли его идеологических убеждений. Когда новые историки захотят взяться за исследование войны в Испании, мы можем порекомендовать им обойтись без библии Кольцова и запомнить описанные здесь факты, которые соответствуют исторической правде тех ноябрьских дней 1936 года.

Необыкновенное воображение Хауме Миравитлеса.

Автор этих строк тоже присутствовал на выставке, организованной в Барселоне в 1938 году. На ней, действительно, был выставлен экспонат — «рубашка», но вовсе не кожаная куртка, на которой можно было увидеть «отпечаток пороха». Миравитлес увидел знаменитую рубашку через стекло, но она не была извлечена из витрины для исследования. Следовательно, врачи, приглашённые Миравитлесом,

сделали своё заключение о «пятидесяти сантиметрах» — расстоянии, с которого был произведён выстрел, — наблюдая за предметом одежды через стекло витрины? Рикардо Санс в настоящее время жив, и именно он явился организатором выставки, посвящённой Дуррути в 1938 году. Так, он может свидетельствовать о том, дал ли он разрешение Миравитлесу «забрать рубашку для лабораторного анализа».

Перейдём к его второму заявлению. Эмилианне Моран, вдова Дуррути, вместе с дочерью, покинула Барселону вскоре после его гибели, с тем чтобы начать работу в организациях, основанных во Франции для поддержки испанской революции. Мы расспросили её о присутствии на официальном банкете, где она имела возможность беседовать с Миравитлесом. Её ответ был категоричен: «Она никогда не посещала какой-либо официальный банкет в Барселоне и знакома с Миравитлесом только по наслышке, так как тот занимал должность в Центральном комитете милиций. Она слышала, как о нём говорили в доме Диего Абада де Сантильяна, где она остановилась на какое-то время, когда Дуррути находился в Мадриде.»

«Санти» — военный советник Дуррути.

«Санти — курьёзный персонаж, о функциях которого в Испании никогда не станет известно. Он использовал ряд имён, или его знали под рядом имён, хотя, кажется, его собственное было Х. Д. Мансуров. Эренбург всегда упоминает его как Хаджи, а Кольцов называет его Санти. Со слов Эренбурга, Хаджи был чрезвычайно отважным и даже проникал в тыл противника. Кавказец по происхождению, он мог сойти за испанца. Многое из того, о чём пишет Хемингуэй в своей повести “По ком звонит колокол”, взято из рассказов Хаджи американскому писателю»[35]. Добавим к портрету Хаджи, написанному Эренбургом: он был полковником советской армии и входил в русский Главный штаб в Испании под командованием Ивана Берзина (Гришина).

Наши многочисленные расследования среди людей, окружавших в Мадриде Дуррути (Хосе Мира, Антонио Бонилья, Рикардо Рионда, Либерто Рос, Мора и др.), не указали нам каким-либо образом, что

35 И. Эренбург. Указ. соч.

Санти состоял при Дуррути военным советником. Все единогласно заявляют, что единственными советниками Дуррути были Мансана и его собственное чутьё. «Возможно, что главный штаб Дуррути посещали русские военные, но ни один из них не остался постоянно в штабе». Из всего вышесказанного можно заключить, что Кольцов — как и в других местах его повествования — слегка запутал историю, создавая вымышленных персонажей или придавая реальным лицам вымышленные функции.

Версия кинооператора Кармена причудлива; это касается роли, которую он отводит Хаджи в отношениях с Дуррути, а также описания выезда Дуррути в Университетский городок в сопровождении впереди едущих четырёх мотоциклистов. В главном штабе на улице Мигель Анхель был только один мотоциклист — Мора, связной Дуррути. Тем не менее в этом фантастическом рассказе Кармена есть нечто, интригующее читателя. Почему Кармену понадобилось написать целый абзац на тему гибели Дуррути? Русский кинооператор указывает время смерти: в границах от 14:30 до 15:00. Ответ Хаджи конкретен: «Они убили Дуррути. Только что»[36]. Кто же были эти «они»? Затем следует текст, содержащий критику на анархистов: «Предательский выстрел в спину оборвал жизнь Дуррути в момент самой напряжённой борьбы его с самим собой и с “классическими” анархистами. Он мучительно хотел порвать с окружавшей его камарильей авантюристов и начать настоящую безоговорочную борьбу за свободу Испании. Он был честным человеком, он готов был сделать правильные выводы из всего, что происходило на его родине, — очевидно, поэтому его и убили». Выражение «они» двусмысленно; так, это может означать «классические» анархисты, а также — фашисты, а также люди Орлова, ГПУ. Всё это подозрительно: каким образом Хаджи стало известно обо всём в те самые минуты, когда Дуррути был ранен, между тем как Мера, Валь и пленум военных узнали об этом приблизительно в 17:00…?

Версия комментатора «Таймс».

---

36 Прим. ред.: в оригинале на текст стоит на французском: «Ils ont tué Durruti, ils viennent de le tuer”.

Эта безумная версия страстно следует намерениям сталинизма, указанным нами в описании Кармена; её даже до сих пор (1976) придерживается сталинист Энрике Листер. Однако детали, которые предоставляет этот автор, противоречат реальным фактам (мы имеем в виду сцену произошедшего), и это ещё более усиливает его литературную фантазию.

Историк «Таймс» никоим образом не упоминает о действиях колонны в Мадриде, и его версия подразумевает, что целью поездки Дуррути в столицу явилось «заключение альянса с правительством и Коммунистической партией: ... покинул свою охрану. Когда соглашение было достигнуто, спустя пятнадцать минут, когда он выходил из помещения, его убийцы — "Друзья Дуррути", — обосновавшись у окна со стороны улицы, на которой находилось здание, где был подписан договор (иными словами, здание коммунистов?), предательски выстрелили ему в спину».

Автор упоминает «окно», но не балкон. С балкона можно осуществлять контроль за улицей, но из окна — нет. Окно наверняка располагалось очень близко к двери. Было ли это окно того же самого здания? Несмотря на обилие деталей в описании, историк забывает существенное: название улицы, расположение окна и в конце концов — каким образом ему стало известно, что переговоры длились пятнадцать минут?

Ничего из того, о чём повествует английский комментатор в отношении сцены гибели Дуррути, не соответствует действительности. От начала до конца его рассказ — чистый вымысел. Даже убийцы, которых он называет «Друзья Дуррути», как таковые не существовали, как верно указывает Мельтцер.

Автор утверждает, что Коммунистическая партия была заинтересована в распространении версии, что Дуррути погиб в бою. Однако все источники сталинистского толка, начиная с Кольцова, распустили слухи: Дуррути был убит одним из его соратников, ввиду того, что «начинал открывать глаза», иными словами, эволюционировал к большевизму.

Этот историк заявляет, что Дуррути был убит выстрелом в спину и в присутствии многочисленных свидетелей. Что же предприняли зрители и «знаменитый охранник Дуррути» для задержания

преступника? Никто не сделал абсолютно ничего, и тот спокойно ретировался. Принимая всё это во внимание, можно прийти к заключению, что присутствующие, включая коммунистов — ведь покушение произошло на пороге входной двери в здание, — были сообщниками...

Английский комментатор оказывается неспособным логично и основываясь на фактах обосновать свою фантастическую версию — он прибегает к крайнему средству, которое предоставляет ему Хьюг Томас: «убийцами могли быть люди, выдающие себя за анархистов». Быть может, эта подробность, если предположить, что имело место убийство, могла бы стать единственно важной в этом невероятном рассказе английского автора о гибели Дуррути.

Корман и анонимное свидетельство.

Вариант Кормана, который ссылается на анонимное свидетельство члена колонны и также опирается на начальную версию, опубликованную в Solidaridad Obrera (при выходе Дуррути из автомобиля, раздался выстрел, наверняка произведённый из одного из окон небольшого отеля в Монклоа), открывает новое русло для расследования. Однако, к несчастью, мы не смогли найти никого, кто бы подтвердил этот факт. Военные из НКТ, которые занимали должности в Хлебопекарном профсоюзе и с которыми мы побеседовали, не смогли вспомнить тот факт, о котором нам упоминает анонимный свидетель. Тем не менее, если бы это и было верно, то доказало бы следующее: действовали элементы «Пятой колонны», или «люди, выдающие себя за анархистов», руководимые какой-либо секретной службой; а в те времена главенствовала ГПУ…

Моссен Хесус Арналь-Монтото.

Нам остаётся проанализировать теорию о несчастном случае, пущенную в обращение Моссеном Хесусом Арналем.

Хесус Арналь утверждает, что целью написания его «мемуаров» явилось не что иное, как обоснование его присутствия в колонне «Дуррути». Однако вся его работа сводится к расследованию и доказательству того, что смерть Дуррути произошла в результате

глупого несчастного случая. Просто несчастный случай, или «неосторожность», как пишет Рикардо Санс, — это одно и то же. Иначе говоря, задержаться в пункте, где идут бои, означало, вопреки своей воле, искать собственной гибели. Этой теории придерживается Рикардо Санс, и она довольно логична, ведь любая другая, увидевшая свет, как, например, версия Хесуса Арналя, не выдерживает самого простого критического анализа.

Теория несчастного случая, предложенная Хесусом Арналем, основывается на трёх фундаментальных аспектах: ею с ним поделился Рикардо Риона; Федерика Монтсени подтвердила этот рассказ, и таинственный «кабальеро Рагар» также заверил её правдивость. Оставим в стороне ранее указанное противоречие в диагнозе врачей (кажется, Хесус Арналь не помнит о нём). Также не представляет особого интереса марка автомобиля (сначала это «Испано», затем, по словам «Рагара» — «Бьюик» и наконец — что более точно — это «Паккард», согласно показаниям Бонильи). Мы уделим внимание показаниям таинственного «Рагара». «Наранхеро» стукнулся о подножку авто, что означает: Дуррути не удалось выйти из машины. «В машине находились Мансана, Бонилья, “Рагар” и водитель. Несчастный случай произошёл на Пласа де Монклоа, на углу Пасео Росалес, в четыре часа пополудни, 19 ноября 1936 года. Федерика Монтсени и Мариано Р. Васкес взяли с нас клятву о неразглашении».

Рассмотрим место происшествия. На Пласа де Монклоа впадают, исходя из центра Мадрида, улицы: Фернандес-де-лос-Риос и де-ла-Принсеса. Справа от Пласа-де-Монклоа находится, слева — улица де-Морет, а в конце этой улицы начинается Пасео-де-Росалес Пасео-де-Исаак-Пераль, полностью открытый, и всё происходящее на нём просматривается. Между Пласа-де-Монклоа и Пасео-де-Росалес нет никакого угла. Стоило только просмотреть карту Мадрида — и «Рагар» не совершил бы такой оплошности. Подразделения колонны «Дуррути» занимали позиции в точке Стадиума. На Пласа-де-Монклоа также находились ряд частей под командованием Рикардо Рионды. Сцена, описываемая «Рагаром», — или неверная, или преследует цель ввести в заблуждение историков. Теперь перейдём к пассажирам автомобиля. Мансана не упоминает о «Рагаре»; Хулио

Гравес тоже не делает этого; не говоря уже о Рикардо Сансе. Что касается Бонильи, то, несмотря на то что все указывают на его гибель, на самом деле он жив и, по его словам, он ехал в другой машине, впереди автомобиля Дуррути. «Рагар» утверждает, что несчастный случай произошёл внутри автомобиля, между тем как Бонилья указывает, что Дуррути вышел из него, поговорил с «милисьянос», что у него при себе не было «наранхеро», и что если авария и имела место, то после входа в машину. «Рагар» — мистический персонаж, которого никто не упоминает, и его имя едва известно; все утверждают, что настоящее имя никому не известно. Следовательно, присутствие этого «незнакомца» в те моменты, наверное, было случайным или же его пытаются скрыть намеренно, что не говорит в пользу некого «Рагара» ...

Двое других, о которых в этой связи идёт речь, как со стороны Моссена Хесуса Арналя, так и журналиста Анхеля Монтото, — это Рикардо Рионда и Федерика Монтсени.

Мы написали два письма Хесусу Арналю — в мае и 13 июня 1971 года, после публикации его репортажей в La Prensa. Что касается его утверждений, мы обратились за подтверждением к упомянутым ранее лицам. Рионда написал ответ 21 и 26 июля 1971 года. В обоих письмах он сообщает:

«Перехожу к теме гибели Дуррути. Меня с ним не было. Рядом с Дуррути находились: водитель, Мансана и один каталонец, которого он всегда брал как охранника. Я сам был на Монклоа, и именно там я узнал о случившемся... я тотчас же поехал к Дуррути (...). Первая новость, переданная по фашистскому радио: “Дуррути погибает от рук коммунистов”. Вторая новость: “Его убила собственная охрана”. НКТ была вынуждена вмешаться для разъяснения (...).

Я хочу сказать тебе, что Хесусу рассказали об этом (версия о несчастном случае) водитель и тот, кто был охранником. Хесус не знал, жив ли я, и однажды ко мне приехал один парень из Барселоны и сказал, что он знает, каким образом погиб Дуррути (...). Всё это для меня чрезвычайно важно, так как мне никогда не пришло в голову высказываться об обстоятельствах смерти Дуррути. Я думаю, всё это является пропагандой определённой Коммунистической партии (...). Этот Хесус после работал со мной в качестве секретаря, он никогда

не задавал мне вопросов о смерти Дуррути (...). (Хесус достал мой адрес.) Затем я получил от него четыре письма. Я ответил ему, и вот однажды он приезжает ко мне в Реальвиль; после обычных приветствий говорит мне, что “Дуррути ранили на Монклоа”, но я ему говорю, что нет — на Монклоа был я, и именно там получил новость о случившемся. Потом Хесус говорит мне: “Ты знаешь, водитель и тот, кто нёс «наранхеро», утверждают, что «наранхеро» выстрелил сам, и он скончался спустя какое-то время”. Я сказал Хесусу, что не мог ничего такого говорить, потому что меня не было в машине, и что у меня нет иной версии, кроме той, которую мне сообщил Мансана». И в завершение этой темы Рионда нам пишет: «Ты можешь утверждать, без опасения оказаться опровергнутым, что Дуррути погиб в Мадриде, защищая социальную революцию».

Со своей стороны, Федерика Монтсени нам пишет:

«О смерти Дуррути я могу сказать тебе, что я, говоря с немцами (Ханс Магнус Энцерсбергер) и с Монтото, придерживалась версии, которая всегда была официальной: Дуррути погиб от выстрела, когда выходил из автомобиля. Монтото был первым выдвинувшим версию несчастного случая, согласно рассказу известного священника. Ханс поговорил с Монтото, и, когда он вернулся из поездки в Барселону, всплыла идея об аварии, и даже я засомневалась, так как мне были приведены свидетельства медиков (Федерика узнала только о версии выстрела в упор, но не о диагнозе Бастоса Ансарта). Но самое худшее — это утверждение Рионды, к которому сперва съездил Монтото, а потом немцы. Рионда говорит, что он узнал обо всём от Мансаны и что все держали произошедшее в тайне по указанию Марианета, который считал такую смерть настолько абсурдной, что никто бы не поверил в неё. И что все пообещали молчать и что до сих пор, по прошествии 35 лет, никто не разглашает правду. Я не знаю, находился ли Рионда в Мадриде в момент гибели Дуррути. Думаю, что ты должен написать ему... и спросить, и пусть он расскажет тебе о своём варианте случившегося.

Священнику я ничего не говорила, потому что никогда его не видела. Я всегда думала, что это была шальная пуля; и даже если и не была полностью уверена в этом, выражая какие-либо сомнения, то только после свидетельства Рионды. Я могу тебе сказать, что

никто НИКОГДА не представил мне иной версии гибели Дуррути, кроме официально принятой.

(...) Нет никакого показания с моей стороны в поддержку тезиса давнишнего священника, я повторяю тебе, что в жизни его не видела; я впервые узнала о его существовании от Монтото. Но при существующем положении вещей мои показания могут иметь абсолютную ценность в обратном смысле, потому что МЕНЯ НЕ БЫЛО В МАДРИДЕ В МОМЕНТ ГИБЕЛИ. Мариано прибыл (в Мадрид) раньше меня, и следует узнать, был ли там Рионда. Во всяком случае, тайна была настолько хорошо сохранена, что никто до сегодняшнего дня не подозревал, что она как таковая могла существовать. Было высказано множество версий: от убийства коммунистами и вплоть до выстрела охранника (идея коммунистов, в защиту от обвиняющей их версии). Но то, что это был несчастный случай его собственного "наранхеро", — никто и никогда мне не говорил об этом. ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

Я озадачена и ошеломлена, как и ты, в отношении всего этого. Пиши мне, если узнаешь что-нибудь (28 июля 1971 года)».

Нужно уточнить эти письма. Начнём с Риондy. Два его письма были написаны в июле 1971 года. В те дни он сильно болел и перенёс операцию на глазах. Он находился именно в таком физическом и психическом состоянии, когда его посетил сначала Монтото, а затем — Хесус Арналь. Согласно строкам из писем Риондy, можно прийти к заключению, что он ничего не говорил Хесусу Арналю в отношении гибели Дуррути. Напротив, именно тот представил свою версию несчастного случая. Риондa лишь ограничился утверждением: он знал версию, рассказанную ему Мансаной, «так как его самого не было в автомобиле». Арналь предоставил ему доказательства: показания таинственного «Рагара» и разговор с Марио Пачеко. Перед Риондой оказались новые данные, которые он не мог ни опровергнуть, ни подтвердить; из всего этого мы заключаем, что при пересечении границы Риондa не рассказал Хесусу Арналю ничего, что касалось бы гибели Дуррути. Откуда же Арналь взял эту версию? Сам Арналь, того не желая, рассказывает нам об этом:

«Чтобы подтвердить правдивость этой версии (авторства Риондy),

где-то пару лет назад (другими словами — приблизительно в 1967 году) в моём приходе, в Бальобаре, снимался фильм под названием “Вылазка” (Golpe de mano). Во время съёмок, которые длились довольно долго, я подружился со всеми техниками, там занятыми, и однажды один из них, по имени Марио Пачеко, житель Мадрида, сидя у меня дома за пивом, говорит:

— Дон Хесус, я отсюда не уйду, пока вы мне не расскажете, как погиб Дуррути.

— А зачем вам это понадобилось? — спрашиваю я у него.

— Да так, мне надо знать, и повторяю, что не уйду, пока вы мне не скажете.

Наконец я ему передал версию Рико, которую ранее не раз рассказывал.

— Вы правы, — говорит он мне, — дело в том, что водитель Хулио до самой пенсии служил помощником у моего отца, и несколько раз мы говорили об этом. Всё случилось на Пласа де Монклоа, и именно так, как вы говорите: кроме того, в том месте, где он упал, нарисовали красно-чёрное знамя, которое продержалось довольно долго.

Я всегда думал, что я — один из немногих, знающих правду, — пишет Арналь, — о таком важном историческом факте, который без прямого желания его оглашения стал известен следующим образом».

Однако перед тем, как объяснить, каким именно способом он стал известен, мы просим у читателя позволения уточнить следующий пункт: по словам самого Арналя, рассказ Риондыпредставлял из себя свидетельство доверия. И когда речь идёт о священнике, это доверие подразумевает полное забвение рассказанного. Если на самом деле Риондаоткрыл ему тайну, не было бы правильнее попросить у самого Риондыразрешения на её разглашение? Не проконсультироваться с Риондой явилось настоящим злоупотреблением доверием. Тем не менее, так как Риондазаверяет нас, что ничего не говорил Арналю при переходе границы, оставим этот пункт на другом уровне. Смерть Дуррути всегда была тайной для всех. Арналь был известен в Бальобаре как «поп Дуррути», ничего особенного, так как если некто Пачеко и подозревал что-либо (в случае если его утверждения в отношении Хулио были верными), они выяснились бы в его беседе

со знаменитым «попом Дуррути». Мы думаем, что именно во время этих бесед заварилась вся эта каша. Итак, если вышеназванный священник хотел получить более полное подтверждение, почему он не воспользовался возможностью поговорить с самым достоверным свидетелем, Хулио, ведь это явилось бы показанием из первых рук? Пачеко, согласно его словам, был другом Хулио и, следовательно, знал его адрес. Упомянутый священник не сделал этого — напротив, стал крутиться как белка в колесе, доведываясь у косвенных свидетелей, таких как медики, и, позднее, у Риональды. Эта оплошность в поступках Арналя ставит нас в тупик, особенно когда он пишет: «который, без прямого желания его оглашения, стал известен». Верно, что Арналь не желал, а «намеревался», как он сам говорит, так как мы думаем: никто не приставлял к его груди дуло пистолета для того, чтобы заставить «предать» друга Риональду.

«В ноябре 1969 года, — пишет Арналь, — меня посетили журналисты из филиала агентства EFE из Монсона; они сказали мне, что узнали о моей работе над мемуарами и просили меня дать предварительную информацию. Итак, они настоятельно упрашивали меня дать им интервью. Результатом этого визита стала публикация 11 ноября репортажа в вечерней газете Барселоны “Эль Нотисиеро Универсаль” (El Noticiero Universal).

Тема уже стала достоянием публики, и все ожидали скандального репортажа. Так и случилось.

В июле 1970 года ко мне приехал редактор газеты “Ла Пренса” (La Prensa) (...). Как водится, репортёр, дон Анхель Монтото, задал вопросы о гибели Дуррути...»

С того самого момента священник и журналист превратились в детективов. На сцену выходит «Рагар»; посещают врачей; наносят визит Риональде и Федерике; но забывают связаться с Пачеко, чтобы расспросить Хулио, и забывают сравнить диагнозы Сантамарии и Бастоса. Продолжим читать Арналя:

«Так, продолжая наши расследования, дон Анхель Монтото посетил во Франции Федерику Монтсени и, вернувшись, сказал мне:

— Она признала, что мы на верном пути, утверждая, что гибель Дуррути произошла в результате несчастного случая».

Федерика Монтсени категорично отрицает такое утверждение.

Её заставили сомневаться, когда представили сказанное Риондой и «Рагаром» как реальные факты, но она не признала ничего по той простой причине, что не располагала возможностью ни признать, ни отрицать, так как её не было на месте происшествия. Что она была в состоянии сделать — так это подтвердить версию, просуществовавшую 35 лет.

Мы не ставим под сомнение слова Федерики — считаем, что она достаточно умна, способна думать и ясно выражать свои мысли. Почему же Арналь, не предприняв никаких дополнительных расследований, подтверждает сказанное Монтото как абсолютную истину? Это легкомысленно в отношении данной темы. В этой версии «давнишнего священника» мы видим, как смешиваются журналисты Агентства EFE, директор-фалангист газеты «Ла Пренса», и в довершение ко всему происходит ссора священника и журналиста Монтото, которую мы представляем в качестве эпилога упомянутого сотрудничества.

В своём письме от 13 июня 1971 года Хесус Арналь пишет:

«Что касается адреса Монтото, то я не хочу Вам его давать, чтобы он не смог опутать Вас, как сделал это со мной; конечно, Вы можете найти его в телефонном справочнике, так как он уже не работает в газете “Ла Пренса”, и кроме того, я хочу сообщить Вам: у него нет удостоверения журналиста. Он устроил какую-то махинацию с немецким телевидением, которое, похоже, заинтересовалось темой Дуррути; намечались съёмки в Венте и Кастилье, куда они должны были везти меня на машине, и хорошо, что вовремя обо всём стало известно полиции, и оказалось, что у них нет никакого разрешения; зато мои мемуары — в глубокой спячке; он пообещал мне немного подправить стиль, но на самом деле работал только для своей выгоды. Сейчас мне надо отобрать у него весь мой материал — посмотрим, может, когда-нибудь удастся его опубликовать, что весьма нелегко; но я подумал, я — не историк, всего лишь пытаюсь обосновать моё пребывание в колонне и защитить память Дуррути».

Здесь мы заканчиваем цитирование Арналя. И, быть может, в качестве заключения зададим такой вопрос: какое название бы подошло этой версии? Меркантилизация секрета... если и был секрет как таковой.

Глава IV.
ВТОРАЯ ГИБЕЛЬ ДУРРУТИ, ИЛИ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

Какие бы ни предпринимались попытки для подтверждения прозорливых догадок, никому не дозволено выдвигать гипотезы о гибели Дуррути, оскорбляющие его личность или наносящие вред организации, которой он посвятил лучшие годы своей жизни.

Дискуссии, разгоревшиеся вокруг его смерти, не связаны именно с этим фактом гибели, а с природой борьбы, которую в те годы вёл рабочий класс Испании, и с революционной позицией самого Дуррути. Другими словами, такие дебаты имели отношение к процессу «революция — контрреволюция», начавшемуся в испанском обществе в последних числах сентября 1936 года. В силу своих человеческих качеств и непримиримого революционного характера, пронизывающего его поступки в рамках отката революции назад, Дуррути представлялся как личность, с которой связывали возможность для изменения событий, с тем чтобы рабоче-крестьянский класс вновь встал на тот путь, который он начал 19 июля 1936 года. Его личность выделялась как символический указующий маяк в том смысле, что не всё ещё потеряно и что если борьба продолжится, в Испании вновь станет возможной рабоче-крестьянская революция. Его гибель наверняка воспринималась как роковое событие, ужасный удар, нанесённый революционной надежде. Тем временем осенние дни 1936 года несли на себе смутный отпечаток, и на горизонте вырисовывались признаки будущих тягостных событий. В октябре, с принятием декрета о милитаризации, было положено начало моральному разоружению революционных милиций, особенно в Арагоне. Война постепенно теряла свой революционный смысл и превращалась в столкновение националистского характера. На сценарии сражений в Испании уже ясно прослеживалась контрреволюция, возглавляемая Коммунистической партией. Гибель Дуррути при обстоятельствах, как, например, в результате шальной пули или глупого несчастного случая — а не в контексте сражения на линии фронта — открывала путь для любых предположений: личность Дуррути, чувства народа

требовали наиболее подходящего сценария, чем тот, который был отведён ему судьбой. В этом вся суть. Тем не менее не только в этом. И дело не только в этом именно потому, что сразу же после гибели Дуррути приступили к его политическому и моральному убийству. Дуррути, несмотря на свои убеждения, был лидером; мы уже писали, что он представлял для своего народа воплощение его революционных устремлений. Наступление контрреволюции началось после его смерти; создавалось впечатление, что его убили, потому что он являлся преградой на пути контрреволюции. Народная душа переживала такие чувства. На самом деле, независимо от того, каким образом произошла его смерть, она шла на пользу контрреволюции.

Контрреволюционная политика, которую тотчас же начали проводить в жизнь Коммунистическая партия Испании и Объединённая социалистическая партия Каталонии, без каких-либо сомнений указывала на то, что гибель Дуррути была им на руку. Коммунистическая партия считала себя победительницей; с объективной точки зрения можно было оценивать её как морального убийцу. Однако простые люди, желающие положить конец страданиям, навязанным буржуазной системой, не видят разницы между моральной и физической мукой. Сектантство Коммунистической партии в контексте манипуляций московских стратегов совершило грубую ошибку, присваивая себе личность Дуррути, обесценивая его либертарные идеи или, ещё хуже, намекая на то, что убийцы Дуррути находились среди «авантюристов из числа классических анархистов». Подавая дебаты в таком ключе, гибель Дуррути никогда бы не смогла быть разъяснена и превратилась бы в историческую тайну для тех, кто придерживается идеи: «дважды два — четыре». Однако для нас, знающих, что временами «дважды два может быть пять», гибель Дуррути не представляет из себя никакого секрета: погиб анархист, сражаясь за социальную революцию; он пал жертвой контрреволюции, как Нестор Махно в своё время оказался жертвой коммунистов в России или как Густав Ландауэр пал от рук Носке в Германии.

Политическое убийство Дуррути имело место 25 апреля 1938 года, когда Хуан Негрин, глава Совета Министров и министр обороны

страны, посмертно присвоил Дуррути звание подполковника Республиканской народной армии:

«Исполняя постановление Совета Министров и ввиду огромных заслуг гражданина Буэнавентуры Дуррути и Домингеса перед Республикой в военной сфере, который пал смертью храбрых 20 ноября 1936 года, на линии обороны Мадрида, командуя колонной, я принял решение присвоить ему звание майора милиций; постановление входит в силу 19 июля 1936 года. Наряду с этим, в качестве признания его героической службы на войне, я присваиваю ему звание подполковника; оно входит в силу со дня его гибели, 20 ноября 1936 года. Барселона, 25 апреля 1938 года. Подпись: Хуан Негрин, Президент Совета министров и министр обороны Испании»[37].

Читая страницы этой книги, вы наверняка смогли уловить отношение Дуррути к милитаризации, его сопротивление этому процессу. Ещё ранее, в октябре, он отказался от чина майора Милиций, которым наградил его Франсиско Ларго Кабальеро. Когда он погиб, его звание было «всеобщий делегат колонны “Дуррути”». Присвоить ему чин подполковника «за заслуги перед Республикой» явилось самым большим оскорблением, которое можно нанести памяти революционера и в отношении Рабочих милиций.

Его политическое убийство, как мы уже сказали, началось сразу же после смерти. «Дуррути — герой»; «Дуррути — вождь народа» ... Таким образом его лишали либертарной и анархистской сути. Однозначная мистификация его борьбы и политическая манипуляция его личности с целью маскировки наступления контрреволюции.

Вплоть до апреля 1938 года, ввиду распоряжений военного порядка, рабочие — делегаты колонн «милисьянос» могли претендовать только на звание майора, что не являлось препятствием для командования дивизиями и даже армейскими корпусами. Но Коммунистическая партия, по мере того как советское государство, по причине «политики невмешательства», постепенно принимало участие в испанском конфликте и одновременно являлось банкиром страны, ставила перед собой цель абсолютного контроля над

37 La Gaceta. Diario Oficial de la Republica Española («Законодательный вестник испанской республики»), 27 апреля 1938 года.

армией, насаждая в её ряды членов партии в чине генералов. Но как преодолеть барьер уже существующих инструкций и не войти в открытый конфликт с остальными группами «антифашистского блока»? Дуррути был «идеальным вождём», никто бы не протестовал по причине присвоения ему награды за его «образцовое поведение». Чин подполковника являлся актом «справедливости» в отношении милиций и одновременно служил оправданием для присвоения таких же званий многочисленным активистам, уже намеченным КП. Одним выстрелом поражали двух журавлей: убивали Дуррути в политической сфере и укрепляли власть КП в армии. Операция была достойна самого Макиавелли. И она принесла плоды.

Имя Дуррути под влиянием заинтересованной пропаганды со стороны всех партий превратилось в военную догму. Для исполнения любой контрреволюционной меры произносили имя Дуррути, приводя якобы ему принадлежащую фразу: «Мы отрекаемся от всего, только не от победы». В контексте войны эти слова превратились в самый мощный лозунг. Даже в самом Совете министров, реагируя на протест какого-либо министра НКТ против меры, вредящей интересам пролетариата, политические противники заставляли их отступать, цитируя категоричные слова, приписываемые Дуррути, «народному вождю»: «Что сейчас важно, так это победа, а революцию мы откладываем на потом. Разве это не есть последняя воля нашего дорогого Дуррути?»

Манипулирование памятью «народного героя» было настолько очевидно, что Эмилианне Моран была вынуждена заявить, что «отказывалась от высокой чести в её адрес», состоящей в присвоение ей звания «подполковницы»:

«Мы думаем, что не изменяем памяти Дуррути, когда утверждаем, что до последней минуты жизни, как и в его молодые годы, он был бесстрашным анархистом. Это — не поверхностная память, ведь уже не является секретом, что различные политические круги пытаются присвоить себе исключительное право пользования бесспорным авторитетом героя Арагона и Мадрида.

Предприняты попытки превратить его в великого военного деятеля, убеждённого в необходимости железной дисциплины и даже с удовлетворением принимающего милитаризацию, о которой уже

шла речь в ноябре 1936 года. Его последние слова — “мы отрекаемся от всего, но только не от победы” — превратились в лозунг для бойцов, однако каждый понимает их по-своему, в зависимости от политических нужд их организаций или партий.

Я не намереваюсь вступать в полемику, потому что настоящее время — не для споров, но ввиду противоречий и неясных толкований мне хотелось бы выразить своё мнение. Когда Дуррути говорил о победе, он имел в виду, без сомнения, триумф народных милиций, побеждающих фашистские орды, так как отвергал идею военной победы буржуазной Республики, которая не привела бы к какому-либо преобразованию общества.

Я неоднократно слышала от него:

“Нам не стоит надевать солдатскую форму, если это послужит для прихода к власти республиканцев 1931 года. Мы принимаем уступки, но никогда не забываем о необходимости одновременно вести военные действия и совершать революцию”.

Дуррути никогда не забывал о своём прошлом, о драме преследований НКТ и ФАИ — это оставило в его памяти кровавые следы. Он не доверял республиканским политикам и отказывался называть антифашистами таких деятелей, как Асанья. Одним словом, он был уверен, что испанская буржуазия, примкнувшая к рядам республиканцев, не упустит случая воспрепятствовать без каких-либо колебаний, даже в разгар войны, революционным завоеваниям пролетариата. К сожалению, сами факты подтверждают это...

Дуррути испытывал ужас и отвращение к бюрократии, и в его знаменитой речи в Барселоне перед выходом на линию фронта Мадрида он горячо предупреждает об опасности коррупции, уже начавшей проявляться в тылу; он пытался разоблачить бюрократический паразитизм. К несчастью, Дуррути не прожил долгое время... и бюрократизм конформистов окреп с открытым бесстыдством...

Однако мысль, душа Дуррути — разрешите мне использовать это слово — всё ещё живут в сердцах испанского пролетариата, который, несмотря на все муки, не забывает этот призыв. И именно поэтому мы верим в революционную мощь пролетариата Иберии; он сможет в определённый момент освободить себя от “лидеров”

и “правителей”. Пусть беспорядок в рядах Народного фронта Франции заставит задуматься наших испанских братьев: пусть они не надеются на помощь “великих демократий” Европы. Огромный поток сочувствия по отношению к борцам за свободу не выходит за рамки пассивного и слезливого сентиментализма.

Дуррути имел в виду нашу победу; мы не можем прийти к ней без помощи пролетариата Франции, без какого-либо покровительства со стороны партий и невзирая на соображения национального характера. Мы не теряем надежды, что в конце концов французский пролетариат придёт к пониманию его настоящего классового долга и освободит себя от “перерыва”, который с некоторых пор навязывают ему “лидеры”»[38].

38 Le Libertaire, статья Эмилианне Моран «Наша Победа», 17 ноября 1938 года.

Глава V.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шло время. Французский и международный пролетариат не вышел за рамки платонических протестов, и испанские революционеры потерпели поражение в своём первом бою. Войска под командованием генерала Франко при мощной поддержке фашистских держав оси установили в стране «белый мир кладбищ», описанный католиком Бернаносом[39]. Более двухсот пятидесяти тысяч расстрелянных или погибших, пятьсот тысяч изгнанных во Франции и миллион убитых или пропавших без вести — таков трагический баланс военной авантюры, начатой в Марокко 17 июля 1936 года.

А Испания — та Испания, которую называли «красной», брошенная на произвол судьбы социалистом Леоном Блюмом и большевиком Сталиным, — начала существование под властью фашизма. Трагическая ночь репрессии продлится почти 40 лет.

Политика «невмешательства» с целью предотвращения Второй мировой войны в августе 1939 года потерпела полнейшее поражение — по той причине, что человечество начинало самую ужасную, до сих пор невиданную войну.

Иосиф Сталин, под прикрытием испанской войны, приводил в исполнение свои «чистки», в результате которых также погибли его самые «верные слуги» в Испании. В их процессе был уничтожен Артур Сташевский[40], советник по экономическим вопросам Антонова-Овсеенко: он вёл переговоры с Негрином о доставке испанского золота в Россию. Список тех, которые, быть может, «ясно видели положение в Испании», длинный: Антонов-Овсеенко, Михаил Кольцов, генерал Бенин, посол Марсель Розенберг... «Чистки» настигли, как пишет Артур Лондон, почти всех членов компартий, напрямую связанных с бригадами интернационалистов или испанским вопросом, независимо от страны.

39 Жорж Бернанос. «Огромные кладбища под лунным светом» (Los grandes cementerios bajo la luna). В этом произведении автор описывает жизнь на острове Мальорка во времена франкистского режима.

40 Сташевский, Артур Карлович(1890-1937) - сотрудник советских спецслужб, занимал различные должности в госаппарате, в 1936-37 гг. - в Испании. Расстреляен в 1937 году (прим.ред.).

Репрессии по той или иной причине были проведены с такой жестокостью, что, казалось, Сталиным овладело тёмное желание стереть свой след в Испании. Что касалось применения анафем, то Коммунистическая партия Франции пошла в том же направлении, что и другие члены Коммунистического интернационала. В таком контексте убрали Андре Марти — главного инквизитора бригад интернационалистов — и Шарля Тийона[41], «распорядившегося частью испанского золота, доверенного французской коммунистической партии. Эти деньги послужили для финансирования и закупки оружия для французских партизан, борющихся против немцев», в то время как испанские партизаны, беспомощные, умирали в горах Испании.

Чем руководствовался Сталин, проводя такие жёсткие репрессии в отношении лиц, связанных с испанским вопросом? Не тем ли, что его посланники перед лицом событий в Испании открыли для себя настоящие корни сталинизма? Что ещё могло быть причиной? Глубокое расследование этой темы сможет серьёзно помочь в деле понимания современного кризиса международного коммунизма. В этом смысле Фернандо Клаудин бросил в сталинскую «заводь» первый камень...[42] Коммунистическая партия Испании также не избежала «охоты за еретиками». Те, кто более всех послужил Сталину, в деле измены испанской революции и военному поражению Республики, как, например, Хосе Диас и Хесус Эрнандес, также оказались жертвами «произвола» — таким эвфемизмом определяет Илья Эренбург деспотизм Сталина. Диаса выбросили из окна пятого этажа в одном из городов далёкой русской провинции[43], а Эрнандесу удалось спасти свою шкуру, сбежав в Мексику.

Тяжба в Испании пока не окончена. Нападки Энрике Листера на «оппортуниста» Сантьяго Карильо ещё более подчёркивают

41 Андре Марти(1886-1956) и Шарль Тийон (1897-1993) - члены Французской Коммунистической Партии, критиковали вмешательство Сталина в дела ФКП и были исключены из нее (прим.ред.).

42 Фернандо Клаудин. Указ. соч.

43 Хосе Диас Рамос (1895-1942) - в прошлом член НКТ, в 1926 году - вступил в КПИ, с 1938 года жил в СССР, работал в секретариате Коминтерна. Согласно официальной версии - находясь в эвакуации в Тбилиси в 1942 выбросился из окна (прим.ред.).

важность досье коммунистов. Об этом говорится в книге «Я был министром Сталина» (Yo fui ministro de Stalin)[44]. Невозможно «начать жизнь с чистого листа» — с него слишком много стёрто...

26 января 1939 года Главный штаб Франсиско Франко отдал приказ главнокомандующему операцией о взятии каталонской столицы: «Уничтожить все следы, по которым можно было бы опознать места захоронения красных командиров на кладбище Монтжуик, и предотвратить превращения этих точек в места собрания населения». Военачальники передали приказ генерала Франко гражданским властям. Губернатор послал администрации упомянутого кладбища такое распоряжение: «Необходимо стереть с могил анархистских лидеров и руководителей каталонского автономного движения, особенно с могилы Буэнавентуры Дуррути, захороненного на этом кладбище, любой знак, который мог бы привлечь внимание граждан».

Агенты, специально назначенные для надзора, должны воспрепятствовать посещению этих могил кем бы то ни было и задержать как подозрительных лиц, пытающихся посетить эти места захоронения. Вы несёте прямую ответственность за исполнение этого приказа»[45].

На гражданском кладбище, более известном под именем «Каса Антунес», под охраной высокого кипариса находятся три могилы: первая, рядом с деревом — расстрелянного 13 октября 1909 года Франсиско Феррера-и-Гуардиа, педагога, проповедовавшего антиавторитарные идеи. За ней следует могила Дуррути, а в третьей захоронен Франсиско Аскасо Абадиа; он родился в 1901 году в Альмудéваре (Уэска) и погиб у казармы Атарасанас 20 июля 1936 года.

На этих трёх могилах, покрытых надгробной плитой, благодаря Вождю, нет никакой надписи. Сам того не желая, генерал Франко воздал самые высокие почести этим активистам, так как он не только

44 Хесус Эрнандес. Указ. соч.

45 Вплоть до 1966 года этот документ находился в архиве администрации кладбища Каса Антунес (Монтжуик), но затем он исчез. В регистрационной книге не хватает страницы — она была вырвана по приказу высших инстанций. Могила Дуррути находится на так называемом протестантском кладбище, ранее — гражданском кладбище, в Дивисион Сан Карлос.

освободил их от лидерства, но и, благодаря отсутствию надписей, эти захоронения намного легче узнать ввиду их анонимности.

Мы подошли к финалу нашей книги. Полемика вокруг гибели Дуррути продолжится, потому что уже представляет из себя загадку истории. К несчастью, люди наиболее привязаны к загадкам в силу их таинственности, чем к результатам глубоких размышлений о происходящих событиях. Это не важно! Для нас важна не загадка, а сама жизнь Дуррути — насыщенная жизнь настоящего человека действия. Разве не именно это имел в виду поэт Леон Фелипе, когда писал: «Благородство жизни Дуррути вдохновит рождение целого легиона Дуррути».

Париж, апрель 1972.
Проверено в Париже, февраль 1977.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ГОЛОВОЛОМКА ПОИСКА ТЕЛА ДУРРУТИ

Антонио де Сенильоса, будучи депутатом Демократической коалиции, представил в Парламенте законопроект, предусматривающий возврат Женералитат Каталонии документов, похищенных в период гражданской войны и в то время находившихся в архиве Сан-Амбросио-де-Саламанка. Это предложение, наверное, нашло поддержку со стороны министра культуры, которому приписывают следующие слова: «Я готов пообещать, что эта часть истории Каталонии как можно быстрее вернётся на родину». Сегодня, пятнадцать лет спустя, Каталония вернула эти документы, позволяющие восстановить подлинные события. Но история жизни и гибели Дуррути и Франсиско Аскасо заключена не в этих архивах, а в бесчисленном количестве мест в Испании и особенно в Барселоне — на Юго-восточном кладбище столицы.

Стереть следы истории

Я начну с того, что расставлю всё по своим местам. Расспрошу городских советников и, в частности, мэра Паскуаля Марагаля из Городского совета Барселоны, что нужно сделать, чтобы найти местонахождение останков Буэнавентуры Дуррути и Франсиско Аскасо, временно захороненных 22 ноября 1936 года в Малой гробнице номер 69 на Вия-Сан-Хуан-Баутиста, Девятый сектор; и 21 июля 1936 года — в съёмной нише номер 3.344, 4-й этаж в Син-Вия. Также мы спросили, почему недостаёт тысячи ниш в Вия-Сан-Олегарио, 5 подразделение. Нумерация идёт с номера 1 до 4.999, и от него переходит к 6.000. Случилось так, что, согласно регистрации администрации кладбища, Доминго Аскасо Абадиа, погибший в мае 1937 года, был захоронен в нише 5.817.

О чём это говорит? Что в результате какой-то сделки эти ниши испарились? Или же их уничтожили, применяя технику губки в отношении к историческим фактам?

История нужна для того, чтобы восстановить историю: рассмотрим факты, на которых основаны эти вопросы.

Когда 22 ноября 1936 года были захоронены останки Дуррути, то их, как мы уже писали, поместили в Малой гробнице номер 69. Эта гробница пустовала с 1905 года и в тот день была возвращена Муниципалитету Барселоны, таким образом, она — его собственность. Так как Милиции Каталонии стали пожизненными владельцами, выходит, что Муниципалитет передал гробницу им.

Логично, что в те дни НКТ и ФАИ — представители рабочего класса Барселоны — перезахоронили тела Дуррути и Аскасо в Мавзолее, сооружённом в честь их памяти. В ноябре 1937 года, был открыт мавзолей и к двум вышеупомянутым похороненным символически присоединился Франсиско-Феррер-и-Гуардиа, расстрелянный во рвах мавзолея 13 октября 1909 года. Solidaridad Obrera Барселоны в номере от 23 ноября 1937 года повествует о манифестации в честь памяти Дуррути вокруг его могилы. На фотографии не видна Малая гробница номер 69, а только Мавзолей. И та же самая газета от 22 ноября 1938 года также рассказывает о втором акте в честь памяти активистов. Журнал Solidaridad Obrera в номере за третью декаду ноября 1938 года посвящает две страницы этому событию и воспроизводит ряд фотографий, на которых можно увидеть Гарсию Оливера и Рикардо Санса. Последний в те дни — подполковник и командир 26-й дивизии (ранее — колонны «Дуррути») обращается к собравшимся вокруг построенного Мавзолея, спиной к морю на площадке гражданского кладбища (в те годы — Игуальдад, сегодня это место носит имя участок «Протестанте-Виа-Сан Карлос»).

Неразбериха с мавзолеями

На одной из фотографий — как это видно на репродукции документа, —можно различить венок, перевязанный лентой с надписью «От 26-й дивизии — Дуррути, 20-11-1938». Он возложен на стену треугольной формы, наверняка сделанную из того же материала, что и могилы, как они выглядят сейчас, и на которой, конечно, была сделана надпись в честь троих, там захороненных. На сегодняшний день, как можно заметить, упомянутого треугольника больше нет, и три могилы представляются как анонимные. Становится ясным, что треугольник был разрушен по приказу гражданских или военных

властей, стоило частям противника 26 января 1939 года занять Барселону.

В 1966 году нам стало известно: после расследования вопроса о местонахождении могилы Дуррути в администрации кладбища можно было прочесть документ, в котором содержался приказ: «необходимо стереть с могил анархистских лидеров и руководителей каталонского автономного движения, особенно с могилы Буэнавентуры Дуррути, захороненного на этом кладбище, любой знак, который мог бы привлечь внимание граждан». Одновременно было указано: «рекомендуется назначить специальных агентов для надзора, которые должны воспрепятствовать посещению этих могил кем бы то ни было и задержать как подозрительных, лиц, пытающихся заполучить сведения о месте захоронения упомянутых руководителей».

Была ли разрушена стена в те дни? Всё указывает, что дело обстояло именно так. Эта информация завершала последнюю главу нашей биографии о Дуррути.

Завершала? Может быть, начиналась новая история.

Несколько месяцев назад, ещё до нашего посещения могилы Дуррути, мы отправились к Юго-восточному кладбищу и запросили у администрации конкретную информацию о месте захоронения Буэнавентуры Дуррути и Франсиско Аскасо. Один из служащих, держа в руках регистрационный том, уже готовился ответить нам, когда в помещение вошёл другой служащий и спросил у нас о цели визита. Мы опять задали тот же вопрос. Из кармана рабочего халата он достал какую-то бумагу, на которой были видны различные машинописные данные. Они касались Франсиско Масиá, Луиса Компаниса, Буэнавентуры Дуррути и Франсиско Аскасо.

Пустые могилы

— Могилы, которые вы ищете, находятся на участке Протестанте-Вия-Сан Карлос. Нужно подняться налево. Это три одинаковых могилы, без какой-либо надписи. — Он добавил: — Но в них не захоронены останки Дуррути, Аскасо и Феррера... Могилы пусты!

«Какая нелепость!» — подумал я:

— Если они пусты, то почему же вы их нам указываете?

— Мы исполняем приказ, — ответил служащий без колебаний.

Я продолжал настаивать:
— Но где же находятся останки захороненных тел?
— Останки Дуррути, — сказал он, — насколько мне известно, после войны забрала его жена...

Мы подумали, что всё это чистый вымысел. Эмилианне Моран, жена Дуррути, вернулась во Францию в 1937 году и с тех пор не посещала Испанию, лишь после кончины Франко.
— И нет никакой другой информации... о Дуррути и Аскасо? — вновь спрашиваем мы.
— Нет ничего, кроме зарегистрированного в книге. — Служащий задумался на мгновение и затем обратился к нам: — Все эти разговоры, которые я с вами сейчас веду, несколько лет назад были невозможны.

В регистрационных книгах кладбища записано следующее: «Франсиско Аскасо, погребённый 21 июля 1936 года в нише номер 3.344, 4 этаж на Син Вия. Владелец не отмечен. 8 марта 1940 года останки были перевезены на Осарио Генераль».

«Буэнавентура Дуррути, захоронен 22 ноября 1936 года в Малой гробнице номер 69 — Вия Сан Хуан Баутиста, девятый участок. Собственник: Милиции Каталонии». Если продолжить чтение регистрационных записей этой Малой гробницы, то мы увидим следующее: «15 июля 1947 года (любопытное совпадение: Дуррути родился 14 июля 1896 года) эту гробницу приобрела донья Клара Висенте Боада; на эту дату не зарегистрировано никакого погребения. В регистрационных книгах нет сведений о местонахождении останков Буэнавентуры Дуррути».

Кроме того, мы хотим указать на ещё одно странное совпадение: рядом с Малой гробницей расположена ниша под номером 14, принадлежащая «Семье Алонсо Куэвильяс Карканьо». Карканьо — выдуманная фамилия, под которой Дуррути в 1925 году выехал из Чили в Буэнос-Айрес, спасаясь от преследований чилийской полиции…

Где же они?

Останки Дуррути — человека с именем, продолжающего быть легендой даже после его смерти, — исчезли: их нет в так называемых официальных гробницах кладбища, и не было их в Малой гробнице

15 июля 1947 года, когда там была погребена донья Клара Висенте Боада. Где же прах Дуррути? Муниципалитет Барселоны располагает полномочиями для того, чтобы начать расследование на тему «тайны захоронений Мавзолея». Туда входит, естественно, братская могила, где лежат люди без имени, жертвы репрессий... Это тоже история.

Если, как указано в регистрационной книге, Дуррути был похоронен 22 ноября 1936 года, и затем в той же самой книге нет никаких отметок о перемещении останков, как указано в случае с Франсиско Аскасо, это означает, что его останки должны находиться в Малой гробнице номер 69. Почему же, если это так, было выдано разрешение на погребение доньи Клары Висенте Боады? Одно из двух: или же было известно, что могила пустовала, или же тело было изъято в тот самый момент, — но тогда где оно? Если гробница оказалось пустой, то это ясно указывало: гроб был перевезён вместе с гробом Аскасо в ноябре 1937 года в мавзолей. Почему же останки Дуррути не захоронены в мавзолее, как утверждает служащий кладбища?

Любители «таинственности» на тему «тайн» гибели Дуррути могут добавить ещё одну, на эту же тему. Её заголовок, в стиле чёрного романа, может быть такой: «Непогребённый труп».

Пояснение от издательства «Самоопределение»

Библиографические ссылки в данном издании переведены на русский язык и помещены в виде сносок в том виде, в котором они приводятся в оригинальном тексте.

В оргинальном издании настоящей книги на испанском языке также дополнительно содержится библиографический список источников и литературы. Читатель может ознакомиться с указаннымс списком здесь, начиная со страницы 737 : https://anarkobiblioteka2.files.wordpress.com/2016/08/durruti_en_la_revolucic3b3n_espac3b1ola_-_abel_paz.pdf

ИЛЛЮСТРАЦИИ К 3 и 4 ЧАСТИ

Похороны Дуррути

Могила Дуррути

Похороны Дуррути

Могила Дуррути

Могила Дуррути

Федерика Монтсени выступает

Похороны Дуррути

Испанцы на похоронах Дуррути

Жители Испании на похоронах Дуррути

Многотысячная колонна на похоронах Дуррути

Жители Испании на похоронах Дуррути

Жители Испании на похоронах Дуррути

Многотысячная толпа около офиса НКТ после смерти Дуррути

Портрет Дуррути

Испанцы на похоронах Дуррути

Колонна на похоронах Дуррути

Многотысячная толпа около «Дома НКТ», похороны Дуррути

Абель, Пас. Дуррути в Испанской революции. Том 2: Часть 3, Часть 4. Перевод - Е.Макаревич. М.,СПб.:Самоопределение, 2021 — 368 стр.